
Уральская библиотека
фантастика
приключения
путешествия
Л. Давыдов
Я вернусь через 1000 лет

Дорогая Вера! (

Эта книга очень интерес-

ная. Я знаю, что ты любишь

приключения и фантастику, вот

Я подарила её тебе.

Твоя подруга Вех.

Я ШАГАЮ ПО ЭТОЙ ИЗУМИТЕЛЬНО КРАСИВОЙ ЗЕМЛЕ ГИГАНТСКИМИ ШАГАМИ. С ПОЛЯНЫ НА ПОЛЯНУ. С ОДНОГО БЕРЕГА РЕКИ — НА ДРУГОЙ. Я ШАГАЮ ПО ЗЕЛЕНЫМ ЛЕСАМ И СИНЕ-СТАЛЬНЫМ ОЗЕРАМ, ПЕРЕСЕКАЮ ДЛИННЫЙ, ИЗВИЛИСТЫЙ, КАК НОРВЕЖСКИЕ ФИОРДЫ, ЗАЛИВ И ИДУ НАД ГОЛУБЫМ МОРЕМ.

ВПЕРЕДИ — ОГНЕННАЯ ПОЛОСА ЗАКАТА. И НАД НЕЙ, КАК МРАЧНЫЕ ГОРЫ, — ТЕМНЫЕ, ЛИЛОВЫЕ ТУЧИ.

ЭТО НЕ ЮЖНОЕ МОРЕ. ЭТО СЕВЕРНОЕ МОРЕ. ХОЛОДНОЕ МОРЕ. ПОТОМУ И ЗАКАТ ТУТ В ПОЛНЕБА.

Я ИДУ НАД МОРЕМ НА ЗАКАТ. И ПОДНИМАЮСЬ ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ.

ВОТ УЖЕ И ТУЧИ ПОДО МНОЮ. И Я ЛЕГКО ПЕРЕШАГИВАЮ С ОДНОЙ НА ДРУГУЮ.

ОНИ СВЕРХУ ВОВСЕ НЕ ТЕМНЫЕ, ЭТИ ТУЧИ. ОНИ СВЕТЛЫЕ, СЕРЕБРИСТЫЕ.

НЕ ЗРЯ АНГЛИЧАНЕ В СТАРИНУ ГОВОРИЛИ: «У КАЖДОЙ ТУЧКИ — СЕРЕБРЯНАЯ ИЗНАНКА».

Я ШАГАЮ ПО ТУЧАМ, И НАДО МНОЮ ПЛЫВУТ ЛЕГКИЕ, СОВСЕМ УЖЕ БЕЛЫЕ ОБЛАКА, ДО КОТОРЫХ НЕ ДОТЯНУТЬСЯ — СЛИШКОМ ВЫСОКО ОНИ.

Я УХОЖУ ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ ОТ ТОЙ, ПЕРВОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ, В КОТОРОЙ БЫЛО МНОГО РАДОСТИ И МНОГО ГОРЯ.

Я МОЛОД. У МЕНЯ КРЕПКИЕ РУКИ, И СИЛЬНЫЕ НОГИ, И МУСКУЛЫ — КАК КАМНИ.

ПО СУЩЕСТВУ, Я ЕЩЕ МАЛЬЧИШКА, НО У МЕНЯ СЕДЫЕ ВОЛОСЫ, И Я ВИДЕЛ СТОЛЬКО, ЧТО ЭТОГО ХВАТИЛО БЫ, НАВЕРНОЕ, НА ТРИ ПОЛНЫЕ ЖИЗНИ.

Я ВИДЕЛ СВОЮ ПРЕКРАСНУЮ РОДИНУ, НЕВООБРАЗИМО ДАЛЕКУЮ, СОВЕРШЕННО НЕДОСТИЖИМУЮ ТЕПЕРЬ. В НАШ ВЕК НЕ ВСЕМ ВЫПАДАЕТ ТАКОЕ ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ. УЖЕ МНОГИЕ ТЫСЯЧИ, СОТНИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ РОЖДАЮТСЯ, ЖИВУТ И УМИРАЮТ, ТАК И НЕ ПОБЫВАВ НА СВОЕЙ РОДИНЕ. А Я, КАК СЕЙЧАС, ВИЖУ УЛИЦЫ СВОЕГО ГРОМАДНОГО РОДНОГО ГОРОДА, И СВОЮ ШКО-

ЛУ НА ОКРАИНЕ, И ПОРОСШИЕ ЛЕСОМ УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ ЗА НЕЙ.

ТУДА ДЛЯ НАС НЕТ ВОЗВРАТА. НИКТО ЕЩЕ НЕ ВОЗВРАЩАЛСЯ ОТСЮДА ТУДА.

Я ВИДЕЛ БЕСКОНЕЧНОСТЬ. НАСТОЯЩУЮ БЕСКОНЕЧНОСТЬ, А НЕ ТЕСНЫЙ, ОБЖИТОЙ МИРОК СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ. НЕ ВСЕМ ДАНО ВИДЕТЬ ЭТО. ДАЖЕ В НАШЕ КОСМИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

И Я УЗНАЛ ДРУГУЮ ЖИЗНЬ, ПОЛНУЮ ОПАСНОСТЕЙ И ГОРЯ, НЕВЕДОМЫХ УЖЕ НА МОЕЙ РОДИНЕ.

МЫ САМИ ВЫБРАЛИ СЕБЕ ТАКУЮ ЖИЗНЬ. НАМ НЕ НА ЧТО ЖАЛОВАТЬСЯ.

А ТЕПЕРЬ Я УХОЖУ И ИЗ ЭТОЙ ЖИЗНИ. И СКОРО ОНА ЕЩЕ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ ЛЕГКОЙ И ПРЕКРАСНОЙ. ПОТОМУ ЧТО ВПЕРЕДИ — ХУДШЕЕ.

Я НЕ ХОТЕЛ БЫ УХОДИТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ. НО ТАК УЖ СЛОЖИЛОСЬ...

ВНАЧАЛЕ МЫ УХОДИЛИ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ ВСЕ, ВМЕСТЕ.

А ТЕПЕРЬ УХОДИМ ПО ОДНОМУ. ЭТО ТРУДНЕЕ.

ВОТ И МОЙ ЧЕРЕД...

Я ШАГАЮ И ШАГАЮ ПО ТУЧАМ НА ЗАКАТ. КАК ДУХ. КАК «БОГ».

НО Я НЕ ДУХ. У МЕНЯ КРЕПКОЕ ЗЕМНОЕ ТЕЛО. И ВСЕ ЗЕМНОЕ НУЖНО ЕМУ. И ДОЛГО ЕЩЕ БУДЕТ НУЖНО.

И ПОКА Я НЕ «БОГ». МНЕ ЕЩЕ ТОЛЬКО ПРЕДСТОИТ СТАТЬ «БОГОМ»...

КОГДА УХОДИШЬ В ДРУГУЮ ЖИЗНЬ, НАДО БЫ ЗАБЫТЬ ВСЕ ПРЕЖНЕЕ. ГОВОРЯТ, ТАК ЛЕГЧЕ.

НО ПОКА Я НЕ МОГУ ЕГО ЗАБЫТЬ. И, МОЖЕТ, НИКОГДА НЕ СМОГУ.

МНЕ ЕЩЕ ДОЛГО ИДТИ ПО ТУЧАМ. Я БУДУ ПЕРЕШАГИВАТЬ ЧЕРЕЗ ОСТРОВА И ЗАЛИВЫ, ЧЕРЕЗ ЛЕСА И ПЛОСКОГОРЬЯ НЕЗНАКОМОГО МАТЕРИКА.

ПОКА ЧТО ОН ЕЩЕ ДАЛЕКО ВПЕРЕДИ, ЭТОТ МАТЕРИК,— ГРОМАДНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ.

НА НЕМ СОТНИ ДИКИХ ПЛЕМЕН. А МОЖЕТ — ТЫСЯЧИ?

И КОТОРОЕ ИЗ НИХ — М О Е?

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ О НИХ, КРОМЕ ТОГО, ЧТО ОНИ — ЕСТЬ!

ТАМ, НА ЭТОМ МАТЕРИКЕ, Я СТАНУ «БОГОМ».

НИКОГДА ЕЩЕ НЕ БЫЛ «БОГОМ». И КАКОЙ ИЗ МЕНЯ «БОГ» ПОЛУЧИТСЯ?

ВЕДЬ В ШКОЛЕ НАС ЭТОМУ НЕ УЧИЛИ...

МНЕ ЕЩЕ ОЧЕНЬ ДОЛГО ШАГАТЬ ПО ТУЧАМ. НАВЕРНО, УСПЕЮ ВСПОМНИТЬ ВСЮ СВОЮ ПЕРВУЮ ЖИЗНЬ — С ТОГО САМОГО ДНЯ, КОГДА ЭТА ЗЛОВЕЩЕ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНЕТА ПОТРЕБОВАЛА ОТ МЕНЯ ПЕРВОЙ ЖЕРТВЫ. ВСЮ ЖИЗНЬ, КАК В ДРЕВНЕМ КИНО, — ЛЕНТА ЗА ЛЕНТОЙ, КАДР ЗА КАДРОМ...

Лента первая. РОДИНА

1. Таня

До чего обманчивы девичьи «люблю!». И даже «очень люблю!». И даже «совершенно не могу без тебя!».

До чего легко они сменяются таким же горячим «не люблю!», «оказывается, не люблю!», «люблю, но не тебя...». До чего легко!

Я был уверен, что на такое способен кто угодно — только не Таня! Больше, чем себе, верил ей!

Конечно, мы ссорились иногда, но ведь все ссорятся. И даже при ссорах я ни разу не обижал ее. Это немыслимо — обидеть Таню. Она для меня святая. И отлично знает это.

Почему же письмо? За что?

Может, я действительно неудачник и прав Женька Верхов?

Я назвал его тогда, зимой, подлецом. Негромко. Никто больше не слыхал. Мы вдвоем говорили.

А он отшатнулся, и побледнел, и глянул на меня своими темными глазами бездонно и ненавидяще, и напророчил:

— Ты просто неудачник, Сандро! Тебя всегда будут преследовать неудачи! И ты это понимаешь и потому завидуешь!

А я не завидовал — презирал его. Он выдал за свое изобретение то, что удалось найти мне,— эти самые коэмы, коробочки эмоциональной памяти, которые сделали его знаменитым.

Он, правда, не смог довести их до конца.

А я был близок к концу. Но все бросил. Противно стало.

Таня тогда спорила со мной. Вовсю.

Мы бродили по хрустящему снегу парковых аллей, и она допытывалась:

— Почему ты молчишь? Почему громко не скажешь правду? Кончился бы этот кошмар!

— Не вижу кошмара.

— Но ведь тебя обокрали!

— Идея — не собственность. Кстати, это и не моя идея. Ты же сама подкинула мне книжку того фантаста. Двухсотлетней давности. Это его идея.

— Но ведь Женька знал, что ты работаешь... Он поступил нечестно, подло! И я, как дура, все ему разболтала!

— Это дело его совести. И, пожалуйста, не называй себя дурой.

— Шур! А если я скажу всем то, что не хочешь говорить ты?

— Это будет уже совсем смешно!

— Обидно, Шур!

Она упорно зовет меня «Шуром». Только одна она. Ребята зовут меня Сандро. Учителя — Сашей. Дома меня зовут Аликом. Но все это Тане не нравится. «Ты для меня не такой, как все,— сказала она еще в седьмом классе. — И звать я тебя буду не как все».

— Конечно, обидно, Танюш! — согласился я. — Но это не проблема жизни. Сделаю что-нибудь другое.

— Да ты просто доведи до конца коэмы! Ему ведь не под силу сделать обратную связь — от коробочки в мозг. А ты сделаешь — и все станет ясно.

— Вот этого не буду! Скажут, что я продолжил дело Верхова. Развил его открытие. Не хочу быть продолжателем дела Верхова.

— Для кого эти коробочки, Шур? Для него? Или, может, для одного тебя?

— Не надо демагогии, Танюш! Я все понимаю. Если это станет необходимо человечеству — оно все равно сделает. А я — не буду!

— Ты не решай сейчас! Потом решишь! Я заметила, ты с годами умнеешь.

Я расхохотался, и сгреб Танюшку в охапку, и закружил по аллее.

Сквозь голые, темные ветки деревьев на нас сыпалась твердая, холодная снежная крупка. Через несколько минут и она завертелась, закрутилась, начала бить по лицам.

— Опять метель! — сказала Таня. — Скорей бы весна!

А я почему-то вспомнил о далекой планете Рита, которую открыли астронавты «Урала». Там нет ни зимы,

ни весны, ни осени. Всегда ровный климат — из года в год, из века в век. Скучно это, наверно! На земле всегда чего-то ждешь. Зимой — тепла. Летом — прохлады. Осенью — снега. Без ожидания — какая жизнь? А чего ждать на Рите?

Таня вдруг остановилась, обняла меня за шею и прошептала в ухо, прижимаясь горячей щекой к моей щеке:

— Я очень верю в тебя, Шур! Ты очень нужен мне! Я не могу без тебя! Люблю тебя очень-преочень!

...А теперь вот я читаю неумолимо короткое Танино письмо и внешне все еще не верю ему. Оно кажется невероятным, неправдоподобным! Но где-то далеко, в глубине души, я ему уже поверил. И именно там, в этой непонятной глубине, нарастает душная, темная тяжесть, и все поднимается и поднимается, и вот уже весь я будто свинцовый и полузадушенный ею.

«Дорогой Шур! Я, наверно, никогда не решилась бы тебе сказать это, а сказать все равно надо. И вот приходится писать. Как в старинных романах.

В самые последние дни я вдруг поняла, что мы не сможем быть вместе. Ты в этом не виноват, не мучайся. Виновата я.

Это получилось неожиданно, как стихия. Но, в общем, оказывается, я люблю не тебя, а Олега.

Подробности здесь ни к чему. Они ничего не меняют. И тебе не станет легче, если узнаешь их.

То, что случилось,— очень сильно, очень серьезно. И, значит, нам не нужно об этом говорить. Я уже вся принадлежу ему. Понимаешь — вся!

Знаю, тебе очень плохо сейчас. Но ничего не могу изменить. Ты пройдешь через это и еще будешь счастлив...»

Я читаю письмо снова и снова. И невольно ищу в нем хоть какой-то, хоть самый маленький проблеск надежды, хоть какую-то мягкость.

Нельзя же вот так, сразу!

Но проблеска нет. И мягкости нет. Письмо безжалостно.

И, значит, Танина любовь — уже только прошлое. То прошлое, которое всегда будет мучить меня. Тем, что оно прекрасно и невозвратимо.

И самое ужасное — неожиданность. Еще вчера вечером Таня была нежна, ласкова...

Правда, в последние дни она казалась мне странной, ушедшей в себя. Я видел, что она все время напряженно о чем-то думает, что-то решает. Впрочем, это я уже сейчас понимаю, что она решала...

Олега Венгрова я не видел давно, с осени. Мы учимся в разных школах и редко встречаемся. Где-то в октябре мне вдруг стало очень тоскливо вечером, и я пошел встретить Таню. Она занималась в литературной лаборатории. Обсуждали они там чьи-то стихи и страшно кричали. Я очень тихо вошел в маленькую полукруглую аудиторию и сел у самых дверей, и долго никто меня не замечал. Потом заметил Олег и толкнул локтем Таню. Она подбежала, возбужденная, раскрасневшаяся, и очень громко спросила:

— Что случилось?

И вроде даже рассердилась, когда я сказал, что ничего. Вернувшись на свое место, рядом с Олегом, Таня еще долго обсуждала те стихи.

А мне было очень тоскливо. Наверно, потому, что Олег сидел рядом с Таней. Они, кажется, все время сидели в этой лаборатории рядом. Олег очень давно влюблен в Таню — она сама говорила.

Когда вышли на улицу, Олег спросил:

— Ну, как тебе у нас? Понравилось?

— Кричите много,— ответил я.— У нас в киберлаборатории тихо.

Он быстро простился и ушел от нас — чтобы не мешать. Он все отлично понимал, черноволосый, усатый Олег, стройный, как киберманекен. Он неглупый парень и не надоедал Тане своими чувствами.

Впрочем, не один Олег был влюблен в Таню. Не один он посвящал ей свои стихи. Мне уже давно пришлось смириться с этим. Потому что, когда рядом с тобой красивая и умная девушка, в нее обязательно влюбится кто-то еще.

И нужно научиться терпеть это, если вообще хочешь быть с такой девушкой.

И я терпел. Даже старался казаться равнодушным. И вроде это удавалось. Таню всегда удивляло мое равнодушие к ее поклонникам.

А теперь, если мы вдруг окажемся где-нибудь втроем — Таня, я и Олег, прощаться и уходить надо мне.

Впрочем, нет! Мы нигде не окажемся втроем! Таня счастлива. Такое безжалостное письмо может написать только очень счастливый человек.

А мне нужно привыкать к тому, что я один, что нельзя взять любимую за руку, обнять ее, вызвать в любое время по радиофону. Раньше я мог вызвать Таню хоть ночью. Она сердилась, когда я будил ее, но прощала. И сама будила меня, если что-то ее мучило.

Сколько раз мы так мирились — ночью, по радиофону!.. Не могли уснуть, не помирившись.

Хорошо хоть, что она написала все это в последний день и отдала мне письмо после последней проверочной беседы, когда остались уже какие-то часы до последнего собрания...

Сегодня вечером нам объявят не только результаты проверочных бесед. Скажут еще, кого отобрали в подготовительный лагерь «Малахит», кто имеет шансы улететь на эту далекую Риту.

В добровольцы мы с Таней записались еще в начале мая. Тогда две трети класса записались и, конечно, Женька Верхов с Ленкой Буковой. В последний год Женька всерьез занимался спортом и стал мускулистым и сильным, хотя он по-прежнему высокий, полный, а таких не часто берут в астронавты. Лишний вес, лишняя еда и кислород — все это кое-что значит для космических кораблей, где каждый килограмм под контролем.

Я никак не мог понять, почему записался Женька. Никакие блага нас на Рите не ждут. Там надо будет много работать и трудно, по старинке. Потому что ребята, которые прилетят на двух кораблях до нас, немногое успеют. Всего шесть лет отделяют один корабль от другого.

Женька, конечно, понимает это. Но если он искренне хочет лететь, может, он не так уж безнадежно плох, как я привык думать о нем?

Впрочем, никак не могу забыть древнейшую истину: единожды солгавши — кто поверит?

А что, если в «Малахит» возьмут нас с Таней? И еще два года мы будем там учиться рядом... Вдруг нас возьмут, а Олега — нет? Что тогда?

Наверно, ничего тогда... После такого-то письма!

...Я уже знаю, что ничего не удастся сделать в этот день. Ни почитать, ни поработать над радиофонами, к которым я вернулся зимой, когда забросил коробочки эмоциональной памяти. Я уже знаю, что весь день буду думать о Тане, и завтра тоже, и послезавтра, и вообще до тех пор, пока не смогу улететь куда-нибудь далеко.

Хорошо бы нажать в себе какую-то кнопочку и приказать — не думать о Тане.

Но нет такой кнопочки.

Может, у людей будущего появится что-нибудь в этом роде? Может, время им будет настолько дорого, что они изобретут способ не убивать его на явно бесполезные переживания?

Я беру во дворе школы свободный биолет, задвигаю дверцу, подключаю клеммы к вискам и молча приказываю киберу: «К Звездному озеру. По шоссе. К пляжу».

Кибермозг биолета записывает сигнал моих биотоков, и вспыхнувшая зеленая лампочка говорит, что можно отключить клеммы.

Теперь — хоть спи. Биолет привезет, куда надо. Его кибер знает все дороги в радиусе пятидесяти километров от центра города. Он выберет кратчайшую, и установит допустимую скорость, и избежит столкновения с другими машинами. И, если уж только понадобится ехать дальше пятидесятого километра, тогда нужно подключать клеммы и давать команды.

А Звездное озеро близко — на тридцать восьмом километре.

Мой биолет медленно, лениво выкатывается на пухлых шинах со школьного двора, сворачивает за угол и ныряет в полутоннель ближайшей улицы. Здесь, под широкими балконами движущихся тротуаров, под ажурными мостиками, перекинутыми над проезжей частью с одного тротуара на другой, биолет прибавляет скорость, и шины его приподнимаются и становятся высокими и узкими.

Машина все еще идет вдоль глухих стен подвальных этажей, мимо площадок, по которым можно съехать к стоянкам возле лифтов различных зданий.

Но вот кибер выруливает машину на середину трассы, затем к другому ее краю — и я уже слышу, как свистит

ветер позади, и чувствую, что колеса биолета оторвались от гладкого пластобетона и исчезли в «брюхе» машины. Теперь она пойдет на воздушной подушке до самого поворота к Звездному озеру.

Когда-то там не было озера. Была зеленая долина между тремя горами. И ручеек в долине. Я видел этот ручеек в стереофильме, на уроке краеведения. А потом геологи нашли в глубине, под этим ручейком, большую реку. Горячую реку.

Ее вскоре отвели к городу. Городам всегда не хватает горячей воды. А в долине поставили плотину, и образовалось озеро. Оно не замерзает даже зимой, в крутые уральские морозы. И зимой здесь купаются.

А летом это озеро приходится охлаждать. Потому что иначе купаться в нем летом нельзя.

Сегодня я буду плавать в Звездном озере. До полной усталости, до изнеможения. Буду плавать до тех пор, пока не придет время ехать на вечернее собрание в школу, на последнее собрание нашего выпускного класса.

2. Лина

На пляже, конечно, полно народу. Жарко. Июнь на исходе. Один за другим подходят биолеты, и из них выбираются парни, девушки, какие-то галдящие мальчишки. Народ постарше, посолиднее — здесь с утра. Солидные люди в пекло не едут. Сейчас уже приезжают только такие, как я,— случайно завернувшие. И, конечно, у них, как и у меня, нет с собой плавок, и приходится идти к раздаточным автоматам, и, по всегдашнему моему везению, у автоматов оказывается немало парней.

Я растерянно останавливаюсь, ищу глазами конец очереди и вдруг слышу свое имя:

— Сандро! Тарасов! Тебе взять?

Я даже не сразу понимаю, чей это голос. Знакомый голос. Но чей?

Потом вижу возле самого автомата чернобровое лицо

Марата Амирова. Знакомый парень! Из четыреста восьмидесятой школы. Правда, я его уже больше года не видел...

— Возьми, Марат!— кричу я.

— Одну?

— Да.

Через две минуты Марат подходит ко мне с гладенькими зелеными плавками, которые все мы выкинем в переработку, уходя с пляжа. Плавки выпускаются специально для тех, кто забывает свои, привычные и, конечно, более удобные.

— Надоели уже эти тихоходы-автоматы, — ворчит Марат.— Толкайся возле них!.. Вываливали бы прямо на полку!

— Тогда человека надо ставить!— строго замечает сбоку какой-то парень постарше нас.— Ты пойдешь наводить порядок?

— Еще чего!— Марат усмехается.

— То-то! — бросает парень и уходит к воде.

— Ты с ребятами?— спрашивает Марат.

— Один.

— Тогда пошли к нашим. У нас тут целый кагал.

Мы идем к кабинкам, в которых можно переодеться, и я интересуюсь:

— Как у тебя проверочные беседы?

— Вроде нормально,— отвечает Марат.— Сегодня вечером узнаем. А у тебя?

— Вроде тоже.

— На Риту записывался?— спрашивает Марат.

— Да. А ты?

— И я — да. Только ничего не выйдет, старина! Пойдем в институты. Говорят, мест пятнадцать нашему городу, не больше. Где тут попасть? Так что я морально готовлюсь в институт.

— На историка?

— Да. Твердо!

Когда-то Марат занимался в нашей киберлаборатории. Еще в седьмом классе. Тогда у нас была одна лаборатория на три школы. Потом в четыреста восьмидесятой создали свою. Но Марат уже не работал у них — ушел к историкам. Почему-то его увлекли первобытные люди, и он летал с археологами в Мексику и в пус-

тыню Калахари, и раскапывал там какие-то могилы, собирал кости людей и черепки их посуды.

Может, он тогда уже решил лететь на Риту, населенную дикими, первобытными племенами? Потому и ушел к историкам?..

Вообще-то я тоже еще в седьмом классе решил для себя этот вопрос. Решил твердо — надо лететь. Потому-то и изучал целый год материалы об этой планете и делал потом о ней большущий доклад на трех уроках по истории космонавтики.

Но из киберлаборатории я не ушел. Понял, что без электроники не обойтись и там, на Рите. Ни нам, ни ритянам не обойтись без нее. И ритян ведь надо чему-то учить. И ритянам надо дать умные машины.

Да и просто немыслимо это для меня — уйти из киберлаборатории! Тогда и жизнь не в жизнь!..

Зимой нам говорили на уроках истории об успехах Марата Амирова. Кажется, он нашел во время экспедиций какие-то необычные кости и какие-то оригинальные черепки и сделал из этого смелые, необычные выводы. Меня никогда не тянуло к древним костям и черепкам, и потому я пропустил эти смелые выводы мимо ушей. Но я запомнил, что наша учительница истории говорила о Марате с уважением. Даже с почтением. Видимо, ей самой отыскать такие черепки не посчастливилось.

А компания у Марата большая — трое парней, пять девушек. И все незнакомые. То есть лица-то их мне знакомы. Все-таки соседние школы! Десятки раз видел этих ребят и на улицах, и в магазинах. Но имен не знал.

Впрочем, мне и сейчас их не запомнить. Слишком много имен сыплется сразу. Но одно все-таки задерживается — Лина. И потому, что имя — не частое, и потому, что девушка смотрит на меня как-то особенно. Будто давно знает.

Она маленькая и пухленькая, Лина. Как колобок. И ручки пухленькие, и щечки пухленькие, и ямочки на щечках. Но колобок — симпатичный. И красиво улыбается. Просто глаз не отведешь — так улыбается эта девчонка. Какая-то сказочная улыбка! И очень добрая. И очень бойкая.

Она вообще не из робких, эта Лина. Она не отстает

от меня в воде, и, когда мы, наплававшись, ложимся на спину отдыхать, говорит:

— А я давно хотела с тобой познакомиться, Сандро.

— Разве ты меня знала?

— Тебя многие девчонки знают. Даже в нашей школе.

— Я просто потрясен такой известностью! И чем заслужил?

— Но ведь к тебе не подступиться,— продолжает Лина.— Сегодня впервые вижу тебя одного. Если, конечно, не говорить о магазинах...

— Теперь всегда буду один!

Даже не знаю, как это вырвалось. И вроде горько вырвалось.

Она молчит. Видно, думает — всерьез я или нет. Потом ее пальцы ловят в воде мою руку и сжимают. И только после этого Лина произносит:

— Ты не будешь один. Если, конечно, сам не захочешь...

«Вот это да! — думаю я.— Как все, оказывается, просто! Неужели они все такие?»

Невольно вспоминаются слова из сегодняшнего Таниного письма: «Ты пройдешь через это и еще будешь счастлив».

А вот с такой — буду счастлив?

Мы еще долго плаваем рядом, но о главном больше не говорим. Ни слова. А когда выбираемся из воды, невольно держимся так, словно что-то уже решено. Держимся вместе. И, кажется, все замечают это и, удивившись, перестают замечать. Будто так и было всегда. Будто так и надо.

Когда мы уезжаем с озера, Лина все ждет, пока остальные рассядутся по биолетам.

— Уедем последними!— шепчет она.— Ладно?

Я вначале машинально киваю, и только потом доходит до меня, что она просто хочет остаться в машине со мной вдвоем.

Она все рассчитала правильно — мы едем вдвоем. И, когда выбираемся на шоссе и передние биолеты с ребятами, разогнавшись, уносятся по воздуху вперед, Лина трется круглой мягкой щекой о мое плечо и закидывает голову, подставляя свой полуоткрытый, невероятно красивый рот.

Я делаю вид, что не замечаю этого. Гляжу вперед, на дорогу, сквозь смотровое стекло, как будто от моей внимательности что-нибудь зависит. Гляжу вперед и думаю о Тане — где она сейчас, что делает, с кем она?

Лина отодвигается от меня и долго, обиженно молчит.

Мне жалко ее. Мне самому становится больно оттого, что я причинил ей боль.

— Куда ты собираешься после школы?— спрашиваю я.

— В училище промышленной эстетики. — Она отвечает спокойно, ровно, даже холодно. Потом, как бы что-то решив, улыбается и спрашивает: — А ты, конечно, записался на Риту?

— Конечно. А ты разве нет?

— Это не для меня. — Она вздыхает. — Там нужны спортивные девчонки. А с моей-то комплекцией...

— Неужели это важно?

— А ты думал!.. Туда девчонок, как на конкурс красоты, отбирают.

— Вот уж глупо!

— Мало ли глупостей делается на нашей старенькой Земле? Земля без глупостей — это вроде бы даже и не Земля. Но тебе, Сандро, эти «малахитские» красавицы не достанутся! Надеюсь, тебя не возьмут.

— Почему надеешься?

— Не хочу, чтобы тебя взяли! — Она глядит в мои глаза так откровенно, как еще никто и никогда не глядел на меня.— Ты очень давно нужен мне, Сандро! Еще с тех пор, когда ты всюду ходил один. Без... своей Тани...

— Почему же ты тогда молчала?

— Тогда я считала, что девушка не должна... первая... Все мы в детстве так считаем.

— А теперь?

— Теперь мне все равно! Теперь важно, что ты — рядом. Я так долго ждала! Я уже почти смирилась с мыслью, что этого никогда не будет...

«Черт знает что! — думаю я. — И вовсе тут не так все просто. И вовсе она не такая... Что же у нас будет? Может, лучше бы нам и не встречаться? По крайней мере, для нее лучше...»

— Я позвоню тебе вечером,— говорит Лина, когда

биолет останавливается возле ее школы. — Нам есть о чем поговорить, Сандро.

— А ты знаешь мой номер?

— Конечно! Давно! — Она заливисто, звонко хохочет.— А мой — вот! — И вынимает из кармана узенькую, как мизинец, карточку с личным номером. — Когда кончишь свой поминальник для радиофонов — запишешь мой номер первым. Ладно? Могу я просить о такой малости?

— Откуда ты знаешь о поминальнике, Лина?

— Я много чего о тебе знаю! Не думай, что все это так... легко...

«Ну разве можно обижать ее? — спрашиваю я себя, глядя из биолета, как Лина бежит к подъезду школы, будто катится.— Если она даже о «поминальнике» знает...»

Это наш рыжий Юлий Кубов, руководитель киберлаборатории, окрестил «поминальником» устройство для радиофонов, которое я начал собирать еще в седьмом классе, потом забросил из-за коробочек эмоциональной памяти и вот продолжаю собирать нынче.

Очень уж длинные номера сейчас у личных радиофонов! Их трудно запомнить, трудно набрать. Нажимаешь, нажимаешь кнопки с цифрами... Обязательно где-нибудь собьешься... А пользуешься чаще всего пятью номерами. Ну, десятью! Так нельзя ли, чтоб их запомнил сам аппарат? Нажал нужную кнопку — а он уже передает готовый номер... Отпала в нем нужда — стер этот номер из памяти аппарата и записал другой...

Собственно, первое запоминающее устройство я собрал быстро. Но оно получилось чуть больше самого радиофона. И, значит, было бессмысленно — кто же станет таскать с собой две коробочки вместо одной?

Потом я собрал еще восемь таких «поминальников». И каждый последующий был меньше предыдущего. Последний был уже с четверть футляра радиофона. Но и это было много, потому что никто не станет увеличивать футляр. Все и так ворчат, что радиофон велик, тяжел, оттягивает карманы...

— А если уменьшить батарейки? — подкинул мне однажды идею Юрий Кубов. — Неужели тут дошло до предела?

Я занялся было батарейками радиофонов, стал искать что-то другое, полегче, поменьше, поновее, но потом увлекся коробочками эмоциональной памяти, или коэмами, как стали называть их после Женькиного «изобретения»,— и забросил все остальное.

А теперь, кажется, я нашел путь к тому, чтобы уменьшить батарейку. Намного. И собрал еще один «поминальник» на десять номеров — совсем уже крохотный. Пригодилась долгая возня с коэмами. Полтора года я отдал им. И они многому научили меня. Ведь там все миниатюрное. Почти микроскопическое. Может, и удастся теперь загнать этот «поминальник» в стандартный радиофон? Казалось бы, и немного уже работы — чуть-чуть. Но последнее «чуть-чуть» почему-то всегда самое долгое и трудное.

...За Линой захлопывается школьная дверь. Я подключаю клеммы к вискам, и биолет, медленно выбравшись из границ квартала, поворачивает к моей школе.

3. Мы — счастливчики

...На вечернее наше собрание Таня приходит спокойная, медлительная и, как ни в чем не бывало, по-прежнему садится рядом со мной, тихо говорит:

— Ты уж потерпи сегодня, Шур! Не стоит показывать всем, что у нас случилось. Начнут спрашивать, мирить... Зачем?

Я молчу. Тяжело сейчас сидеть рядом с ней. Но уйти не могу. Понимаю, что она права.

И потом этот ее взгляд!.. Она так нежно поглядела! Мне даже показалось, что в ее глазах блеснули слезы.

Может, это жалость? Сильная жалость. Все-таки я не чужой ей.

Но мне не нужно жалости! Мне хочется уйти!

А тогда она будет жалеть меня еще больше. И другие станут жалеть. Потому что поймут.

Нет, нельзя от нее сейчас уходить! Она права.

Результаты проверочных бесед я слушаю не очень-то внимательно.

Мы с Таней всегда учились хорошо, и у нас просто не может быть плохих результатов. А будет у нас баллом выше или баллом ниже — какая разница? В институты нынче принимают не по этим баллам. В институты принимают по самостоятельным работам, которые выполняются в первый месяц учебы. Сделаешь хорошую работу — примут. Не сделаешь — отложат на год.

Когда буду поступать в институт — возьму для самостоятельной работы обратную связь коробочек эмоциональной памяти — от коэмы к мозгу. От записи биотоков с жизненными впечатлениями до их воспроизведения в другом мозгу. То, что не доделал и не мог доделать Женька Верхов. У него записанные биотоки воспроизводятся на экране. У него это — всего лишь холодный стереофильм без съемок. А должно быть — сопереживание. Один записал в коэму то, что с ним случилось, а другой зажал ее в кулаке и чувствует, что с ним происходит то же самое, что с автором записи. Ведь без этого коэмы — всего лишь занятная игрушка.

У меня эта обратная связь в принципе решена. Если целый месяц не заниматься больше ничем — сделаю. И хоть тошно снова браться за коэмы — для вступительной работы сойдет.

А может, удастся к тому времени вогнать «поминальник» в оболочку радиофона? Тоже неплохо для вступительной работы.

И у Тани почти готова вступительная работа. Уже полтора года Таня записывает на диктографе свои мысли о старинных утопиях, о фантастике прошлого и наших дней, об образе человека будущего во всей этой литературе. В столе у Тани целая стопа заметок. Наверняка из них быстро можно сделать вступительную работу.

Это увлечение фантастикой началось у Тани еще в девятом классе, после одной из наших ссор. Мы тогда недели две не встречались по вечерам, у Тани было необычно много свободного времени, и она прочитала книгу астронавта Михаила Тушина о планете Рита и еще десяток старинных фантастических книг, которые упоминал Тушин. Ведь его корабль «Урал» ушел с Земли еще в двадцать первом веке. А вернулся в двадцать третий. И Михаил Тушин, родившийся и выросший в космосе, мог читать только старинную земную фантастику. Ту,

которую давно уже позабыли на Земле. И в которой Таня нашла немало интересного.

После тех двух недель она и начала всерьез изучать фантастику вообще, и увлеклась этим. И уже не раз говорила:

— А если бы мы тогда не поссорились, Шур? Так бы я и не занялась фантастикой?

...По инерции я все еще думаю о том, что и как будет у Тани. Привык чувствовать ответственность за ее судьбу. И вот теперь у меня уже нет права на эту ответственность, а мозг все еще продолжает прежнюю работу.

Нет кнопочки — той самой, которую можно было бы нажать и прекратить все бесполезное.

...Кончают читать итоги проверочных бесед. Сейчас должны объявить, кого отобрали в «Малахит», — и собрание будет закончено.

Я читал, что когда-то любили долгие собрания. Сейчас их не любят. Сейчас просто никто не стал бы на них сидеть.

— ...Из нашей школы только двое поедут в «Малахит»,— говорит директор. — Комиссия отобрала Евгения Верхова и Александра Тарасова.

Вот это да! Я? Неужели я? Ура!!

И Верхова! Почему, собственно, Верхова? За что? Ах, да!.. Он же гений! На Рите, конечно, нужны молодые гении!

Но тогда — за что меня? Я не успел сделать открытий, у меня нет славы. О моей работе с коэмами и радиофонами знает только Юлий Кубов.

Но, может, и этого достаточно? Кубов никогда не любил болтать и ничего никому не обещает. Он все делает молча.

Впрочем, ладно! Сейчас уже не важно — за что. Взяли — и ладно!

А Таню не взяли... Таня остается. Как просто все решилось!

Интересно — а Олег?

— Из пятьсот третьей школы кого-нибудь отобрали? — громко спрашиваю я.

— Никого,— отвечает директор.

Таня глядит на меня громадными, испуганными глазами.

В пятьсот третьей учится Олег. Неужели она боялась, что я громко назову его имя?

— А всего сколько из нашего города?

Это спрашивает Лена Букова. И голос у нее дрожит. Да! Она ведь не едет! Она тоже остается. Как Таня. И что у них теперь будет с Женькой?

Впрочем, может, Женька еще и не улетит? Может, и я останусь? Ведь только четверть тех, кого берут в лагерь, попадет на корабль. Только шестьсот из 2400!

— ...Всего из нашего города взяли четырнадцать человек,— отвечает директор Лене Буковой. — Как видите, счастливчиков немного. Но все-таки нам привилегия. Из других городов брали меньше. Сказывается, что мы создавали «Малахит».

— Он подавал заявление? — тихо спрашиваю я Таню.

Она почему-то вздрагивает, но сразу понимает, о ком речь.

— Нет,— отвечает.

— Почему?

— У него что-то с ногой. Врожденное. Знал, что не возьмут.

— Он вроде не хромает.

— Но с трудом бегает. С большим трудом.

— Ну, что ж... Желаю вам счастья.

— Спасибо, Шур!

У нее в голосе слезы. Почему вдруг слезы?

Ах, да, это опять, наверно, жалость! Скорей бы уж все кончалось! Уйти! Уйти!

Ребята шумно поднимаются из-за столов, обступают учителей, благодарят их.

Наконец-то!

Я тоже встаю, прощаюсь с Таней, крепко жму ее руку.

Я не сержусь на нее. Она была хорошим другом — нежным, заботливым, преданным. Наверно, просто невозможно быть лучшим другом, чем была она. Я был очень счастлив с ней. И долго — четыре года. Когда-нибудь они покажутся мне целой жизнью. Богатой. Полной. Прекрасной. И нужно быть благодарным за это. Таня ведь не обязана любить меня всю свою жизнь. И не виновата в том, что Олег оказался лучше. Это я виноват.

— Спасибо тебе за все!— говорю я.— Всегда буду тебя помнить!

— Я — тоже,— отвечает она очень тихо.— Тоже всегда буду помнить...

Я выхожу из школы один. Не хочется сейчас говорить с ребятами. Как бы на чем-нибудь не сорваться.

Все кругом — знакомое, привычное, родное. И школа, и громадный школьный двор со спортивными площадками и футбольным полем, и наш белый пятнадцатиэтажный интернат рядом, и весь наш утопающий в зелени, очень старый микрорайон белых двадцати- и тридцатиэтажных домов.

Они даже сейчас не белые, эти дома. Они красноватые — в закатных лучах позднего июньского солнца. И сотни их окон, обращенных к солнцу, пылают даже ярче и ослепительнее, чем оно само.

Я здесь родился, здесь вырос, знаю каждую дорожку между домами.

Но все это для меня уже в прошлом. Все это скоро уйдет куда-то назад и станет историей, а впереди будет другое, новое, неизвестное. И, может быть, далекая планета, о которой я так давно мечтал. Дикая, красивая и загадочная планета, на которой наши астронавты оставили одну могилу. Поклониться бы этой могиле прекрасной земной женщины, которая отдала свое имя чужой планете и осталась на ней навсегда!..

Я слышу вдруг, как зуммерит в кармане радиофон, вынимаю его, включаю и подношу к голове наушник.

— Тарасов слушает.

— Сандро, это я, Лина! Я уже все знаю!

— Что все?

— Что ты едешь в «Малахит»... У нас взяли только одного Марата.

— Марата взяли?— обрадованно кричу я в микрофон.— Правда? Как здорово!

— Ты, оказывается, еще можешь чему-то радоваться...— медленно произносит Лина, и я вдруг слышу судорожный всхлип в наушнике и затем щелчок.

Она отключилась, не договорив со мной и обидевшись на меня. И потом, даже спустя много месяцев, мне еще иногда слышался этот странный судорожный всхлип и за ним механический щелчок в наушнике. И каждый

раз я краснел и мучился, и заново переживал свое свинство, хотя уже давно знал, что Лина все поняла и простила меня.

Только сам я себя простить не мог.

4. Али

Оказывается, это нелегкое дело — свалить толстую старую сосну. Свалить так, чтобы она легла в нужную сторону, чтобы она, падая, не прихлопнула нас и не обломила другие деревья и чтобы пенек от нее остался небольшой — не выше десяти сантиметров.

Али, стоя на колене, медленно, осторожно режет сосну лучом лазера. Луч проходит ее легко, свободно. Только едкий серый дымок поднимается вверх от линии разреза.

Но в том-то и беда, что луч режет сосну слишком легко. Трудно остановиться. Трудно точно рассчитать ту невидимую линию, от которой должен идти другой, более высокий разрез.

Впрочем, инструктор говорит, что это — дело привычки. Привыкнем — и будем валить сосны почти механически. Тем, кто уже улетел на Риту, тоже вначале было трудно. А под конец они вообще не считали работой валку деревьев.

Али еще немного продвигает по стволу генератор, затем выключает луч, встает с колена и вытирает тыльной стороной ладони пот со лба.

— Как? — спрашивает он. — Инаф?

— Довольно! — Я киваю. — Гив ми.

Он отдает генератор. Верхний разрез предстоит делать мне.

Али родился и вырос в Сирийском районе. Он еще не знает русского. Здесь, в «Малахите», многие не знают русского. Но зато все знают «глобу» — смесь английского и русского языков, которая родилась еще в двадцать первом веке, родилась стихийно и постепенно стала признанным международным языком.

Когда-то, в далекой старине, немало лингвистов смея-

лось над «глобой», потому что она создавалась вопреки многим законам грамматики. «Глобе» пытались противопоставить эсперанто — мертворожденный язык, сочиненный на полтораста лет раньше. Но на эсперанто никто не хотел говорить. На эсперанто выпускались книги, которые никто не читал. А на «глобе» говорили всюду, во всем мире, хотя и сейчас еще на этом языке мало книг и всего несколько журналов и газет — на целую планету. Это пока что язык не литературный. Никто не пишет на нем. Но говорят — всюду. И на Луне, и на Венере, и на Марсе. Видно, языки не надо сочинять, они должны рождаться сами и тогда будут жить.

Об эсперанто учителя вспоминают сейчас только в исторических справках. Перед тем, как начинают школьный курс «глобы».

Наверно, и на далекой планете Рита люди будут вначале говорить на «глобе». Вряд ли удастся им подобрать в первое время другой, более подходящий язык. Другой язык может появиться, по-моему, лишь спустя десятилетия. Если не больше. И то вырастет он, наверно, из «глобы».

Может, там, на Рите, этот смешанный язык станет наконец из разговорного литературным?

...Я веду верхний разрез по сосне так же медленно, как Али вел нижний. И все-таки, видимо, я увлекаюсь, потому что Али кричит:

— Инаф! Инаф!

Я и сам уже вижу, что довольно, и быстро выключаю луч.

Мы глядим вверх, на сосну — не изменился ли ветер. Сосна уходит в небо величественно и стройно, и даже не верится, что сейчас она, поверженная, покорно ляжет у наших ног. И жалко ее — она так горделиво уходит в небо! Как живая! А она уже — не живая. Она уже убита.

Али всовывает в еще дымящийся верхний разрез длинное острие электроклина, включает аккумулятор, и мы быстро отходим от сосны.

Электроклин жужжит, вдавливается в дерево, расширяет разрез, и вот уже сосна начинает трещать и слегка наклоняется в противоположную от нас сторону. Электроклин жужжит все сильнее, его жужжание пере-

ходит в надрывный визг, и этот визг заглушается громким треском падающего гиганта.

Первая наша сосна лежит на земле.

До сих пор мы валили деревья только под наблюдением инструктора. А сейчас его даже нет на делянке.

Недалеко раздается такой же громкий, отчаянный треск падающего дерева. Это свалили свою первую сосну Женька Верхов и Ральф Олафссон, исландец.

Мы валим сосны по старинке, как в двадцать первом веке. Давным-давно уже никто на Земле не валит деревья так, как мы здесь, в «Малахите». Потому что давным-давно на Земле нет лесных делян.

Когда-то дерево нужно было и для промышленности, и для строительства, и в шахты, и на морские корабли. Когда-то из него делали и бумагу и шелк.

А сейчас древесина почти не нужна. Пластмассы и дешевле, и красивее, и прочнее. Из пластмасс можно сделать все, что и из дерева. И даже намного больше. И лишь для ремонта дорогих старинных вещей и зданий, для выпуска стилизованных под старину книг еще попрежнему нужно дерево.

Но его не валят для этого специально. Для этого хватает санитарных рубок. Тех, которые необходимы лесу. Тех, без которых лес не может жить.

Больное или умирающее дерево сейчас привязывают к дирижаблю, срезают его лазерным лучом и везут туда, где можно использовать. Оно даже не падает. И никакого треска нет, и никакого сору. И ни один сучок не пропадет.

Так сейчас рубят лес на Земле.

Но на Рите пластмасс еще долго будет не хватать. Пока там отыщут достаточно нефти!.. Пока там наладят подземную газификацию угля!.. На Рите придется строить из дерева дома и хозяйственные постройки, делать из него бумагу и ткани.

Конечно, так будет не все время. Так будет только вначале. Но этого начала вполне может хватить на нашу жизнь.

И поэтому нас учат валить и разделывать лес, и строить деревянные дома, и делать деревянную мебель.

Когда смонтируют на орбите наш звездный корабль — «Рита-3», в него погрузят специальную машину для вал-

ки и разделки леса. Этакий небольшой лесозавод на ходу. Погрузят и немало роботов, которых тоже научат валить лес и строить дома.

И все-таки машина будет лишь одна. А роботов будет не очень много. Строить на чужой планете новые роботы вначале наверняка будет некогда.

В общем, мы должны уметь все. Не хуже машин. Мы должны уметь все и для себя, и для тех, кого нам понадобится учить. Мы ведь должны будем чему-то учить первобытных людей Риты.

...Итак, наша первая сосна свалена. Теперь надо прицепить к ней тросы, затем свалить еще березу, ель и ждать дирижабля. Он заберет сразу все, что будет свалено пятью звеньями на нашей делянке.

Мы обвязываем сосну тросами и собираем их кольца вместе, чтобы быстрее подцепить к крюку, спущенному с дирижабля. Али снова вытирает пот со лба и говорит.

— Лет аз отдых!

— Давай,— соглашаюсь я.— Давай отдохнем!

Вообще-то я не устал. Но понимаю, почему устал Али. Он все мерзнет нашей уральской осенью и поэтому неправильно регулирует температуру в электрокуртке. Перегрев его и подводит.

Ничего! Отдохнем, и я посоветую ему убавить температуру.

Каково-то будет бедному Али первой зимой! Вот небось намерзнется!

Мы садимся на ствол поваленной сосны и молчим, и слушаем лес.

Он шумит тихо, спокойно. Он шуршит падающими желтыми и красными листьями. Лес окружает нас со всех сторон и укоризненно смотрит на дело наших рук — погибшее дерево.

И вдруг в этот негромкий, спокойный, ровный шум леса вонзается механический визг, и затем лес взрывается новым отчаянным треском ломающихся сучьев.

Это свершилось еще одно убийство — свалило свою сосну третье звено — слева от нас.

Дорого все-таки обходится Земле наша учеба!

— Ты уже выбрал гёл? — спрашивает Али.

— Ноу, — отвечаю я.

Али очень беспокоит эта проблема. Он уже второй раз спрашивает, выбрал ли я себе девушку.

А я как-то все не могу. Да и не я один должен выбирать. Она ведь тоже должна...

Здесь много девушек — пол-лагеря. Тысяча двести — светловолосых, рыжих, чернобровых, веселых, задумчивых, медлительных, темпераментных. Я никогда в жизни не видел столько красивых девушек сразу.

На одной из них надо жениться, если только на самом деле хочешь улететь на Риту. На корабль возьмут только женатых. Исключений не делают, потому что на Рите такие исключения могут обернуться личными трагедиями. А там их и так не избежать. И поэтому здесь, на Земле, с самого начала заботятся о том, чтобы трагедий было как можно меньше.

На двух кораблях, которые ушли на Риту с Земли,— улетели только молодожены. Двести человек на первом корабле и четыреста — на втором. Только командиры этих кораблей были не очень молодыми. Но и они полетели с женами. Потому что на Риту улетают навсегда. Оттуда не вернуться — слишком далеко Рита!

Первый из этих кораблей увел с Земли Михаил Тушин. И вместе с ним улетела его жена Чанда, как и он, родившаяся в космосе, на корабле «Урал», астронавты которого открыли эту удивительную планету Рита в системе далекой семьсот тринадцатой звезды. Первую планету, где такая же атмосфера и вода, как на Земле, где такие же, как на Земле, люди. Только первобытные.

...В наш «Малахит» девушек отбирали не менее строго, чем юношей. Теперь я уже знаю, почему не взяли Таню, почему отказали Лене Буковой и поставили перед Женькой Верховым дилемму — либо разлучиться с ней, либо отказаться от «Малахита».

Таню не взяли потому, что она тяжело болела. И хоть было это давно, в детстве, и хоть после этого Таня серьезно занималась спортом — какие-то последствия болезни, видно, остались. И из-за них Таня просто могла не вынести долгого, холодного сна, в котором астронавты проведут почти сорок лет ракетного времени, почти всю дорогу.

А Лена Букова была здорова. Ее не взяли по другой причине. Мы все знали, что Лена часто бывает мелочной и вздорной. Что она любит передавать чужие разговоры. За десять лет учебы из-за нее было немало ссор в нашем классе.

Это знали не только мы, знали и учителя. И, следовательно,— члены комиссии.

А на Рите между землянами не должно быть ссор. Об этом тоже заботятся здесь, на Земле. И поэтому Лена не прошла. И, если бы только комиссия знала, как я «люблю» Женьку Верхова и как он «любит» меня, — кто-то из нас тоже не прошел бы. Вероятнее всего — я. Потому что Женька знаменит.

Хорошо, что прошлой зимой я не взорвался, не стал что-то доказывать и обвинять Женьку. Все равно ничего не доказал бы. У Женьки коэмы были отработаны, отточены, хотя он и остановился на полпути. А я двигался дальше и не отрабатывал промежуточные стадии.

Но вот если бы я тогда поднял шум — не видать мне сейчас «Малахита» и его стройных, длинноногих красавиц!

Впереди еще два года. Успею выбрать кого-то. Пока что все девушки кажутся мне в чем-то одинаковыми — все хуже Тани. Конечно, это чепуха — они все не могут быть хуже. Но так кажется.

А вообще-то, по-моему, это слишком жестоко — ради «Малахита» рвать чью-то любовь, ограничивать выбор. Может, мне понравится девушка вовсе не из «Малахита»? Зачем же давить на меня выбором — или любовь, или полет на Риту?

Но я понимаю, что жестокость эта — вынужденная. Жесток сам опыт. Жестокими будут условия там, на далекой и чужой планете. Их не сравнить с условиями на Марсе или на Венере, куда сейчас практически могут лететь почти все. И поэтому на Риту берут нас, мальчишек и девчонок. Мы еще способны по молодости вынести эту жестокость опыта. Людям постарше она может оказаться не по плечу.

— Мы с тобой тянем! — размышляет вслух Али. — А другие пока разберут лучших.

Он все о девушках!

— Они все хорошие, — спокойно возражаю я. — Какую полюбишь — та и станет лучшей.

— Нет, не все! — Али горячится. — Я уже смотрел — беленьких совсем не так много!

— А тебе обязательно «беленькую»?

— Конечно!

— А мне — все равно.

— Потому что ты сам «беленький»! А я себя знаю! Если женюсь на черноволосой — всю жизнь буду завидовать тем, у кого «беленькая». Но на Рите не должно быть зависти!

— Волосы можно покрасить, Али!

— Волосы — можно! Характер — нет! «Беленькие» — спокойные. Мне нужна спокойная жена! Я сам горячий!

Смешной этот Али! Умный, веселый, отличный скульптор и монументалист — и все-таки смешной. Что-то в нем есть древнее — чересчур откровенное, обнаженное. В наших краях парни даже не думают так, как Али говорит.

Он любит лепить красивые фигуры. Уже здесь, в «Малахите», он вылепил две небольшие статуэтки — купальщицу и балерину. Прекрасные вещи! Ребята один за другим ходят в мастерскую к Али, чтобы посмотреть на них.

Я не раз думал — кто же был его моделью? Али не говорит об этом. А я, конечно, не спрашиваю.

Впрочем, может, здесь и не обязательна модель? Можно ведь вылепить мечту!

Наверно, Али и сам был бы прекрасной моделью для скульптора. Если бы я хоть немного умел лепить — непременно вылепил бы его.

У Али точеный нос с маленькой горбинкой, слегка вытянутые вперед, пухлые, еще по-детски капризные губы. Его густые черные брови срослись над переносицей в сплошную линию. Я читал в восточных преданиях о красавцах, у которых брови срослись над переносицей. Но никогда не видел их. Али — первый.

Он чуть ниже меня. Но меня всегда считали высоким. В нашем классе только Женька был выше. Так что, в общем-то, у Али хороший рост.

Но зато Али шире меня в плечах, и быстр и ловок, как тигр, и по его мускулатуре можно изучать анатомию.

Я тоже не слабак и никогда не жаловался на свои мускулы. Но мне далеко до Али.

Интересно, какими видят нас обоих здешние девушки?

Али — яркий, смуглый, броско-красивый. У него цепкий и быстрый, как молния, взгляд. Рядом с ним я — блеклое пятно. У меня светлые волосы, и бледный, красноватый северный загар, и веснушки на носу, и глаза — обычные, серые.

И, наконец, Али талантлив. Всего месяц мы в «Малахите», но пластмассовое панно «Подвиг», созданное руками Али, уже украшает нашу столовую, на скульптуры Али бегает смотреть чуть не весь лагерь, и талант Али уже признан здесь всеми.

А я? Никогда у меня не было никакого таланта. И даже немногие стоящие дела, которые я задумал — «поминальник» для радиофонов да коробочки эмоциональной памяти, так и не довел до конца.

Чего же Али волноваться? Чего спешить? Он не из худших здесь...

— А может, тебе и не нужна тут девушка? — интересуется Али.— Может, ты еще любишь ту?.. Которая приезжала... Ее, наверно, не взяли в «Малахит»?

— Не взяли,— соглашаюсь я. Почему-то не хочется объяснять Али, что Лина и не просилась сюда.— Но это не моя девушка, Али. Мы просто друзья.

Али хмыкает и недоверчиво усмехается. Потом произносит:

— Она на тебя так смотрела!.. Нет, вы не просто друзья!

— Это тебе показалось, Али.

Он снова хмыкает и недоверчиво усмехается.

Конечно, ему не показалось — это и я понимаю. Но зачем все объяснять?

Лина приезжала ко мне только один раз — десять дней назад. Мы долго бродили с ней по громадному парку «Малахита», и качались на качелях, и взлетали в небо в кабине пневматической катапульты, и потом обедали в нашей столовой, где я представил ее своим новым друзьям.

После обеда мы бродили по осеннему, рыжеющему парку уже втроем — с Маратом Амировым, который

очень обрадовался, увидев Лину в нашей столовой. Но потом Марат незаметно исчез куда-то — и мы опять остались вдвоем.

Это был очень грустный день, потому что он как бы подводил итог нашей так и не сложившейся любви. У любви должно быть будущее — тогда она может жить. А у нас с Линой будущего не было — с первого дня. И поэтому мы поссорились, не успев толком познакомиться. И, хотя потом Лина сама вызвала меня, и поняла, и простила невольную мою бестактность в тот день,— мы все же оба чувствовали полную обреченность наших отношений. Может, Лина и хотела бы, чтоб я отказался от «Малахита»,— ради нее. Но, разумеется, не говорила об этом. А если бы и сказала — ничто бы не изменилось. Видно, она чувствовала это — потому и молчала. Слишком немногое нас связывало, чтобы я отказался ради нее от своей давней мечты.

Еще если бы ради Тани...

Вообще, я слишком много думал о Тане, когда разговаривал с Линой.

Наверно, она и это чувствовала.

Может, потом и плакала, когда мы прощались. Не знаю. Но при мне — держалась хорошо. И много шутила. И даже хохотала.

Но шутила — горько.

И зачем это ей так не повезло?

Почему-то мне кажется, что она не приедет больше в «Малахит». Хотя я и приглашал. Десять дней назад мы, наверно, виделись с Линой в последний раз.

— ...Ты слышал сегодня утром передачу о Ганимеде? — неожиданно спрашивает Али.

— Слышал. Порадовался. Наконец-то проект становится живым делом.

Это был давний проект — перевести спутник Юпитера Ганимед на орбиту Земли, создать на нем атмосферу, расселить людей. Об этом проекте на Земле долго спорили, как когда-то — о судьбе планеты Рита. И вот только сегодня передали, что проект «Ганимед» становится планом действий, что для его осуществления назначаются конкретные сроки.

— Я тоже порадовался,— говорит Али.— Но я подумал еще и другое. Когда к Земле подгонят Ганиме-

да — может, станет не до Риты? Всех добровольцев Ганимед возьмет себе, и мы будем там напрасно ждать новых кораблей...

— Охотники найдутся, Али! Для Риты нужно не так уж много добровольцев. Но ведь до этого еще страшно далеко. Через десять лет Ганимед только потащат от Юпитера на нашу орбиту. А сколько он будет идти! Да еще атмосферу нужно создавать! На Луне атмосферу создавали больше двадцати лет!..

— Тогда был другой век,— возражает Али.— У нас не такие темпы!

— Все равно, это годы, Али. Годы! За эти годы на Риту уйдет немало кораблей. За это время подрастет другая молодежь. Много другой молодежи. И то, что не испугало нас,— не испугает и ее. Она даже наверняка будет смелее нас.

— Ты говоришь так, Сандро, будто ты уже сейчас старик!

А может, Али прав? С тех пор, как я получил от Тани то письмо,— не раз чувствовал себя стариком.

Когда думаю о Тане, все еще кажется, что настоящее — позади. Конечно, когда-то будет другая девушка. Когда-то я женюсь — иначе не пустят на Риту. Но все это заранее кажется лишь заполнителем той огромной пустоты, которая образовалась после Тани и в которой совсем потерялась маленькая Лина.

Иногда гадаю — что было бы, если б мы с Таней не расстались? Не видать бы мне «Малахита»! Ведь я давал слово. Давно, еще в седьмом классе. Хотя Таня и не просила никаких обещаний. Но все равно, я никогда еще не нарушал своих слов.

Мы в тот день купались с Таней на Пышме. Вдвоем.

— Ты хочешь лететь на Риту? — спросила Таня.

— Конечно!

— Но ведь это навсегда!

— Ну и что?

— Так легко? По-моему, ты просто не понимаешь слова «навсегда».

— Почему? Понимаю!

— А ты мог бы улететь без меня?

Я растерялся. Просто не думал над этим раньше. Как-то само собой разумелось, что мы все время будем

с Таней. И если придется куда-то лететь — полетим вместе.

Однако не зря же она спросила. Конечно, она не струсит. Но она болела. А в космос посылают только идеально здоровых.

— Нет, Таня! — Я помотал головой и почувствовал, что у меня холодеют губы. Потому что была страшная клятва — я не мог нарушить ее.— На Риту я не полечу без тебя! Только вместе!

— А ты испугался, Шур! — Таня усмехнулась.— У тебя даже губы посинели...

И все-таки я теперь в «Малахите» один. Без Тани. Непостижимо!

Интересно, а как это все решилось у Женьки Верхова?

Вначале мне показалось, что он не колебался, все решил быстро. Потому что, когда я пришел на наш выпускной вечер,— сразу увидел заплаканные глаза Лены Буковой. Она была очень нарядна, как всегда, изящна и эффектна, но ее большие зеленые глаза были измучены и полны отчаяния.

Немного позже я встретил взгляд Женьки. В этом взгляде было столько боли, что я поразился.

Впрочем, и Женька удивленно глядел на меня. Ведь на этом вечере я ни разу не подошел к Тане. Впервые. Наверно, Женька тоже прочитал что-то неожиданное в моем взгляде.

Но, в общем-то, ему было не до меня. Он все-таки торчал возле Ленки. А я был один. И мог наблюдать.

Главное я понял на том вечере правильно: Женька решился. Хотя, наверно, и не так легко, как показалось мне поначалу.

Тогда, на выпускном вечере, Женькина решимость мне даже понравилась. А сейчас она почему-то кажется жестокостью.

Конечно, Лена была не ангелом. Но кто из нас ангел? А Женьку она любила. По-настоящему. И на все шла ради него. Когда он сломал ногу на трамплине, еще в девятом классе, она сидела у него целыми днями. И даже перестала ходить в театральную студию. И сорвала там какой-то отчетный спектакль, потому что у нее была главная роль. Она знала, что за это ее отчислят. Ибо

актер всегда должен быть актером. Горе не горе, а играй! Лена не стала. И пожертвовала ради Женьки студией.

А может, и не только студией?

Видно, Женька был для нее дороже всего.

А она для него? Ведь и он ее любил! Иначе откуда бы взялась та дикая боль в его взгляде?

Я уже десять лет знаю Женьку Верхова. Но так и не понял еще, что же для него дороже всего на свете.

Наверно, если бы я поступил с Таней так, как Женька с Леной,— потом всю жизнь чувствовал бы себя предателем.

Но я просто не мог бы принести Таню в жертву «Малахиту».

А от Али потребовалась такая жертва?

— Скажи, Али,— тихо спрашиваю я,— у тебя дома, в Сирии, была девушка?

— Конечно! — отвечает Али.— Как же иначе? Я не могу долго без девушки. Жизнь пуста, скучна, когда рядом нет девушки! Только она делает жизнь полной, красивой! Если бы не было женщин — нам не нужна была бы ни планета Рита, ни спутники Юпитера, ни даже атмосфера на Луне!.. А искусство?.. Все искусство на Земле создано ради любви, ради женщин! Если бы у меня не было девушки — я не мог бы работать! Ты видел хоть одного художника, скульптора, писателя, который мог бы творить без любви? Я — не видал! И считаю — без любви нет искусства!

— Ты, оказывается, поэт, Али! То, что ты сейчас сказал,— это стихи.

— Может быть. Не знаю. Я сказал — что думал.

— А твоя девушка не захотела в «Малахит», Али? Или ее не взяли?

Он мрачнеет и долго молчит. Я уже жалею, что спросил его. И хочу сказать ему насчет куртки — чтобы убавил температуру.

Но Али отвечает:

— Я ошибся в ней, Сандро! Я считал, у нее не только прекрасное лицо и прекрасное тело. Я считал, что у нее прекрасная душа. Что у нее есть полет фантазии, широта мысли... Она обо всем умеет говорить. Лучше меня! Она очень красиво обо всем говорит. Но записываться

она не хотела. Она боится холода, боится космоса, дикарей боится — всего боится! «Я не мужчина,— говорит.— Я женщина. Я хочу жить в безопасности и играть с детьми». Я ей тогда ничего не сказал. Но все равно я сбежал бы от нее! Я считаю — не обязательно лететь. Но обязательно знать, что твоя любимая полетит с тобой хоть на Риту, хоть в Андромеду, хоть еще дальше! А если уже знаешь, что не полетит,— какая любовь?

Он умолкает на минуту, потом добавляет:

— Но я ни о чем не жалею, Сандро! Зачем тосковать об ушедшей любви? Придет новая! И будет не хуже. Новая любовь — всегда лучше прежней.

Легко ему жить, если он так думает!

А я вот, чудак, тоскую... Или я как-то не так устроен? Не зря же Лина называла меня «минористой личностью»! Ей было ничуть не лучше, чем мне. А смеялась она в десять раз больше...

Али резко поднимается с поваленной сосны и произносит:

— Пойдем березу валить. А то не успеем.

Я тоже поднимаюсь, кладу руку ему на плечо. Хочется сказать что-то очень ласковое, очень дружеское.

Но говорю совсем другое:

— Куртку отрегулируй, Али. Она у тебя слишком сильно греет. Поэтому быстро устаешь.

— Холодно будет! — возражает Али.

— Когда хорошо работаешь — не бывает холодно.

Мои последние слова заглушает визг электроклина. И сейчас же раздается оглушительный треск падающего дерева. Это Женька Верхов свалил березу.

А мы свою еще и не выбрали...

5. Бирута

За волной
Налетает
Волна.
Нет ни берега
Здесь

И ни дна.
Ты, наверно,
Сидишь
У окна.
Ты грустишь,
Ты пока что
Одна.

Музыка льется в зал сверху, из-под потолка, вместе со светом. Мы танцуем модный плавный танец «кондо». Мы танцуем его с Бирутой, прижавшись друг к другу. Мои руки лежат на ее плечах, а ее руки на моих. Плечи у нее мягкие и какие-то очень робкие. А руки — нежные, с длинными тонкими пальцами. Я даже не знаю, как можно такими пальцами валить деревья. А ведь Бируте, как и всем в «Малахите», приходится учиться этому.

Мы с Бирутой смотрим друг другу в глаза и улыбаемся, и мне хорошо и отчего-то тревожно, и кажется, будто никого больше рядом нет, будто мы вдвоем в этом зале, и хочется, чтобы плавный «кондо» никогда не кончался.

Мы купались
С тобою
В Оке.
Я держал
Твое сердце
В руке.
А теперь
От тебя
Вдалеке
Я лечу,
Задыхаясь
В тоске.

Я лечу —
Только ночь в глаза.
Я лечу —
И вернуться нельзя.
Улетаю —
И тает след.
И лететь еще
Сотни лет.

Мы впервые танцуем с Бирутой. До сих пор мы только вместе работали, вместе учились управлять лесодорожной и горнодорожной машинами. Да еще на лыжах вместе бегали, и я учил Бируту съезжать с гор. Она пока что неважно ходит на лыжах. У них, в Прибалтике,

дождливые зимы и трудно научиться. Не то что у нас, на Урале, где зима как зима.

А сегодня, на вечере, Бирута сама пригласила меня на первый танец.

И мне радостно, оттого что она сделала это сама. И тревожно, потому что боюсь какой-нибудь нечаянной неловкостью оттолкнуть ее. У меня, к сожалению, есть такая нелепая способность...

Бирута — высокая и тонкая. Почти такая же высокая, как я. Чуть-чуть ниже. И волосы у нее такие же светлые, как у меня. И даже веснушки на носу. Только у меня веснушки крупные, а у нее — маленькие, крошечные. Очень симпатичные веснушки.

В общем, мы с Бирутой похожи, хотя глаза у нее и не серые, как у меня, а голубые — большие, удивленные. Почти все время удивленные глаза. В «Малахите» кое-кто даже считал нас вначале братом и сестрой. Мы только переглядывались, когда нас спрашивали об этом. Почему-то мне тогда уже было приятно, что мы так похожи.

А сейчас мы танцуем и слушаем песню, которая пришла на Землю из космоса, которую написали в полете астронавты корабля «Неман», вернувшиеся этой зимой на Родину.

Мне мигают
Огни
Городов.
Машет ветками
Лес
Молодой.
Плещет море
Зеленой
Водой.
Светит Солнце мне
Теплой
Звездой.

Эту песню поют сейчас по всей Земле. И по всей Земле говорят о вернувшемся «Немане» и о тех планетах, которые открыли его астронавты.

Их деды ушли с Земли намного позже «Урала» и улетали в другую сторону Галактического кольца. Эта экспедиция открыла немало планет, и на трех из них есть жизнь, но разумной жизни нет ни на одной. Когда-

то, наверно, она возникнет на небольшой планете Чара, возле остывающей красноватой звезды 145-Б3. Но до этого еще далеко. До этого миллионы лет. И еще не решено, стоит ли землянам осваивать эту планету, потому что ее небольшое солнце намного, неизмеримо старше нашего.

Вот уже третья дальняя звездная экспедиция возвращается на Землю. А другие высокие цивилизации так и не найдены. И вообще, человек или другие разумные существа не найдены пока нигде, кроме Риты. И потому сейчас, после возвращения «Немана», снова вспоминают, снова говорят о подвиге астронавтов «Урала», которые принесли родной планете самое значительное космическое открытие за всю ее историю. И снова на экранах телевизоров, на страницах журналов вместе с незнакомыми еще лицами астронавтов «Немана» появляются давно знакомые лица «уральцев».

И нет среди них лишь Михаила Тушина, главного героя моего детства, человека, который больше всех других рассказал землянам о далекой Рите. Замороженный, бесчувственный, он летит сейчас где-то в безднах пространства к зеленой, красивой планете, которую открыли его родители, к планете, тайну которой предстоит разгадать ему самому.

Все родное —
В безбрежной
Дали.
К Андромеде
Идут
Корабли.
И в космической
Черной
Пыли
Голубой
Не увидишь
Земли.

Я лечу —
Только ночь в глаза.
Я лечу —
И вернуться нельзя.
Улетаю —
И тает след.
И лететь еще
Сотни лет.

Они, конечно, летали не к Андромеде, авторы этой песни, астронавты «Немана». Это пока фантастика — полет к Андромеде. На субсветовой скорости туда не скоро доберешься. А кораблей со сверхсветовой скоростью пока нет. И неизвестно — будут ли. И неизвестно, отыщутся ли на Земле астронавты, которые могли бы выдержать нагрузку при разгоне такого корабля. Человек, возможно, еще не готов к ней. Человек сейчас сильнее, крепче и выше, чем когда-либо за всю свою историю. Самые высокие и сильные люди начала космической эры легко затерялись бы в сегодняшней толпе. Никто не обратил бы на них внимания, потому что сейчас — почти все такие. Но выдержит ли сегодняшний человек разгон до сверхсветовой скорости — еще неизвестно.

В конце концов, человек должен это выдержать. Иначе зачем было бы природе и создавать его? Но вот когда выдержит? И какой ценой?

Было время, когда человек так же не знал, сумеет ли он перешагнуть барьер скорости звука. Многим казалось — не сумеет.

В моем родном городе есть громадный сквер. Его не раз хотели застроить домами, но, к счастью, так и не застроили. Триста с лишним лет назад на месте этого сквера было поле. Просторное, очень далекое от города поле. И на нем был аэродром. Вначале — испытательный.

В середине двадцатого века, когда на западе от Урала шли тяжелые бои с фашистами, с этого аэродрома поднялся на первом в мире реактивном самолете веселый и смелый человек. А немного позже он первым в мире приблизился к звуковому барьеру и стал первой его жертвой на Земле.

Он так навсегда и остался на этом поле, веселый и смелый летчик Григорий Бахчиванджи. Он стоит в мраморе посреди сквера, и улыбается, и держит летный шлем в руках, и неизменный уральский ветер треплет его непокорные каменные волосы.

У подножия памятника — всегда цветы. И имя летчика давным-давно известно всему миру. В школьных учебниках по истории космонавтики его имя — одно из первых.

Прошло всего несколько лет, и летчики привыкли к мысли, что звуковой барьер пройден. Уже к концу двадцатого века даже грудных младенцев возили в самолетах со сверхзвуковой скоростью. Человечество просто перестало замечать этот бывший барьер.

А теперь ученые спорят о том, можно ли перешагнуть барьер скорости света.

Многие считают — нельзя. Многие считают, что и корабли такие в принципе невозможны.

Однако все чаще и чаще сообщают о первых опытах по сверхсветовой транспортировке элементарных частиц. Не все опыты, правда, удачны. Но ведь на то они и опыты!

В общем, это нужно человечеству. И, значит, когда-то станет возможно. Что уж там Андромеда?! Даже к центру своей собственной галактики человек еще не летал — мала скорость. Немногие звездные корабли пока обследуют лишь ближние участки Галактического кольца.

Короче, пока ползаем по окраине. А разве для того появилось человечество, чтобы ползать по окраинам своего мира?

Я пройду
Через тысячи
Бед.
Я вернусь
Через тысячу
Лет.
Я не брал
Ожиданья
Обет.
Я вернусь,
А тебя
Уже нет.

Почему-то вспоминается Таня. Наверно, если бы я когда-нибудь и вернулся с планеты Рита, — Тани уже не было бы. Даже когда я, совсем молодым, опущусь на эту далекую планету, Таня, уже пожилая, будет подумывать об Острове старости. Потому что сто лет пройдет на Земле, пока долетит туда ракета. Сто световых лет отделяют нас от Риты.

Как-то это не очень — танцуя с Бирутой, я все еще думаю о Тане.

Может, Бирута даже догадывается, о чем я думаю? Не зря же она глядит мне сейчас в глаза обеспокоенно, тревожно, без улыбки.

Я вернусь
Через тысячу
Лет.
Так хоть в чем-то
Оставь мне
Свой след!

Кончается плавный «кондо». Мы останавливаемся, и все не хочется убирать руки с плеч Бируты. И ей, видимо, тоже. Мы так и стоим еще несколько секунд посреди зала обнявшись.

И лишь когда все пары вокруг расходятся, мы тоже опускаем руки и уходим из центра.

И эти несколько секунд после танца говорят нам обоим больше, чем все прежние слова и взгляды.

Мы уходим с середины зала, сцепившись мизинцами. И я уже знаю: между нами существует тайна, которой не было еще пять минут назад. И я хочу, чтобы эта тайна росла, чтобы она стала огромной, чтобы она с ног до головы окутала нас обоих и отделила собой ото всех остальных.

Снова раздается музыка, и снова мы танцуем с Бирутой. Знакомый густой и низкий голос Розиты Гальдос, лучшей певицы нашего «Малахита», звучит сейчас в зале:

...Это поле,
Что сроднило нас.
Это небо,
Что укрыло нас.
Этот ветер,
Что с любимых глаз
Унес слезу...

Розита молча танцует где-то среди нас, а голос ее живет отдельно, голос ее звучит сейчас над всем лагерем.

Впрочем, не только в «Малахите» знают ее голос.

Розита — очень молодая певица, но два раза она уже выступала на фестивалях Северного полушария.

Я невольно отрываю глаза от лица Бируты и отыскиваю взглядом черноволосую красавицу Розиту.

И вдруг вижу ее с Женькой. С Женькой Верховым! Они танцуют вместе.

Но они не просто танцуют. Они, кажется... как и мы с Бирутой.

Должно быть, у меня резко меняется лицо, потому что Бирута тихо и обеспокоенно говорит:

— Пойдем в парк! Хоть ненадолго!

— Пойдем! — отвечаю я. — На сколько хочешь!

Мы выходим в темнеющий парк, который дышит весной, шелестит майскими клейкими листьями и что-то обещает своим шелестом — светлое, радостное, настоящее.

— А на Рите не будет весны... — тихо говорит Бирута. — Как это можно... без весны?

— Мы сделаем себе весну сами!

— Как?

— Будем ездить.

— Не понимаю.

— Будем ездить к экватору. Соскучился по зиме — лети к полюсу. По весне — к экватору.

— Ты шутишь... А там это будет не так просто — лети туда, лети сюда...

— Ну, не сразу... Сделаем, чтобы со временем стало просто.

— И все равно это будет не то. Весна — это пробуждение. Оно не может быть постоянным. И вообще, Сандро, там будет сложнее, чем можно себе представить. Так мне кажется.

— Рута...

— Да?

— Не зови меня Сандро. Зови Сашей.

— Почему? Все тебя так зовут.

— Это пришло из школы. Невольно. А ты зови меня иначе.

— Твоя прежняя девушка звала тебя Сашей?

— Нет. Она меня звала не так. Но не надо о ней. Это умерло.

— Скажи точнее,— тихо произносит моя спутница, глядя себе под ноги.— Скажи: было убито. Я же видела!

— Что ты видела?

— Ее. Ту девушку.

— Где ты могла ее видеть?

— Зачем ты удивляешься, Саша? Она же была осенью в «Малахите». А я не слепая.

Теперь я понимаю, что она говорит о Лине. Сразу-то не дошло.

— Это была не та девушка, Рута!

— Но она на тебя так глядела!

— И все же это была не та девушка! Ты не могла видеть ту. Она не приезжала сюда. И не приедет. Она давно забыла меня.

— Но помнит эта... Которая приезжала.

— А может, хватит о них? Я хочу, чтобы в моей жизни была только одна девушка — ты.

— Я тоже... Давно. Только ты не замечал...

— Рута! Мы... улетим вместе?

— Если возьмут.

— И ты... не побоишься?

— Я ничего не боюсь.

— Никаких опасностей?

— Опасности везде, Саша. Мы никогда не знаем точно — где опасно. Шальной метеорит может убить нас на улице, возле дома. Даже в доме. Подгнившее дерево может свалиться на голову в парке, в лесу. Свихнувшийся робот может пристукнуть нас в магазине. Это все, конечно, маловероятно. Но не исключено. У меня своя теория, Саша. Она позволяет ничего не бояться. Потому что опасно — везде. Жить — это вообще опасно. А безопасно — только не жить.

— Впервые слышу такую любопытную теорию.

— Значит, я способна делать для тебя открытия?

— Ты для меня вся — открытие!

...Потом, отпустив от себя Бируту и оторвав свои губы от ее губ, я тихо спрашиваю:

— Мы не вернемся в зал?

— Зачем? Чтобы ты выглядывал там других девушек? Я уже не хочу этого!

«А она ревнует! — вдруг понимаю я. — Это же здорово, что она ревнует!»

6. Отец

Я просыпаюсь среди ночи, еще не понимаю — отчего. Гляжу удивленно по сторонам и слышу негромкий низкий гудок.

Это зуммерит на тумбочке мой радиофон.

Странно! Он так давно не будил меня ночью! Больше года. Только Таня могла раньше вызвать меня ночью.

Вынимаю из черной коробочки наушник, нажимаю кнопку.

— Тарасов слушает.

— Алик, это мама!

Слышу родной, низкий, с детства любимый голос. Но голос непривычно дрожит и поэтому кажется незнакомым.

— Что случилось, ма?

— Сынок! Погиб папа! Взорвался цех... Прилетай домой! Мне очень плохо.

— Сейчас вылетаю, ма!

Выключаю радиофон и лихорадочно одеваюсь. Потом спохватываюсь — надо же известить начальника лагеря. Уйти из лагеря просто так не имею права — у нас жесткая дисциплина. Да и самолет не дадут без его распоряжения.

А на биолете до города долго — четыре часа. И на личном реактивном — не быстрее. К тому же он — на складе, потому что мы почти не пользуемся личными реактивными двигателями. С ними слишком много возни, а биолеты всегда готовы.

Я снова беру в руки коробочку радиофона и вызываю дежурного по лагерю.

— Дежурный слушает.

— Говорит курсант Тарасов. Мне нужен личный номер Кудряева.

— Зачем?

— Погиб мой отец. Мне срочно надо домой.

— Берите биолет, выезжайте на наш аэродром, — говорит дежурный.— А я пока попрошу запрограммировать автопилота. Если понадобится — свяжусь с Кудряевым сам.

— Хорошо. Выполняю.

В носках бегу по лестнице двухэтажного коттеджа, чтобы не разбудить кого-нибудь грохотом ботинок. Обуваюсь на ступеньках крыльца и вскакиваю в биолет. До аэродрома — семь километров. Но сейчас они кажутся семьюдесятью. Биолет еле плетется. Впервые в жизни жалею о том, что пассажиры биолета не могут регулировать скорость. Знаю, что одно только это уже спасло на Земле миллионы жизней. Знаю, что именно эта особенность биолетов ликвидировала на всей планете дорожные аварии. Но сейчас я проклинаю биолет за осторожность его кибера. Я готов выскочить из машины и мчаться бегом, хотя понимаю, что это все-таки будет медленнее.

А на аэродроме вижу, что ехал всего три минуты.

Бегу по красной траве аэродрома к домику дежурного техника. Впрочем, сейчас, в темноте, не разобрать цвета травы. Просто я знаю, что на аэродромах трава всегда красная, потому что этот цвет отпугивает птиц.

Техник, увидев меня, кивает.

— Да, знаю, звонили. Пятнадцатый самолет ждет вас.

Я снова бегу по красной траве, которая кажется сейчас черной, забираюсь в маленький двухместный спортивный самолет и вижу, что справа от меня вспыхнула дорожка зеленых огней. Кибер сам выруливает машину на эту дорожку, и через две минуты я в воздухе. Подо мной стремительно уносятся назад редкие ночные огни спящего «Малахита».

Вдруг я вспоминаю, что ничего не успел сказать Бируте. А ведь мы договорились рано утром идти на озеро.

Наверно, подумает, что я проспал. Будет вызывать меня, а я не отвечу. Начнет волноваться...

Может, позвонить ей сейчас?

Правда, за завтраком дежурный все равно объявит причину моего отсутствия, и Бирута все поймет.

Но что она будет думать до тех пор?

Вынимаю из кармана радиофон и составляю номер Бируты. Я тороплюсь, и кнопки с цифрами прыгают перед глазами. Кажется, я все-таки нажал не ту кнопку! Теперь надо начинать все сначала. И до чего же

длинные, невыносимо, занудно длинные нынче номера у личных радиофонов!

Мне надо спешить! Надо набрать номер быстро! Еще какие-нибудь три-пять минут — и вызов не дойдет. И придется вызывать Бируту через промежуточную станцию. Как только что мама вызывала меня. Я ведь так и не закончил свои «поминальники» для радиофонов. И поэтому теперь теряю секунды, теряю минуты... Хотя с «поминальником» мог бы вызвать Бируту за секунду.

Пустопорожний я человек! «Поминальник» забросил, коробочки эмоциональной памяти забросил... Выполняю на занятиях по электронике обычные задания. И ни шагу дальше. Короче, живу, как низшее млекопитающее.

Наконец-то! Наконец-то набрался номер Бируты!

— Бирута Аугшкап слушает! — раздается у моего уха.

Милый, родной, чудесный заспанный голос!

— Рута! Это я! Улетаю домой! Говорю из самолета. Подхожу к пределу слышимости.

— Что случилось, Саша?!

— Звонила мама. Погиб отец.

— А-а!

— Рута!

— Да-да!

— Рута!

— Я жду тебя, Саша! Возвращайся скорее! Я люблю тебя, Саша! Береги себя!

Ее голос слабеет, уходит вдаль, и я уже знаю, что моего ответа она не услышит. Предел слышимости пройден.

Я вдруг решаю, что нужно теперь же, пока еще не поздно, пока мы еще на Земле, вогнать «поминальник» в футляр радиофона и оставить его людям. И закончить коробочки эмоциональной памяти! Впереди еще год. За год можно сделать много. Ведь все принципиальное решено. По обеим темам. И наплевать на то, что будут потом говорить обо мне по радио и телевидению! Пусть даже обзывают меня продолжателем дела Евгения Верхова! Я улечу и не услышу. А коэмы останутся. Полноценные, законченные. И будут в чем-то

помогать людям. Каким я был идиотом, что не понимал всего этого раньше! Каким я был глупым и самовлюбленным мальчишкой! Разве мой отец мог бы из-за таких причин отложить какое-то нужное людям дело?

Почему только сейчас я вспомнил об отце? Почему все это время после маминого звонка я думал о чем и о ком угодно, только не об отце? Может, боялся понять, признать, что его уже нет?

Я очень мало думал об отце всю жизнь. Просто знал, что он всегда рядом. Где бы ни был я, где бы ни был он — он все равно всегда рядом. Я знал, что в любой момент могу вызвать его. Даже когда они жили с мамой на Огненной Земле. Вызвать и посоветоваться. Или поделиться радостью. Или горем. Я знал, что он сильный, умный и добрый. Что он всегда и во всем поможет мне. Что нет такого трудного, запутанного положения, из которого отец не нашел бы выхода.

Его уму я верил больше, чем самому безотказному электронному мозгу. Отец мог ошибиться в чем угодно — только не в том, что касалось меня. Он редко что-либо решал за меня. Очень редко. Он всегда учил меня самого решать все главное. Но если уж решал что-то он — это было абсолютно безошибочно.

Я видел, что ему не понравился мой разрыв с Таней. Отец, кажется, любил ее, как свою дочку. Хотя никогда и не говорил мне...

Они с мамой ждали, что мы поженимся после школы, и не скрывали этого от меня. А я даже не объяснил им, в чем дело. Сказал только, что Таня, вероятнее всего, больше у нас не появится.

Я видел, что отец безо всякого восторга встретил мое решение лететь на Риту. Правда, вначале он считал его несерьезным. А может, просто надеялся, что я не пройду комиссию.

Но и потом, когда я прошел ее, он ни разу не пытался меня отговаривать. Ни он, ни мама не намекнули, что им это тяжело или обидно.

Не у всех такие родители! У Ленки Буковой, когда она записалась, были дома и слезы и крики. Таня рассказывала... Ленка даже два раза убегала из дому ночевать в интернат, потому что не могла видеть слез матери.

А у меня дома было тихо, спокойно. Будто ничего не случилось.

Я видел, что огорчаю отца в последний год. Но был благодарен ему за то, что он не говорил мне об этом.

А теперь отец даже не узнает, что я все понимал. Не узнает, как я всегда любил его, как всю жизнь, с тех пор, что помню себя, он был для меня примером. Как всю жизнь я гордился им и тем, что он делает.

У нас в «Малахите», кажется, никто, кроме меня, не знает, что весь последний год отец работал на нас, на наш полет, на наш корабль. Он создавал какую-то особую, вязкую пластмассу, легкую и не пропускающую нейтронов. Пластмассу, которая могла бы заменить тяжелую, просвинцованную противорадиационную обшивку нашего корабля.

— Если я успею, — как-то сказал мне отец, — то вас улетит не шестьсот. Вас улетит семьсот. И запасов у вас будет больше. И механизмов. Ты даже не представляешь себе, какая это страшная тяжесть — нынешняя обшивка звездолетов! И ведь приходится таскать! Без нее не спасут ни магнитные поля, ни антирадиационные таблетки.

— А успеют ли перестроить корабль? — спросил я. — Если ты успеешь...

Отец усмехнулся.

— Он уже перестроен — в проекте. И все дополнительное собрано на космодромах. Перестройка займет всего полгода. И даже если вас немного задержат — вы этого не заметите. Просто успеете больше узнать. И на Рите этого не заметят. Над нами ведь не висят жесткие сроки. Важно сделать все хорошо!

Я знал, что работа с новой пластмассой опасна. Отец никогда не говорил об этом, но я и сам не младенец. Понимаю, что значит создавать пластмассу, не пропускающую нейтроны. Ведь ее надо без конца испытывать!

Правда, я и не думал о возможности взрыва. Понимал только, что есть опасность облучения. Слышал, что от него спасают. Хотя оно все равно сокращает жизнь. Даже после всех лекарств.

А произошел взрыв. И теперь отца нет.

Странно... Почему-то очень хорошо помню, как отец

стоял надо мной по вечерам, когда я спал. Это было давно. Я был тогда совсем маленьким — еще до школы и в первых классах.

Но все равно помню, что, если поздно вечером я открывал спросонья глаза, надо мной обычно стоял отец, и мою голову гладили его сильные, волосатые, коричневые от загара руки.

Кажется, все умели делать эти руки. Абсолютно все, что только могут делать мужские руки вообще.

Что же там случилось? Почему взрыв? Всю жизнь отец работал в химии, всю жизнь он создавал пластмассы — и не было никаких взрывов.

А может, это ошибка? Может, кто-то что-то напутал? Может, я сейчас ворвусь домой, а отец уже там, и у мамы — еще заплаканные от потрясения глаза?

И когда я наконец прилечу? Сколько можно тащиться в этой тьме?

Гляжу на часы. Уже двадцать пять минут в воздухе.

— Скоро прилетим? — спрашиваю в микрофон на пульте.

Металлический голос автопилота отвечает:

— Через десять минут.

— Почему так долго сегодня?

— Встречный ветер.

Я с тоской думаю, что от аэродрома еще мчаться и мчаться через громадный город на биолете. Пока доберусь!

А может, отыщется свободный вертолет? Все-таки быстрее...

— Как вызвать дежурного по аэропорту? — спрашиваю я в микрофон.

— Соединяю, — отвечает металлический голос кибера.

— Дежурный слушает, — раздается в динамике пульта.

— У вас отыщется свободный вертолет? — спрашиваю я. — До академгородка.

— Вы из «Малахита»?

— Да.

— Найдем.

Значит, туда уже звонил дежурный по лагерю или дежурный техник с нашего аэродрома. И, значит, вер-

толет будет. Сейчас не тот век, когда дают пустые обещания. Пообещать и не выполнить — это все равно, что публично оплевать себя. В наше время даже последние дураки выполняют свои обещания. Впрочем, от дураков я уже отвык. В «Малахите» их нет. Ни среди курсантов, ни среди воспитателей. И может, в этом отношении наш лагерь — росток общества будущего. Того идеального общества, в котором вообще не станет дураков, потому что люди полностью научатся управлять наследственностью.

Уже сейчас биологи с большой вероятностью могут заказывать себе сына или дочь. Скоро, совсем скоро это смогут делать все. Юмористы предсказывают, что это может привести к значительному избытку мужчин на Земле. А когда можно будет заказать не только пол, но и интеллект ребенка,— кто же пожелает видеть свое дитя дураком?

Вертолет на аэродроме меня ждет. Сигнальные посадочные огни ведут прямо к нему мой самолет, и я по существу прыгаю из кабины в кабину.

— В академгородок? — уточняет по радио диспетчер.

— Да, — отвечаю я. — Тридцать седьмой дом.

Номера домов написаны на крыше светящимся составом. Их видно ночью с большой высоты. Фотоэлемент автопилота быстро найдет нужный. Да и я не прозеваю.

И вот я лечу над спящим городом.

Даже в темноте, по тонким цепочкам огней, я узнаю его кварталы.

Вон в том, почти темном сейчас квадрате, слева от Лаврентьевского шоссе, стоят среди соснового леса старинные двухэтажные особняки. Это дачи Уральской академии наук. Отец здесь и отдыхал и работал — писал свои книги о пластмассах. А я иногда приезжал сюда с мамой на биолете. И отец даже зимой выбегал нам навстречу с непокрытой головой, и потом мы играли в снежки, и катались на лыжах, и пили горячий кофе в снежном гроте.

А летом я собирал тут грибы. Прямо возле особняков, под соснами. И землянику собирал. И хватал за хвосты ящериц. И удивлялся, что хвосты остаются у меня в руках.

А вот здесь, на Ушкуйских горах, где ночные огни завиваются плотной спиралью, отец любил прыгать с трамплинов. Как здорово он летел в воздухе, прижав руки! Словно голубая ракета!

Он долго учил этому искусству меня. И научил, хотя я вначале боялся. И теперь я прилично прыгаю. Но почему-то так и не полюбил прыжки с трамплинов. Не знаю, почему.

А потом мы здесь катались на лыжах с Таней. И я тоже учил ее прыгать с трамплина. И она тоже вначале боялась. А потом привыкла и прыгала не хуже меня. Человек привыкает к опасности и даже перестает замечать ее, если хоть несколько раз преодолел свой страх перед нею.

...Теперь огни внизу идут четкими, строгими прямоугольниками. И в середине каждого прямоугольника светится яркая, хорошо видимая сверху цифра — номер квартала.

Здесь самые новые жилые кварталы в нашем городе. Они построены на месте древнего, разбросанного завода, который начинали сносить, когда я бегал в пятый класс.

Эти кварталы называют «Городком молодоженов». Потому что первыми поселились тут три тысячи только что созданных семей. И сейчас еще молодые семьи селятся и селятся в этих кварталах. Всем молодоженам предлагают здесь удобные, самые удобные в городе квартиры. И многие переезжают сюда. Даже из центра.

Отец как-то рассказывал, что люди великого двадцатого века мечтали о таких вот просторных городках молодоженов, где каждая молодая семья могла бы свободно получить квартиру.

В последние десятилетия того века мечта начала сбываться.

Но очень многие так и не дожили до свершения этой мечты.

А отец все мечтал о пористой, продутой гелием пластмассе, которая была бы легче воздуха. О пластмассе, из которой можно строить воздушные острова.

Кто же теперь найдет такую пластмассу?

7. Мама

На гладком белом постаменте стоят серые урны. Двенадцать серых урн. Маленьких. Обтекаемых, как ракеты. И на каждой урне — красные буквы. Двенадцать фамилий. И одна из них моя.

Звучит траурная музыка — старинная, печальная. Подходят люди и молча кладут к постаменту цветы. Много людей. Много цветов. И ни одного слова. Зачем тут слова? Разве кому-то что-то непонятно?

Мы стоим перед постаментом. Мама, и я, и еще женщины, мужчины, старики, мальчики и девочки — семьи погибших.

В двух шагах от меня — девчушка с черными бантиками в льняных косах. Дочка папиного помощника. Ей всего пять лет, а на ней уже черная накидка, черные бантики. Эта девочка слишком рано увидела, что такое траур.

Наверняка она еще не понимает, что в этой маленькой серой ракете — все, что осталось от ее папы. Ведь он был таким громадным, громогласным и неуклюжим, как американский медведь гризли. Мой отец в шутку так и звал его — «Гризли». Разве может такой большой папа вместиться в такую маленькую ракету?

Этой девочке, наверно, трудно стоять неподвижно. Ей хотелось бы сейчас попрыгать, поиграть с этой непонятной серой ракетой, на которой написана фамилия.

Но девочка только осторожно поглядывает на окружающих и бесшумно переминается с ноги на ногу.

Лишь спустя много лет она поймет то, что видит сейчас. Лишь спустя много лет будет горько плакать над этим.

Мы до сих пор не знаем, почему произошел взрыв во время испытаний уже готовой пластмассы.

Да и что можно узнать, если от цеха остался один пепел?

Двенадцать горстей этого пепла лежат сейчас в двенадцати урнах. И, по существу, мы хороним не прах своих близких. Мы хороним символы.

Мама стоит прямая, бледная и неотрывно смотрит на урны. Я держу ее под руку, но чувствую, что ей это

совсем не нужно. Она не пошатнется, не упадет, она выстоит так до конца — столько, сколько потребуется.

И вдруг я понимаю, что мама моя — удивительно крепкая женщина. Наверно, она даже крепче меня, молодого, здорового парня. Наверно, она сможет вынести даже то, чего я бы не вынес.

Откуда в ней это? Почему она способна все вынести и никогда ничего не боялась? Почему отец тоже никогда и ничего не боялся?

Я всегда слишком мало думал об отце. Слишком часто убегал от него по своим срочным мальчишечьим делам в те редкие минуты, когда у него было для меня время. И даже когда-то увертывался от его поцелуев. В десять лет я считал себя взрослым мужчиной и стыдился, что меня целуют. И мама потом рассказывала, что отец, понимая это, стал целовать меня только спящим.

Как теперь будет жить моя мама? Чем будет жить? Ведь я тоже скоро улечу. Навсегда!

Все отняла у мамы эта планета Рита. И мужа, и сына...

А может, мне не лететь? Может, остаться? Только из-за мамы! И уговорить Бируту?..

* * *

— ...Ни в коем случае не насилуй себя, Алик! — Мама говорит это спокойно, тихо. Она кажется внешне очень спокойной сейчас, дома, после похорон. Она сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и курит. Я впервые вижу, что мама курит. Никогда у нас не было дома ни папирос, ни зажигалок, ни пепельниц. Они были не нужны.

— Ни в коем случае не насилуй себя! — твердо повторяет она. — Хочешь — обязательно лети! Живи так, как хочешь! Ведь человек живет только один раз. И хуже нет, когда он себя насилует. А особенно в молодости... Мы с папой в молодости жили так, как хотели. И поэтому всю жизнь были счастливы.

А я очень мало знаю об их молодости. Удивительно мало!

— Может, ты расскажешь, ма?

— ...Знаешь, тогда создавались первые подледные поселки Антарктиды. Те, которые сейчас снабжают весь мир самыми дешевыми алмазами. А в то время говорили, что безопаснее добывать алмазы на Марсе, чем в этих подледных поселках. Ведь лед Антарктиды все время движется! Над нашим поселком он проходил по метру в сутки. Представляешь? Это ведь очень много. И, главное, лед шел неравномерно. Рывками.

— Ма! Но ведь эти поселки охраняются тепловыми лучами!

— Сейчас это надежно! А тогда — то перебои с энергией, то потопы от тающего льда. Малейшая неисправность в автоматике — и заливает шахты, дома. Или наоборот — лед надвигается на сферу, и она жутко трещит над головой. Ничего не помню страшнее, чем этот треск сферы над головой... Потом это все отрегулировалось, устоялось... А тогда было очень опасно!

— И гибли?

— Гибли, Алик! Многие! И многие — зря! Из-за халатности, легкомыслия. Так уж, видно, устроен человек — ни одно великое дело он не может совершить без жертв, и большинство этих жертв — по неосторожности. В тех поселках люди не могли быстро привыкнуть к опасности. К опасности постоянной, ежеминутной. Ведь приезжали из городов, где все было безопасно. И хотя знали, что в этих поселках гибнут,— ехали и ехали. Добивались, пробивались... Трудно было туда попасть!.. А мы с папой там встретились, там полюбили друг друга... Меня мама не пускала — кричала, плакала. Но я все равно уехала. Отлично все помню! Поэтому никогда не пыталась отговаривать тебя.

— А хотелось?

— Любой матери хочется, чтобы дитя всегда было рядом! Но для этого его часто надо искалечить!.. Да... Так о поселках... Наш был в горах Голицына. Между Мирным и Пионерской. Один из первых поселков. И я лечила в нем своих первых больных. Папа вначале тоже был всего лишь одним из моих пациентов. Он ведь там и начал свою работу над пластмассами. Он искал надежную сферу. Более надежную, чем металлопластовая.

— И нашел?

— Ее нашли другие. Его друзья. Их там было много. Целый выпуск института пластмасс. И все искали. Какие ребята там были! Какие отчаянные парни! Они испытывали пластмассы за сферой. Вылезали под лед и ставили маленькие сферы из своих пластмасс. И каждый раз не знали — вернутся обратно или нет. В мастерских делали для этого специальных роботов, но слишком медленно, а ребята не хотели ждать. И один из них все-таки не вернулся. Шарль Буассе. Он был очень веселый и красивый. Самый красивый из этих ребят! Его раздавило льдом. Когда его хоронили — я не могла смотреть. А ведь я хирург... Папа там сломал ногу. Тоже за сферой. Это было еще до Буассе. Потом выходить запретили. Приказали ждать роботов. Но ребята все равно вылезали. Тайком. Потому что очень нужна была новая сфера. Мы ведь больше года жили под сферой экспериментальной. Тогда не раздавило ни одного поселка. Но могло раздавить любой. Нам просто везло — тем, кто были первыми. А гарантий у нас не было никаких. Все делалось впервые — какие уж тут гарантии? Потом, когда мы вернулись, — нам завидовали, нас встречали, как героев. И права поехать в эти рискованные поселки добивались тысячи людей. Я читала, что вот так же в двадцатом веке сотни тысяч добивались права первыми полететь в космос. Это еще тогда, когда вообще неизвестно было, можно ли из космоса вернуться живым. Видно, это свойство нормального молодого человека — идти на смертельный риск ради блага людей, в интересах общества. Если бы у людей не было этого свойства — может, они не стали бы людьми?.. Поэтому, Алик, я и говорю тебе — не насилуй себя! Желание улететь — это нормальное желание. Естественное. Конечно, я была бы спокойнее, если бы рядом с тобой была Таня. Я очень верила в Таню! А теперь я не знаю, кто будет рядом с тобой...

— Она хорошая, ма! Она надежная!

— Значит, она уже есть?

— Ее зовут Бирута. Ты можешь быть спокойна, ма!

— Мне хотелось бы с ней познакомиться.

— Конечно! В первый же отпуск мы приедем вместе! Я бы даже сейчас ее вызвал...

— Сейчас не надо! Сейчас трудно. Ты не обижайся.
— Что ты, ма!
— Знаешь, Алик... Я давно хотела тебя спросить... И как-то все не решалась... Ну, сейчас ты, наверно, уже скажешь... Почему у вас так получилось с Таней? Только потому, что ее не взяли в «Малахит»?
— Ма! Как можно?! Я и сам бы отказался! Но она дала мне такое письмо...
— Какое?
Я рассказываю маме о **том** письме, и она слушает молча, не перебивая, а когда я кончаю, тихо говорит:
— Что-то я не очень верю этому письму.
— Ма, Таня не умеет лгать! И потом я видел их вместе... Не раз.
— Когда?.
— Ну, тогда. После письма.
— Это ни о чем не говорит, Алик. Совершенно ни о чем не говорит! Впрочем, теперь уже об этом, кажется, поздно думать?

8. Сорок минут в ионолете

Ах, думать о чем-то никогда не поздно! И об этом — тоже. Даже если бессмысленно думать, если ничего нельзя изменить — да и не хочется менять! — об этом все думается.

Мы с Бирутой давно женаты. Мы полетим вместе на Риту — уже известно, что мы попали в число астронавтов. А Таня уже давно изучает в Кембридже историю английской фантастики. Не знаю вот только, где Олег Венгров. Может, там же, в Кембридже, с Таней. А может, еще где. Я никого не спрашиваю о нем, и никто мне о нем ничего не говорит.

Странно — у меня нет никакой обиды ни на Таню, ни на Олега. Та боль, которую я испытал когда-то, не вызвала обиды. Я даже уверен, что все получилось к лучшему. Кажется, смог бы сейчас совершенно спокойно пойти с ними обоими в парк или на выставку, или

посидеть в кафе. И, конечно, чтобы с нами была Бирута. Чтобы Таня могла увидеть, какая Бирута веселая и красивая, какая она умная. Чтобы Таня могла понять, как Бирута любит меня.

Наверно, это мог быть даже довольно интересный вечер — вчетвером. Но, конечно, он не нужен. Потому что был бы болью — для всех. Только сейчас я уже смог бы выдержать эту боль. А раньше — не смог бы.

С каждым днем подготовки к отлету Таня и все, что связано с ней, уходит дальше и дальше. Уходит навсегда, безвозвратно. Все быстрее и явственней надвигается пропасть, которая уже никогда и ни за что не позволит мне ни увидеть Таню, ни даже что-либо узнать о ней.

Как в той песенке —

Я вернусь
Через тысячу
Лет.
Так хоть в чем-то
Оставь мне
Свой след!

Только я не вернусь!

И следа не увижу...

Может, это вообще свойство человеческой психики — много думать о том, что ушло или уходит безвозвратно?

Помню, как поразила меня одна небольшая запись, случайно сделанная на обложке журнала три сотни лет назад и так же случайно обнаруженная мною.

Я готовил в девятом классе доклад о второй мировой войне двадцатого века. Меня с детства тянул к себе двадцатый век. И не раз наплывали какие-то грустные минуты, когда я жалел, что не родился в том бурном, мятущемся, непрерывно ищущем веке. Тот век породил новое общество, новый мир, новый социальный строй, который позже победил на всей планете. В том веке человечество впервые осознало себя единым коллективом, живущим в одном, не очень большом доме. А до этого ведь понятие «человечество» не распространялось дальше своего племени, своего народа. В том жестоком, залитом кровью веке человечество впервые выстрадало всеобщую, святую ненависть к войне, всеоб-

щую решимость покончить с нею навсегда, на все будущие времена. В том веке впервые родилось истинное братство народов, которое затем стало законом жизни всей планеты. И, наконец, в том веке человек впервые вышел в космос и ступил на почву других планет. Короче, тот век был переломным. Всеобщая история человечества началась с двадцатого века. А до этого была только история отдельных племен, стран и народов.

И поэтому я редко пропускал книги о двадцатом веке. Я всегда старался прочитать о нем как можно больше. А в школе, когда распределяли темы для самостоятельных работ, обычно выбирал что-нибудь по двадцатому веку. В девятом классе это был обзор второй мировой войны.

Я прочитал тогда очень много о войне и знал уже столько, что хватило бы, наверно, на три школьных доклада. И в какой-то из последних вечеров работы в библиотеке я перелистывал старинные журналы с записками русского посла в Англии. Это были записки о борьбе за второй фронт — небольшая, в общем-то, деталь в истории войны. И опубликованы они были через двадцать лет после ее окончания.

Записки, конечно, были очень интересны. Но ничего из них я так и не продиктовал на пленку — было собрано уже слишком много материала. А вот рукописную полувыцветшую запись на синей обложке журнала почему-то захотелось сохранить в памяти. Чем-то тронула эта случайная запись человека, пережившего ту страшную войну. И я продиктовал ее на пленку, и переписал дома на диктографе, и вот помню до сих пор.

«Это не очень понятно... — писал неизвестный человек. — Хотя война все дальше уходит в прошлое — она вспоминается не реже. Ничуть не реже, чем раньше. Даже, пожалуй, чаще. Тогда, сразу после войны, о ней хотели забыть, старались не думать. А теперь думается.

О ней может напомнить неожиданно попавшая в руки книга тех лет, отпечатанная на толстой, грубой, ломкой уже бумаге, или залежавшееся в книге пожелтевшее военное письмо, сложенное треугольником, с чернильным штампом возле адреса: «Просмотрено военной цензурой» и со старательно вычеркнутыми строчками,

или чудом сохранившиеся хлебные карточки — декабрьские, за сорок седьмой год — последние хлебные карточки... И просто так вспоминается — безо всяких поводов, потому что все в этой войне было трудно, больно и страшно, но ясно, определенно и чисто. Неясности начались потом».

Короткая запись. И грустная. И неизвестно зачем сделанная. И, может, поэтому трогает. И даже помогает понять что-то в сегодняшних моих чувствах и мыслях.

Думает ли обо мне сейчас Таня? Ведь она знает, что я лечу,— имена астронавтов объявлены всему миру.

Видимо, никогда мне не узнать — думала ли она обо мне в эти последние мои месяцы на Земле.

Впрочем... Если бы не думала — разве думал бы о ней я? Да еще столько! Ведь казалось — уже почти забыл ее. Ничто о ней не напоминало. И вдруг такое!

Из-за этих мыслей даже не читается в ионолете, хотя обычно я в этой машине читаю. Здесь нечего больше делать — ионолет все время идет высоко над облаками, на такой высоте, с которой все равно, даже и без облаков, ничего на земле не разглядишь.

А сейчас журнал, который я взял в дорогу, лежит на коленях, и прочитаны в нем всего две страницы.

Я лечу к Бируте. Уже больше недели ее лицо улыбалось мне только с небольшого экрана видеофона, и я страшно соскучился по ее глазам, по ее рукам, по ее ночному шепоту, по ее ласкам.

Каждый вечер, заканчивая разговор по видеофону, Бирута напоминала:

— Так ты не забудь написать мне письмо! Или сегодня же вечером, или завтра утром. Обязательно!

Еще улетая к родителям, в Прибалтику, Бирута взяла с меня слово — каждый день писать ей письма. Несмотря на то, что мы каждый вечер будем разговаривать. Странность, конечно! Каприз! Но я писал — мне приятно выполнять ее капризы.

Я хочу сейчас думать только о Бируте, а думаю почему-то больше о Тане. Странно устроен человеческий мозг! Постигают-постигают его и, казалось бы, давно постигли, а управлять им как следует все еще не могут. И по-прежнему, как во времена древнейшего врача Га-

лена,— «мы не вольны в течение наших мыслей, так же как в обращении нашей крови».

А может, это и хорошо, что «не вольны»? Может, в этом и прелесть?

Остаток своего отпуска я проведу с Бирутой в Прибалтике. Еще целые три недели мы будем жить у ее родителей в Меллужи, и бродить по сосновым лесам, и валяться на золотом песке у моря. Целые три недели! Сейчас кажется, что это — вечность. Но пройдут они — покажутся мигом.

А девять дней отпуска я провел дома. Хотя теперь и дома-то, по существу, нет. Потому что те немногие вещи, которые очень дороги нам с мамой и в которых для нас суть дома, мы упаковали и отправили на космодром. Их переправят оттуда на Третью Космическую и уложат в трюмы «Риты-3», нашего корабля. А в доме нашем будут жить другие люди, и выкинут наверняка наши старые вещи, и поставят свои.

Правда, это будет не сейчас, а позже — когда мы с мамой улетим.

Мама моя полетит вместе с нами. Ей разрешили это в виде исключения, из уважения к памяти отца. И еще — в благодарность за то, что она вернула человечеству тайну последней отцовской пластмассы. Ту тайну, которую считали погибшей вместе с отцом и с цехом, где пластмасса испытывалась.

Целый год мама перебирала в папином кабинете бумажку за бумажкой, прослушивала пленку за пленкой. Целый год, плохо разбираясь в новейшей химии, искала то, над чем бился отец — состав пластмассы, совершенно не пропускающей радиоактивные потоки.

Мама никому не говорила об этой своей работе, ни у кого не просила помощи, никого не хотела отрывать от дела. Даже я в своем «Малахите» узнал о том, что сделала мама, только из последних известий по радио.

Она расшифровала все путаные, исчерканные черновики отца. Она нашла все последние формулы, разобрала торопливые, сокращенные и запутанные записи, которые сделал отец в последний вечер, перед уходом на то роковое испытание.

И теперь лаборатория, которой руководил отец, уже завершает дело. Там начали было все заново. Но ма-

мин труд позволил им перенести работу сразу на последний этап.

И, хотя наш корабль полетит еще с прежней — тяжелой, просвинцованной обшивкой, на следующем корабле ее уже не будет. Следующий корабль обошьют отцовской пластмассой, и он будет легче, и людей возьмет намного больше.

Пластмасса оказалась невиноватой в том взрыве цеха, который погубил отца. Испытание недавно повторили на новом оборудовании — и все прошло нормально. И пластмасса не пропустила нейтронов. Видно, в том старом цехе просто свихнулся один из киберов и неверно замкнул цепь. А пластмасса — надежная. Отец не зря работал.

Вернув эту пластмассу людям, мама отправится с нами. И будет на Рите больше одним врачом. И будет на Земле одной вдовой меньше.

Сейчас мама где-то на пути к Антарктиде. Она решила слетать на прощание в тот подледный поселок, где добывают алмазы и где она встретила и полюбила отца.

Оттуда она еще полетит на Огненную Землю и затем — в Рио-де-Жанейро, на любимый свой пляж, где также многое для нее связано с папой. А потом еще проведет недельку дома. И это наверняка будет самая тяжелая для нее неделя — в пустом доме, где остались лишь старый, бездушный робот Топик да воспоминания.

По-моему, не нужно было бы маме этой недели. Но мама так решила, и я не посмел ее отговаривать.

Чудно! Даже не верится, что через какие-нибудь два месяца мы уже будем на Третьей Космической станции, где монтируются и откуда уходят корабли на Риту. Что через три месяца мы уже будем застывшими льдинками в каютах затерянной в Бесконечности «Риты-3». Совершенно не верится в это! То есть мозг понимает, что это — будет. Но чувства пока не приемлют. Словно подобное должно случиться с кем-то другим, не с тобой.

Интересно — у всех так или только у меня? Надо будет спросить у Бируты. Или у Али — когда вернемся в «Малахит».

Он ведь тоже летит — мой дорогой, горячий Али. Летит вместе с Аней Кузьминой, беленькой-беленькой во-

логодской девчонкой, которая стала его женой и подругой Бируты.

А вот Марат Амиров не попал в список. Даже не понимаю, почему. Он в пятерке сильнейших историков «Малахита». Но попали только двое из них. Может, на Рите, по земным представлениям, пока не требуется много историков? Правда, Марат и его жена Ольга — первые в списке дублеров. Но это небольшое утешение. Придется ли кого-то дублировать? Кто откажется от полета? Разве что случится несчастье...

Впрочем, загадывать рано. Пока что объявлены почему-то только пятьсот восемьдесят фамилий. А полетят шестьсот человек.

Как это ни странно — но летит и Женька Верхов. И с ним — Розита Гальдос, красавица-кубинка, лучшая певица нашего лагеря.

Весь «Малахит» с первых дней восхищался Розитой. Столько парней крутилось вокруг нее! И, хотя я никогда не был в их числе, Бируте почему-то долго казалось, что меня в их число тянет.

Это были все чудесные парни, и я не могу понять, почему Розита выбрала Женьку.

Правда, Женька держался в «Малахите» очень спокойно и солидно. И вполне профессионально работал в нашей лагерной киберлаборатории. Но работал без блеска, без выдумки — ни одной новой идеи. Впрочем, ничего другого я и не ждал от него.

Он явно не добивался здесь славы, как добивался ее в школе,— яростно и беззастенчиво. Он очень охотно аплодировал здесь другим — например, Али, который не раз будоражил «Малахит» своими новыми скульптурами и декоративными панно.

У Женьки уже была готовая слава талантливого изобретателя, и многие ждали от него новых изобретений, и я не раз слышал, как его спрашивали:

— Над чем работаешь сейчас?

Женька в таких случаях загадочно улыбался и отвечал:

— Если получится — узнаешь. А не получится — чего болтать?

Он был скромен. Он так и держался — скромным гением. У него это получалось.

Но я был совершенно, я был абсолютно уверен, что ничего нового он не выдумает, ни над чем в одиночку не бьется.

Зато бился я. После гибели отца, после того как все определилось и накрепко сложилось у нас с Бирутой, я работал очень много и сделал все, что должен был сделать на Земле.

Три месяца назад я передал Уральскому промышленному управлению радиофоны с запоминающим устройством на десять номеров. У них стандартный размер и стандартные длительность и дальность действия. И их батареи ни в чем не уступают прежним, хотя меньше и легче их.

— Задали вы нам работы! — сказал мне представитель управления. — Теперь ведь надо перестраивать производство!

Первую партию новых аппаратов обещали сделать быстро — к нашему отлету. Так что мы увезем с собой на Риту радиофоны с моими «поминальниками».

Об этом говорили по радио и, как когда-то Женьку, таскали меня на телестудию. После передачи Женька Верхов первый подошел и поздравил меня.

— Вот видишь,— сказал он. — И ты добился! Я же тебе предрекал!

Он предрекал совсем другое. Но я не стал уточнять — кивнул ему и отошел. До сих пор неприятно с ним разговаривать.

Довел я до конца и коробочки эмоциональной памяти. У меня уже есть пять штук с обратной связью — от коэмы в мозг. Нигде больше нет таких. Но о них я пока не говорю. Не хочу шума. Не хочу, чтобы вспоминали об «изобретении» Женьки и объявляли меня его последователем или даже учеником.

А ведь могут! Потому что никто не знает, как было все на самом деле. Никто, кроме Тани.

Это она еще в начале девятого класса подкинула мне книжку старинного фантаста, которую читал Михаил Тушин на корабле «Урал». Тот фантаст выдумал коробочки эмоциональной памяти. Но в его время их не могли сделать — не было отправных приборов, не умели улавливать и анализировать биотоки.

А в наше время — умеют. И различные схемы ана-

лизатора биотоков широко известны. И я решил воспользоваться ими, чтобы создать коробочки эмоциональной памяти, о которых мечтал тот фантаст.

Вначале у меня ничего не получалось. Диктуешь, диктуешь в такую коробочку, а потом подключишь ее к экрану — и никакого толку. Одни тени! Обычный анализатор биотоков дает линии, а у меня — тени. Вся и разница!

Потом я сообразил сосредоточить все приемники биотоков на кончиках пальцев, где больше нервных окончаний, где они гуще. И на экране стали появляться картины. Смутные, но понятные. Даже Таня попробовала. Она записала в коробочку нашу первую поездку на Пышму. Ту самую поездку, во время которой я и обещал, что не полечу один на Риту. И, хоть запись еще выглядела на экране нечетко,— это все же была запись. Коробочка работала. Мечта того старинного фантаста становилась жизнью.

Однако все это было лишь полдела. Ведь воспроизведение записи должно быть не на экране, а в другом мозгу. И я взялся сразу за второй этап, надеясь, что промежуточные стадии отработаю потом, когда будет решено главное.

А Таня не выдержала — похвалилась моей работой у Ленки Буковой. Рассказала и о том, что я делаю, и, главное, что приемники биотоков я собрал на кончиках пальцев.

У меня месяцы ушли, пока додумался до этого...

И Лена и Женька, который был у нее, слушали Таню вроде бы рассеянно, без особого интереса. Но уже через три месяца после этого разговора Женька принес на городскую юношескую техническую станцию красивые, гладкие коробочки и красивый небольшой экран в строгой черной рамке и продемонстрировал свои первые записи — турпоход по Байкалу и дорогу на Рицу. Ничего записи! Я потом смотрел. Зрительная память у Женьки приличная.

На станции, конечно, подняли крик. Гениальное открытие! Вызвали нашего директора и учителей. А потом собрали все школьные киберлаборатории города. Вот на этот, второй, сеанс я и попал. И Таню привез с собой.

Эффектно было! И Женька был эффектен. Высокий, полный, благообразный, очень строго одетый. Лицо бледное, губы горят, темные глаза широко открыты... В общем, типичный гений. Так сказать, одухотворенное лицо.

А может, он тогда просто боялся? Боялся, что я публично брошу ему в это самое одухотворенное лицо то слово, которого он заслуживает...

Или Таня бросит.

Наверно, Таню он боялся больше, чем меня.

А как хлопал глазами наш рыжий Юлий Кубов, руководитель школьной киберлаборатории! Еще бы — такой талант проглядел!

Конечно, Юлий Кубов знал, что я вожусь с коробочками. И даже ворчал на меня за то, что я забросил радиофоны. Но чего я в коробочках добился, чего не добился — он пока не ведал. Не контролировал нас по мелочам. А я не бегал к нему с мелкими вопросами. Сам искал.

Поэтому я и не удивился, что Юлий хлопал глазами: такое странное совпадение — один начинал, другой закончил... Поэтому он и промолчал — слишком мало знал, чтобы говорить.

Но, разумеется, больше всего Кубов удивился Женьке. Ведь Женька ни разу не был в нашей киберлаборатории. И никогда не увлекался электроникой. И, по общему мнению, знал ее не больше, чем положено по школьной программе.

Но когда подброшена идея, когда ясен принцип и кем-то уже обойдены подводные рифы, когда общеизвестны схемы отправных приборов — отчего не сделать? И не завоевать себе славу гения?.. Так сказать, по дешевке... Авось пригодится.

Эта слава пришла к нему быстро. Как горный обвал.

Уже через три дня после второго сеанса я видел красивое, одухотворенное Женькино лицо на экране телевизора.

Это была передача из нашего города. Но, как особо важная, она транслировалась через спутники связи на всю планету. И называлась солидно — «Интересное открытие уральского школьника».

А потом темные, красивые Женькины глаза мелькали на страницах журналов, звонкий, хорошо поставленный Женькин голос слышался по радио...

Телевизионную передачу мы смотрели вместе с Таней, у нее дома. И Таня не выдержала, расплакалась и сквозь слезы все повторяла:

— Какая я дрянь! Какая дрянь!.. Неужели ты когда-нибудь простишь меня?

Я успокаивал Таню, и гладил ее густые русые волосы, и целовал ее мокрые глаза, и за эти ее слезы ненавидел Женьку в тысячу раз сильнее, чем за все остальное.

Мы тогда пытались понять, почему он это сделал,— так вот нагло, открыто, беззастенчиво.

— Наверно, мы сами виноваты,— предположила Таня.— Вспомни, сколько мелких подлостей прощал Женьке чуть ли не каждый из нашего класса. С первых лет. Все мы ему что-то прощали. И ты прощал, и я, и другие. Помню, в пятом классе я полмесяца мучилась — писала «Приветствие покорителям океана». Мы тогда в интернате жили, помнишь? А Женька подслушал, как я декламировала в пустой спальне, и выдал эти стихи за свои. Когда он их прочитал на вечере — я убежала в спальню и проплакала до самого сна. Но смолчала. Не хотелось связываться. И ты смолчал, когда в седьмом классе он оттер твой доклад о Рите с праздников на будни. Помнишь это?

— Как не помнить? Все настроение пропало...

— Зато в День космонавтики делал доклад Верхов! А к праздничным докладам, сам понимаешь,— больше внимания. Так вот и создавалась слава. И сейчас ты молчишь...

Да... И в десятом классе я смолчал и забросил свою работу над коробочками. Не хотелось кому-то что-то доказывать, кого-то в чем-то убеждать. Противно было.

И сейчас все еще противно. И поэтому я молчу, не говорю никому о том, что закончил работу над уже известными всей планете коэмами.

Я решил сказать о них только на Третьей Космической, перед самым отлетом. Оставлю их там, и они будут жить на Земле, но весь шум, который они вызовут на радио и на телевидении, уже никак не коснется меня.

Одна только Бирута знает все о моей работе. Но она умеет молчать, когда надо.

Сейчас она, наверно, уже ждет на аэродроме. Ведь добираться биолетом от Меллужи до Латвийского аэропорта — почти столько же, сколько лететь от Урала до Латвии. Смешно устроен наш транспорт! С двадцатого века такое — и вот до сих пор.

Кажется, мы уже начинаем снижаться. Зажглось табло. Приблизились облака.

А в журнале так и остались прочитанными всего две страницы.

Лучше уж не говорить об этом! А то Бирута наверняка поинтересуется: «С кем это ты там любезничал всю дорогу?»

9. Бруно

Мы покидаем наш «Малахит» в конце сентября — самого нежного и самого грустного месяца.

В жизни не видел я ничего красивее, чем сентябрь на Урале! Самая богатая, самая пышная южная природа никогда не даст такого буйства красок, как осенние уральские леса. Все тона и полутона, все нежнейшие переходы и переливы красок — от желтого и зеленого до оранжевого и багрово-красного — можно увидеть здесь.

Мы выскакиваем по утрам из коттеджей на зарядку и видим незатухающие костры берез среди густой зелени молодых сосен и елей. Мы бежим гуськом к озеру, и по сторонам дорожки наряднейшей лентой тянутся желто-оранжево-коричнево-зеленые осины, полыхающие кусты боярышника.

А на другом берегу озера — тот же буйный пожар красок, да еще сине-фиолетовая дымка на дальних лесах, да еще бело-лилово-розовые облака, да еще нежно-голубое небо между ними.

Сейчас, когда впереди последние дни, видишь все четко, остро, даже с болью. А раньше как-то не замечалась эта безумная, редкая красота родных мест. Привычно

было, некогда было, казалось — еще миллионы раз увидишь. Чего приглядываться?

Зато теперь приглядываешься, и стараешься запомнить, и не торопишься, и ждешь чего-то, ждешь...

Но вот пахнет острый северный ветерок, и заиграет, закружится огненная метель из листьев на полянах и на опушках. И замашут тонкими, жалкими руками своими березы и осины. И отзовется эта буйная метель сладкой болью в груди, и вспомнится, как мальчишкой искал с отцом последние осенние грибы, как приносил маме березовые ветки с красными листьями, и как она опускала их в раствор фриэтана — чтоб листья не скручивались, чтоб и зимой держались на ветках.

А на Рите не будет осени, не будет прощального, отчаянно-яркого карнавала природы...

За наш отпуск в «Малахите» появились новички. Их немного — четверо молодых врачей, десять инженеров из различных институтов, шестеро молодых ученых. Все они попали в «Малахит» потому, что частично пересмотрена система отбора добровольцев. Инженеры, врачи и ученые необходимы на Рите, а в «Малахите» за два года их не подготовишь. Нужны будут и учителя. Первые две учительницы улетели на «Рите-1». Их готовили в «Малахите» по особой, «спрессованной» программе. Так же, как сейчас учили уже пятнадцать будущих учителей, и среди них — Бируту.

Теперь всем ясно, почему перед нашим отпуском были объявлены только пятьсот восемьдесят фамилий астронавтов, а не шестьсот. Ясно, кто эти «неизвестные» двадцать.

А мне-то казалось раньше, что двадцать пустых мест увеличивают шансы Марата!

Один из двадцати новичков — высокий, темноглазый и черноволосый инженер-механик Бруно Монтелло — торчит целыми днями не в механической мастерской, а у нас, в киберлаборатории.

— Почему ты обходишь свою мастерскую? — как-то поинтересовался я.

— Там все знакомо,— ответил Бруно.— Я уже работал на лучших заводах. А в вашей лаборатории знаю еще не все.

Однажды перед обедом Бруно сказал мне:

— В этом «Малахите» слишком спокойная жизнь. Тут, кажется, никогда ничего не случается. У вас и раньше так было?

— И раньше,— ответил я. — Здесь умные руководители. Они умеют предвидеть.

— На Земле, может, и так,— согласился он. — Но на другой планете даже самый умный не способен предвидеть всего. Там обязательно что-то будет случаться. А мы не готовы к неожиданностям.

— Нас два года только к этому и готовили,— возразил я. — Мы вроде умеем все, что должен уметь человек во враждебной природе.

— Враждебной там будет не только природа. — Бруно печально усмехнулся. — Разве ты забыл о том сожженном острове?

— Конечно, нет! — ответил я. — О нем никто не забывает. Просто о нем бесполезно говорить.

Эту тайну планеты Рита наши астронавты так и не разгадали. Они только обнаружили ее и привезли с собой на Землю.

На дикой планете, населенной людьми, не знающими ни металла, ни колеса, ни земледелия, был обнаружен большой, пустынный, удаленный от материков остров, засыпанный радиоактивным пеплом. Только громадные одиночные кусты буйной травы растут там. И ничего больше.

Наши астронавты не спускались на остров, потому что радиоактивность его почвы очень велика. Но специальными зондами были взяты образцы пепла. И он был исследован в лаборатории космического корабля «Урал».

К сожалению, пепел рассказал немногое. Стало ясно, что взрыв на острове произошел за триста восемьдесят лет до появления «Урала» возле Риты. Взрыв был вызван неизвестным на Земле естественным изотопом урана, обладающим чрезвычайно стойкой радиоактивностью.

Потому-то, даже спустя сотни лет, на острове так и не появились ни животные, ни птицы. Одна лишь трава приспособилась к высокому уровню радиации.

Очень многие сделали из этого вывод, что на Рите, как и на Земле, такого естественного изотопа урана нет.

Иначе животный мир Риты приспособился бы к нему.

Почему произошел тот страшный взрыв — неизвестно. Это так и осталось тайной далекой планеты.

На Земле высказывались десятки различных гипотез о причинах взрыва. Но все они остались лишь гипотезами. Чтобы проверить любую из них — надо лететь на Риту.

Конечно, мы полетим туда не ради того, чтобы проверять гипотезы.

Однако и загадочным островом нам придется заняться. Хотя бы уже для того, чтобы не было больше сожженных островов.

— А ты не связываешь тот остров с людьми? — спросил Бруно.

Я пожал плечами:

— Слыхал и такую гипотезу.

— Чужую и я слыхал. — Бруно усмехнулся. — А своя у тебя есть?

— Не люблю заниматься бессмысленным. Ведь на Земле все равно ничего не докажешь.

— Это не так уж бессмысленно. Разумная догадка позволяет к чему-то подготовиться... А нас наверняка ждут не только враждебная природа и не только атомные неожиданности...

— Ты имеешь в виду враждебность аборигенов, старина? — спросил подошедший к нам Али.

— И не только аборигенов, — ответил Бруно. — Я имею в виду еще и нас самих.

— Ха-ха-ха! — Али смеялся громко, в полный голос.— Уж не думаешь ли ты, что мы способны рубить друг другу головы?

— До этой гениальной идеи я как-то еще не дошел! — Бруно улыбнулся широко, открыто.— Но и такой идиллии, как в «Малахите», не будет. Мы не раз будем рычать друг на друга, старина!

— Я рычать не буду! — Али сказал это, гордо подняв голову. — Я не лев! Я человек! Я художник!

— Я тоже не собираюсь рычать! Но меня могут заставить.

— Кто?

— Не «кто», а «что». Обстоятельства!

— Обстоятельства создаем мы! — Али сжал кулак.—

Они у нас вот где! Обстоятельства будут зависеть от нас!

— Я неплохо изучал старуху-историю. — Бруно снова улыбнулся. На этот раз — снисходительно. — Так, как думаешь ты, Али, думали многие, кто начинал большое дело. А потом обстоятельства выходили из-под контроля. У них есть такое грустное свойство — выходить из-под контроля. И люди делали не то, что хотелось, а то, что диктовали обстоятельства.

Али прищурился.

— Если так думаешь — зачем летишь?

— Риска хочу! — откровенно признался Бруно. — На Земле негде стало рисковать. Почти все безопасно. А рисковать на спутниках Урана ради килограмма европия — не хочется, мелко. Рисковать — так по-крупному!

— Это как-то не так...— Али задумался. — Отдает авантюризмом.

— Ничуть! — Бруно возразил очень спокойно. По-моему, он вовсе не обиделся. — Каждый мужчина должен рисковать в молодости. Если он не хочет рисковать, он болен. В старину это сглаживалось армией — военная служба была сплошным риском. А когда не стало армии — посмотри, кто осваивал Солнечную систему! Разве старики? И ты чувствуешь то же, что и я. Поэтому летишь! Просто ты над этим не задумывался.

«Удивительно! — мелькнуло у меня. — После гибели отца мама говорила почти то же самое!»

— Если хочешь познать самого себя — говори с Бруно! — громко и нарочито высокопарно произнес Али.— Давай завтра говорить весь день! Я хочу познать себя! Сто тысяч лет человек не может себя познать. Я буду первый!

— Мальчики! Мы ждем вас. Обед на столе.

Из дверей столовой выглянула румяная, «беленькая» Аня, жена Али.

Обед, видно, давно уже ждал нас.

— Идемте! — Али махнул рукой. — Когда зовут жены — сопротивление бесполезно!

10. На Третьей Космической

...Я не хочу улетать! То есть, я даже хотел бы — только не навсегда. Кажется, все тело мое протестует против этого «навсегда».

Уже десять дней мы живем на Третьей Космической. Еще четыре дня карантина — и посадка. Еще четыре дня — и громадная голубая Земля наша начнет удаляться, исчезать и исчезнет для нас.

Пока она здесь, рядом. Каких-нибудь два дня в космическом лифте или два часа в ракете — и можно ходить по сибирской земле, дышать острым, холодным таежным воздухом, лепить снежки горячими руками... Пока что мы дома.

Еще можно сказать два слова, всего два слова —«не хочу» — и тебя немедленно отправят на Землю, и никто не упрекнет, и можно будет вернуться домой, или улететь в Африку, Антарктиду, на стройки Австралии — куда угодно. Земля велика, и дела на ней много.

Всего два слова...

Но я не скажу их.

В дни карантина мы мало занимались — только по утрам нам читали лекции о самых последних достижениях техники и различных наук. Так сказать — давали сливки.

Часами мы торчали в зале стерео, где с обеда до вечера шли самые новые фильмы мира. Во всех наших холлах лежали на столах громадные альбомы старинных репродукций. Кажется, все лучшее из крупнейших музеев планеты было собрано здесь. А никто из нас не мог похвастаться тем, что побывал во всех музеях. И поэтому многие старались наверстывать на прощание — часами листали альбомы.

Впервые за два года у нас было столько свободного времени. Может, нам специально дали эти полупраздные дни, чтобы мы могли спокойно подумать?

Раньше мы должны были прежде всего запоминать. Чтобы там, на Рите, побольше уметь.

Теперь мы должны думать, чтобы слабые вовремя отсеялись.

Сказать два слова — и тебя оставят. И никто никогда не упрекнет.

Только сам себе станешь противен и никогда потом и нигде не найдешь места.

Вчера ночью Бирута призналась, что чувствует то же, что и я.

— Сашка,— сказала она. — Просто не знаю, что со мной. Конечно, я полечу! Ты не бойся! Но меня пугает слово «навсегда». Я так завидую тебе! Ведь ты по-настоящему хочешь лететь! Как я раньше...

Я усмехнулся. И не стал рассказывать ей, что чувствую то же самое. Веселенький бы разговор тогда получился!

— Ах, Сашка! — продолжала Бирута. — Если бы можно было хоть когда-нибудь вернуться! Хоть под старость! Хоть ненадолго! Как легко было бы лететь! Может, с нами просто жестоко поступили? Может, нас надо было обмануть? И тогда мы улетали бы весело, беззаботно...

— А потом проклинали всех и вся? — спросил я.— А потом стали бы ненавидеть Землю за то, что она нас обманула? Это, по-твоему, было бы меньшей жестокостью?

— Ты прав, конечно... — Бирута вздохнула. — Если бы ты мог еще хоть иногда управлять моими мыслями!..

Она быстро уснула и совсем по-детски сопела мне в плечо, а я не спал долго и все думал, что, слава аллаху, не я один такой урод. Может, всем не хочется? Может, это нормально — что человеку невыносимо больно навсегда покидать родную планету?

Мне очень хотелось поговорить с мамой. Но я боялся. По крайней мере, сейчас. Боялся повлиять на ее решение. Она сама решила лететь. И я, конечно, был очень рад. Но никогда не позволил бы себе уговаривать ее. Или отговаривать. Как она и отец не позволяли себе этого со мной в последние годы.

Я видел, что маме очень трудно. Труднее, чем комулибо из нас. И все-таки каждый должен пережить это в одиночку.

После ночного разговора с Бирутой я уже был уве-

рен, что все наши ребята решают сейчас эту мучительную, эту последнюю земную проблему. Последнюю — если летишь. И первую — если остаешься.

Однако наши повседневные разговоры были обычными:

— Ты слыхал вчера по радио, что опыты Фризье прошли удачно?

— Слыхал. Ну и что?

— Как что! Телепатический мост между Парижем и Мельбурном! Нам бы с собой такого Фризье!

— А на кой он нам? Мы там все будем в куче! Достаточно и радиофонов!

— Вот утащат тебя аборигены в свою пещеру — тогда вспомнишь Фризье! Будешь звать его вместо мамы!

— Не буду! Телепатия всегда была только опытами. И всегда только опытами останется. Никому не охота подставлять свои мозги для постоянного заглядывания...

— ...Ребята! Кто взял мою «Греческую мифологию»? Я же ее не дочитал!

— Не грусти! На месте изучишь! Возьмешь себе в переводчицы ритическую жрицу...

— Бери уж сразу эротическую — чтоб полезное с приятным...

— Ребята — я серьезно!

— А какой чудак серьезно изучает сейчас греческую мифологию? Сорок лет проспишь — все забудешь.

— И потом у них все наоборот. Вместо Зевса — Афродита. На ритянском Олимпе еще наверняка матриархат...

— ...Вот гляжу на эти репродукции и думаю: ведь сейчас люди красивее. Намного красивее, чем в старину!

— Естественный отбор, дружище! Некрасивому сложно жениться. Некрасивой трудно выйти замуж.. Вот и потомства у них маловато. Читай древнего мудреца Дарвина. Он открыл это за четыреста лет до тебя. Так что Нобелевскую ты не оторвешь!

Однако и в этот обычный бодрый «треп» однажды прорвалась тревожная струя:

— Ребята! Слыхали? Утром Ральфа Олафссона отправили на Землю!

— Сам просил?

— Галлия его не выдержала. Она просила.
— А ты откуда знаешь?
— Радисты сказали. За завтраком объявят.
— Жаль парня. Не виноват, а остается.
— Не ту жену выбрал...
— Кого-то вместо них пришлют?
— По алфавиту...

К вечеру в столовой Третьей Космической появляются Марат и Ольга Амировы. Марат бледен и как-то очень смущенно принимает поздравления. Конечно, он рад, но, видимо, стыдится показать свою радость. Ведь причина ее — беда товарища. Все-таки незавидно положение дублеров! Ложное какое-то положение. Сиди и жди — кто струсит? кто не выдержит? кто заболеет?

Впрочем, другие дублеры, сидящие в карантине на Земле, сейчас наверняка смертельно завидуют Амировым и даже их смущению в нашей столовой.

После ужина Марат отводит меня в сторону и вынимает из кармана маленький конверт.

— Просили передать,— говорит Марат.— Если я поднимусь, конечно... Почте не доверили.

Марат улыбается. Чуть заметно, краешками губ.

— Лина? — сразу догадываюсь я.

— Да. Прилетала перед началом карантина.

Я остаюсь один и разрываю конверт. В нем — коротенькая записка:

«Счастливого пути, Сандро! Спустишься на Риту — вспомни меня. Я буду уже старушкой, но мне очень хочется, чтобы ты меня вспомнил.

Линка-неудачница».

Все-таки я свинья! Совсем не думал о Лине в последние месяцы. Даже не вспомнил ни разу!

...Многие ждут, что в этот вечер нас соберут для серьезного разговора командиры корабля Федор Красный и Пьер Эрвин.

Но нас никто не собирает. Все идет так же, как шло раньше. Будто ничего не случилось.

Потом только до меня доходит: о чем можно говорить с нами, если сбежавших уже нет? Ведь собрать нас для разговора — значит, оскорбить подозрением...

Честно говоря, я предполагал, что не выдержит

Женька Верхов. Однако Женька, видно, крепче, чем я думал.

Мы держимся с ним сейчас холодно-дружески. Здороваемся, улыбаемся, даже иногда шутим. А что тепла нет — кому до этого дело?

Я с удовольствием не общался бы с ним совсем. Но это невозможно. Тогда кому-то из нас придется остаться.

Если бы я был уверен, что оставят Женьку, — давно обнажил бы наши истинные отношения. Потому что на Рите Женька будет очень опасен — это я точно знаю.

Но оставить могут и меня. И тогда Женька будет на Рите еще опаснее. Потому что никто не ждет от него подвоха.

Сейчас у меня, пожалуй, не меньший технический авторитет, чем у Женьки. Мои радиофоны с запоминающим устройством уже давно в производстве. И мы увозим с собой первую партию таких аппаратов. И об этом тоже говорили по радио, сообщали в газетах.

Я легко мог бы усилить шум, передав любому местному промышленному управлению свои коробочки эмоциональной памяти с обратной связью. Но я все тяну. Лишь в последний день, перед самой посадкой в корабль, я передам их радиотехникам Третьей Космической. Пока будут проверять мои коэмы — мы улетим.

Две коэмы я беру с собой. О них не знает никто, кроме Бируты. Но, по-моему, они не скоро понадобятся на Рите.

Сейчас, в последние дни, мне начинает казаться, что все эти коэмы, «поминальники» и прочая дребедень — мальчишеские забавы, которым я придавал слишком большое значение. Сейчас надвигается что-то огромное, важное, несоизмеримое с тем, чем мы жили до сих пор.

Такой ли я, какие нужны в этих новых условиях? Может, это вовсе не для меня? Ведь, к сожалению, я далеко не лучший образец человеческой породы.

Гожусь ли я для того, на что замахнулся?

...На следующий вечер Бируте передают конверт, и я вижу, как она читает письмо на другом конце холла, в кресле, а потом прячет конверт в карман.

Наверно, письмо от матери. Как и сама Бирута, ее мать очень любит писать и получать письма.

Но обычно Бирута рассказывает мне, что пишет мать.

А в этот вечер она не говорит ничего.

И поэтому мне начинает казаться, что письмо — не от матери.

Впрочем, чему тут удивляться? Были же у Бируты друзья до «Малахита». И, может, не только друзья. Я никогда не спрашивал ее об этом, потому что не ревную к прошлому, как часто, к сожалению, ревнует сама Бирута. Но если я мог получить прощальную записку от Лины, то почему не может получить от кого-то письмо моя жена? И если я, щадя ее нервы, уничтожил записку и ничего не сказал о ней, то почему Бирута не может сделать того же?

Все равно ведь прощальные записки никогда ничего не меняют. Ничегошеньки!

11. Прощай, Земля!

Сегодня уходим мы в даль,
В безбрежную даль — навсегда.
К тебе не вернемся, Земля!
Твои не увидим поля!
Твои не увидим леса!
В твои не заглянем глаза!

Я даже не знаю, откуда доносится аккомпанемент. Кажется, музыкой наполнен воздух, ее отдают нам стены, и потолки, и черные большие окна Третьей Космической.

Еще вчера эту мелодию неуверенно наигрывали тонкие длинные пальцы Розиты Гальдос, а мы спешно подбирали последние слова и еще не знали — выйдет или не выйдет у нас прощальная песня.

А сегодня мы поем ее — в шестьсот здоровых молодых глоток. Поем и идем по гнутым коридорам Третьей Космической к дверям своего корабля. И мелодия, которую вчера еще знали только мы, сейчас звучит над всей планетой.

Не думай, что весело нам,
Не думай, что очень легко

По дальним и чуждым мирам
Бродить от тебя далеко.

Мы поем это и улыбаемся, и бодро идем вперед. Мы знаем, что десятки телеобъективов глядят на нас из стен и потолков коридора, десятки микрофонов слушают нас. Это глаза и уши Земли. Она видит и слышит нас и молча прощается с нами.

К тебе мы пришлем наших внуков.
Прими их как внуков своих.
Как нас перед вечной разлукой,
В морях искупай голубых,
На пляжах погрей золотых.

Это Бирута написала про моря и пляжи. Это ее строчки. Это наш с ней отпуск звучит в прощальной песне.

Мы идем не толпой. Идем шеренгами. Чтобы всех было видно. Ведь каждого кто-то хочет увидеть на Земле. Ведь с каждым кто-то хочет проститься. Хотя бы молча.

Мы улыбаемся и поем о наших будущих внуках, которых вчера только выдумали и над которыми — чего скрывать? — кое-кто еще вчера смеялся: какие, к лешему, у нас внуки?..

Их путь будет горьким и трудным,
Но им ведь не выбрать другой.
И в праздник,
И в будни —
Всегда они будут с тобой,
Прекраснейший шар голубой,—
Всю жизнь они будут с тобой.

Почему-то снова вспоминаю я Таню. Конечно, она видит меня и прощается. А я не могу с ней проститься. Не могу крикнуть: «Прощай, Таня!», хотя и знаю, что она услышит.

Так мы решили вчера — никаких криков, никаких индивидуальных прощаний! Только песня! Лишь песней мы прощаемся с Землей! И еще улыбками — сколько угодно улыбок!

Мы хорошо помним прошлый отлет. Помним истерические женские крики в этих же коридорах — «Прощай, мама!», «Прощай, мамочка!». И заплаканные лица на

экранах телевизоров. И опухшие от слез глаза возле экранов.

Мы не хотим этого. Пусть нас запомнят улыбающимися! Пусть останется на Земле наша песня! И пусть доживет она хотя бы до следующего корабля, до следующих шеренг молодых астронавтов в зеленых костюмах.

Мы идем долго. Почему-то очень длинны сегодня коридоры Третьей Космической. За время карантина мы привыкли к ним, и они казались вовсе не такими длинными. А сейчас идешь — и конца нет.

Я держу руку Бируты и незаметно глажу ее тонкие, холодные пальцы. И она отвечает мне такими же незаметными для всех движениями пальцев.

Мне хочется хоть этой робкой лаской успокоить жену. Ей тяжелее, чем мне. Ее родители далеко, и она уже никогда не увидит их. А моя мама среди нас.

Мы вообще слишком спокойно, как что-то должное, принимаем отчаянную смелость наших молодых жен. Совсем не женскую смелость.

Нам бы молиться на них. А мы над ними подтруниваем. Даже иногда ссоримся с ними.

Чего бы стоила вся эта затея с планетой Рита, если бы не летели женщины? Что вышло бы из этой затеи?

Все ближе широкие двери нашего корабля. Вот уже они видны впереди. Вот уже исчезают в них первые шеренги нашей длинной зеленой колонны.

Мы знаем, что́ за этими дверьми. Нас водили по кораблю во время карантина и показывали каждой паре ее маленькую, тесную каюту, в которой нет ничего лишнего.

У нас с Бирутой каюта 147. На втором этаже, в конце левого коридора. Мы уже сами, без экскурсии, были там вчера и разложили по шкафчикам немногие свои вещи, и теперь хоть с закрытыми глазами найдем на корабле эту каюту.

А у мамы — специальная одноместная каюта 17, возле рубки. И маму, в отличие от всех нас, решено не отогревать и не будить в пути на дежурство, если, конечно, в ее медицинской помощи не будет самой крайней нужды. Поэтому за сорок лет анабиоза мама должна помолодеть почти на три года. А каждый из нас помолодеет

на два года, потому что спать мы будем не все сорок лет ракетного времени. По сто дней каждый из нас будет дежурить на корабле.

Мне сейчас почти девятнадцать лет. А когда прилечу на Риту — буду чувствовать себя семнадцатилетним. И в то же время должен помнить все, что знаю сейчас.

А по другому отсчету, по ракетным часам, мне будет тогда уже около шестидесяти. А по земному времени — около ста двадцати.

Мои школьные друзья и Таня — моя Таня! — уже будут прадедами и прабабками в то время.

А я только начну жить.

Все ближе и ближе широкие двери, выйти из которых можно лишь на другую планету. Все ближе последний наш земной порог. Весело перешагивает его шеренга за шеренгой. Как будто этот порог — самый обычный.

Вот и наш черед. Вот и мы с Бирутой шагаем через него.

12. Перед сном

Мы долго суетимся и бегаем по кораблю. Не сидится в тесных клетушках.

Зачем-то мы спешим с Бирутой к рубке, чтобы проститься с мамой. Мы уже простились с ней на Третьей Космической и пожелали друг другу хорошего сна, но вот теперь бежим по коридорам, и кого-то толкаем, и обо что-то стукаемся. И видим, что другим тоже не сидится в каютах.

Маму наше появление ничуть не удивляет. Она словно ждала нас. И мы снова прощаемся и желаем друг другу хорошего сна.

А потом бежим по коридорам обратно.

Когда, тяжело дыша, мы вваливаемся в свою каюту, Бирута запирает дверь и прижимается ко мне.

— У нас осталось так мало времени! — говорит она.

Она права. Скоро старт. И с ним — первая перегрузка, которая намертво прижмет нас к койкам. И за ней — сон. Полное небытие на двадцать лет. Лишь в середине

пути настанет наша очередь дежурить, и нас с Бирутой отогреют и разбудят. Лишь через двадцать лет!

Мы целуемся на прощанье долго и сладко, как, наверно, не целовались с тех, первых весенних вечеров в «Малахите».

А потом я щелкаю выключателем, и в полной темноте все на свете уходит от нас далеко-далеко, и остаемся только мы вдвоем, и наши горячие молодые тела, и наше частое дыхание, и наши бешено стучащие сердца...

□

Нас приводит в себя громкий голос Пьера Эрвина, который доносит радио:

— Объявляется десятиминутная готовность! Всем астронавтам — занять места в своих каютах! Всем посторонним — немедленно покинуть корабль! Повторяю...

— Давай посмотрим на Землю! — тихо говорит Бирута.

Я поднимаюсь и включаю наружную телелинию.

Бирута подходит сзади, обнимает меня и чешет нос о мое плечо.

— Мне хорошо с тобой, Сашка! — говорит она.— Мне удивительно хорошо с тобой!

— Мне — тоже!

Я оборачиваюсь и сжимаю ее упругое тело.

Потом она глубоко, облегченно вздыхает и слегка отталкивает меня от маленького окошечка телевизора.

— Подвинься, медведь! Дай проститься!

Мы глядим на громадный голубой шар родной планеты. Последний раз. Последние минуты!

— Мы даже не увидим ее издали,— тихо говорит Бирута, и на глаза ее накатываются слезы.— Все-таки это жестоко!

Да, через несколько минут мы ляжем на свои койки и уже не встанем. У нас жестокий рейс. Не до эмоций.

— Объявляется пятиминутная готовность! — снова раздается в динамике голос Пьера Эрвина.— Задраиваем двери! Всем астронавтам лечь на койки! Повторяю...

— Подождем минутку! — Бирута прижимается ко мне.— Успеем!

И мы еще недолго смотрим на Землю. Над ней плывут облака — белые, нежные. И между облаками мелькает кусочек голубого моря. И хочется нырнуть в это море и плыть, плыть...

— Пора!

Я выключаю телевизор, мы ложимся на койки и пристегиваем ремни. Надо сейчас лечь поудобнее. Потом не повернешься.

— Объявляется старт! — это опять голос Эрвина.

— Дай руку, Сашка! — просит Бирута.

У нас очень узкая каюта. Нам легко протянуть друг другу руки.

Мы сцепляем пальцы, но ненадолго. А потом на нас наваливается что-то невидимое, но страшно, неимоверно тяжелое, и обрывает первую ленту моей первой жизни.

Лента вторая. БЕСКОНЕЧНОСТЬ

1. Двадцать лет спустя

Вначале стало тепло. Просто тепло — и ничего больше. Было необычно приятно ощущать эту теплоту.

Потом я почувствовал, что затекла спина. Захотелось повернуться.

Но повернуться не удалось. Что-то мешало. А... так это же людоеды связали меня! Я лежу возле их костра. Скоро они меня зажарят и съедят.

Я рванулся — но напрасно. Связали крепко.

И в то же время я очень хорошо знал, что могу себя развязать. Стоит только двинуть руками.

Странно, почему людоеды не связали руки?

Однако двинуть руками тоже не удалось. Не двигались.

Видно, людоеды не такие уж дураки...

А при чем тут, собственно, людоеды? Ведь они — на Рите, а мы еще не прилетели...

Ага! Мы летим! Значит, надо просто расстегнуть ремни!

Теперь уже руки двигались. Они медленно, неуверенно расстегнули оба ремня, и я пошевелил ногами и повернулся на бок.

Это было такое блаженство, какого я не испытывал еще никогда. Просто невозможное блаженство!

Почему-то я знал, что оно скоро кончится, а хотелось продлить его подольше. Хотелось провалиться в это блаженство, нежиться и плавать в нем.

Но что-то мешало.

Нет, нигде ничто не давило. Мешало что-то внутри.

Что же?

«Рута! — вдруг вспомнил я.— Как же Рута? Ведь ей, наверно, тоже хочется повернуться!»

Я открыл глаза. В каюте был полумрак. Как зимней ночью, перед рассветом.

Бирута лежала на спине — прямая, неподвижная.

Мне показалось, что она не дышит, и я испуганно приподнял голову.

В голове сейчас же отдалось какой-то пустой, звонкой болью. Но я успел услыхать дыхание Бируты. Правда, совсем легкое, совсем слабое.

Потом я снова лежал и чувствовал медленно просыпающуюся в груди жажду, и думал о том, что надо спустить на пол ногу. Только одну ногу!

Это было невероятно, нечеловечески трудно. Но все-таки я ее спустил и коснулся пальцами пола.

Другая нога спускалась еще труднее. Вначале ее надо было подтащить к краю койки, потом перекинуть через него...

«Теперь — сесть!» — скомандовал я себе.

Я приподнял голову и снова почувствовал в ней звонкую, пустую боль. Но опускать голову уже нельзя — тогда не сядешь. Просто надо пересилить эту боль.

Перебирая руками по краю койки, я приподнялся и сел. И прислонился спиной к стене. Стена была теплая, приятная, даже какая-то ласковая. Сидеть бы так да сидеть!

Пить хотелось все сильнее. Жажда надвигалась, накатывалась волнами.

«Надо же освободить Руту!» — вспомнил я и качнулся вперед.

Но встать не удалось. И я чувствовал — не удастся. И тут же понял, что это, в общем-то, и не нужно. Ведь Бирута — совсем рядом.

Она дышала все так же легко, еле слышно. Но вот у нее дернулись пальцы рук, затем ноги. Потом вся она содрогнулась, и я понял, что ей уже мешают ремни.

Я нагнулся и расстегнул их.

Бирута, будто только этого и ждала, глубоко вздохнула и повернулась на бок. Хотелось поцеловать ее. Но для этого надо было встать. А я не мог.

Еще немного я посидел, глядя на сладко спящую Бируту и пытаясь вспомнить, где вода. Где-то близко должна быть вода.

Но так и не вспомнив, я повалился на свою койку и поднял ноги.

«Сейчас засну! — подумал я.— А спать нельзя. Ведь это нас будят на дежурство!»

Я прислушался. Было очень тихо. Только где-то далеко, за многими стенами и многими дверьми, что-то непрерывно и глухо гудело.

Нестерпимо хотелось пить. Я готов был закричать, завыть от жажды.

Но не было сил кричать. И не успел я — провалился в сладкую, непроглядную черноту.

2. «Пейте понемногу!»

— Сашка! — услышал я.— Сашка!

«Голос Руты! — пронеслось в мозгу.— Чепуха! Она еще спит! Это просто снится!»

— Сашка! — Я почувствовал легкое прикосновение к руке.

«Это Рута! — опять подумал я.— Но она же спит!» И все-таки открыл глаза.

В каюте было почти светло. Рассеянный, мягкий, какой-то незаметный свет.

Бирута сидела на своей койке и глядела на меня.

Я улыбнулся. Она тоже улыбнулась — неуверенно, робко, словно боялась, что губы не двинутся.

— Доброе утро, Рут!

— Это ты расстегнул мне ремни?

— Что ты!

— А кто же?

— Господь бог. Больше некому.

— Значит, ты уже вставал?

— Кажется.

— Когда?

— Разве упомнишь?

— Нам пора дежурить, да?

— Видимо. Иначе бы не проснулись.

— А ты можешь сесть, Сашка?

— Наверно, могу.

Я стал медленно и трудно опускать с койки ногу. Как тогда, впервые. Но неожиданно она опустилась легко и быстро. И другая нога — еще легче. И я сел — просто, без напряжения, будто обычным утром проснулся и сел.

И тут же снова почувствовал жажду. И почувствовал, что могу теперь встать. Раньше — не мог, а сейчас — могу.

Я встал — и все закачалось перед глазами.

— Нельзя же так! — услышал я голос Бируты. — Нельзя же сразу!

Я лежал на полу, между койками, и Бирута протягивала мне руки.

Но почему-то я боялся ухватиться за них. Ухватился за свою койку и тяжело перевалился через ее край.

Теперь я снова лежал.

— Глупый! — Бирута улыбалась. — Забыл, как нас инструктировали? Не спешить! Только не спешить!

— Нас инструктировали с запасом. Инструктируют всегда с запасом.

— А ты хочешь на пределе? Когда можно будет — тебе скажут.

— Если бы я ждал, пока скажут — ты бы еще была пристегнута.

— Ну и что?

— Ты хочешь пить, Рут?

— Безумно!

— Где-то здесь должна быть вода...

— Астронавты Тарасовы! — услышали мы тихий голос из динамика над дверью. — Астронавты Тарасовы! Просыпайтесь! Пора!

Там далеко, в рубке, помолчали. Что-то прошелестело перед микрофоном — то ли бумага, то ли пленка. Потом заговорили снова:

— Здравствуйте, ребята! Это я, Марат! Как себя чувствуете? Включите свои микрофоны.

Я поднял руку и включил микрофон над койкой.

— Салют, Маратик! — сказал я. — Доброе утро, деточка! Мы проснулись.

— Только не вздумайте садиться, ребята! Вам еще целый час лежать! Включаю ваши часы. Сейчас девять пятнадцать по гринвичскому времени.

— Сенк ю, дорогой! — сказал я. — Мы уже сидим!

— Не валяйте дурака, ребята! Лежите и не рыпайтесь! Включаю вам воду. Шланги у изголовья. Только не жадничайте. Пейте понемногу!

«Так вот где вода!» — наконец вспомнил я и стал шарить по стене.

Бирута нашла свой шланг быстрее меня.

Мы пили молча и жадно, но напиться никак не могли — очень тонкой струйкой текла вода.

Наконец Бирута взмолилась:

— Марат! Дай побольше воды!

— Нельзя, ребята! Я и эту сейчас отключу. Через час получите еще. И не садитесь! Успеете насидеться!

— Тебе уже надоело? — поинтересовался я.

— Что ты, Сандро! Такое не может надоесть! Но ведь и вам, наверно, хочется?

— Верно,— подтвердил я.— Потому и спешим.

— Лягте, ребята! Как временный командир корабля приказываю вам лечь!

— Придется подчиниться!..

Я подмигнул Бируте. Я-то лежал. Это она сидела. Бирута медленно легла на койку.

— Я вызову вас через час, ребята! Пока!

— Рута! — раздался в микрофоне голос Ольги Амировой.— Ты слышишь меня, Рута? Включи свой микрофон!

Бирута подняла руку, повернула регулятор.

— Здравствуй, Лель!

— Ты только не спеши, Рута! Слышишь? Мы это уже испытали. Потом будет очень легко. Как в детстве! Только сейчас не спеши!

— Спасибо, Лель! Ждем детства!

— Я днем зайду к вам, Рута! Пока!

В динамике щелкнуло, и снова стало тихо. И только где-то далеко, за многими стенами, продолжался ровный, спокойный, сдержанно-могучий гул.

3. «Все предусмотрено!»

А через час, по этому самому гринвичскому времени, мы сидели с Бирутой рядом и целовались. Конечно, это не было предусмотрено программой пробуждения астронавтов. Но нельзя же делать все только по про-

грамме! Мы не киберы. Мы люди. И мы не виделись целых двадцать лет! А если по гринвичскому времени — то и все полсотни. На Земле мы уже давно сыграли бы золотую свадьбу.

— Ребята, можете садиться,— услышали мы голос Марата.— Даю воду. Только не жадничайте. Лучше возьмите в ящиках под койками тюбики витаминной пасты. Подкрепитесь. Через час можно будет встать, и вы получите нормальную еду.

— Спасибо за разрешение, Маратик,— ответил я.— Целуем тебя в щечки.

— Ты все балагуришь, Сандро...

— Я просто в восторге от того, что удалось проснуться. Это вдохновляет.

— Между прочим, до вас тоже все просыпались. Все идет, как намечено.

— Это вдохновляет вдвойне. Мы, в общем-то, никогда не претендовали на исключительное положение.

— Ну, ладно! Салют! Вам, наверно, и без меня неплохо.

— Ты феноменально догадлив!

— И благороден, Сандро, учти! Я не прошу включить видеофон.

— А знаешь, за двадцать лет я как-то забыл о его существовании.

— Это тебе только кажется. Ничего ты не забыл. Все вспоминается, будто проспал ночь. По себе знаю. Еще раз — салют!

В динамике щелкнуло. Мы снова остались с Бирутой одни.

А еще через час мы уже осторожно ходили по каюте и ждали, когда робот поставит в передвижной ящик возле двери наш первый «нормальный» завтрак. Открывать дверь было еще рано — температура каюты отличалась от температуры в коридорах.

— Включить наружный телевизор? — спросила Бирута.

— Включай.

Мы увидели черную бездну на маленьком каютном экране и немигающие светлые точки. Они медленно двигались с одной стороны экрана к другой, показывая нам вращение корабля, совершенно незаметное без этого.

Только точки, точки — и ничего больше. Скучно смотреть на космос через маленький экран!

— Вот, наверно, в рубке красиво! — Бирута вздохнула.

— Насмотришься!

В рубке мы были всего несколько минут — когда во время карантина осматривали корабль. И экран там тогда не работал. Он был серебристо-белый, слепой.

А теперь нам предстоит провести в рубке сто дней. И все дни экран не будет выключаться ни на минуту.

За стеной послышалась возня. Видно, пришел робот с завтраком. И на самом деле — через минуту вспыхнул синий огонек возле двери. Так сказать, «кушать подано».

Мы ели быстро, даже плохо понимая, что едим. Все было таким невероятно вкусным и есть хотелось так сильно, что разбираться было просто некогда. Кажется, впервые в жизни я получал такое наслаждение от еды! И жаль было только, что завтрак оказался очень небольшим. Мы явно не наелись.

Но, видно, пока больше было не положено.

— Как завтрак, ребята? — снова услыхали мы голос Марата Амирова.

— Чертовски вкусно! — ответил я.

— Мало! — сказала Бирута.

— Не жадничай, девочка! — посоветовал Марат.— Береги талию! А то этот эстет Сандро разлюбит и бросит тебя.

— Ха-ха! — Бирута рассмеялась.— Пусть попробует найти здесь кого-нибудь получше... Когда ты выпустишь нас на волю, Маратик?

— Скоро, ребята. К вечеру пройдете в рубку. Просто так — поглазеть на мир. А завтра мы уже сдадим вам дела.

— Как вам дежурилось? — спросил я.

— Нормально. Никаких ЧП. Умные мужики на Земле предусмотрели абсолютно все.

— Значит, было скучно? — уточнила Бирута.

— Как сказать. Сто дней — небольшой срок. Я согласился бы еще на двести. С удовольствием. К тому же тут отличная библиотека и фильмотека. Можно восполнить, так сказать, пробелы в образовании.

— А!..— Бирута махнула рукой.— На Рите эта земная эрудиция будет совершенно ни к чему.

— И такое говорит учитель! — В динамике было слышно, как Марат печально вздохнул.— Что же он вложит в головы своих питомцев!

— Мы создадим там новую культуру! — задорно бросила Бирута.

— Из чего? — грустно спросил Марат.— На чем? На пустом месте? Сандро! Неужели ты разделяешь эти вандалистские взгляды?

— Она давится от смеха, Марат. Поэтому и не дает мне включить видеофон.

— А-а... Мне-то казалось — из-за чего другого.

— Ты циник, Марат! — сказала Бирута.— Дополнительное образование не пошло тебе в прок.

— Наоборот, Рута! Оно вытравило из меня почти весь цинизм! Это уже жалкие остатки!

— Брехун! — вдруг послышался в динамике голос Ольги.— Представляешь, Рута, я выслушиваю это сто дней почти одна! Ведь с нашими милыми напарниками мы общаемся не больше двух часов в сутки... Как ты думаешь — дадут мне на Рите какую-нибудь медаль за терпение?

— Я отключаюсь, ребятки! — Марат не дал нам ответить.— Жаловаться на меня она может сутками. А вам еще надо отдохнуть.

— Не отчаивайтесь! Я скоро приду! — ворвался в динамик голос Ольги, и лишь после этого раздался щелчок выключателя.

Она и на самом деле пришла довольно скоро, и расцеловалась с Бирутой и даже со мной, и долго, с откровенным изумлением разглядывала нас.

— Мы такие страшные? — спросила Бирута.

— Нет, что ты! — Ольга смутилась.— Обычные! Ну, похудели, конечно. Просто я впервые вижу проснувшихся.

— Но ты же сама... Доллинги...

— Ах, это не в счет! Доллингов я вначале и не видала — мы проснулись позже. А на себе разве что заметишь?

— Ну, и что ты заметила на нас? — немедленно поинтересовалась Бирута.

— Вы как-то посвежели. Видно, что стали моложе.

— А как Монтелло? — спросил я.— Ты их еще не видела?

— Нет! Их будят Доллинги. Ночью, наверно, проснутся. Или к утру.

— Вы различаете день и ночь? — удивился я.

— Так удобнее.— Ольга пожала плечами.— Это уже стало традицией. Нам передали — мы вам передадим.

— А знаешь, и ты ведь помолодела,— сказала Бирута, внимательно разглядывая Ольгу.

Я тоже пригляделся к ней, но ничего не заметил. Такая же русая, крутобедрая и гибкая, какая была в «Малахите». Только щеки бледные. А там были румяные. Да разве разберешь, помолодела ли на год курносая девятнадцатилетняя девчонка? Зря они болтают все эти женские глупости!

— Не знаю, ребята, не знаю...— задумчиво произнесла Ольга.— Телу-то легко. Но, может, это гравитация? Все-таки наш корабль — не Земля. Вот как будет на Рите?.. Мы уже и так с Маратом проводим в спортзале по два часа вместо положенного часа. Боимся стать хлюпиками. Времени-то хватает. Больше четырех часов все равно не проспишь. А эспандеры мы даже в рубку притащили.

— А Доллинги? — спросил я.

— Доллинги торчат в спортзале больше нас! Майкл говорит, что на Рите ему понадобится прежде всего сила. И вообще — у них все расписано по минутам. Такую мощную программу соорудили себе на эти сто дней! Будто не на Риту летят, а домой, в Англию. Они даже фильм о космосе сняли!

— Зачем? — удивилась Бирута.

— Поинтересуйся! Майкл говорил что-то о наших будущих детях...

— Лель...— спросила Бирута.— А скажи — трудно? Вот эти сто дней...

— Нет, ребята! — Ольга покачала головой.— Все предусмотрено! Абсолютно все! Даже встреча с чужим космическим кораблем. Только нажимай кнопки! На Земле ведь знали, что дежурить будут не пилоты... И потом — мы не ведем исследований. У нас всего лишь транспортный рейс.

— А если навстречу что-то неожиданное?

Это, конечно, спросила Бирута. Истинно женский вопрос!

— На это у тебя меньше шансов, чем быть сбитой в чистом поле биолетом! Но если даже и метеор — автомат сожжет его, прежде чем ты успеешь понять, в чем дело! Я же говорю — все предусмотрено!

Я слушал Ольгу, и становилось грустно. Хотя, казалось бы, надо радоваться.

И мне почудилось, что Ольга тоже говорит все это грустно.

Почему бы? Неужели мы еще недостаточно взрослые, чтобы радоваться безопасности?

4. Рубка

Вечером мы были уже в рубке, и Марат объяснял:

— ...Крайние серые щиты приборов смотрятся только в случае аварии. Возле каждого прибора — толковая надпись. Вполне по нашему интеллекту. При неисправности в приборе или на линии красная лампочка все скажет. Серые щиты контролируются двумя голубыми. А голубые — одним желтым. Принцип — тот же. Поэтому достаточно следить за желтым. Если на нем вспыхнет красная лампочка — то она вспыхнет и на голубом, и на сером. Так сказать, уточнит — где и что. А здесь — главное. Малейшая неисправность реакторов, или автопилота, или электронного мозга — на красном щите. При любом «чепе» он сам все объяснит — вслух, понятно. И в чем причина, и что делать. Нельзя только уходить, слышите? Ни на минуту рубка не должна оставаться пустой. Объяснения могут не повториться. Поэтому дежурят по двое. И едят — по одному. Кто-то всегда должен быть возле красного щита.

— Мы смутно помним это,— сказала Бирута и улыбнулась.— Мы забыли еще не все, чему нас учили до сна.

— Я обязан напомнить! — Марат был предельно серьезен. Даже уголки его губ не дрогнули.— А вы обязаны напомнить это своим сменщикам.

— Вот если только корабль...— произнесла Бирута.

— На красном щите внизу кнопки, видишь? — Марат протянул руку.— Тут надписи — «Встречный корабль», «Параллельный корабль». Нажми нужную — и к кораблю уйдут радиосигналы и ракета с информацией. Повторный нажим — повторные радиосигналы. В ракете — все интересное. А мы задерживаться не можем.

— Значит, мы не узнаем, откуда они?

— Почему? Их сигналы запишет наша аппаратура. И расшифрует. И подаст тебе на экране.

— А если они терпят бедствие? Если нужна помощь?

— Тогда отогревайте и будите Эрвина. Или Красного. И тормозите корабль. Тут же, на красном щите, видите — «Срочное торможение». Пока корабль сбросит скорость — они проснутся. А самим программировать маневр запрещено. Можно улететь к черту на кулички. И электронный мозг не поможет. Но это ведь все чистая фантастика, ребята! Встречных кораблей не будет!

— Почему ты так уверен?

— Надо же быть реалистом! В этом рукаве Галактики вообще нет жизни. Только Земля и Рита. Откуда взяться кораблю?

— Ну, какой-нибудь заблудший.— Бирута не выдержала и слегка улыбнулась.

Но Марат не заметил этого.

— Заблудший — значит, мертвый,— очень серьезно уточнил он.

— Но ведь это тоже интересно! Маратик, неужели ты не понимаешь?

— Я все отлично понимаю, ребята! Но надо же учитывать нашу специфику! У нас не исследовательский корабль. Мы не пилоты. Все рассчитано и настроено только на то, чтобы перебросить нас через космос. И если мы разрушим эту программу и начнем маневрировать — мы можем никогда и никуда не прилететь. И наши сведения все равно пропадут вместе с нами. Вместо одного мертвого корабля будут два — только и всего! И вообще — я уже боюсь оставлять на вас корабль... Есть же, в конце концов, обязательные инструкции, правила! А вы — как дети! Из всего хотите сделать игру.

Коренастый, черноволосый Марат разгорячился. И без того темные глаза его стали почти черными.

— А она тебя все-таки завела! — сказал я.— Ты же говорил — чистая фантастика! Чего тогда волноваться? Мы не такие уж дети, Марат! Не бойся! Нам вовсе неохота хладными трупами носиться по Вселенной. Все будет в лучшем виде! Где у тебя инструкции?

— Здесь! — Марат слегка выдвинул из пульта возле красного щита ящичек.— И прочтите их, пожалуйста, завтра. Пока мы еще, так сказать, живы...

— Прочтем, Марат! Ты сможешь спать спокойно.

— Все шутите!..

— Ты забываешь, Марат...— грустно сказала Ольга и повернула к нам голову от красного щита, на который смотрела.— Когда мы с тобой проснулись, Марат, мы тоже все время шутили. А сейчас просто не хочется засыпать.

— Верно! — признался Марат и растерянно, вымученно улыбнулся.— Не хочется!..

«Наверно, просто страшно! — подумал я.— Но ведь и к нам с Бирутой это еще придет...»

В коридоре послышались далекие, звонкие шаги. Это могли быть только Доллинги. Других «ходячих» на корабле не было. А Доллингам — через полчаса начинать дежурство.

— Хелло, ребята! — сказала Энн, войдя в рубку.

— Хелло! — повторил вошедший за нею Майкл.

Они совсем не изменились — улыбающиеся, стройные, спортивно-подтянутые Доллинги. Ими можно было любоваться. Их можно было снимать на поздравительные открытки — кудрявую, большеглазую Энн и черноволосого, белозубого красавца Майкла, будто сошедшего со старинных американских реклам.

Мы шумно обнялись, и хлопали друг друга по плечу, и Бирута целовалась с Энн, и все, в общем, было так, как обычно, когда встречаются на Земле старые друзья.

А в «Малахите» мы не были близкими друзьями. Просто знали друг друга. Как все — всех.

Марату, видимо, было очень тяжело сдавать свое предпоследнее дежурство, тяжело было сознавать, что через сутки он снова должен уйти в холодное небытие на двадцать лет. Он старался скрыть это, он улыбался и пытался балагурить. Но сознание неизбежности сна, кажется, давило на него непрерывно и неумолимо.

Мы с Бирутой все видели. И ничем не могли ему помочь. И мне даже было жалко его.

Может, он просто не верил, что проснется через двадцать лет?

Зато Доллинги были как всегда — неизменно легкие, сдержанно веселые, словно только что из Парижа. Из того древнего и любимого всем миром Парижа, который ничем не удивишь и ничем не испугаешь, который все умеет принимать с улыбкой.

Короче, Доллинги держались так, будто просто не думают о предстоящем двадцатилетнем сне.

Мне это нравилось. Меня это восхищало. Я хотел бы держаться так же, когда кончатся мои сто дней.

— Завтра здесь будет шумно,— заметила Энн.— Утром выйдут Монтелло. Кстати, Леля, как у них с температурой?

— Весь день шло нормально. По полградуса в час. Автомат...

— Завтра можно будет повеселиться...— подумала Энн вслух.— Устроим прощальный ужин?

— По традиции! — поддержала Ольга.— Зачем же еще в кухонных отсеках создали винную кладовую?

— Там уже, наверно, пусто? — предположил я.— Двадцать лет!..

— Ха! — Майкл усмехнулся.— Попробуй-ка заказать вино два раза! Этот упрямый кибер с винного склада спрашивает имя! И на каждое имя выполняет всего один заказ.

— Подумаешь! — Бирута пожала плечами.— Имен можно назвать много!

— Нет! — Майкл покачал головой.— У него запрограммировано расписание наших дежурств. Его не обманешь. Будьте спокойны — мы надежно гарантированы от алкоголизма!

— Неужели только этим мы гарантированы? — заметил Марат.

— Ты просто ужас какой серьезный! — Энн всплеснула руками.— Как воспитатель в нашем колледже. Майкл, помнишь этого длинного Стивена Хауэра?

— Еще бы! — Майкл вытянул лицо, слегка перекосил рот и обвел пальцами вокруг глаз, что должно было обозначить очки воспитателя.— Де-ети! — нараспев про-

изнес он.— Шутки не добавляют вам зна-аний!.. Шутить можно лишь в перерывах между заня-атиями...

— Как прошло дежурство, Маратики? — спросила Энн.

— Обычно,— ответила Ольга.— Без приключений.

— Записи успел сделать? — тихо, по-деловому спросил Марата Майкл.

— Успел.

— Идите отдыхать.

— Мы еще проведем Тарасовых по кораблю.

— Думаешь, они забыли, где что?

— Нет. Просто нам это приятно.

— Мы не прощаемся,— сказала Бирута Доллингам.— Мы еще вернемся к вам. Нам что-то не хочется спать.

— Я думаю! — сдержанно заметил Майкл.

5. Голос космоса

Они собрались в кают-компании и великодушно включили видеофон, чтобы я не очень скучал в рубке.

Марат предлагал накрыть стол прямо между щитами — места тут достаточно. Но я запротестовал. Если они будут в рубке — я не выдержу и хоть бокал, да выпью. А пить нельзя — я остаюсь единственным дежурным на корабле.

Они заказали много разных вин — не ради количества, а просто попробовать. Были в кладовой корабля такие вина, которых никто из нас ни разу не пил. Мы слишком молоды, чтобы хорошо разбираться в винах.

Среди небольших прозрачных пакетиков с вином была на столе у ребят и одна бутылка — темная, старинная, еще стеклянная бутылка старинного вина. С двадцатого века хранилось оно в каких-то французских погребах. Это было редкое, коллекционное вино, но мы еще на Земле знали, что на каждое дежурство есть в кладовой корабля по одной такой бутылке.

Собственно, из-за этой-то соблазнительной древней бутылки я и не позволил им накрывать стол в рубке.

Я ведь никогда не пробовал такого вина. И на Рите не придется. Только разве здесь, на корабле, через сто дней, когда буду сдавать дежурство.

Почему-то вспомнилось, что сдавать его придется Женьке Верхову. Так выпал жребий. А на Земле думалось, что хоть тут-то не увижу Женьку.

Ребята шумят в кают-компании, и поют, и включают записи последних земных мелодий, и даже, несмотря на тесноту, умудряются танцевать.

Знакомая песня доносится до меня:

Я вернусь
Через тысячу
Лет.
Так хоть в чем-то
Оставь мне
Свой след.

Я гляжу на большой экран и вижу чёрную, холодную Бесконечность, и немигающие глаза ее — звезды, и вспоминаю весенний «Малахит», и юную зелень парка, и наш с Бирутой первый поцелуй.

Никогда больше не увидеть мне «Малахит», и мохнатые мои Уральские горы, и родные улицы, и мраморных великих людей в высоких, древнерусских шапках из снега. Ни-ког-да!

Зачем только люди придумали это беспросветное слово?

Я слушаю космос — легкое, быстро ставшее привычным потрескивание в динамике. Случайные радиоволны далеких радиозвезд. И еще слышу тихие голоса ребят, и их смех, и мелодии, которые они включают.

Уже полтора часа сижу я один в рубке. Два раза прибегала раскрасневшаяся от вина Бирута — соскучилась. Но, посидев со мной несколько минут, снова убегала в кают-компанию. Там было веселее.

Я знаю, что ничего не случится и что я тоже мог бы уйти туда. Уже двадцать лет ничего не случается в этой рубке. Корабль идет точно, автоматы работают надежно, и дежурные сидят здесь просто так, для мебели. И еще для того, чтобы будить других дежурных.

Но таков уж закон нашего корабля — ни на секунду не оставлять рубку. А мы уважаем свои законы.

И поэтому я терпеливо слушаю космос и периодически пробегаю взглядом по красному и желтому щитам — нет ли загоревшихся лампочек?

И вдруг слышу голос. Громкий, отчетливый, нечеловечески спокойный голос, который пробивается через легкое потрескивание космоса.

Этот голос произносит непонятные слова медленно, раздельно, с какой-то железной скрипучестью.

«Красный щит! — вспоминаю я слова Марата.— Он сам все скажет, все объяснит!»

Я обегаю глазами красный щит, его приборы.

Но тут все спокойно. Ни одной загоревшейся лампочки. Ни одной мечущейся стрелки.

Я перевожу взгляд на желтый щит, на два голубых. Тоже ни одной красной лампочки. Все нормально. Все спокойно.

И тут только я соображаю, что голос не сказал ни одного понятного слова.

Может, это был голос не нашего корабля?

Я опять смотрю на экран, перевожу взгляд с одной светящейся точки на другую. Может, хоть одна вспыхивает? Может, хоть одна увеличивается?

Нет! Ни одна не вспыхивает. Ни одна не увеличивается.

И вдруг я слышу этот голос снова. Он снова произносит те же слова — так же раздельно, четко, скрипуче-железно.

Он идет из динамика, этот голос. Это радиоволны, это голос космоса, голос Бесконечности.

— Ребята! — кричу я в микрофон.— Космос заговорил!

Они срываются из кают-компании и громко топают по коридору.

А в рубку падают и падают из динамика непонятные, нечеловеческие, механические какие-то слова.

Может, это встречный корабль? Но тогда почему его нет на экране? Почему молчит локатор?

Механический голос замолкает как раз тогда, когда ребята один за другим влетают в рубку. Какой-то последний густой звук доносится до них. И, когда они затихают, прислушиваясь,— в динамике опять одно тихое потрескивание.

— Кто говорил? — почти кричит Марат.

— Космос,— отвечаю я.— Какие-то непонятные железные слова. Сейчас включим анализатор — там должно быть записано.

Я нажимаю рычажок анализатора.

— Он должен сказать что-то еще! — убеждает себя Марат.— Эх, если бы можно было пользоваться приемниками мыслей!

У нас есть легкие каркасы приемников мыслей. Четыре клеммы у такого каркаса — две к вискам, две за ушами. И все, что говорит или хочет сказать на любом языке другой человек,— сразу понятно. И если на его голову надеть такой же приемник, — поймет все, что скажем мы.

Но это — только для личного общения. Потому что приемники ловят и усиливают биотоки собеседника лишь на расстоянии нескольких метров. А через космос, да еще через обшивку корабля биотоков не поймаешь!

Мы ждем, а космос молчит. Лишь привычное легкое потрескивание доносится до нас из динамика.

— Странно,— говорит Марат.— На кораблях первое обращение повторяют три раза.

— На наших кораблях,— уточняет Майкл Доллинг.

— Да корабля не видно! — возражаю я.— Локатор ничего не обнаружил.

— А может, это просто розыгрыш? — тихо произносит Бруно и улыбается.— Человек один, ему скучно...

Я даже не успеваю ответить — вспыхивает длинный, узкий экран анализатора. Черные, четкие слова ползут на него сбоку:

«Вижу третью оболочку разумных существ,— читаем мы.— Откуда куда идете?»

Слова бегут по экрану, уходят влево, и снова вползают на экран те же самые слова. Это анализатор выдает вторую запись.

— С кем мы говорим? — спрашивает Бруно.— Не могу понять!

— Это же розыгрыш...— ехидно напоминаю ему я.

— Давайте спросим! — предлагает Бирута.— Пошлем позывные — кто вы? где вы?

Она садится к передатчику возле красного щита и кладет пальцы на зеленые клавиши первых позывных.

— Возражений нет, ребята?

— Нет,— говорю я.— Давай.

Она нажимает первую клавишу, и в это время из динамика снова доносится скрипучий, размеренный, механический голос, который произносит уже другие непонятные слова.

Пальцы Бируты замирают.

Теперь голос космоса звучит долго. И, когда он умолкает, я включаю анализатор, не дожидаясь повторения.

— Это, по-моему, не человек говорил,— произносит Бруно.

— Не только по-твоему,— замечает Майкл.

На экран анализатора выползают первые слова. И почти одновременно с этим железный голос космоса в динамике медленно повторяет свое второе сообщение.

— Через полкруга,— читаем мы,— ко мне придут ваши вопросы — кто вы? где вы? Отвечать будет поздно — вы не услышите меня. Поэтому отвечаю сейчас. Я стою на пятом шаре красной жизни 849. Я глаз и ухо моего хозяина. Мой хозяин — в центре роя жизней. Мои новости доходят до него через другие глаза и уши. Две такие же оболочки, как ваша, прошли, не успев ответить мне. Они только спрашивали. Вы — отвечайте.

— Это радиомаяк! — вдруг кричит Изольда Монтелло.— Отвечайте ему быстрее! Иначе мы тоже пролетим — и он не услышит нас.

— Подвинься! — говорит Бируте Марат.— Тут есть клавиши с набором информации о Земле и Рите. Вот, видишь? Нажмем эти две! К нему уйдет целая радиопередача. И через две минуты нажмешь снова, ладно?

— Ему надо сказать, что через шесть лет пойдет еще корабль,— предлагает Энн.

— Зачем? — удивляется Марат.— Мы не знаем, что это за разум! Добрый он или злой? Он может приготовить тут такую встречу нашему кораблю!..

— Верно! — поддерживает Бруно.— Это уже чересчур. Достаточно того, что мы послали.

— А где он находится? — спрашивает Бирута.— Надо ведь понять, где он находится!

— Видимо, здесь! — Майкл подходит к экрану и уверенно показывает красную, тусклую звездочку.— Это сейчас ближайшая к нам. Б-сто тридцать два. Мы проходим

от нее на расстоянии светового года. Видимо, у нее пять планет. И на пятой — радиомаяк. Маяки выгоднее ставить на последней планете.

— А почему не упоминает о нем Тушин? — спрашивает Ольга.— Ведь в материалах «Урала» — ни слова об этом. А Тушин здесь пролетал.

— Я сейчас принесу! — кричит Энн и убегает в коридор, к библиотеке.

Через три минуты она возвращается с двумя микрофильмами — с книгой Тушина и дневником «Урала».

Мы смотрим страницы книг на больших экранах над дверью рубки. Одну страницу за другой. Все не то, не то...

— Стоп! — командует Майкл.

Но Энн уже и сама остановилась.

«На дальних подходах к красной звезде Б-132,— читаем мы страницу книги Тушина,— наш корабль обнаружил гигантское облако космической пыли. Оно было столь густым и простиралось так далеко, что мы не решились пробивать его насквозь. Частично сбросив скорость, мы стали огибать его по дуге, которая становилась все более и более вытянутой, потому что облако, как оказалось, двигается почти в одном с нами направлении. И довольно быстро.

Мы обогнали его и вышли на прежний курс. Но из-за него нам не удалось сделать локацию звезды Б-132. Так что мы до сих пор не знаем, есть ли у нее планеты.

Трассу космических кораблей на Риту можно рассчитывать в этой части пути обычно — прямо, так как облако пыли в ближайшее время уйдет далеко в сторону».

И все. И ничего больше не было в книге Михаила Тушина об этой звезде.

А в дневнике «Урала» было то же самое, только расписанное по дням, часам и дежурствам.

— Не скоро теперь узнает Земля об этом маяке,— грустно говорю я.— Когда-то дойдет до нее наша финишная ракета!..

К сожалению, у нынешних звездолетов еще очень плохо устроена связь с Землей. Это ахиллесова пята всех наших звездных экспедиций. Радиоволны не дойдут — слишком мала мощность передатчиков. А чтобы

послать сообщение в луче лазера — надо сжечь все аварийные запасы топлива. Никто еще на это не решился. И мы не решимся. Мы отправим только обычную финишную ракету на Землю. Ракету без людей — с одними механизмами. Отправим ее перед тем, как спуститься на Риту с круговой орбиты. И вложим в эту ракету все новости с дороги и все новости с планеты Рита.

Но на Землю наша ракета придет лишь через полтора земных века после сегодняшнего дня. Если вообще придет...

И всего только за двенадцать лет до ее прихода Земля может узнать об этом радиомаяке — из финишной ракеты «Рита-1». Но и те сведения могут быть неполными. Ведь маяк только нам сразу дал информацию! А с первыми двумя кораблями он пытался вести диалог.

Однако пока что и «Рита-1» еще в пути, в черной Бесконечности. И Михаил Тушин, его жена Чанда, второй командир корабля Аркадий Резников еще лежат холодными ледышками в своих темных каютах и ничего не знают про этот маяк.

Ужасен и бездонен космос! И лучше не думать о его безграничности, потому что нет радости от этих мыслей.

А Майкл Доллинг довольно улыбается. Он, видимо, думает совсем не о безграничности космоса.

— У цивилизации Риты,— говорит Майкл,— уже появляются свои космические открытия. Даже свои тайны от Земли.

— Но чей же все-таки маяк? — тихо спрашивает Энн.

— Да ты проанализируй текст! — спокойно поясняет Ольга.— Звезду он называет «жизнью». Хозяин — в центре «роя жизней». Значит, в шаровом скоплении. А до ближайшего — почти пятьсот световых лет. Не на соседних же планетах его хозяин!

— А почему не на соседних? — так же тихо спрашивает Энн.

— Но ведь мы поставили на Плутоне маяк только для своих кораблей, а не для чужих! Для чужих будут ставить на окрестных звездных системах.

— Не все должны мыслить, как мы!

— Да вспомни текст! — настаивает Ольга.— Он стоит на пятом шаре красной жизни. Значит, пятая планета

красной звезды. А потом — рой жизней. То есть рой звезд. Шаровое скопление!

— А если это всего лишь пятый спутник планеты? — по-прежнему тихо возражает Энн.—А хозяин — в центре «роя» планет. То есть близко к звезде. Звезда-то прохладная! А «жизнью» можно назвать и звезду и планету. Если эта цивилизация здесь, рядом с нами?

— Ты, что же, предлагаешь развернуться и обследовать ее? — спрашивает Марат.— Ты понимаешь, что это означает?

— Я еще ничего не предлагаю.— Энн отрицательно качает головой.— Я просто думаю.

— А если на самом деле эта жизнь рядом? — спрашивает Бирута.— И мы уже никогда не сможем вернуться к ней... Разве потом простишь себе?

— А если мы загубим корабль? — почти кричит Марат.— Это мы себе простим? Ты представляешь, что означает торможение, новый разгон и годичное путешествие к этой системе?

— Мара-ат! — протяжно говорит Ольга.— Мара-ат! У нее пылают щеки. И уши. Наверно, ей стыдно за Марата.

— Если мы пройдем мимо цивилизации — мы потеряем больше,— негромко, четко произносит Бруно.— Мы потеряем совесть!

— Тебе лишь бы рисковать! — бросает ему Марат.— Я против полета к маяку!

— Подождите ссориться, ребята! — кричу я.— Давайте снова прогоним текст!

Бирута стоит возле красного щита. Рядом с ним анализатор. Она нажимает клавишу повтора, и по узкому экрану снова ползут знакомые уже слова.

— ...Я стою на пятом шаре красной жизни восемьсот сорок девять,— громко читаю я и прошу: — Останови, Рута!

Слова застывают на экране.

— Что, по-вашему, означает эта цифра, ребята? Восемьсот сорок девять...

— Только номер звезды,— говорит Майкл.— Планеты с таким номером быть не может.

— А ведь верно! — подхватывает Изольда.— Где может быть столько планет?

— А почему не может? — все так же тихо, тем же почти детским голоском упрямо спрашивает Энн.— Только потому, что мы не встречали?

— Сдаюсь, ребята! — Бруно громко вздыхает и растерянно улыбается.— Если бы было столько планет — мы летели бы сейчас между их орбитами. Но этой звезде не удержать столько — кишка тонка.

— Рута! — прошу я.— Прогони начало еще раз!

Бирута снова нажимает клавиши, и я громко читаю первые же слова сообщения:

— Через полкруга ко мне придут ваши вопросы...

Слова застывают на экране. Энн закусывает губу.

— Кажется, и я сдаюсь, ребята! — виновато говорит она.— Полкруга равны нашему году. Ведь до звезды световой год?..

— Да,— подтверждает Майкл.

— Значит, это орбита планеты, а не спутника. У спутников орбиты меньше.

— Кажется, снова можно идти в кают-компанию,— улыбаясь, произносит Майкл.— Там еще кое-что осталось... А записи мы доверим Сандро. Тем более, что он во всем и виноват.

Ребята шумно вываливаются в коридор. Марат выходит последним, низко опустив взлохмаченную черноволосую голову.

Я опять остаюсь один на один с Бесконечностью.

6. Марат

— Сандро...

Тихий, какой-то неожиданно робкий голос Марата в динамике.

— Что, Марат?

— Мы готовы, Сандро. Можно сейчас сделать все по инструкции. Дать сон, потом холод...

— Ты так говоришь, словно можешь предложить что-то другое.

— Я хочу попросить, Сандро. Мы хотим попросить... Еще сутки. Понимаешь?

Мы переглядываемся с Бирутой. Мы хорошо знаем, что это не положено. И он знает. Конечно, это не опасно. Никому ничем не грозит.

Просто эти сутки отнимут у них с Ольгой неделю жизни на Рите. Как минимум.

Но ведь это их жизнь! Неужели они не вправе распорядиться чем-то в своей жизни?

— Что же ты молчишь, Сандро? Ты — против?

— Нет.

— Думаешь о запасах? Мы можем не есть эти сутки.

— Какая чепуха! Есть аварийные!

— Так то аварийные! А у нас каприз. Собственно, вообще-то не каприз. Когда-нибудь ты поймешь. Это долго объяснять.

— И не нужно! Я все понял. Валяйте!

— Спасибо, дружище! Счастливого тебе дежурства! Прощаться будем завтра в это же время.

В динамике щелкнуло. Марат выключил свой микрофон. Тогда я тоже выключил свой. Чтобы можно было разговаривать с Бирутой.

Она долго сидела молча, и я видел, как пылают ее щеки.

Потом она тихо сказала:

— Мы так не будем, Сашка! Ладно? Мы ничего не будем просить! Я понимаю их. Но мы не будем?

— Конечно, нет!

Я еще подумал, что, если бы мы вдруг и решились,— нам пришлось бы просить у Женьки Верхова.

Меня передернуло от этой мысли.

Бирута вздохнула.

— Все-таки ужасно, когда сдают нервы...

А Бруно Монтелло, принимая от нас дежурство, отнесся к этому совершенно иначе.

Едва взглянув на приборы, он сразу все сообразил.

— Амировы не спят? — спросил он.

— Нет.

— Это, конечно, их просьба?

— Да.

— Я ждал чего-нибудь в этом роде.

— Почему?

— Потому что они искреннее нас! И счастливее! Они молодцы!

— Объясни, пожалуйста! — попросила Бирута, и мне послышалась в ее голосе плохо скрытая растерянность.

— Как тебе сказать, Рута...— Бруно наморщил лоб, а потом улыбнулся своей обычной лучезарной южной улыбкой. Однако большие карие глаза его при этом остались грустными. У него всегда были грустные глаза — даже когда он хохотал.— Мне кажется,— пояснил Бруно,— мы все слишком правильные. Чересчур. Мы все делаем как надо. Это понятно — отбирали прежде всего таких. А Марат иногда позволяет себе делать как хочется. Поэтому он и попал в дублеры. Но ведь одно из непременных условий счастья — быть самим собой. Вот ему захотелось — и он попросил. А нам захочется — и мы не попросим. Или вчера, когда мы спорили об этом радиомаяке... Никому ведь из нас не хотелось ломать курс, обследовать эту звезду. Мы на самом деле не пилоты и можем погубить корабль. Мы даже морально не готовы к таким исследованиям. Но все мы говорили правильные вещи, а не то, что чувствовали. Марат же был честнее нас.

— А ты помнишь, что говорил ты?

— Конечно! Так сказать, чувство долга. Но не желание сердца. Мы все еще слишком земные. На Рите с нас это послетает. И Марату там будет легче, чем нам. Он естественнее. И понадобится — он скорее сможет найти общий язык с туземцами.

— А ты, видно, твердо уверен, что мы на Рите станем другими,— заметил я.— Ты и в «Малахите» это говорил...

— Это неизбежно, Сандро! Ведь там наверняка многого будет не хватать. Согласен?

— Разумеется! Особенно на первых порах.

— А нехватка чего-то жизненно важного всегда разжигает страсти. Если в древнем племени не хватало женщин — их крали из другого племени. Или отбивали силой. Если не хватало хлеба — человек далеко не всегда пахал землю, чтобы его добыть. Иногда он просто убивал другого человека и забирал его хлеб.

— Бруно, дорогой! Так ведь именно в этом случае он не был человеком! Человек — пахал! А убивал — зверь!

— Согласен! Кто спорит? Но зверь просыпался в ч е л о в е к е!

— Неужели ты думаешь, в ком-то из нас?..

Я не договорил. Вдруг подумал о Женьке Верхове. Если в школьные годы он мог делать подлости... Каким же он станет, когда обстоятельства сложатся жестокие, неумолимые? Разве могу я поручиться, что в нем не проснется тот безжалостный зверь, о котором говорит Бруно?

— А ты можешь поручиться? — спросил он, как бы прочитав мои мысли.— Ты можешь поручиться за любого на этом корабле?

Я молчал. Может, за любого и поручился бы. Но за Женьку?..

— А я не могу поручиться даже за себя,— признался Бруно.— Уверен только, что в человеческих обстоятельствах всегда буду человеком. Но, если обстоятельства потребуют жестокости, может, стану жестоким.

— Человек должен всегда оставаться человеком,— тихо сказала Бирута.— Даже в нечеловеческих обстоятельствах.

А я все молчал. Думал уже о себе. Никогда я не был жестоким. И считал, что не могу.

Но сейчас Бруно в чем-то поколебал меня. Может, все-таки могу?..

Он все еще смотрел на меня. Потом понимающе улыбнулся.

— Копаешься в себе? Истинно человеческое занятие!

Бруно провел ладонью по своим коротким, торчащим «ежиком» волосам и повернул голову к Бируте.

— Ты, конечно, права, Рута! — Он вздохнул.— Но только если говорить об идеале. А идеалы — они всегда в меньшинстве. Общество, конечно, стремится к идеалу. Но оно грубо ошибется, если примет человеческий идеал за среднее арифметическое.

— Однажды оно приняло — и не ошиблось,— тихо возразила Бирута.

— Что ты имеешь в виду?

— Войну с фашизмом в двадцатом веке. Россию в этой войне. Тогда как раз средним арифметическим был идеал. Ни одна буря на Земле, ни до, ни после, не дала столько истинных героев. Ошибка общества даже заключалась тогда в обратном. Людей считали менее идеальными, чем они были на самом деле.

Бруно посерьезнел, задумался.

— Я не силен в русской истории,— наконец сказал он.— Но она всегда вызывала у меня глубочайшее уважение. Наверно, вы правы, ребята. В том, что касается России. Но я не уверен, что на Рите будут действовать законы русской истории.

7. «Нам никогда не узнать...»

— Знаешь, вот уже сколько дней думаю об этом радиомаяке. И страшно обидно!

Бирута говорит по-обычному тихо, даже будто сонно. Она лежит на койке в нашей каюте и, закинув руки под голову, смотрит в потолок. Мы недавно проснулись. До начала дежурства еще три часа. Успеем и позавтракать, и позаниматься в спортзале, и посидеть над проекторами в библиотеке.

— Отчего же тебе обидно, Рут?

— Оттого, что нам никогда не узнать, какая там цивилизация, какие существа. Люди это или не люди... Как они живут... Что умеют... Как любят... Обидно из-за нашего бессилия! Мы даже не можем сообщить на Землю об этом маяке. Всего одна финишная ракета! И нужно ждать двадцать лет, чтоб ее отправить!.. А представляешь, какой переполох поднялся бы в Солнечной системе от такого сообщения? Но целые поколения там умрут, так и не узнав об этой цивилизации, о братьях по разуму.

— А может, не было бы никакого переполоха? Ведь люди давно догадались, что в шаровых скоплениях — древние цивилизации. Но нам они пока недоступны. А им, видимо, не до нас.

— Вот это и обидно, Сашка! Есть разумные существа, и в конце концов они нас ищут — тут ты не прав! — иначе для чего бы они ставили эти радиомаяки? А добраться до них мы не можем... Конечно, когда-нибудь... Но мы не доживем. Мы не узнаем. А так хочется знать!

— Подумай, Рут, о тех — ну, например, в двадцатом веке,— кто мечтал узнать хотя бы о Рите! Они первыми пробивали дорогу в космос, рисковали, гибли, а результатов не дождались. Результаты достались тем, кто селился на Марсе, на Венере. Нам достались. И мы что-то для кого-то оставим. Так устроена жизнь.

— Да я не меркантильна, Сашка! Я даже не хочу пользоваться результатами. Хочу только знать их! Обидно умереть и не узнать, чем кончилось твое открытие. Наверно, я буду писать, Сашка... Какой-нибудь рассказ об экспедиции к шаровому скоплению. К той самой цивилизации. Мне ее не узнать — так хоть придумаю!

— Ты говоришь так, словно уже пишешь.

— Как ты догадался?

— Чуть-чуть знаю тебя.

— Верно. Пишу. В рубке — за твоей спиной. В библиотеке. И главное — мысленно.

— И пишешь медленно. Потому что прячешься.

— Тоже верно.

— А зачем прячешься? От кого?

— Боюсь — вдруг не выйдет. Ты не говори пока — ни Бруно, ни Изольде, ладно? Я уже давно не писала рассказов. Отвыкла.

— А вообще — писала?

— Немного. Тоже фантастику. Их печатали в Риге, на латышском. А потом перевели в Вильнюсе и в Таллине.

— Из-за этих рассказов тебя и взяли в «Малахит»?

— А ты думал — из-за тонкой талии?

— И я узнаю это только сейчас! А мы уже больше двадцати лет женаты! По всем правилам надо обидеться.

— Не обидишься — бессмысленно.

— Но почему ты молчала?

— У меня ничего не писалось в «Малахите». Ничего! Я так мучилась! Плакала даже. И было такое ощущение, будто я всех обманула. Теперь понимаешь?

— Пытаюсь. Но у тебя выйдет, Рут! Непременно! Я в тебя верю! И будешь ты фантастом Риты, Бирута нежная моя!

— Ты несносный человек, Сашка! С тобой совершенно невозможно говорить серьезно!

— Ты уверена?

— Вижу.

— А если я подкину тебе идею?

— Какую еще идею?

— Серьезную.

— Разве ты на это способен?

— Рискни.

— Хорошо. Рискую. Гони идею.

— Я дам тебе коэму, Рут. Ту, свою... С обратной связью. А ты запишешь рассказ в нее. Это быстро и... впечатляюще.

— А это возможно?

— Для того они и созданы.

— Для рассказов?

— Не только. Но во всяком случае — не для баловства.

— Честно говоря, Сашка, я смутно представляю себе, для чего нужны эти коэмы. Мне всегда казалось, что это лишь любопытный технический эксперимент. Не более. Ну, выдумал, возишься... Мужчина должен возиться с чем-то техническим. Мне так всегда говорила моя мама. И советовала не мешать. «Пусть, мол, лучше возится с машинами, чем заглядывается на других женщин».

— А между прочим, не я их выдумал.

— Кто же?

— Один фантаст. Еще два с половиной века назад. Но тогда их не могли сделать. Не было отправных приборов. А потом появились приборы, но забыли книжку того фантаста. И вот я случайно на нее наткнулся...

Я прикусил язык, потому что чуть было не сказал: «Таня посоветовала». А Бирута совершенно не выносит упоминаний о Тане.

— И что же писал тот фантаст?

— Он рассказывал о далекой планете. Там эти коробочки эмоциональной памяти были вместо книг.

— Любопытно!

— Вот и давай попробуем! Может, тот фантаст неплохо придумал? Ведь я не мог сам записать в коробочку новый рассказ. Так сказать, по ограниченности способностей. Записывал поездки, какие-то реальные события. В общем, нечто документальное, сохранившееся

в памяти. А ты можешь представить и записать выдуманное. И вот тогда будет на полную катушку.

— Расскажи подробнее, Сашка. Что писал тот фантаст?

— У тебя хватит терпения?

— Видимо.

— Тогда слушай. Далекая планета. Книги на ней ушли в прошлое. Библиотеки стали архивами, в которые заглядывают лишь историки. На протяжении целого века книги — уже не бумажные, полимерные! — вытеснялись коробочками эмоциональной памяти. Никто не запрещал одно, не вводил декретами другое. Каждый пользовался, чем хотел. Но коробочки были удобнее, и люди предпочитали пользоваться ими. В коробочках аккумулировались биотоки мозга тех людей, которые вообще способны творить. Это были записи виденного, пережитого, выдуманного. Вот как у нас с тобой — документальное и художественное. Доходит?

— Ты рассказывай! Когда не дойдет — спрошу.

— Коробочки — двух видов: записи и воспроизведения. То есть записывающие еще и воспроизводят. Для пробы, для просмотра. Но воспроизводящие — уже не записывают. Эти — только для читателя. Массовая продукция.

— А какие сделал ты?

— Первые. Для записи. Но они и воспроизводят.

— А что сделал Верхов?

— Только запись. Воспроизведение у него — лишь на экране. Не в мозгу.

— А коробочку только воспроизведения ты не делал?

— Зачем? Это — половина моей. Любой техник разделит. И заряжаться они должны механически. Как печать с набора. От одной коробочки записи — хоть сто тысяч коробочек воспроизведения.

— Что еще было у того фантаста?

— Дальше у него шла организация. И последствия.

— Расскажи.

— Организация такая. Законченные записи шли на советы специалистов. Если художественная литература — записи просматривали писатели. Если наука — ученые соответствующего профиля. Если мемуары —

люди, хорошо знающие эпоху. Ну, и тэдэ... Усиливающая аппаратура вызывала одновременно в мозгу всех членов совета те впечатления и эмоции, которые были записаны в коробочке. Если запись признавали интересной, поучительной — ее размножали. Сколько потребуется. Образцы записей поступали во все крупные центры планеты. Как на Земле — книги. И каждый центр мог при необходимости изготовить любое количество копий.

— А если совет забракует?

— Сдавали в архив. Но архивы периодически просматривались самыми молодыми специалистами. Так сказать, дублерами членов совета. И если молодым нравилась отклоненная запись — ее немедленно размножали. По общим правилам. У стариков не было права вето.

Но эти советы можно было и вообще обойти, если, конечно, автор не соглашался с их приговором. Автор мог отправиться на завод и принять участие в производстве коробочек воспроизведения. Каждую четвертую коробочку из сделанных им самим он получал в свое распоряжение. А потом своими силами, на заводском оборудовании, он мог размножать любые записи. Сколько угодно!

Правом этим пользовались немногие. Потому что советы были очень авторитетны. Одиозных людей туда не вводили. Но случалось и так, что авторы, восставшие против мнения советов, размножали сами свои отвергнутые произведения и потом, благодаря им, становились знаменитыми и уважаемыми. И в этом случае их обязательно включали в состав советов. Вот такая организация была придумана тем фантастом. Рай для талантливых!

— А последствия?

— Последствия — естественные. Сама подумай!.. Сперва коробочками пользовались только молодые. А старики издевались над этой «техникой». Когда целое поколение молодых, благодаря коробочкам, стало знаменитым,— старики поскребли в затылках и начали пробовать сами. Но не всем удалось. Во-первых, здесь невозможно лгать. Нужна предельная искренность. А многие писатели той планеты вконец изолгались на бу-

маге и просто уже неспособны были творить искренне. Во-вторых, тут требовался громадный запас нерастраченной энергии, свежих чувств. Не все им обладали.

Получилось так, что коробочки эмоциональной памяти произвели своеобразный отсев в литературе той планеты. И результаты были неожиданными. Многие признанные авторитеты потеряли былую славу. Коробочки делали их ложь слишком очевидной. Немощные, сумбурные записи показывали громадный разрыв между тем, что люди думали на самом деле, и тем, в чем они пытались убедить других.

Кое-кто из прежних знаменитостей обнаружил свое эмоциональное бессилие, опустошенность души, неспособность к сильным, ярким чувствам. Раньше знаменитостям удавалось скрывать это за умелой вязью слов. Коробочки вывели всех на чистую воду.

Зато выдвинулось целое поколение молодых писателей, у которых было что сказать. Ну и, естественно, были цельные натуры, сильные, искренние чувства. И в одном ряду с этими молодыми оказались лучшие, честнейшие писатели старших поколений — те, кто никогда не лгал в своих книгах. Эти честные старики стали даже знаменем молодых. Это, Рут, так сказать, последствия первые.

— Были еще и вторые?

Бирута поднимается с койки, разминается несколькими легкими упражнениями, ходит по каюте — от телеэкрана до двери, от двери до телеэкрана. Пять шагов туда, пять обратно. Весь наш «пенал»...

— Тебе, наверно, надоело, Рут!

— Нет! Просто я залежалась. Рассказывай! Я ведь никогда не увижу эту книжку. Понимаешь — никогда! Твоя память — единственный источник информации. Так каковы же были вторые последствия?

— Точнее — дальние. Литература как самостоятельная область человеческой деятельности стала постепенно на той планете умирать.

— Ну, это не ново! Литературу столько раз хоронили — а она все живет. Умирают могильщики литературы.

— Рут! Я не могильщик! Ты просила рассказать...

— Да! Прости! Так почему же она стала умирать?

— Коробочки сделали литературное творчество

слишком доступным. Буквально для миллионов. Уже не требовалось мастерство, накопленное годами. Не требовалась длительная, упорная работа над стилем. Достаточно было иметь запас ярких впечатлений, интересные мысли, свежие чувства. В общем, непрофессионалы постепенно стали давать превосходные записи. Прошли волнами увлечения записями путешественников, астронавтов, политических деятелей, ученых. Сплошь и рядом эти документальные записи оказывались интереснее художественных, забивали их.

Для политических деятелей создание записей эмоциональной памяти стало со временем обязательным. Оно было как бы постоянной проверкой правдивости их мыслей, чистоты и искренности чувств. Человек, не сумевший за пять-шесть лет создать ни одной интересной обществу записи, терял моральный авторитет руководителя и вынужден был искать себе другое занятие.

Дольше всего на той планете удерживались книги в науке и технике. Но постепенно и тут коробочки вытеснили их. Потому что с годами совершенствовались и сами коробочки, и методы записи.

— А как там поступили с классикой? Забыли?

Бирута, перестав ходить по каюте, садится на койку, складывает руки на коленях. Она очень напоминает сейчас ту маленькую, старательную и аккуратненькую девочку Руту, которую я видел на старых фотографиях в Меллужи, в доме ее родителей.

— Нет, Рут, классику там не забыли. Вначале очень долго спорили о том, как с ней быть — переводить в коробочки или оставлять только в книгах. Но, пока шли споры,— появились пробные эмоциональные переводы классики. И люди стали пользоваться именно этими переводами, а не книгами. Тогда споры прекратились — и началась работа. Все настоящие писатели занимались там переводом классики в эмоциональные записи. Этот перевод считался очень почетным и важным делом. Он длился десятилетиями. Но именно он и похоронил книги окончательно.

— И ты допускаешь, Сашка, что твои коэмы могут похоронить книги на Земле?

— Вряд ли! Ведь книги на Земле, по существу, уже постепенно хоронятся. Микрофильмами. Но ускорить это

коэмы могут. А вообще — откуда мне знать, что сейчас на Земле? Может, забыли там давно про коэмы?

— Ты прости меня, Саш! Все затекло! — Бирута закидывает руки за голову и выгибается на койке.— Давно в спортзал пора!

Маленькая, острая грудь моей жены натягивает кофточку. Нестерпимо хочется прижать эту грудь к себе, сдавить ее губами...

Но тогда уже не будет никакого разговора. Тем более — серьезного. А мне хочется убедить Бируту, уговорить ее воспользоваться коэмой. Разве не для того бился я над коробочками, чтобы пользовались ими настоящие писатели? А тем более, если писатель — моя жена.

Бирута снова поднимается, ходит между койками.

— Конечно, может, и забыли на Земле твои коэмы,— говорит Бирута.— Но, может, и «пишут» в них сейчас все молодые. Полвека прошло! Не угадаешь.

— Что Земля, Рут! Писали бы в них хоть на Рите! А то вроде ни для чего делал.

— Ну!.. Вот уже и раскис! Давай свою коэму! Я в нее напишу. А сейчас подымайся! Бегом в спортзал!

8. Старые стереоленты «Урала»

Наш корабль мчится в Бесконечности со страшной, немыслимой скоростью. Но мы не замечаем ее. На экранах — те же, почти не изменяющиеся созвездия. Смещения звезд на экранах измеряются миллиметрами за неделю. Лишь приборы улавливают это. Простым взглядом не заметишь.

Мы чувствуем только вращение корабля, которое создает в нем минимальную гравитацию. А движение вперед скорее домысливается, чем ощущается.

В общем, нам кажется, что мы очень медленно — просто невозможно медленно и лениво — ввинчиваемся в пространство.

За весь наш долгий путь корабль не должен останавливаться ни разу. Мы не выходим из него в космос — это

строжайше запрещено делать без разрешения командиров. Мы даже не проводим локацию лежащих на пути звезд — это очень давно сделали за нас астронавты «Урала». Мы только летим. Чисто транспортный рейс.

Разумеется, такой рейс дает Бируте слишком мало впечатлений. А они очень нужны ей. Бирута все возится со своим фантастическим рассказом. Вчера она попросила меня подобрать что-нибудь в фильмотеке об исследовательских полетах — с выходом в пространство, изучением незнакомых планет. Хотя бы в стерео она хочет посмотреть, как это делается.

Здесь, в фильмотеке, я и наткнулся на старые стереоленты «Урала».

Конечно, я знал, что на нашем корабле должны быть копии всех стереолент, снятых «уральцами» на Рите. Но, пока ленты не попались на глаза,— не думал, не вспоминал о них. Знал и как бы не знал.

Киберхранитель фильмотеки быстро выдал мне шифры гнезд, в которых хранились стереоленты об исследовательских полетах. И я ходил в узких проходах между глухими стенками, и разыскивал эти гнезда, и относил ленты к проектору. Завтра, перед дежурством, Бирута начнет с ними работать.

Понятно, что я случайно увидел эту надпись — не искал ее. Вначале даже прошел мимо — по инерции. А потом вернулся, перечитал: «Планета Рита. Стереоленты «Урала».

Я знал их. Все до единой. Еще в седьмом классе, когда готовил доклад о Рите, я прочитал и просмотрел все, что только можно было прочитать и просмотреть. И в первую очередь, конечно,— материалы «уральцев». Некоторые стереоленты я отобрал тогда для доклада и показал в классе. А до этого мы смотрели их вместе с Таней, у меня дома.

Сейчас мне снова захотелось просмотреть их. Может, хоть на какие-то минуты вернутся те, давние, почти забытые детские ощущения? Может, снова удастся почувствовать себя подростком, для которого далекая Рита — всего лишь красивая мечта, а не трудное дело всей жизни?

Я раскрыл гнездо и отнес ленты к проектору. Оказывается, я хорошо помнил — что в какой. Даже не нужно было смотреть все. Достаточно было прокрутить только

те, три, которые я когда-то отобрал для доклада. Три ленты, рассказывающие о трех важнейших встречах землян с дикими жителями Риты.

Встреча первая

Громадные, как простыни, листья пальм. Под ними сумрачно и сыро. На небольшой солнечной прогалине — сочная, высокая трава. И на длинных, голых, голубоватых стеблях — яркие, пышные, багровые цветы, похожие на пионы. Над цветами — пятнистые, не меньше раскрытой большой книги, бабочки. У нас таких и в коллекциях не увидишь.

В лесу пусто — ни тропинки, ни зверя. Только птицы галдят где-то вверху, над листьями пальм.

Вот между стволами неторопливо, тихо прошел астронавт. Он в высоких кремниоловых чулках с пружинящими каблучками. Такие чулки не прокусит змея. Они не боятся ни воды, ни льда, ни раскаленных песков. И их почти не чувствуешь на ноге. Этой обуви уже больше двухсот лет, но до сих пор она незаменима для любых путешествий.

Мы видим спину астронавта и не знаем, кто это. Ясно только, что мужчина. Широкие, сильные плечи, крепкие ноги, мускулы которых так и играют под тонкой серой тканью обтягивающих брюк...

Он уходит в лес, этот астронавт, и за ним идет еще один, и еще. Круглые белые шлемы мелькают среди мохнатых стволов, окутанных толстым зеленым мхом, и исчезают вдали.

И тогда из-за толстого ствола медленно выдвигается коричневое волосатое плечо, затем коричневая голова с копной спутанных темных волос и курчавой бороденкой на резко скошенном подбородке.

Голова глядит вслед ушедшим астронавтам.

Видно, они уже не внушают опасений, потому что человек выходит из-за дерева весь — совершенно голый, коричневый, волосатый, опирающийся на толстую суковатую дубину.

Не поворачивая головы, он негромко, протяжно говорит: «О-о-у-у-л!», и из-за двух соседних толстых коричневых стволов выходят еще два таких же коричневых волосатых человека.

Они тоньше и чуть выше первого, и бородки у них еще только пробиваются, и в руках у них не суковатые дубины, а короткие копья — обыкновенные копья, каких полно в исторических музеях Земли.

Эти двое тоже глядят вслед астронавтам, затем один из них цокает языком и, выпятив нижнюю губу, покачивает головой.

Видно, астронавты ему не очень-то понравились.

— Хой! — негромко командует первый человек, тот, который с дубиной, и все трое поворачиваются к нам спиной и двигаются в глубь леса, вслед за астронавтами. Еще несколько секунд — и коричневые волосатые люди исчезнут за толстыми, мохнатыми стволами деревьев.

И в это время рядом со стереокамерой раздается громкий металлический щелчок.

Трое коричневых мгновенно поворачиваются лицом к камере. Двое крайних уже держат наготове копья. Средний уже отвел для удара свою суковатую дубину.

Они на несколько секунд застывают в этих позах, изучая непонятного противника и как бы позволяя себя фотографировать. В их маленьких, как щелочки, глазах бегают темные зрачки. В этих глазах — страх. Страх и ненависть. И ничего больше.

Сильные коричневые тела напряжены. И хорошо видны развитые мускулы рук и груди. Это сильные люди. Но лица их некрасивы. Они не вызывают симпатий.

Но вот наконец один из людей делает резкое движение, и в воздухе летит копье. Оно летит прямо на стереокамеру и, кажется, будто вот-вот вонзится тебе в грудь. Но камера резко отодвигается в сторону, и видно, как копье втыкается в землю возле мохнатого ствола пальмы, как, постепенно затихая, дрожит тонкое древко.

А когда камера вновь возвращается в прежнее положение — трех диких охотников уже нет.

В лесу, как и раньше, тихо и пусто, и громадные пятнистые бабочки бесшумно летают с цветка на цветок. Лишь высокая трава медленно распрямляется там, где только что стояли три косматых коричневых человека...

...Я остановил проектор, задумался.

С этими людьми мне еще придется встретиться. Больше того — жить с ними рядом, учить их тому, что знаю я сам, учить добру.

Хватит ли терпения — у меня, у других?..

Ведь дикарям еще очень далеко до настоящих людей. Они не знают жалости, не понимают цены человеческой жизни. Убили же они Риту Тушину — спокойно, деловито... И главное — ни за что! Хотя она пришла к ним с добром.

Конечно, Бирута тоже видела эти стереоленты. Их много раз показывали по телевидению. Их знала вся Земля. И на лекциях в «Малахите» тоже не раз вспоминали про них.

Но мне не хотелось, чтобы сейчас Бирута снова все смотрела. Наверное, это помешало бы ей работать над рассказом, создало бы совсем не то настроение.

Я взял две оставшиеся стереоленты «Урала», которые лежали возле проектора, и заложил в копировальную машину. Вот-вот войдет Бирута. Уж лучше снять копии, унести их в каюту и когда-нибудь потом, когда Бирута закончит рассказ, прокрутить ленты вместе с ней.

Пока я отбирал материал для Бируты, копии были готовы, и я рассовал их в карманы. Оригиналы лент уложил обратно в гнездо со стандартным цифровым шифром и короткой надписью: «Планета Рита. Стереоленты «Урала».

А затем несколько дней я больше, чем обычно, думал о том, что ждет нас на далекой планете — понятной и все еще не понятой до конца. Зачем мы летим туда? Ради чего навсегда простились с нашей ласковой и удобной Землей, с нашим домом, с нашей Родиной?

Видно, так уж устроен человек, что какие-то проклятые вопросы мучают его всю жизнь, хотя, казалось бы, они давно решены кем-то другим. И каждое новое поколение заново решает эти проклятые вопросы для себя, как бы не доверяя надежному, выстраданному, очень дорого оплаченному опыту отцов.

А ведь вроде бы самое главное в нашей жизни уже давно решено. Целым человечеством. Еще до моего рождения о судьбе планеты Рита спорила вся Земля.

После возвращения «Урала» споры шли в научных советах и в институтах, на заводах и фабриках, по телевидению и радио, в газетах, журналах, книгах...

Большинство астронавтов «Урала», и прежде всего Михаил и Чанда Тушины, первыми сказали, что Земля должна помочь жителям Риты. В своих статьях, книгах и интервью «уральцы» доказывали, что коммунистическое общество Земли поступило бы негуманно по отношению к далеким своим собратьям, если бы оставило их на десятки тысячелетий в темноте и невежестве, обрекло бы тем самым на повторение всех тех бесчисленных кровавых ошибок, которые совершило за свою историю земное человечество.

Вначале эта точка зрения многим казалась совершенно бесспорной. Все было просто, ясно, логично и благородно. Однако вскоре большая группа известных ученых — в основном историков докоммунистических формаций — подвергла предложение астронавтов «Урала» резкой критике.

Историки напомнили, что существует разница между субъективными намерениями тех, кто хочет помочь другому народу, и объективным значением их поступков. И эта разница становится просто громадной тогда, когда сам народ, отставший в чем-то от других, не просит о помощи.

— Навязанная помощь — почти всегда насилие,— утверждали историки.— И даже самые добрые субъективные намерения в таком деле ничего не меняют.

Десятки христианских миссионеров, отправляясь из Европы к дикарям Африки или Океании, свято верили, что принесут туземцам только добро, только просвещение и благоденствие. А приносили, по существу, колониальную эксплуатацию, потому что вслед за миссионерами приходили те, кто подчинял жизнь народов своим интересам.

— Помощь, о которой не просят,— утверждали историки,— вызывает невольное сопротивление. И оно оборачивается насилием, навязыванием слабым народам чуждых им порядков. По существу, это и есть установление власти одних народов над другими. Где гарантия, что на Рите не получится — разумеется, невольно! — такого навязывания своих порядков? Ведь первые же

контакты астронавтов с жителями Риты ясно показали: ни о какой добровольности не может быть речи. Дикие племена уважают только силу и подчиняются только ей. Следовательно, — кроме насилия — иного средства цивилизовать их нет. И, если даже это насилие не будет сопровождаться кровопролитием,— допущение почти нереальное! — все равно оно будет насилием и, значит, колонизацией.

А колонизаторство, как известно, органически чуждо коммунистическому обществу. И поэтому вмешиваться в историю другой обитаемой планеты земляне не должны. Пусть там идет все так, как и положено при естественном ходе развития. Коммуна Земли вправе лишь послать туда несколько десятков наблюдателей, которые помогли бы углубить знания о первобытно-общинном строе...

Выступление группы историков и было началом дискуссии.

Философы упрекали зачинщиков спора в неумении отличить колонизацию от братской и бескорыстной помощи. Ведь именно объективные законы формации и определяют характер общения народов, находящихся на разных уровнях развития. И поэтому при капитализме даже самые добрые и лично честные миссионеры были, по существу, колонизаторами. А при коммунизме даже самый злобный человек — если бы вдруг и отыскался такой среди астронавтов! — не способен изменить сути общения народов.

Суть же эта может быть только одна — помощь самоотверженная и бескорыстная.

Астронавты, вступившие в дискуссию, доказывали, что человечество не имеет морального права выпускать из поля зрения единственную пока планету, где такой же воздух, такая же вода и такие же люди, как на Земле. Во Вселенной это величайшая редкость. Двести с лишним лет искали такую планету астронавты. Многие десятки самых смелых сынов Земли погибли в этих поисках. И теперь, когда планета найдена, отказаться от общения с ее обитателями — значит признать, что жертвы были напрасны и что дальнейшие поиски бессмысленны. На планете Рита немало пустых материков и островов. Следовательно, у немногих сравнительно землян, прибывших туда, впереди десятки веков спокой-

ного и свободного развития, при котором они ни в чем не стеснят аборигенов. И даже если совершенно не вмешиваться в жизнь первобытных племен, а только торговать с ними,— все равно длительное общение с людьми высокой цивилизации ускорит развитие дикарей, избавит их от многих бедствий. И впоследствии это общение создаст предпосылки для слияния двух биологически братских человечеств в единое общество.

Экономисты, разбивая доводы зачинщиков спора, приводили примеры того, как земные народы при братской помощи других, более развитых, перешагивали из первобытно-общинного строя в социализм и даже в коммунизм. Причем делалось это без насилия, без крови, хотя и длился, конечно, такой процесс десятки лет. Так было с народами Крайнего Севера, которых Октябрьская революция вообще спасла от вымирания. Всего за несколько десятилетий свободного развития эти прежде безграмотные, по существу, первобытные народы создали свою интеллигенцию, свою культуру, выдвинули сотни талантливейших людей и, в конце концов, обеспечили себе уровень жизни, не уступающий среднему уровню жизни любого другого развитого народа планеты.

Несколько позже такой же путь прошли первобытные бушменские племена, которые спас от полного уничтожения только взрыв народной революции в Южной Африке. Всего полвека понадобилось бушменам, чтобы, при помощи передовых народов мира, догнать соседей в культурном отношении, создать свои, современные города, свои художественные школы, консерватории, университеты.

Экономисты удивлялись: как можно делать вид, будто нет в истории Земли этих примеров?

Оппоненты-историки разбивали единственное позитивное предложение зачинщиков спора. Как можно забывать, что сведения, полученные наблюдателями на планете Рита, придут на Землю спустя века и поэтому во многом потеряют свою ценность? А судьба самих наблюдателей? Ведь, вернувшись на Землю, они безнадежно отстанут от жизни и сделаются здесь, в отличие от вернувшихся астронавтов, людьми бесполезными,

страдающими от собственной неполноценности. Астронавты, астробиологи и астрофизики могут улететь снова, могут работать на близких, межпланетных трассах. Смелые, опытные люди, привыкшие к труду в космосе, всегда будут нужны, никогда не станут на Земле лишними. Но кому нужны, кому интересны историки, которые сами стали почти что ископаемыми?

Если же наблюдатели, отправив на Землю добытые сведения, сами останутся на Рите, то для них там должны быть построены поселки или города и созданы минимальные условия, которые необходимы современному человеку. А следовательно, вместе с наблюдателями надо посылать строителей, металлургов, энергетиков, аграрников и самых различных других специалистов. И, значит, в этом случае зачинщики спора пришли к тому же, что они так яростно отвергали.

...Все новые и новые группы людей вступали в дискуссию. Два крупнейших электронных центра — в Чикаго и в Кургане — были выделены Всемирным советом астронавтики для того, чтобы учитывать все высказанные в печати или в эфире мнения о судьбе далекой планеты.

Тут было все. Были слезы матерей, говоривших, что они растят детей не для исчезновения в «космической мясорубке». Были спокойные, суровые слова седых отцов, вспоминавших, что и они в молодости уходили в неизвестность. Ведь без этого юность — не юность... Были горячие клятвы мальчиков и девочек, юношей и девушек, готовых хоть сейчас лететь на Риту и отдать свою жизнь за счастье ее диких племен.

Немало сторонников завоевало в этой дискуссии предложение компромиссное — вначале послать на Риту наблюдателей, затем обсудить на Земле их доклады и только после этого отправлять поселенцев. Однако количество нападок на этот вариант оказалось рекордным. Главный упрек был один — медлительность: «Человечество не может двести лет решать одну проблему!..» Почему-то Земля не любит медлительных и осторожных решений...

Прошли годы, пока электронные центры Кургана и Чикаго объявили миру результаты дискуссии. Они, в общем-то, не были неожиданными. Большинство челове-

чества все-таки высказалось за помощь диким жителям Риты.

Тогда и было принято решение о строительстве корабля «Рита-1» (уже полностью спроектированного добровольцами) и об отборе молодых астронавтов для первого полета.

Мы не участвовали в той давней, самой широкой дискуссии в истории Земли. Однако нам отвечать перед Историей за судьбу целой планеты и ее народов.

А ведь мы еще мальчишки и девчонки. Мы очень немногое знаем и умеем. Наши ошибки, даже самые малые, могут стать великими кровавыми бедами для человечества Риты. Наши подвиги, даже самые скромные, могут ускорить его прогресс на целые века. От нас слишком многое будет зависеть. Даже чересчур многое. Потому что мы будем невероятно сильны на этой дикой планете.

Но большая сила требует и большой осторожности. Ибо неосторожная сила — бедствие. Даже если она и добра.

Доброты у нас хватит.

Вот хватит ли осторожности?

9. Фантастика и жизнь

Кончаются наши сто дней. Послезавтра начнем отогревать свою смену. Эти сто дней пролетели быстро, незаметно, как пролетает лёто на Урале. В июне дождливо, холодно, и кажется, что лета еще нет, что оно где-то далеко впереди. В июле, в зной, кажется, что лето тягуче и бесконечно. Еще бездна теплых дней в запасе! А в октябре облетят листья, оглянешься и — будто всего день прожил. И впереди — на самом деле тягучая, бесконечная зима.

С нами ничего не случилось. Космос больше не говорил, механизмы работали исправно, мертвые космические корабли на пути не попадались. Короче, не было ни одного из тех захватывающих приключений, которые так

здорово разрисовывала в своем фантастическом рассказе милая моя Бирута.

Коэма помогла ей. Бирута написала рассказ быстро. Вернее — записала. Я просмотрел эту запись — дух захватило. Я увидел то, что — кто знает? — и на самом деле могло бы случиться, если бы, проходя мимо радиомаяка, мы повернули корабль к звезде Б-132, а от нее — к шаровому скоплению.

Но, видимо, рано еще коэмам состязаться с книгами. Потому что Бирута, «уложив» рассказ в коробочку, все-таки записала его потом от руки. И очень долго черкала написанное. И затем дважды — терпеливо, медленно — перечитывала рассказ диктографу.

И, когда я прочитал вынутые из диктографа аккуратные листки, я увидел гораздо больше, чем тогда, когда сжимал в кулаке коэму с первой записью рассказа. По существу, я увидел на отпечатанных листках совсем другой рассказ — более полный, более умный, более интересный.

Теперь я мог быть совершенно спокоен — мои коробочки эмоциональной памяти не погубят литературу на Земле. Но помочь писателям, ускорить их труд — они, пожалуй, способны.

Сто дней мы с Бирутой дежурили в рубке, вели дневники — корабельный и свой, занимались в спортзале, прочитали немало книг. В космосе человек меньше спит и меньше устает физически, чем на Земле, и мы все время чувствовали себя свежими, бодрыми. Нам не было скучно, хотя мы почти все время были вдвоем. Мы слишком мало были вдвоем на Земле. И неизвестно еще, как там сложится все на Рите. И мы считали эти сто дней своим свадебным путешествием, своим очень коротким медовым месяцем.

По жребию нам с Бирутой предстояло будить Женьку Верхова и Розиту. Но мне не хотелось будить Женьку, и водить его по кораблю, и сдавать ему дежурство. Гораздо приятнее было бы разбудить Али и Аню и провести сутки с ними.

Как-то я сказал об этом Бируте, и она удивленно покосилась на меня, а потом рассеянно поддержала:

— Да, да! Конечно! Лучше будить Бахрамов!

Она не говорила больше ничего, но я и так понял:

думала она не о Женьке, а о Розите. Бируте не хотелось, чтобы я водил по кораблю Розиту. Это было странно, смешно и бессмысленно — но Бирута до сих пор ревновала. Только потому, что когда-то, давно, еще в «Малахите», я однажды слишком горячо хвалил голос Розиты и слишком долго смотрел на нее.

А меня тогда просто поразило, что Розита — с Женькой.

Но не объяснять же это Бируте!

Еще с первых дней дежурства я собирался попросить Бруно обменяться «подопечными». Но все оттягивал разговор. Было как-то неловко. Бруно наверняка спросит: «Почему?» Сказать правду — что Женька мне неприятен — нельзя. Лгать? Не привык.

И вот уже последние дни, и тянуть больше с разговором нельзя. И тут я вспомнил Марата и подумал: зачем себя насиловать? Почему я не могу провести эти сутки с Али просто потому, что Али — мой друг?

В общем, я сказал Бруно. А он даже не спросил: «Почему?» Он сразу согласился:

— Ладно. Мне все равно.

А Женька, когда проснулся,— обиделся. Он знал, что будить его должны были мы с Бирутой. И все понял.

Мне уже давно казалось, что Женька хотел бы заставить меня забыть о том давнем, школьном, разделившем нас. Он как бы каждый раз искренне, но, разумеется, молчаливо удивлялся, когда нечаянно обнаруживалось, что я помню.

И это его немое удивление как бы подчеркивало, что плох не он, совершавший некогда подлости, а я — потому что помню их.

А мне просто не хотелось с ним общаться. Всего-навсего. Еще когда я был маленьким мальчишкой, отец внушил мне презрение к подлости и неверие в то, что подлец способен исправиться. «Подлость — как горб,— сказал однажды отец.— Это на всю жизнь».

Я хорошо помнил его слова. И вообще — у меня хорошая память. Таня не раз говорила, что с моей образной памятью можно было бы стать писателем.

Разумеется, если бы я еще к тому же любил писать!

Может, у Женьки слаба образная память? Он забывает многое сам и потому невольно надеется, что забыли

другие... И искренне удивляется, когда видит, что не забыли...

Впрочем, отец говорил, что подлецы всегда надеются на забвение.

Женька почти не разговаривал со мной, пока мы сдавали дежурство. Только так — обычные и неизбежные фразы. И он сам вызвался остаться в рубке, когда мы затеяли традиционный прощальный вечер.

На этом вечере я уже пил редкое старинное вино из темной бутылки. Оно было невероятно ароматным и пьянило, кажется, самим своим запахом. И от этого легкого опьянения жизнь казалась проще и веселее, и люди — красивее, и будущее — лучезарнее.

У нас был веселый вечер. И мы умудрялись плясать в маленькой кают-компании. И, должно быть, из-за того старого вина Розита решила сплясать бешеную кубинскую «байлю». Мы плясали «байлю» вместе — Розита и я. И казалось, что отступили стены и столы тесной кают-компании, что стало просторно, как в залах «Малахита», что пол, в который мы отчаянно били каблуками, прочно стоит на земле, а не висит в бездне, которой нет ни конца, ни края.

Ах, какой жаркий танец, эта «байля»! Ах, как улыбаются кубинские женщины, когда пляшут ее! С ума можно сойти!

Когда мы улетали, кубинская «байля» была самым веселым танцем на Земле. А что сейчас пляшут земные мальчишки и девчонки? Забыли небось «байлю»? И только мы лихо отплясываем ее — в космосе, в пятнадцати парсеках от Земли...

Оборвалась мелодия, я остановился и увидел, что у Бируты такие глаза!.. Нет, просто невозможно больше плясать с Розитой, когда у твоей жены такие измученные глаза.

Я сел рядом с Бирутой, и обнял ее худенькие, беззащитные плечи, и затянул какую-то песню, и все поддержали. Потом Али гортанно пел веселые арабские песни, а Розита — веселые испанские. А я подумал, что нынешнему молодому арабу или испанцу там, на Земле, эти песни показались бы старинными, полузабытыми Полвека! Если бы на Земле у нас остались дети — они уже годились бы нам в родители.

От всего этого стало грустно, но не надолго, потому что я еще раз выпил ароматного старого вина из пузатой темной бутылки.

10. Снова на двадцать лет

И снова плотно, герметически закрыта дверь нашей тесной, но уже привычной, обжитой каюты. Кончились наши с Бирутой сто дней. Теперь эта дверь откроется через двадцать лет. Или не откроется совсем — кто знает?

У нас остались минуты. Вот-вот включится микрофон там, в рубке, и раздастся голос Али, и мы будем прощаться. И разбудят нас уже перед посадкой на Риту — когда всех будут отогревать и будить.

Нам будет тогда по семнадцать. На Земле нам даже не разрешили бы еще жениться.

Может, Марат не верил, что ему снова стукнет семнадцать? Может, его мучили какие-то страхи или предчувствия, и поэтому он попросил лишние сутки?

Сейчас и я не отказался бы от лишних суток. Но не из-за предчувствий — у меня нет их. Из-за Бируты! Мне очень хорошо с ней!

Мы сидим на койке, обнявшись, и молчим. Мы уже все сказали друг другу, мы устали от ласк. Но не чувствовать Бируту рядом в эти последние минуты — выше моих сил.

Если бы кто-нибудь дал мне власть над Временем, кажется, я решился бы сейчас сказать это сакраментальное: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

Но у меня нет власти над Временем. И ни у кого никогда ее не было и не будет. Люди могут только мечтать об этом. И, наверно, это единственная вечная их мечта, которой никогда не суждено стать реальностью.

Время неумолимо и не способно считаться с желаниями и чувствами живых существ. От него смешно ждать милости. Ее не будет.

Далеко от нас, в рубке, щелкает микрофон. Это

Али. Сейчас он — наше Время. Но Али — друг. А если бы с нами прощался Женька — казалось бы, что Время — враг.

— Тарасовы! Слышите меня?

До чего нежен голос у Али! До чего робок!

Я тоже включаю микрофон, и Бирута тихо отвечает:

— Слышим, Али. Нам пора?

— Это как вы решите, ребята. Я не ваш судья. Я ваш слуга.

— Все равно,— говорит Бирута.— Когда-то надо.

— Тут я не властен,— признается Али.— Я хотел бы стать добрым богом. Но мне не доверяют. В старину сказали бы, что я не подхожу по анкетным данным.

— Ждать — хуже,— вставляю я.— Давай прощаться, Али! Давай прощаться, Анюта!

Еще я помню, как ложились мы на свои койки, как застегивали ремни. И помню, как сжал я в последний раз длинные, тонкие, холодные от волнения пальцы Бируты.

И это было последнее, что сделал я во второй ленте своей первой жизни.

Лента третья. МЕЧТА МОЯ, БОЛЬ МОЯ — ПЛАНЕТА РИТА

1. «Ритяне приветствуют вас!»

Вставать нам еще не разрешали, но я осторожно поднялся и включил наружный телевизор. Теперь мы с Бирутой смотрим на его экран.

Половину экрана занимает край громадного голубого шара. Он вертится под нами, этот шар, и мы видим белые острова ватных облаков, и голубые океаны, и небольшие желто-зеленые материки. Голубой шар под нами очень похож на Землю.

Мы на орбите возле нашей новой родины. Давно ли — не знаю. Надо бы спросить в рубке, но там сейчас, конечно, не до наших вопросов.

Зато, пожалуй, можно попробовать вызвать маму. Наверно, и ее разбудили.

Я отыскиваю кнопку семнадцатой каюты на панели, включаю микрофон.

— Ма,— тихо говорю я.— Мама.

В ответ — молчание.

Оно кажется мне долгим, бесконечным, страшным. Я успокаиваю себя тем, что мама не сразу может ответить.

Она одна — некому даже расстегнуть ей ремни.

А может, просто ее еще не разбудили?

Но вот я слышу все-таки щелчок.

— Алик? Здравствуй! Как чувствуешь себя? Как Рута?

— У нас все прекрасно, ма! За нас не волнуйся! Как ты?

— Еще не разобралась. Но кажется — нормально.

— Телевизор включила, ма? Наружный.

— Нет, конечно! Еще не вставала. А там что-то интересное?

— Рита, ма! Она очень похожа на Землю! Но ты не спеши. Мы, наверно, еще долго будем на орбите.

— Даже дольше, чем тебе кажется.

— Почему?

— Прививки. Наверняка будут делать прививки.

— А мы и не думали.

— А вам и не надо! Об этом думают медики. А почему Рута молчит?

— Я слушаю, мама. Здравствуй.

Впервые Бирута назвала ее мамой. На Земле она говорила: «Лида».

— Я очень соскучилась по тебе, девочка.

— Я тоже, мама. Как только разрешат выйти — мы придем к тебе.

— Как вам дежурилось?

— Отлично!— отвечает Бирута.— Мы много раз стояли перед твоей каютой, мама.

Я чувствую, Бируте нравится произносить это слово — «мама».

— Только не спеши вставать, ма!— предупреждаю я.— Когда нас будили на дежурство, я поспешил и упал.

— Ты всегда был торопыгой! — Я чувствую, что мама улыбается.— За меня не волнуйся.

— Внимание! — врывается в наш разговор громкий голос из рубки. — Внимание! Астронавты «Риты-три»! Поздравляем вас с прибытием к планете Рита!

Я узнаю четкий, жестковатый голос одного из наших командиров, Федора Красного. Он должен был вести корабль на последнем этапе. Он и вывел его на орбиту.

— К нашему кораблю,— продолжает Федор,— только что подошла ракета. В рубке сейчас Михаил Тушин — вот он, рядом со мной, можете поглядеть, если у вас включены видеофоны. И еще к нам прибыли десять медиков, которые будут делать прививки. Передаю микрофон Тушину.

— Здравствуйте, ребята!— Это уже глуховатый, знакомый по земным телепередачам голос Тушина.— Ритяне приветствуют вас! Мы очень ждали вас, ребята! Нам трудно. Много дел и мало рук. А ведь вас тут столько же, сколько и нас на Рите. Теперь горы свернем.

Тушин откашливается, зачем-то стучит по микрофону и продолжает:

— Рая мы вам, конечно, не обещаем. Рая нет. Да и не за тем вы летели. Так ведь? Вы понимаете — мы

сделали все, что могли, чтобы вам было легче, чем нам. Но пока не все тут легко. Ну, с болезнями справились. Однако заплатили за это несколькими жизнями. У нас сейчас есть мощные средства против местных болезней. Вам сегодня всем сделают прививки. Но у нас тут не только болезни. Местные племена кочуют, переплывают на плотах моря. Два диких племени высадились на наш материк. Когда мы прилетели — он был совершенно пустым. А теперь нам поздно уходить — слишком многое сделано. Строится город, действуют заводы, рудник. Нефть качаем на Севере. Поздно уходить! Но дикари есть дикари. Они на нас нападают, охотятся за нами в лесах. Мы потеряли из-за этого немало людей. В основном — женщин. Гибнут неосторожные. Те, кто не пользуется защитным электромагнитным полем. Кто забывает надеть космошлем. Я особенно хочу предупредить наших молодых астронавток. Не увлекайтесь в лесах всякими цветочками и бабочками! Они здесь очень красивы, но среди них есть ядовитые. А главное — увлекаясь ими, женщины забывают об осторожности. И тогда в них летят отравленные стрелы. Мы делаем все, что возможно. Но мы не способны и не имеем права истреблять туземцев.

Тушин снова откашливается и тихо отвечает на какой-то вопрос там, в рубке:

— А? Нет! Спасибо!

Потом громко продолжает:

— Пожалуй, я рассказал вам самое сложное. Остальное проще. Остальное зависит от нашего труда, нашей настойчивости, нашей дисциплины. А теперь еще и от вашего труда, вашей настойчивости, вашей дисциплины. Мы справились с природой на Земле, справимся с нею и тут. Человек — везде человек! Встанем прочно на ноги и сами пойдем к аборигенам. В конце концов все они станут нашими друзьями, нашими братьями. Но для этого мы должны создать промышленность, построить с избытком школы и больницы, построить с избытком жилища. Местные жители не поймут наших слов, не поверят нашим обещаниям. В их сознании мир еще целиком враждебен им. Они еще не способны усвоить ту идею, что чужое племя желает им добра просто так, ни за что, безо всякой корысти для себя. Но они не

смогут не оценить те материальные блага, которые мы им предложим со временем. И именно с этого начнется их быстрый прогресс. Мы все верим, что через несколько поколений на этой планете будет единое общество, где потомки сегодняшних дикарей смогут выполнять самую сложную, самую квалифицированную работу. Эти потомки смогут овладеть современной наукой, создадут свое искусство и сами будут просвещать дальние, еще дикие народы. Тот путь, который они прошли бы без нас за десятки тысяч лет, с нами они пройдут за столетие или за два. И это будет означать, что коммуна Земли выполнила свой братский долг перед человечеством Риты. Наше поколение начинает эту работу. И мы еще наверняка увидим первые ее результаты.

Мы аплодируем у себя в каютах, подняв руки к микрофонам. По всему кораблю слышатся эти аплодисменты. Словно морской шторм бушует в динамиках.

А потом сквозь них пробивается настойчивый стук. Это Тушин стучит по микрофону — просит слова. Он еще не кончил.

Аплодисменты стихают.

— Так-то лучше,— тихо произносит Тушин. — Мы не в театре... К вашему прибытию, ребята,— говорит он уже громче,— мы приготовили небольшой подарок. Вас ждут сто двадцать квартир. Так что двести сорок человек сразу же после выхода из корабля могут поселиться в современном доме.

И снова мы аплодируем перед микрофонами. И снова Тушин стучит по микрофону в рубке, чтобы успокоить нас.

— Остальное будем строить,— добавляет он.— Месяцев через восемь из корабля уйдут все. Теперь еще хочу похвалиться. У нас есть школа. Большая. И ваши дети будут в нее ходить. Есть больница. Тоже большая. Работают сталеплавильный цех, ремонтный завод, заводы пластмасс, клеецемента, железобетона, пластобетона, текстильная фабрика. В общем, кое-что есть. В недрах вашего корабля сложено несколько новых предприятий. Но и в трюмах «Риты-два» еще лежат два завода. Не успеваем... Помогайте!

— Товарищи! — слышится голос Федора Красного.— Мы не будем на этот раз регулировать из рубки

поведение каждой пары проснувшихся. Потому что отогревали и будили вас в разное время. Да и некогда сейчас. Вы уже просыпались и знаете правила. Выходить из кают не надо, пока не закончат прививки. Еду принесут роботы. А пока читайте, разговаривайте, целуйтесь, черт возьми! Нам не так долго осталось быть на орбите. Потом вам будет некогда. Теперь небольшое объявление. Через пять часов — засеките время! — будет отправлена на Землю финишная ракета с информацией о нашем полете и о делах на Рите. Ракета стартует из недр корабля. Возможно резкое ускорение. Поэтому просим всех за десять минут до старта лечь на койки и пристегнуться ремнями. О старте объявим, но следите за временем сами. Ракетную команду сразу после прививок попрошу в рубку. Надеюсь, все ясно? Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда все, ребята! О прививках предупредим каждую пару за десять минут.

Микрофон щелкает, и снова мы с Бирутой в тишине. Даже гула, к которому мы привыкли во время дежурства, не слышно сейчас. Ведь двигатели не работают.

— Вот и сходили к маме,— почему-то шепчет Бирута.

Нам совершенно нечего делать в тесной, маленькой, запертой каюте. Читать что-либо просто невозможно — мы слишком возбуждены. Так что не осуществить нам этот добрый совет Федора Красного. Наверно, на всем нашем громадном корабле не найти человека, который способен был бы читать сейчас.

И тут я вспоминаю, что в шкафчике моем хранятся копии двух стереолент «Урала». Те копии, которые я снял еще в Бесконечности, подбирая в фильмотеке материал для Бируты.

Тогда я забыл про них. Сунул в шкафчик — и забыл. Хватало других забот.

А теперь, пожалуй, самое время прокрутить их...

Я вынимаю стереоленты, закладываю в проектор телевизора, и мы с Бирутой смотрим на маленьком его экране две давние-давние встречи «уральцев» с жителями той загадочной планеты, которая вертится сейчас под нами.

Встреча девятая

Селение, окруженное лесом. Круглые, островерхие шалаши, покрытые в несколько слоев широкими блестящими листьями, вразброс стоят на поляне.

В селении почти пусто. Несколько детей играет между шалашами. Женщины иногда перебегают из хижины в хижину, подбрасывают две-три ветки в костер, чтобы он не погас.

У жителей этого селения кожа светлая, почти желтая, с легким зеленоватым отливом. Очень странная, на земной взгляд, кожа.

В селение входят мужчины-охотники, стройные, высокие — почти на голову выше женщин. От пояса вниз у мужчин спускаются тугие мохнатые повязки.

Двое охотников несут на длинной тонкой жердине тушу небольшого животного. Что-то вроде нашей косули.

Все это происходит в тишине. Лишь вначале, когда охотники входили в селение, дети кинулись к ним и подняли радостный визг. Но он быстро утих — даже дети поняли, что добыча слишком мала и что досыта сегодня не поесть.

Когда двое охотников сняли шкуру со своей добычи, запылали еще три костра. Началось приготовление ужина.

И именно в это время в селении появились три астронавта. Они медленно вели за короткие рога стреноженного оленя.

Двое шли впереди и тянули концы веревки, обмотанной вокруг рогов животного. Третий сзади подталкивал его двумя тонкими длинными палочками, видимо, электродами. Потому что палочек олень боялся больше всего: вздрагивал и старался уйти вперед.

Этим третьим астронавтом была женщина с гибкой, изящной фигурой и длинными золотистыми волосами, которые выбивались из-под небрежно надетого белого шлема. Это была Рита Тушина, мать Михаила, единственная женщина, которая спустилась с космического корабля. Ее именем была названа потом планета.

Астронавты вели оленя в подарок жителям селения. Дикие охотники сразу поняли это.

И один из мужчин, который принял у астронавтов веревку, привязанную к рогам, сделал пришельцам ответный подарок — протянул им свою тяжелую суковатую палицу.

Под ударами других палиц упал в это время возле костров оглушенный олень.

Жителей селения вроде не очень-то и удивило появление астронавтов. Гораздо больше занимал подарок. Мужчины вообще старались не обращать внимания на пришельцев. Их откровенно разглядывали лишь женщины. И, видимо, астронавты наши растерялись на какие-то минуты. Слишком уж сухо, чересчур по-деловому встретили их охотники.

Но зато детей интересовали именно астронавты. Дети стали плотным полукольцом возле землян и таращили глаза на серые одежды и белые шлемы.

И тогда Рита Тушина достала из кармана горсть маленьких темных шариков, раздала их. Дети разглядывали шарики, не зная, что с ними делать. Рита положила один шарик в рот. Глядя на нее, и дети потащили в рот свои шарики. А Рита вынимала из кармана горсть за горстью и все раздавала, раздавала шоколад. Тот самый, который не получали вдоволь даже дети астронавтов на корабле.

И зачем только Рита Тушина взяла с собой эти шарики!..

Дети дикого племени уже дрались из-за них. Они хотели еще и еще и тянули к Рите свои желто-зеленоватые ладошки.

Но у Риты не было больше шоколадных шариков. Она развела руками, вывернула пустые карманы — ясно показала, что отдала все.

Дети поняли и стали расходиться. Один малыш даже побежал, споткнулся обо что-то, упал и громко заплакал.

Рита бросилась к нему, подняла и погладила по голове. Но, видно, он укусил Риту, потому что она резко отдернула руку и стала размахивать ею в воздухе.

Малыш убежал, все так же громко плача. Рита растерянно, должно быть, по инерции, сделала шаг за ним.

Страшный, ужасный, последний свой шаг!..

Она вскрикнула коротко и упала, и никто еще не мог понять, в чем дело, и даже астронавт на дереве возле поселка машинально продолжал съемку.

Потом он увидел, что из глаза Риты торчит длинная, тонкая стрела.

И больше уже ничего не снимал стереоаппарат возле этого селения.

...Лишь по рассказам Михаила Тушина и других «уральцев» жители Земли знают о том, что произошло дальше.

Один из астронавтов мгновенно выпустил из рукава плотную пластиковую сферу. Раздутая сильной струей сжатого воздуха, она отделила астронавтов от жителей селения. И тут же по сфере забарабанили стрелы.

Сфера только изнутри была прозрачна. А снаружи казалась молочно-белой, и астронавты уже были не видны охотникам.

Под прикрытием сферы астронавты унесли из селения Риту, не сделав ни одного выстрела, не тронув ни одного охотника.

Стрела была отравлена, и неизвестный яд действовал очень быстро. Рита умерла, прежде чем ее успели донести до ракеты.

Молодую женщину похоронили у подножия громадной базальтовой глыбы, одиноко стоящей посреди зеленого нагорья.

Это очень заметное место. Его несложно будет найти тем, кто прилетит на планету Рита с Земли.

Глыба очень похожа на памятник. Да она и есть памятник. Или, по крайней мере, пьедестал для него. В одном из своих интервью на Земле Михаил Тушин признался, что в свободные часы все рисует и рисует различные варианты памятника, который можно поставить его матери на базальтовой глыбе.

Еще в седьмом классе, выбрав для доклада этот эпизод, я повесил над столом портрет красивой, задумчивой женщины, у которой тонкий и ровный нос, нежные, гладкие, как у девочки, щеки и зеленые, с грустинкой глаза, как бы заглядывающие тебе в душу. Часто, подолгу глядел я на портрет и даже мысленно советовался о чем-то с этой женщиной.

Она так и не увидела своей Родины. Как и ее сын,

она родилась в космосе. За годы полета стала микробиологом и уже начала учить своему любимому делу маленькую девочку Чанду, будущую жену Михаила.

Но у Риты Тушиной был не только талант микробиолога. Много лет вела она подробный дневник, и он стал не менее известен на Земле, чем книга Михаила Тушина. И люди поняли, что на далекой планете погибла не только прекрасная женщина и талантливый ученый, но и способная писательница.

Совсем молодой погибла Рита Тушина — ей еще и сорока не было. И всю свою недолгую жизнь она мечтала о том, чтобы хоть немного пожить на Земле, под голубым, а не вечно черным небом.

Встреча одиннадцатая (последняя)

Эта встреча была явно неожиданной для астронавтов.

Сплошной ряд охотников, тела которых закутаны в толстые, пятнистые шкуры, стоит перед аппаратом. У охотников красновато-коричневая кожа и мужественные, красивые лица с большими, миндалевидными глазами. Самые красивые лица изо всех, какие удалось увидеть астронавтам на этой планете.

Охотники стояли с копьями наготове, с поднятыми палицами и натянутыми луками. Охотников много — со всех сторон окружили они астронавтов. Со всех сторон нацелены копья, палицы и стрелы.

Видимо, за астронавтами долго следили из-за деревьев, прежде чем сумели вот так, неожиданно, окружить. Вероятно, хотели не убить, а взять в плен — потому и окружили.

Землян немного: трое рядом, возле аппарата, у четвертого — аппарат. Но им уже не страшны ни копья, ни стрелы. Земляне — в космических скафандрах, которые выдержат удар метеорита, а не только копья.

Конечно, астронавты легко могли бы перестрелять диких охотников. Или бесшумно сжечь тепловым лучом.

Но зачем? Ведь земные астронавты — не завоеватели. Коммуна Земли посылала их в космос не для убийства.

Единственно возможное в этой нелепой ситуации — удивить наивных туземцев, совершить то, что дикарям может показаться только чудом.

И вот вверх одновременно поднимаются три руки. Три красные ракеты стремительно уносятся в воздух и высоко в небе, со звонкими хлопками, рассыпаются на множество ярких огней, которые гигантским шатром летят к земле.

Охотники не выдерживают этого неожиданного падения десятков разноцветных звезд. Охотники валятся на землю и прячут в высокой траве лохматые, нечесаные головы, ожидая смерти.

Но смерти нет. Дикари один за другим поднимают головы, глядят в вечернее, синеющее над лесом небо. Падающих звезд уже не видно, а странные кругоголовые боги по-прежнему спокойно стоят на поляне.

И тогда одетые в шкуры люди становятся на колени, отрывистыми, гортанными криками просят пощады.

Боги понимают их мольбу. Один бог похлопывает по плечу молодого охотника, поднимает его на ноги и протягивает ему широкую, серую, холодную руку, на которой поблескивают крошечные звездочки.

Охотник боязливо вкладывает в просвинцованную перчатку согнутую красновато-коричневую кисть.

Рука бога осторожно сжимает эту кисть и медленно отпускает.

Охотник удивленно рассматривает свою руку — целую, невредимую.

Первое рукопожатие двух миров! Первое зримое свидетельство того, что эти миры все-таки могут общаться не только посредством копий, дубин и отравленных стрел.

2. «С посадкой, товарищи!»

Наш корабль, имеющий форму дельфина, садится на планету «брюхом» вниз. Он опускается на нижних, по-

садочных дюзах, от которых сейчас протянулись к земле столбы пламени. Так удобнее. Так легче вынимать груз из трюмов и не надо переоборудовать каюты для жилья. Это очень важная особенность кораблей, предназначенных для Риты. Посадочные дюзы в них отделены от дюз движения. Именно это позволяет сделать корабль надежным домом на новой планете.

Наш корабль садится на длинном и узком полуострове, где нет ничего, кроме леса по краям и двух других кораблей посередине. Два громадных овала выжжены пламенем их посадочных дюз. И сейчас наш корабль выжжет новый гигантский овал, на котором долго ничего не будет расти. Такова судьба этого полуострова. Он стал космодромом. Его территории еще может не хватить для всех тех кораблей, которые должны прийти за нами. Наверно, поэтому город строится далеко от космодрома. Больше ста километров разделяют их. А соединяет только одна дорога, о которой рассказали нам ребята, делавшие прививки.

Конечно, не очень удобно, когда город далеко от кораблей, а заводы далеко от города. Из-за этого медленнее идет стройка — много времени уходит на транспортировку. Да и жертв больше. Ведь на маленьком пятачке легче обороняться. А тут такие длинные коммуникации. Но другого выхода нет. Строить город возле космодрома — значит, потом все равно бросать его. Да и когда начинали строить — еще не приходилось думать о защите.

Все-таки это нелепо! Защищаться от тех, ради кого мы прилетели... Кого мы собираемся спасать от голода и болезней, от войн и невежества. Мы будем спасать, а пока убивают нас...

Корабль спускается медленно, плавно, но все же нас со страшной силой вдавливает в койки. Конечно, сила тяжести на Рите немного меньше земной. Но она неизмеримо больше искусственной гравитации в корабле, к которой мы привыкли за полет.

— А знаешь...— тяжело дыша, произносит Бирута.— Мне все еще... не верится... что это... не дом...

Она говорит в микрофон. Ибо иначе нам не услышать друг друга — настолько сильно ревут дюзы. И в микрофон же я отвечаю ей:

— Мне... тоже...

Действительно, трудно заставить себя верить. Голубые моря, желто-зеленые материки, пушистые ватные облака — все как на Земле. И, когда выйдем из корабля,— наверно, просто покажется, что прилетел в другую страну — не больше.

Вдруг рев дюз стихает. И резко обрывается на немыслимо высокой ноте. Сильный толчок как бы проводит границу между этим страшным ревом и полным покоем, абсолютной тишиной.

И в этой тишине мы слышим из динамиков четкий, жестковатый голос Федора Красного:

— С посадкой, товарищи! Мы на земле Риты!

«Что-то мне надо было сделать!— думаю я.— Сразу после посадки. Что-то легкое».

Но так и не могу вспомнить — что.

3. «Как живется на этой планете!»

Еще целые сутки мы провели в корабле. Специальная команда обезвреживала космодром, снимала радиацию с обшивки корабля.

Мы следили за работой этой команды через наружные телевизоры, ходили друг к другу в гости, шумели в коридорах, пытались по очереди разглядывать Риту через небольшие иллюминаторы в рубке и в кают-компании.

Бирута и я, конечно, первым делом побежали к маме, но у нее все было в полном порядке, и мы не высидели больше часа. А потом мы разыскали и Али, и Доллингов, и Марата с Ольгой, и Монтелло. Все были такими же возбужденными, всем также не сиделось в своих каютах и хотелось куда-то бежать, что-то срочно, немедленно делать.

Но делать было нечего. Пока за нас всё делали другие.

А иллюминаторы немногое сказали нам. Мы увидели серое, затянутое облаками небо, и густо-зеленый лес

вдали, и черное поле выжженной земли вокруг нашего корабля, и такие же черные поля вокруг других кораблей. И сами эти корабли были уже не серебристо-зеленые, какими улетали с Земли, а черные. Сорок лет в космосе сделали свое дело. Ведь все холодное космос бездумно красит в один цвет.

Мы так торопились узнать хоть что-то о Рите, будто срок нашего пребывания тут был ограничен, и через несколько дней мы должны были покинуть планету. Мы чувствовали себя пока не поселенцами, а туристами.

И началось это даже не тут, не на космодроме, а еще на орбите, после того, как мы услышали голос Тушина.

Наверно, поэтому мы с Бирутой и пытались тогда так яростно расспрашивать ребят, которые делали нам прививки.

Но ребята были не очень-то многословны. То ли спешили, то ли надоели им уже расспросы в других каютах, то ли что-то скрывали от нас.

Один из них держался просто и деловито. Другой был мрачен и глядел на Бируту таким тяжелым и откровенным взглядом, что у меня чесались кулаки.

Все время, пока парни возились со своими ампулами и шприцами, я пытался разговорить их.

— Как живется на этой планете, ребята?— спросил я.

— Нормально,— ответил первый.

— Поживешь — узнаешь,— ответил второй.

— Еды хватает?

— Вполне.

— А культуры?

— От тебя зависит. Но вообще-то некогда.

— А чего не хватает?

— Поживешь — узнаешь.

Это опять ответил второй, мрачный.

— Какие-то большие индивидуальные проблемы есть?

— А без них — что за человек?— Первый улыбнулся.

— И их сложно разрешить?

— Иные — невозможно!— Это снова сказал второй, мрачный.

Бирута, конечно, тоже заметила тяжелый его взгляд и, должно быть, именно поэтому задала самый трудный вопрос:

— А жена ваша... чем занимается?

И поглядела прямо в глаза мрачному.

— Ее убили,— ответил он. И отвернулся.

— Где?

— Возле города. Она была ботаником.

— И не пользовалась электромагнитной защитой?

— С этой защитой только спать хорошо. А гербарий с ней не соберешь!..

Они закончили прививки и ушли от нас, и через несколько часов улетели на своей ракете.

Но до сих пор я вижу перед собой того, второго, мрачного медика. Как живет этот парень? На что надеется? Ведь и на следующих кораблях все будут прилетать только парами.

Мне пришлось когда-то читать о трагедии миллионов российских женщин в середине двадцатого века. О трагедии миллионов вдов, которые не дождались своих мужей с Отечественной войны. О трагедии невест, которые так на всю жизнь и остались невестами убитых. Правда, я читал об этом книжку не их современника, а писателя двадцать первого века. Наверно, их современники писали сильнее и с большей горечью. Но и этот человек рассказал достаточно сильно и полно об одной из величайших трагедий. Миллионам обездоленных женщин не мог помочь никто — ни государственная власть, ни другие народы. И даже не с кем было расквитаться за эту страшную трагедию — немногочисленные виновники ее, главари фашистской Германии, или покончили самоубийством, или были казнены сразу после войны. Правда, некоторых разыскивали и казнили позже. Но все равно их преступления ломали судьбы миллионам людей еще десятки лет.

Мне становится страшно, когда я думаю о жизни этих женщин после войны, о том, как медленно, трудно и горько угасали они, неохотно расставаясь с надеждами на счастье.

Конечно, эти российские женщины были героями. Независимо от характеров, от личной смелости или трусости.

Они были героями все — уже хотя бы только потому, что жили, работали, воспитывали детей и смеялись и шутили не реже других.

И неужели сейчас на Рите, рядом с нами, начинается такая же трагедия? Пусть это не миллионы людей, пусть десятки, даже единицы. Но ведь для каждого из ребят трагедия так же значительна...

4. Первое знакомство

— Меня зовут Теодор Вебер,— представился невысокий, сухощавый и светловолосый парень с какими-то прозрачными, по-северному блекло-голубыми глазами.— Мне поручено показать вашей группе город и заводской район. У вас пока времени очень много, а у меня — очень мало.— Он сдержанно улыбнулся, как бы извиняясь за то, что у него мало времени.— Поэтому я покажу вам только главное и скажу только о главном. Остальное сами увидите. Вы здесь не туристы, а жители. Я просто попытаюсь вас сориентировать. Не больше.

Мы стояли еще на дороге, возле биолетов, которые привезли нас с космодрома. Мы — это полсотни ребят, вторая группа, вышедшая из корабля. Первая уехала сегодня утром. За нами биолеты прислали днем. А своих биолетов у нас пока нет. Их еще надо доставать из трюмов, настраивать на местные дороги...

Мы ехали сюда по отличному широкому и гладкому шоссе, которое почти все время шло лесом. Биолеты настроены здесь на бо́льшую скорость, чем на Земле, и мы добрались до города всего за полчаса.

Эта дорога — особая. На Земле очень мало таких дорог. Потому что делать их научились уже тогда, когда все основные нужные Земле магистрали были построены из бетона или пластобетона. И еще потому, что на Земле берегут лес и считают расточительством хоронить его в дорожном полотне. Но кое-где, в джунглях и тайге, которых осталось на Земле не так уж много, новые дороги уже в наше время строили так, как здесь,— с помощью лесодорожных машин.

Многие из нас учились в «Малахите» водить такую машину. Это не очень сложно — она, по существу,

автомат. Она идет медленно, идет прямо на поваленный лес, частично плавит его (именно плавит, а не сжигает), частично перемешивает с песком или гравием и оставляет после себя отличное дорожное полотно, которое остывает около суток и потом долго еще сохраняет по краям особый, неповторимый янтарный цвет.

Такому шоссе не страшны ни вода, ни жара, ни холод. Трещины на нем затягиваются сами по себе, ремонта оно не требует и служить должно двум, а то и трем поколениям. И даже пни не надо корчевать перед лесодорожной машиной. Она расплавит или включит их в шоссейное полотно так же спокойно, как и поваленные стволы.

И вот дорога позади, и мы стоим у въезда в город.

Собственно, города еще нет. Город когда-то будет. А пока есть один дом. И тот недостроенный. Со временем он станет домом-кольцом. Но сейчас это еще дом-дуга.

В конце двадцатого века такие дома-города начали строить на Крайнем Севере, в тундре. И они быстро оправдали себя, и обнаружили такую бездну достоинств, что потом их строили и в пустынях, и на Луне, и на Марсе, и на Венере. Всюду, где природные условия были против человека, кольцевой город-дом оказывался наилучшим вариантом.

— Вы, наверно, знаете, ребята, этот принцип,— произнес Вебер.— Дом-кольцо, город — цветок из семи колец... Так вот, мы сейчас строим центральное. Двадцать этажей. Наверху площадка для вертолетов. Одиннадцатый этаж — прогулочный. Третий и пятнадцатый — бытовые. Всякие там столовые, медпункты, мелкие склады. На третьем этаже — главный врач, Мария Челидзе. Некоторые видели ее сегодня — она увезла с космодрома первую группу. Это у нас единственная привилегия членов Совета — знакомить новичков с хозяйством. Сегодня вечером Челидзе собирает у себя всех новых медиков. Если здесь есть медики — прошу учесть... Ну, далее... Первый этаж здания — основные склады. Второй этаж — бытовая инженерия, конторы и тэ пэ. Мой рабочий кабинет — тоже на втором. Я архитектор. Кому надо — милости прошу.

Он обвел взглядом всех нас и улыбнулся. Розите Гальдос он улыбнулся особо.

Видно, она понравилась ему больше остальных.

Ничего не могу с собой сделать — никак не выговаривается у меня «Розита Верхова». Только — Гальдос. Кажется, Бируту очень огорчает это. Мне не хотелось бы ее огорчать. Но не выговаривается...

— Ну, что еще?..— сказал Вебер.— Школа сейчас на третьем этаже. Впоследствии она будет в парке, в самом центре кольца. Бытовые этажи, прогулочный и инженерный — сквозные. Когда закончим — можно будет гулять по колечку. И дождиком не замочит. Планировка комнат — свободная. Передвижные перегородки. Из двухкомнатной квартиры за несколько минут сделаете четырехкомнатную. Как видите, готовы семь секций. Пять заселены. Две ждут вас. Изо всех сил жмем на восьмую. Даже без вашей помощи закончили бы ее через полтора месяца. А если еще вы навалитесь!..

Вебер опять улыбнулся всем вместе и Розите — отдельно. Она покраснела. Покраснел и стоящий рядом с ней Женька. Кажется, Вебер заметил это, потому что у него тоже запылали уши. И вдруг я увидел, что уши у него большие, оттопыренные, как у мальчишки. Совсем детские уши.

— Сейчас мы строим медленно,— снова заговорил он.— Не хватает людей, не хватает киберов. Производство киберов у нас еще не налажено. Только ремонтируем. И то с трудом. Когда включитесь вы — будем строить дом сразу с двух сторон. К следующему кораблю кольцо замкнем. А остальные кольца будут соединены с этим и с соседними. Устроим переходы на уровне всех сквозных этажей. Жить будет удобно, ребята! Удобней не придумаешь! Вот вроде все по жилью. Вопросы есть?

— Основной материал стройки?— услыхал я из-за спины голос Майкла Доллинга.

— Вначале был только железобетон.— Вебер поискал глазами спрашивающего.— Этот старик еще далеко не исчерпал себя, как вы знаете. Даже на Земле. А у нас — тем более. Потом нашли на севере нефть. Так что теперь из железобетона — только первые десять этажей. Следующие пять — пластобетон. Верхние пять — полимерные кубики. Собственно, полимеры впервые пойдут только на восьмую секцию.

— Ты сам-то когда прилетел?— спросил кто-то.
— С первым отрядом.
— А где жили вначале?
— В корабле. Времянок не строили.
— А обогревалки тут не нужны?
— На этом материке редко бывают морозы. Только что на Плато Ветров. Это на севере. Далеко. Но там мы пока ничего не строим. А от дождя и ветра нас отлично защищали пленочные сферы.
— С энергией как?— Это голос Бруно Монтелло.
— Нормально!— Вебер пожал плечами.— Атомную станцию мы пустили сразу, как прилетели. А на «Рите-два» пришел еще и термоядерный реактор. Так что энергии хватает. Уже три года не пользовались реакторами кораблей. Они в резерве.
— Уран нашли? — спросил я.
— Нет! — Вебер покачал головой. — На северной половине материка уран пока не нашли. А на южной поискать не успели — там появились аборигены. Мы стараемся не вторгаться в их зону. Но мы выколачиваем уран и торий из гранита. На Земле это пока нецелесообразно, а здесь имеет смысл. В общем, ребята, нефти не жжем — не беспокойтесь! В двадцатый век нас еще не отбросило.
— А много ее, нефти? — спросила Изольда Монтелло.
— Мало. Скважин-то много, но добыча мала. Тянут ее — сама не бьет. Ищем нефть все время. Из-за этого и с химией задержка. Но я вижу, вопросы пошли промышленные. А по жилью?
— По жилью все ясно! — Бруно улыбнулся.— Вот как с зоной отдыха?
— Пока ее нет! — ответил Вебер. — Ее надо оборудовать электромагнитной защитой, а мы не успеваем.
— А в море купаться можно?
Это, конечно, вопрос Бируты. Ее, как всегда, волнует море.
— Можно. Иногда мы летаем к морю большими группами. Дорогу к нему еще только строят.
— Отсюда дорогу или от космодрома?
— Конечно, отсюда. Вот достроим дорогу и будем создавать зону отдыха. У моря.
— Вода там теплая?
— Не всегда. Но бывает. Там борются какие-то тече-

ния. Со временем мы вмешаемся в эту борьбу. А пока иногда просто подогреваем бухту.

— Почему вообще не построили город у моря? — спросила Бирута.

— Это не южное море. Тут часты холодные, очень сильные ветры. У моря город трудно было бы строить. И неуютно было бы в нем жить. И потом, мы не знаем еще капризов местного моря. Не хотели рисковать. Но мы еще построим город у моря. На западе. Там намечен порт.

Вебер снова улыбнулся. На этот раз — безлично, всем, не отыскивая взглядом Розиту.

Потом спросил:

— Надеюсь, дом мы сейчас обходить не станем? Вы еще по нему набегаетесь. Возражений нет?

— Нет,— ответил кто-то.

— Тогда — по коням, как говорили древние! Через полчаса будем в заводском районе.

Дорога к заводам была такая же, как на космодром,— широкая, толстая, вечная, из двух лент.

Грузовиков здесь попадалось больше — и встречных, и попутных. Встречные обычно везли на прицепах громоздкие кубики-комнаты, из которых сладывался дом-кольцо. Такие же «кубики» и длинные панели бытовых этажей, подвешенные к дирижаблям, проплывали вдоль шоссе в воздухе. Дирижабли были небольшие, но шли часто и все время вдоль дороги. Видимо, и потому, что она была почти прямой — короче пути не найдешь, и потому, что с дирижаблей можно быстро заметить любое «чепе» на дороге и тут же помочь.

Попутные грузовики чаще всего везли ящики с машинами того самого завода, который выгружался из трюмов «Риты-2». Эти ящики доставляли с космодрома к Городу, а отсюда их забирали порожние грузовики, возвращающиеся в Заводской район.

В разрывах облаков выглянуло наконец здешнее солнце — яркое, чуть красноватое и оттого непривычное, но все равно праздничное, приятное. Соскучились мы по солнцу!

По сторонам мчался назад лес. Очень похожий на земной и все же отличающийся от земного. Трудно было толком разглядеть его на такой скорости. Но все-таки

было ясно, что он напоминает наши смешанные северные леса. Только хвоя на здешних соснах была более сочной, более пышной. Почти как стрелки молодого лука на Земле. И листва местных деревьев, похожих на наши липы, казалась более мясистой, более толстой. Словно небольшие зеленые оладьи висели на сучьях. Видно, хватает здесь влаги. И незачем деревьям экономить ее. Но все же не было тут ничего от пышности южных лесов. Потому что материк расположен совсем недалеко от Полярной зоны. По существу, она даже начинается где-то на крайней северной оконечности материка.

В Заводском районе Вебер водил нас из корпуса в корпус, и это было странно похоже на давние, школьные наши экскурсии, и мы как-то неловко чувствовали себя перед немногими людьми, которых встречали в цехах.

Как и на предприятиях Земли, народу здесь было очень мало. Делали все автоматы, а люди лишь следили за ними. Дежурный инженер, дежурный оператор и ремонтник киберустройств — вот, собственно, и все, кто находился в каждом цехе.

Да иначе и не мог бы действовать этот уже серьезный промышленный комплекс. Ведь заводы не останавливались на ночь. А землян на Рите было всего около шестисот. И где-то на севере еще шла работа на нефтепромыслах. А на северо-западе добывали железную руду и возили ее в Заводской район на дирижаблях. И еще где-то сеяли хлеб, выращивали птицу, прокладывали дороги... И везде нужны были люди!

Наверно, очень не хватало здесь работников! Жутко не хватало! А на соседних материках (да и на нашем) тысячи сильных, здоровых людей тратили свои жизни на труд варварский, тяжелый и почти безрезультатный. И чтобы устранить это дикое несоответствие двух миров, нужны были десятилетия, а то и столетия.

Вебер так и не показал нам всего. Торопился. Да и просто немыслимо показать за один день громадное хозяйство землян, которое размахнулось на сотни километров.

Где-то на северо-востоке от Заводского района, в лесах, куда еще даже не проложена дорога, действовала птицефабрика, для которой на каждом корабле везли

запаянные цинковые ящики с яйцами земных домашних птиц. И уже давали молоко коровы, выросшие из замороженных эмбрионов, привезенных на кораблях. Громадное хозяйство жило, действовало, разворачивалось.

В общем, сделано было невероятно много. Когда мы улетали с Земли, казалось, что мы будем первооткрывателями, пионерами, что все придется начинать на пустом месте. Чуть ли не рубить избушки.

Но все это сделали другие. Мы попали в налаженное хозяйство, в современный город, где не нужно было никакой самоотверженности, никакого героизма. Просто надо знать свое дело и работать!

И только одно казалось непривычным, неестественным и как-то давило. Все тут были вооружены. У всех белели на поясе слипы — уголки с усыпляющими лучами, у некоторых виднелись еще и карлары — карманные лазеры с лучами тепловыми, а двух ребят, которые работали на открытой площадке и проверяли, как киберы цепляют к дирижаблям панели и кубики-комнаты,— висели на поясе и пистолеты. Обычные пистолеты, которые на Земле носят уже только укротители диких зверей.

— Зачем пистолеты? — спросил Бруно.

— Здесь какие-то сумасшедшие орлы,— ответил Вебер.— Они еще не поняли, что человек сильнее, и иногда нападают. Здесь такие же неопытные обезьяны. Они ходят между цехами, пробираются на стройку, прыгают на человека сзади.

— И они не... теплолюбивы? — Бруно улыбнулся.

— Увы, нет! — Вебер покачал головой.— Обезьяны попадаются даже в арктической зоне.— Он помолчал, потом, видимо, решившись, добавил: — Ну и, наконец, люди! Защищаться иногда приходится и от людей.

Все притихли. И я невольно ощупал у себя на поясе белый слип с усыпляющими лучами.

5. ...и первое прощание

— ...Прилетай скорей! Я буду очень ждать тебя!

Пальцы Бируты, длинные и тонкие, гладят мой затылок, и она смотрит мне в глаза, и я вижу, как набу-

хают прозрачные слезы между ее длинными золотистыми ресницами.

Мы расстаемся первый раз на этой планете. И почему-то Бирута боится за меня, хотя я со всех сторон увешан оружием. А я боюсь за нее, хотя она обещала все эти пять дней никуда не выходить из дома, который здесь называют Городом. Днем — в школе, а вечером — в квартире Амировых, где Бирута будет ночевать, пока я не вернусь. Она взяла с собой все необходимое и обещала не ездить без меня на корабль. Но я не очень верю этим обещаниям. Если ей понадобится — она, конечно, поедет. Просто надеюсь, что удалось предусмотреть все и что ничего не понадобится.

А вот с мамой хуже. Мама не стала давать никаких обещаний. Только улыбнулась и сказала:

— За меня не бойся. Я уже не настолько молода, чтобы быть неосторожной.

Наш с Бирутой дом и мамин дом — все еще там, на корабле, на выжженном полуострове, в тесных каютах. А Марат Амиров уже живет здесь, в Городе, в новенькой квартире. И Верхов здесь. И Доллинги. Квартиры давали по алфавиту. Чтоб не было обид. А у нас буква далекая!

Конечно, разлучаться неприятно, но нам с Бирутой надо привыкать к разлукам. Такая у меня теперь работа. Собственно, это основная моя работа — ремонт и монтаж электронных устройств. Я вошел в бригаду, которая будет обслуживать геологов и дальние поселки — карьер, нефтепромыслы, агрогородок.

У Женьки Верхова такая же основная специальность, как и у меня. Однако он не попал в разъездную бригаду, промолчал, когда записывались в нее. Но поднялся первым, когда упомянули о промышленном комплексе. Там Женька и будет работать — в Заводском районе. Видно, не торопится посмотреть эту землю и то, что сделали на ней люди.

Когда мы летели сюда, я даже не предполагал, что сразу придется работать по специальности, был готов валить лес, прокладывать дороги. Но оказалось, что я нужнее всего как специалист. И остальные — тоже. Одно это яснее ясного говорит, как много успели земляне на Рите. Ибо «узкие» специалисты необходимы лишь в тех-

нически развитом обществе. А в неразвитом гораздо нужнее универсалы. Сегодня мы увезем на вертолете запасные детали и новое электронное оборудование для железорудного карьера и агрогородка. Три дня назад на карьер отправили с нашего корабля новый экскаватор. Его собрали, и нам предстоит установить на нем кибер.

Все экскаваторы и грузовики в карьере работают без людей. Ими управляют киберы. Лишь один оператор следит с пульта управления за всей этой армией техники.

Киберы же водят грузовики и по шоссе. Но по шоссе, кроме грузовиков, мчатся еще и биолеты с людьми. Здесь нет, как на Земле, отдельных дорог для биолетов и грузовиков. И поэтому приходится в кабинах грузовиков ездить контролерам. Они ничего не делают в кабине — только страхуют кибера. Ибо, если он «свихнется»,— может налететь на биолет. Эти контролеры — бич для землян. Никто не хочет идти в контролеры. Приходится по очереди. Говорят, даже Тушин раз в десять дней водит грузовики по шоссе — показывает пример.

...Мы стоим на крыше единственного нашего настоящего дома в этом мире. В двадцати шагах — полосатый, как матросская тельняшка, вертолет. Мы прощаемся с женами, и говорим какие-то слова, которые, в общем-то ничего не значат, потому что все главное сказано давно.

Собственно, трогательное прощание только у нас, двоих новичков — у меня и Грицька Доленко. Старожилы просто разговаривают со своими женами о каких-то обычных, будничных делах.

Но вот громадный темнокожий американец Джим Смит молча смотрит на часы. Тонкий, высокий Вано Челидзе замечает это и, разгладив пальцами аккуратные черные усики, громко говорит:

— Пора! Пора!

Нашу машину поведет кибер, который хорошо знает трассу. А контролировать кибера сможет любой, кто летал здесь хоть раз. В следующую поездку даже я смогу.

Вано запирает дверцы. И вот уже свистят над нами лопасти винта и уходит вниз и куда-то вбок серая площадка, на которой еще видны четыре четкие маленькие фигурки в темных спортивных костюмах. Навстречу, под ноги, ползут леса — сплошные, густые,— и кажется, нет этим лесам ни конца ни краю.

6. Вано

Мотор вертолета работает бесшумно. Только воздух, рассекаемый лопастями винтов, жалобно свистит в ушах. Но внизу этот свист не слышен. Вертолет так же бесшумен, как дирижабль.

Эти вертолеты делали специально для Риты. Шумные машины только осложнили бы здесь общение с племенами. Трудно было бы незаметно приблизиться к племенам соседних материков. А когда-то ведь придется к ним приближаться...

Мы летим над лесами, в которых круглыми серебристыми блюдцами блестят озера. Лишь изредка мелькнет среди деревьев узенькая, извилистая ниточка небольшой реки. Ничего похожего на Волгу, Амазонку, Енисей.

— Мало рек!— думаю я вслух.

— Здесь не реки — ручьи!— горячо бросает Вано Челидзе.— Разве это реки? Кура была бы гигантом на этом материке! И понимаешь, почему? Земли мало! Большим рекам нужна большая земля. А тут весь материк — с Черное море. По земным понятиям — остров. Где собираться большой реке?.. А ручьев много. Их сверху не видно.

— И горы есть?

— Есть горы! На юге — целый горный полуостров. На востоке гряда возле будущей зоны отдыха. На юго-западе гряда. Кругом горы! Но главное — на севере! Там нефть. Там сейчас геологи, геофизики, буровики. Шестьдесят человек пропадает близ этих гор!

— Так мало? — удивляется Грицько.

— Здесь это очень много! — возражает Вано. — Очень! Ископаемые сейчас важней города! Без них задохнемся. У вас сколько геологов?

— Двадцать. И десять геофизиков.

— Мало! Не понимают на Земле, кого надо готовить! И не сообщишь. Далеко!

Вано мрачнеет, умолкает. Черные брови его сдвигаются к переносице.

— Страшно далеко! — в тон ему говорит Грицько и вздыхает. — Я сюда письмо вез. Из Днепропетровска.

Днепропетровский я. На «Рите-один» улетела наша дивчина. Землячка. А когда объявили, что я лечу, к моим родителям пришли ее старики. Попросили, чтоб я взял письмо. Ну, я был в отпуске — зашел к ним, взял. Они близко от нас жили — на проспекте Маркса. Разыскал тут их Галю. А она увидала письмо — и в слезы. «Они же там усе вмерли!..» Вместо радости — привез горе. Так далеко...

Встречный ветер разгоняет облака, появляется невысокое красноватое солнце, и мы видим, как бежит слева по лесу большая тень вертолета. Словно гигантский паук мчится по верхушкам деревьев.

— Геологи близко,— говорит Вано. — Сейчас сбросим им посылочку.

Он крутит на рации ручку настройки и вызывает:

— Третий отряд! Третий отряд!

— Я третий отряд! — раздается в динамике звонкий женский голос. — Слышу вас!

— Привет, Илонка! Ты меня видишь?

— Вижу, Вано!

— А я тебя нет. Пока нет. Пройду над палатками — сброшу гостинец. Будешь следить?

— Конечно!

— У вас все в порядке?

— Никаких «чепе».

— Мы не требуемся?

— Нат справляется.

— Привет ему! Поцелуй его за меня!

Вано поворачивает голову к Грицьку и, прикрыв ладонью микрофон, негромко говорит:

— Между прочим — муж твоей Гали. Этот Нат... Башковитый парень!

Внизу, возле тонюсенькой ниточки ручья, появляются серебристо-белые стеклопластовые сферы геологических палаток. Еще минута — и они оказываются прямо под нами.

— Лови, Илонка! — говорит Вано в микрофон и нажимает рычаг.

Серый, продолговатый, перетянутый веревками тюк отрывается от вертолета и быстро уходит вниз. Голубым языком стреляет из него вверх парашют. И вот уже тюк качается на стропах, и спускается медленно, и упрямо

тянется к белым палаткам, хотя ветер пытается унести парашют от них.

— Магнит включила,— замечает Вано. — Теперь как пришитый сядет.

Мы уходим дальше, на северо-запад, к железорудному карьеру.

— Третий отряд ищет газ,— объясняет Вано.— Геофизики сказали, что в этой впадине может быть газ. Но пока не нашли. Все ищем, ищем. Мы все ищем готовеньким — подходящее солнце, подходящую планету, готовую нефть, готовый газ... За пределами Солнечной системы мы пока только потребители. А дома уже не столько ищут, сколько переделывают. Когда-нибудь так будет везде! Будут переделывать планеты, звезды! Велика планета — расколют. Нет атмосферы — создадут. Жаркое солнце — охладят. Холодное — разогреют. Во всей Галактике люди станут творцами, а не потребителями!

— Могут и другие хозяева найтись в Галактике! — замечает Грицько. — Вот Сандро слыхал по дороге голос их маяка... И у них будут другие образцы.

— С умным соседом можно поладить! — Вано ослепительно, белозубо улыбается и машет рукой. — Чем больше человек знает, тем легче с ним поладить. Вот как поладить с тем, кто ничего не знает, ничего не понимает, ничего не слышит?.. Пещерные люди никогда не умели ладить с соседями — всегда воевали. У некоторых правителей еще в двадцатом веке была психология пещерного человека! Чего же требовать от дикого племени ра?

— Что это за племя? — спрашиваю я.

— Племя наших убийц! Наши соседи. Мы вначале назвали его так по имени женщины. Она про себя сказала — Ра. Решили — это ее имя. И по ее имени назвали племя. Потом выяснилось — это и есть название племени. «Ра» на их языке — человек. А у женщины было совсем другое имя. Но ее с тех пор зовут Ра.

— Что за женщина? — удивляется Грицько. — Где она? Мы почему-то ничего не слыхали о ней!

— «Почему-то»... — повторяет Вано, усмехается, перекосив тонкие черные усики, и покачивает головой. — Вы здесь пять дней и уже хотите знать все, чем мы жили двенадцать лет. Неужели думаешь, у нас была такая бедная жизнь, что за пять дней все можно узнать?

— Не обижайся, Вано! — вмешиваюсь я. — Это ведь старая истина... Каждому новичку вначале кажется, что история начинается с него.

— Хорошо, если только вначале... — Вано примирительно улыбается и проводит пальцами по усикам. — Так вот о Ра. Она у нас уже скоро пять лет. Попала к нам больной — сломала ногу. Они тогда напали на ферму, эти ра. Ночью. Я не был там, но слыхал от тех, кто был. Электромагнитную защиту тогда только ставили. Жили раньше без нее — некому было нападать. Потом приплыли ра, и пришлось вытаскивать защиту из кораблей... В ту ночь ребята на ферме распугали этих храбрецов — ракетами. Теперь ра уже не боятся ракет. А тогда еще боялись. Улепетывали в ужасе. А Ра была с мужчинами. В этом племени девушки охотятся — пока нет детей. Убегала, как все, свалилась в фундамент, голень — пополам. Свои, конечно, ее бросили. Они вообще бросают раненых. А наши — нашли. Решили лечить по старинке — гипсом, медленно, чтоб не убежала. Такую ногу ей накрутили — далеко не уйдешь. Хотели приручить. А потом, уже через полгода, Ра сказала: ей все равно нельзя назад, в племя. Убили бы. За то, что жила у врагов. Наши лингвисты выжали из нее весь язык ра. Теперь агитируют их по радио. Но тут осечка. Говорили от нашего имени. Никаких результатов. Теперь хотят говорить от имени их главного бога. Может, своего бога послушаются?

— А где теперь эта женщина? — спрашиваю я.

— На ферме. Ты ее скоро увидишь. Там был один вдовец. Арстан Алиев. У него жена умерла от ренцелита. Местная болезнь. Давно умерла, еще когда не было вакцины. Вот он женился на Ра. Учит ее, воспитывает. Она понятливая, ловкая. Раз покажешь — все сделает. Только читать не любит.

— И дети есть?

— Двое. Мальчишки. Что любопытно — похожи на отца. Глаза узкие. А видят, как мать, — за горячее не возьмутся. Ра видят инфракрасное излучение. Что горячее, что холодное — им щупать не надо. Эти дикари неплохо устроены. У них нет аппендикса. И это наследуется — у сыновей Арстана тоже нет аппендикса. Не знаем только, как у мальчишек с зубами. Через много лет узнаем.

— А что у них может быть с зубами?— удивляется Грицько.

— Дикарям не нужен зубной врач. Больной зуб у них сам выпадает, и за полгода вырастает новый. Вообще, природа позаботилась о них лучше, чем о нас. Но им не повезло. Ра сама расскажет. Она любит рассказывать легенду своего племени. Видит, что мы всегда сочувствуем.

— Интересная легенда?

— Потерпи — услышишь. Не спеши за пять дней узнать все. Судя по легенде — нам еще тут достанется.

7. Ужин на ферме

Мы ужинаем на ферме. Только что прилетели — и завтра с утра за дело.

Позади три напряженных дня на железорудном карьере, где мы работали от зари до зари, почти без отдыха. Даже не успели всласть поговорить с шестью ребятами, которые скучают на этом карьере. Впрочем, им уже недолго скучать — через неделю их сменят. И целый месяц они будут жить в Городе. А потом снова вернутся на карьер. Ничего не поделаешь — специалисты.

На карьере люди живут спокойно. В них не стреляют. В окрестностях карьера не видели ни одного охотника-ра. Должно быть, их пугает непрерывный грохот машин. Правда, грохот не донимает работников — на диспетчерском пункте и в доме тихо. Стены и окна — звуконепроницаемы. А у киберов от шума нервы не расшалятся.

Ребята на железорудном даже хотели снять электромагнитную защиту, чтобы сберечь энергию. Но им не разрешили.

Зато здесь, на ферме, думают об усилении электромагнитной защиты, потому что обезьяны чуть не каждый день тащат кур, уток и гусей, и в окрестностях дикие охотники нападают на пасущиеся стада, бьют животных без разбора — даже дойных коров.

Вначале дикарям позволяли уносить убитых живот-

ных. Однако ра убивали намного больше, чем могли унести. Тогда от них стали защищаться переносными электромагнитными линиями. Но линий не хватает на всю огромную территорию пастбищ. Охрана стад — все еще проблема. Здесь с нетерпением ждут, когда из бездонных трюмов нашего корабля будут извлечены новенькие линии электромагнитной защиты.

Многое на этой ферме построено по старинке — из толстых, почерневших уже бревен. Видно, начинали в первые месяцы, когда не было на Рите ни железобетона, ни пластобетона. Тогда вот, судя по всему, здорово пригодилось ребятам то, чему учили нас в «Малахите».

Рядом с деревянными зданиями стоят и новые, светлые корпуса из пластобетона и новый жилой дом, сложенный дугой из тех же «кубиков»-комнат, из которых строится Город.

Арстан и Ра живут в просторном деревянном доме. Арстан сам строил его и не захотел уходить в стандартные комнаты.

В этом деревянном доме мы сейчас и ужинаем. И на столе жареный гусь с яблоками, и дымящиеся коричневые горшочки с гуляшом, и горка яиц, и янтарно переливающаяся ваза с медом, и большая тарелка аппетитно нарезанного толстыми кусками сала, и голубоватый стеклянный кувшин с густыми сливками.

Впервые в жизни я сижу за таким по-сельски обильным, совершенно не стандартным столом. На праздниках у нас дома, на Земле, и в школе, и в «Малахите» еды всегда было мало, еда была скорее символической — легкая закуска, что-нибудь новенькое, что-нибудь редкое. А здесь обильный, как в старину, стол, и неторопливая, не по-земному медлительная беседа.

Арстан сидит напротив меня — широкий, костистый, сухощавый, с острыми, смуглыми скулами, глубокими залысинами и глубокими, непроницаемыми темными глазами.

Арстан немногословен — почти как Джим Смит из нашей бригады, неулыбчив и вроде даже нелюбопытен — совсем не расспрашивает о Земле. Первый здесь, на Рите, не расспрашивает о Земле.

Он главный зоотехник. У него четверо помощников, десятки всяких киберов — подвижных и вмонтированных

в стены и перегородки ферм. Киберы обслуживают и пасут скот, кормят птицу, собирают яйца, доят коров, убирают помещения.

Киберами нам и предстоит заниматься — ремонтом и монтажом новых.

— Сколько зоотехников прилетело?— спрашивает Арстан.

— Шесть,— отвечает Грицько.

— Когда же они будут на ферме? Тут полно работы!

— Когда хоть частично разгрузят корабль. У них большое хозяйство. А жилье для них есть?

— Три квартиры пустуют,— Арстан кивает на темное окно, за которым светится огнями дуга жилого дома.

— Мало,— говорит Грицько.— Ведь прилетят еще и полеводы.

— В городе подсчитают,— невозмутимо произносит Арстан.— И привезут еще «кубики». Нас не обижают. Но если понадобится — у меня поживут. Потеснимся.

В доме Арстана — четыре большие комнаты. Когда-то здесь жили все первые обитатели фермы.

Ра все время встает из-за стола, уходит на кухню, что-то уносит, что-то приносит. И я не понимаю еще — то ли в этом доме не признают домашнего робота, то ли просто сегодня, по случаю приезда гостей, его выключили, как выключала мама нашего Топика, когда собирались у нас ее или папины друзья.

Ра невысока, широкоплеча и как-то «прямоугольна». Нет плавности в линиях ее фигуры. У Ра короткие, толстые, видимо, сильные ноги, и длинные руки с крупными кистями, и смуглая кожа с зеленоватым отливом. Быстрые, настороженные небольшие глаза словно ощупывают по нескольку раз каждого из прибывших, как бы желая удостовериться, что он не принесет зла. Конечно, не сравнить Ра с изящными, гибкими и стройными земными женщинами. Что уж говорить — я не влюбился бы в Ра с первого взгляда. Но в диких лесах Риты, видно, и не требуется земное изящество.

Ра еще более немногословна, чем Арстан. Они обмениваются изредка короткими словами, а чаще — взглядами и, видимо, отлично понимают друг друга. С нами Ра почти не разговаривает. Только неслышно приносит блюда — одно, другое, третье...

Я пытаюсь представить себе, как рассказывает Ра легенду своего племени — наверно, немаленькую легенду! И не могу представить. Слишком немногословная женщина ходит вокруг стола.

Вдруг она резко, испуганно поворачивается к окну, хотя оттуда не донеслось ни одного звука. Мы поворачиваем головы вслед за ней и видим прижавшуюся с улицы к стеклу длинную волосатую морду с маленькими, злыми, бегающими глазками, с расплющенными о стекло розовыми ноздрями.

Обезьяна глядит на нас с улицы настороженно, но без страха. Видно, уже понимает, что стекло разделяет нас. Видно, уже не впервые глядит на людей через стекло.

Я вздрагиваю от выстрела, который раздается у самого моего уха. Оглядываюсь. Вано опускает пистолет. Снова смотрю в окно. В нем маленькая круглая дырочка с разбегающимися лучами — от пули. И уже нет обезьяньей морды. С улицы доносится медленно затихающий стон — жалобный, почти человеческий.

— Зачем ты?— спрашивает Грицько, и морщится, и удивленно пожимает плечами.

— Она натворила бы много бед,— спокойно объясняет Вано.— И как они пробираются через защиту?

— Мы же ее выключаем,— объясняет Арстан.— Когда пропускаем стада. Обезьяны успевают... А потом злятся, что не могут выйти.

— Все-таки жалко ее,— тихо произносит Грицько.

Мне тоже жалко. Я никогда не убивал ничего живого. Кроме комаров на Урале да змей на Огненной Земле, куда летал к родителям. И, наверно, не смог бы я вот так спокойно убить обезьяну, хотя нас и учили в «Малахите» метко стрелять.

Арстан молча поднимается, включает у дверей уличные прожекторы. Вслед за Арстаном мы выходим на широкое крытое крыльцо. Под окном, раскинув по земле лапы, лежит на спине убитая обезьяна — большая, наверно, в человеческий рост. Она покрыта толстой бурой шерстью. Под головой расплывается темное пятно.

Один за другим мы спускаемся по ступенькам с высокого крыльца. Я спускаюсь последним.

И вдруг что-то мохнатое, тяжелое и невыносимо во-

нючее сваливается на меня сверху, вспарывает когтями рубашку, а затем и кожу на груди, и урчит за ушами, и вонзает мне сзади в шею острые зубы.

«Обезьяна! Вторая обезьяна!» — думаю я сквозь разрывающую тело боль и пытаюсь удержаться на ногах, потому что понимаю: упаду — погибну. Правой рукой шарю по поясу — ищу пистолет. Но натыкаюсь то на маленький, скользкий слип, то на трубку карлара... Где же пистолет?.. Где пистолет, черт возьми?

Крик боли и ужаса против моей воли вырывается из горла. И я вижу, как мелькает в руках у Арстана белый уголок слипа, и после этого, вместе со своей дикой болью и страшной тяжестью на спине, проваливаюсь в небытие.

8. Доллинги

Меня привозят в Город через три дня. Я уже могу ходить и медленно глотаю всякую жидкую пищу — как младенца, меня кормят бульонами и кашками,— и медленно выдавливаю из себя самые необходимые слова. Только головы не повернуть — шея и грудь в тугом корсете.

Устраивают меня в стерильно белой двухместной больничной палате. Вторую койку в палате отдают Бируте. Она здесь живет. Прямо сюда приходит после занятий в школе и здесь готовится к урокам, проверяет в тетрадях каракули своих малышей и не позволяет дежурной сестре ничего делать для меня — все делает сама.

А утром, когда Бирута в школе, в палату приходит мама, и снимает мой ненавистный корсет, и облучает швы на шее и на груди. Швы зарастают быстро. Мама обещает скоро заменить корсет тугой повязкой.

Когда случилась эта беда на ферме, мама сама хотела оперировать меня. Но ее не пустили. На ферму вылетела Мария Челидзе. Однако, пока она собиралась и летела, операцию провела жена главного полевода, фельдшер Марта Коростецкая. А консультировала ее мама — по видеофону, камера которого была подвешена вертикально, прямо над моей злополучной шеей. И все обо-

шлось идеально — у мамы не могла дрогнуть рука, а Марте не нужно было ломать голову в поисках правильного хода операции.

И даже анестезии не понадобилось. Усыпляющий луч слипа, который направил на обезьяну Арстан, отлично сработал и на меня. После операции я спал больше десяти часов.

По вечерам, после работы, ко мне забегает кто-нибудь из ребят. Но ненадолго. Я догадываюсь: там, в приемной, предупреждают — не задерживайтесь! Зачем? Неужели я такой тяжелый больной?

Видно, надо вести себя бодрее.

Вообще, чертовски обидно болеть, так ничего и не успев сделать на этой планете. Но куда денешься?

Несмотря на боль, которой отдается в горле каждый шаг, начинаю бродить по коридорам, обнаруживаю очень уютный холл со стереоэкраном и балконом-лоджией, изучаю коридорные пульты управления всякой больничной автоматикой. Никогда раньше не доводилось видеть.

А ведь придется еще их ремонтировать! И устанавливать новые.

Впрочем, принципы здесь общие. Разберусь!

На четвертый день неожиданно встречаю в холле Энн Доллинг и удивленно таращу глаза.

— Что с тобой, Энн?

Левая рука ее странно изогнута, толста и явно неподвижна. Видно, под рубашкой — такой же корсет, как и у меня.

— Да вот ранили...— неохотно отвечает она.— Аборигены.

— Когда?

— Позавчера...— Энн морщится, глядит в сторону.— Не расспрашивай, Сандро! Тебе кто-нибудь расскажет... А мне не хочется.

Энн очень бледна, губы ее пылают, темные глаза открыты широко, и, наверно, потому она как-то особенно, необычно красива. Она и всегда была красива. Но раньше это была привычная красота здоровья и радости. А сейчас — тревожащая, хватающая за душу красота, которую иногда могут придать боль и мука. Эта мука — в необычно больших глазах с расширенными, как бы без-

донными зрачками, и в непривычно опущенной кудрявой голове, и в неожиданных морщинках на лбу. За двенадцать дней, что я не видел Энн, она словно постарела на двенадцать лет.

— Очень больно? — тихо спрашиваю я.

— Не тут! — Она показывает правой рукой на левую.— Тут больно! — И тычет пальцем в грудь.

— Обидно?

— Страшно, Сандро! Страшно! Майкл убил его! Убил! — вдруг выкрикивает она и убегает от меня в палату.

Вечером я заставляю Бируту рассказать то, что знают уже все земляне.

Позавчера они отправились за травами, Энн и Майкл. Они фармацевты, и им еще очень долго предстоит изучать здешние травы и искать среди них целебные и ядовитые. Работу эту начали трое ребят, прилетевших раньше. Но они не очень много успели — не до того было. И потому лечат здесь в основном привычными земными лекарствами — привезенными и добытыми из нефти. Однако с травами все равно работать надо. И фармацевты обязаны изучать их прежде всего в поле.

Доллинги были очень осторожны в лесу. Они не уходили далеко от биолета, оставленного на обочине дороги, ни на минуту не выключали нашего тягостного спутника ЭМЗа — индивидуальной электромагнитной защиты, хотя поле ЭМЗа и сковывает, замедляет движения. В поле ЭМЗа не побежишь, не прыгнешь. Даже нагибаться приходится медленно, постепенно, как в тяжелом, противометеоритном космическом скафандре. А Доллингам только и приходилось, что нагибаться.

Должно быть, охотники-ра следили за ними долго. Но напали только тогда, когда Доллинги вышли на поляну и были открыты со всех сторон. А ра прятались за деревьями.

Энн и Майкл собирали в лабораторный сэк образцы цветов, когда из-за деревьев полетели стрелы. Доллинги медленно выпрямились. Они не боялись стрел. ЭМЗ надежно защищает от них. Но ведь у ра есть не только луки! А от копьев и палиц ЭМЗ не защищает. От них защищает лишь суперЭМЗ. Но в поле суперЭМЗа человек не может двигаться. И поэтому никто не носит с собой тя-

желый и неудобный аккумулятор суперЭМЗа. Лишь геологи по ночам включают его и спят в его поле.

Стрелы не коснулись Доллингов. Ударившись о невидимую стенку, они попадали в траву. И тогда полетели копья. Энн закричала — одно копье разворотило ей левое плечо.

После этого Майкл начал стрелять. Он ничего больше не мог сделать. Ни карлар, ни слип нельзя применять в поле ЭМЗа. Карлар сожжет тебя самого, а слип тебя самого усыпит в этом поле. Лишь пуля пробивает его.

Наверно, Майкл еще и разозлился. Я бы тоже разозлился, конечно, если бы кто-нибудь разворотил плечо моей жене. Он разогнал охотников выстрелами, выключил ЭМЗы и, подхватив Энн на руки, побежал к биолету.

А когда через полчаса дежурный вертолет опустился на этой поляне, за деревьями нашли одного убитого охотника и одного раненого — у него были перебиты ноги, и он истекал кровью.

Раненого, конечно, вылечат. Сейчас он в больнице, где-то рядом со мной, в полной безопасности. Лечить его наверняка станут долго, чтобы он побольше увидел, побольше узнал, побольше понял. Даже если и удерет после этого — будет что рассказать своему племени.

А вот убитого не воскресишь.

— Послезавтра собрание,— говорит Бирута.— Специально для тех, кто прилетел. Пока нас еще не разбросали по материку. Наверно, больше всего будут говорить о Доллингах.

— Я пойду на это собрание,— говорю я.

— Не надо!

— Нет, Рут! Я пойду!

9. Долгое наше собрание

Мы сидим в физкультурном зале школы — самом большом помещении на Рите. Вокруг овального стола плотными рядами стоят стулья. Шестьсот человек сидят здесь. Тесно в зале.

Меня пристроили в углу, в кресле, которое стоит на сложенных матах. В другом углу, в таком же кресле, сидит Энн. И больше нет кресел в зале. Потому что они занимают слишком много места. Кресла — только для больных.

За столом Тушин и командиры нашего корабля — Федор Красный и Пьер Эрвин.

— Мне хочется задать вам всем один вопрос,— говорит Тушин, и в зале становится очень тихо.— Хочется, чтобы мы сегодня сообща подумали — и серьезно подумали! — зачем мы пришли на эту землю? Ясен вопрос?

— Ясен! — кричат из зала.

— Я не хочу вам ничего объяснять, ребята. Вы грамотные. Вас просеивали через очень мелкое сито. Отбирали лучших. Зачем же объяснять элементарные вещи? Мне хочется вас послушать. Ясно?

— Ясно! — снова кричат из зала.

— Вот и давайте. Кто первый?

Все молчат. Никто не хочет быть первым.

— Может, мы зря собрались? — спрашивает Тушин.— Может, вы не хотите говорить на эту тему?

— Наверно, я должен начать! — в углу, возле кресла Энн, поднимается тонкий, подтянутый и очень бледный Майкл.— Михаил Тушин прав — нам ничего не надо объяснять. Все всё понимают. Я знаю, что виноват — и перед племенем ра, и перед человечеством Риты, и перед своими товарищами. Я готов к любому наказанию. Но прежде чем выслушать его, должен сказать — я не мстил, только защищал свою жену и себя. Когда они побежали — я не сделал ни одного выстрела. И еще хочу спросить: что же нам делать, когда убивают наших жен? Неужели мы не имеем права на защиту?

Майкл садится, и тут же в центре зала, почти возле стола, поднимается длинная, худощавая фигура Бруно Монтелло.

— Надо говорить прямо! — резко произносит он.— У нас очень несовершенные средства защиты. У нас нет мгновенно действующих слипов. Наши слипы медлительны и хороши только тогда, когда ты первым увидел противника. А если он тебя увидел первым — слип уже не спасет. Наши карлары нередко отказывают. И вообще

они удобны лишь для фланговой защиты. А когда оружие летит прямо на тебя — карлар не поможет. Наши ЭМЗы не столько защищают нас, сколько мешают нам защищаться. Наверно, на Земле поторопились отправлять экспедиции на Риту. Вначале надо было создать более эффективные средства индивидуальной защиты. Насколько я знаю, здесь, на Рите, никто пока не совершенствует эти средства. И, видно, не скоро мы сможем их усовершенствовать. Нет еще специальных лабораторий. А жить надо. И не в тех условиях, к которым мы готовились, но в тех, которые сложились. На Земле нам внушали, что мы будем жить далеко от диких племен и навещать их, когда сами захотим. А мы живем с ними бок о бок, и они навещают нас, когда захотят. Но, если уж так получилось,— мы не должны позволять, чтобы нас убивали, как кроликов. Я, например, не позволю этого! Буду защищаться! И защищать свою жену! И своих товарищей! И мне кажется, Доллинг сделал единственно возможное. Нам не за что наказывать его.

— Ты защищаешь право на убийство! — раздается недалеко от меня звонкий Женькин голос. Женька Верхов поднимается со своего места — плотный, большой, широкий, с горящими темными глазами.— Кто скажет, кого убил Доллинг? — громко спрашивает Женька.— Может, от его пули погиб пращур ритянского Маркса! Или предок здешнего Ленина! Если, защищаясь, мы начнем убивать — тогда лучше бы нам не приходить на эту планету! Убийства надо прекратить! Мне кажется, сегодня же можно принять самый беспощадный закон: за убийство туземца — смерть! Или, в крайнем случае, высылка на четверть века к черту на кулички! На какой-нибудь дальний континент... Правильно я говорю?

— Нет! — кричит Бруно Монтелло.— Ты говоришь так, будто мы сознательные убийцы! Ты оскорбляешь нас! Мы только защищаемся — не больше! И если будут целить в мою жену — я все равно выстрелю! При любом законе! Будут целить в твою — тоже выстрелю! Будут целить в тебя самого — тоже выстрелю!

— Не надо подставлять себя под стрелы! — Женька как бы отбрасывает от себя рукой довод Бруно.— В нас стреляют потому, что мы неосторожны. Разве туземцы нападают, когда нас много? Разве они нападают, когда

кругом машины? Не надо ставить себя в такое положение, чтоб на нас можно было напасть!

— Слова, слова! — громко говорит Бирута.— На словах все легко! А если мне понадобится гербарий для школы? Прикажешь брать с собой в лес десяток мужчин? Кто же тогда будет работать?

Но Женьку не так-то просто сбить. Он широко, почти добродушно улыбается и по-прежнему горячо возражает:

— На меня напали так, будто я туземец и хочу гибели инопланетного племени. А ведь мы здесь на равных. И моя жена тоже дорога мне. Нельзя ставить вопрос так: или мы убиваем, или нас убивают. Давайте искать третий выход!

— Вот это правильно! — поддерживает Тушин.

— И давайте подумаем о наказании,— продолжает Женька.— Я никому не навязываю свое предложение, но хочу, чтобы его обсудили. И при обсуждении надо учесть вот что. Если здесь, в зале, мы все на равных, то на планете мы не на равных. Мы понимаем, что делаем, а туземцы — не понимают. И это не их вина. И нельзя так жестоко наказывать их за это непонимание.

— Мы просто слишком рано прилетели! — выкрикивает Марат Амиров.

— Здесь еще долго было бы слишком рано! — возражает Женька.— Точнее сказать, нам просто не повезло. Все ли слышали уже легенду племени ра?

— Нет! — кричат из зала.— Не слыхали!

— Не будем рассказывать легенды! — За столом поднимается мускулистый, атлетически сложенный Федор Красный. Длинное, смуглое лицо его, с прямым, без горбинки, носом, очень строго.— Если нужно,— продолжает Федор,— мы передадим эту легенду по радио. Сегодня, завтра, послезавтра... Трижды, четырежды... Все услышат. А сейчас давайте о деле. Нам дорого время!

Женька садится. Он и так говорил очень долго — дольше других. Но сказал кое-что толковое. Видно, анабиоз благотворно подействовал на него. Может, анабиоз вообще способен изменить характер? Медики еще не додумались исследовать это. А может, стоит исследовать? До чего здорово! Обнаружился подлец — в анабиоз его!

Лет на двадцать. Глядишь — проснется порядочным человеком.

Пожалуй, надо будет поговорить с мама̀...

Я улыбаюсь своим мыслям, а в зале кипят страсти. Кто-то предлагает замирить племя ра экономикой — спускать им с дирижабля каждый день по корове. А после нападений на нас — неделю не спускать ничего. Авось поймут?

Тушин за столом усмехается и коротко возражает:

— Подумайте — хватит ли коров? И что тогда будете есть сами...

Худенькая Аня, жена Али, предлагает изловить вождя ра, закрепить на нем приемник мыслей и через него обращаться к племени.

— Зачем? — кричат ей.— С ними разговаривают по радио. На их языке. Не помогает!

Тогда Аня уже среди всеобщего гама предлагает создать электромагнитную стенку, которая прошла бы через весь материк и отделила нашу территорию от территории ра.

— Пусть учатся жить с нами на одной земле! — звонко возражает Розита Гальдос.

— Это мы должны учиться жить с ними на одной земле! — подает голос Грицько Доленко.— Здесь их земля, а не наша!

— Теперь она наша! — громко говорит Али и поднимается.— Наша! — с нажимом повторяет он, и почему-то нажим действует на всех успокаивающе — ряды стихают.— У нас нет теперь другой земли,— продолжает Али.— Нам некуда уходить. И не надо чувствовать себя здесь гостями. Но и не надо ходить по этой земле так беззаботно, как будто вы на даче возле Дамаска. Почему охотник может нас заметить первым, а мы его — не можем? Мы слишком привыкли к безопасности. А теперь надо привыкать к опасности. Безопасности в наш век здесь уже не будет. Давайте вспомним известные всей Земле стереоленты наших астронавтов. Тех, кто открывал Риту. Почти везде они первыми видели туземцев. Были осторожны и потому могли наблюдать. В их руках несовершенный, устаревший тепловой луч был мощным оружием защиты. А мы даже мгновенным карларом почти не пользуемся. Идем по лесу, как по аллее в «Ма-

лахите». Даже песни поем! Нас можно обнаружить за километр. Поэтому плохи наши слипы. Мы просто не научились ими пользоваться. Вот если будет суровый закон — научимся. И осторожности научимся, и слипами научимся пользоваться — всему научимся! Пистолеты должны бить только по животным, по орлам, по змеям, черт возьми! Но не по людям! В конце концов ра поймут это. Человек должен понять. Если мы не будем их убивать — когда-нибудь они станут нашими друзьями. Если будем убивать — никогда не станут!

Али садится, и многие в зале аплодируют ему. И я пробую аплодировать. Но мне еще больно, и я опускаю руки. Конечно, Али прав! Конечно, мы летели сюда не для того, чтобы убивать! Наверно, и я сказал бы что-нибудь в этом роде, если бы только мог громко говорить.

Ребята еще долго спорят и кричат. Очень долго! Впервые в жизни я вижу такое долгое, бесконечно долгое собрание. Нас знакомят на нем с размещением новых заводов. Нам показывают стереоэффектом геологический разрез северных зон материка. В зале, на уровне наших глаз, тяжко вздыхает жирная нефть, тускло темнеют мрачные железняки, сверкают золотыми бликами гигантские кристаллы пирита. Мы вместе ищем, чем можно было бы уже сейчас помогать племени ра. И думаем, как бы организовать изучение других племен соседних материков.

У нас удивительно интересное собрание. И хотя все мы, несмотря на перерывы, порядком устали, никто не торопится, никто не жалуется на то, что собрание затянулось.

А затем мы выбираем своих представителей в Совет. Женька поднимается первым и предлагает Бруно Монтелло. Это, конечно, очень благородно с Женькиной стороны — предложить главного своего оппонента. Я не ожидал от Женьки такого.

Видно, не я один оценил Женькино благородство: вот уже в дальнем углу кто-то называет Женькину фамилию.

Четыре человека будут представлять нас в Совете. По традиции — два командира корабля и двое ребят. Мы голосуем за них. И я голосую за Женьку. Зачем пом-

нить старое? Мы на новой планете, и все здесь надо начинать по-новому.

И еще мы голосуем за первый, особый ритянский закон. На Земле уже давно нет таких законов. Там они не нужны, потому что два с лишним века люди на Земле не убивают друг друга. А здесь, видно, пока надо. Мы решаем, что землянин, убивший жителя Риты, должен на пятнадцать лет уйти в изгнание, на другой материк, к диким племенам. Пусть живет среди них, и учит их добру, и просвещает их, и так искупает свою вину перед человечеством Риты.

Мы называем этот закон «законом о богах». Потому что тот, кто уйдет в изгнание, должен стать богом для диких племен. Иначе ему не выжить.

Отныне, с сегодняшнего дня, закон станет обязательным для нас, вновь прибывших. А если примут старожилы, одобрит Совет,— станет законом для всех землян на Рите. Но, конечно, он не коснется Доллинга. Потому что закон не имеет обратной силы.

Мы дружно голосуем за этот суровый закон — и Али, и Майкл Доллинг, и я. Только Бруно и Изольда Монтелло голосуют против. Они считают, что этот закон не нужен, что он оскорбителен для нас.

Но я уверен: они не правы. Мне очень жалко темных, диких и несчастных охотников-ра, которые не ведают, что творят. Я знаю их легенду. Мне рассказала ее на ферме сама Ра — терпеливая, добрая, заботливая Ра, которая в первые дни после операции была моей нянькой, возилась со мной, как с маленьким.

Конечно, то же самое могла сделать и Бирута. Но ей не сказали о моей беде в первые часы — боялись ее волновать, ждали исхода операции и моего пробуждения. А потом я уже сам — знаками и неловкими каракулями — просил ничего не говорить Бируте. Не хотел, чтобы она видела меня беспомощным. Может, это и глупо, но мне было бы стыдно перед ней за свою беспомощность.

Потом Бирута укоряла меня и даже плакала от обиды.

Но все равно я ни о чем не жалею. Все получилось правильно.

И, может, без этого я не узнал бы, не понял Ра и не так воспринял бы легенду ее несчастного племени.

10. Легенда племени ра

Когда-то, давно-давно, в невероятно далекие времена, большое и сильное племя ра жило на просторной, жаркой земле посреди моря. Она находилась так далеко от всех остальных земель, что ра даже не знали — есть ли вообще какая-нибудь жизнь за морем. Они считали себя единственными людьми на свете.

На земле ра было много деревьев, которые давали любую пищу. И хватало ручьев с чистой, прохладной водой. Но водилось и немало зверей, особенно сильных и хитрых обезьян. Поэтому у ра тогда уже имелись копья, тяжелые дубины, отравленные стрелы.

Ра не только охотились. Они еще сажали деревья, дающие пищу, и оберегали посадки от свирепых обезьяньих стай.

Однажды возле селения прямо с неба медленно опустился большой белый шар. Из него вышли трое в блестящих белых одеждах. Это были первые люди другого племени, которых увидели ра.

Чужие люди без луков, копий и дубин долго ходили по селению. Ра считали их безоружными и поэтому не тронули.

Затем люди в серебристых одеждах подошли к вождю племени и заговорили с ним. И он понимал их, хотя они не раскрывали рта, не произносили никаких звуков.

Гости дали понять, что прилетели с очень большой, далекой и богатой земли, где много таких же странных людей. Они хотели бы показать свою землю кому-нибудь из племени ра. Для этого им надо взять с собой мальчика и девочку, потому что их земля очень далеко, и, пока дети долетят туда, они станут взрослыми. А когда вернутся в свое селение, чтобы рассказать о путешествии,— будут уже стариками и привезут с собой своих внуков.

Вождь племени отвечал гостям на своем языке и открывал рот, когда говорил, но пришельцы в блестящих белых одеждах все равно понимали его.

Вождь сказал, что племя ра довольно своей землей и не интересуется другими землями. Может, какие-то

другие земли и существуют — раз существуют другие люди, но племени ра это не касается. И поэтому оно не хочет отпускать своих детей в столь далекое и, наверно, опасное путешествие.

Пришельцы рассмеялись и сказали вождю, что им не требуется его разрешения. Они и сами могут взять то, что им нужно.

Двое пришельцев тут же подхватили на руки мальчика и девочку, выдернув их из кучи голеньких детей, стоявших поблизости. Третий пришелец взял за руку красивую девушку и потянул ее к шару. Вместе со своей добычей пришельцы стали медленно, ничего не боясь, выходить из селения.

Вслед им полетели стрелы и копья. Но они отскакивали от блестящей белой одежды. Ни одна стрела, ни одно копье не причинили вреда пришельцам.

Тогда самые меткие охотники обогнали непрошенных гостей и встретили их возле белого шара. Отравленные стрелы полетели в глаза двум пришельцам, которые уносили детей. Третий, который вел девушку, успел спрятать за нее свою голову. Отравленная стрела попала девушке в грудь.

Двое пришельцев упали, выронив детей. Третий, прикрываясь умирающей от яда девушкой, добрался до своего шара. Оттуда он вышел уже неуязвимым для стрел. Его голова была спрятана в прозрачный маленький шар, от которого стрелы отскакивали так же, как от блестящей одежды пришельцев.

Втащив двух своих умирающих спутников в шар, третий пришелец тоже исчез в нем, и вскоре шар поднялся и скрылся из глаз.

В этот день в селении ра был праздник — пели песни и плясали, благодарили бога за победу над пришельцами.

А на следующий день с неба спустился очень большой белый шар — намного больше того, который спускался накануне. Из этого большого шара вышло много пришельцев в блестящих белых одеждах. И у всех пришельцев головы были спрятаны в маленькие прозрачные шары. Этим пришельцам были не опасны ни стрелы, ни копья, которыми встретили их лучшие охотники племени.

Пришельцы сразу пережгли пополам всех охотников, которые ждали их. Потом пошли в селение, отобрали столько юношей, сколько пальцев на двух руках, и еще столько же девушек, захватили с собой мальчика и девочку и затолкали всех в свой большой белый шар. После этого пришельцы сами вошли в шар. Изнутри он был прозрачен, как чистая вода.

Юноши и девушки ра видели, как шар вместе с ними поднялся очень высоко в небо. И их родная земля, окруженная морем, стала казаться сверху совсем маленькой — ее можно было закрыть ладонью.

И тут, высоко в небе, пришельцы, так же не раскрывая ртов, сказали юношам и девушкам ра:

— Смотрите на свою землю! Прощайтесь с ней навсегда! За то, что ваши люди убили наших, мы сейчас сожжем весь ваш остров, вместе с людьми, деревьями и животными. И на вашей земле никогда нельзя будет жить, потому что она будет покрыта вечным ядом. Кто вернется сюда — тот умрет. Этот ядовитый остров будет всегда напоминать жителям вашей земли о том, что нельзя убивать пришельцев с неба.

И на самом деле, над землей ра вскоре поднялись громадное пламя и дым и закрыли землю. А потом шар улетел дальше в небо, и высокий столб черного дыма пропал из глаз.

Юношей и девушек пришельцы выпустили из своего шара на другой земле, очень большой и более холодной.

Перед тем, как они вышли из шара, им сказали:

— Живите здесь! И передайте всем, кого увидите, чтоб не трогали людей, пришедших с неба. И завещайте это своим потомкам. А мы еще вернемся к вашим внукам и будем жить рядом с ними, потому что нам здесь понравилось.

Пришельцы вошли в шар и улетели в небо. Мальчика и девочку племени ра они увезли с собой.

Юноши и девушки ра оказались на чужой стороне безоружными и беззащитными. Они спрятались в лесу и жили, как дикие звери, пока не изготовили себе дубины, копья, луки и стрелы, пока после сильной грозы не добыли огонь.

На земле, куда они попали, было мало деревьев, дающих съедобные плоды. И поэтому ра научились есть

ягоды, жарить на огне грибы, стали проводить целые дни на охоте.

Девушки выучились здесь охотиться так же ловко, как юноши. И с тех пор в племени ра все девушки, пока у них нет детей, выходят на охоту наравне с мужчинами.

Вначале ра построили себе хижины из веток, как в своем родном селении. Но вскоре на них напало большое племя, одетое в звериные шкуры, и ра бежали в лес, бросив хижины.

Потом ра еще много раз строили селения, но всегда приходилось из них убегать. Маленькую группку молодых охотников преследовали все. Не было, кажется, на земле племени слабее и малочисленнее. Ра от всех убегали, всех боялись.

Вначале их стало меньше — четверо погибли. Потом стало больше — рождались дети. Ра выжили, окрепли. Но все-таки окружающие племена были сильнее и многочисленнее.

Ра уже не строили себе селений. Жили в лесах, у костров. Если попадались пещеры — прятались в пещерах. И сами, не дожидаясь нападения, уходили в другое место, когда по соседству появлялось иное племя.

Из поколения в поколение ра передавали заветы тех, увезенных с родного острова: отступать без боя перед другими племенами, сохранять свой род, сохранять потомство, беречь детей, чтобы когда-нибудь отомстить пришельцам с неба за все страдания племени.

Земля, на которую попали ра, была очень велика. Никто не может сосчитать, сколько поколений сменилось, пока ра скитались по этой земле. Их оттесняли постепенно в места, все более холодные. Спасаясь от холода, ра давно научились делать себе одежду из звериных шкур.

В конце концов племя ра отогнали к самому краю большой земли, к холодному морю. Здесь, на берегу, жили рыбаки. Впервые ра встретили племя, которое было малочисленнее и слабее, и поэтому вначале хотели убить рыбаков.

Но маленькое племя и не думало защищаться. Мужчины его принесли охотникам вкусную вареную рыбу и еще какую-то еду из морских животных.

И тогда старики-ра сказали:

— Зачем убивать этих людей? Они не хотят нам зла. Они угощают нас и не боятся. Они не охотятся и поэтому не будут нам мешать. А мы не умеем ловить рыбу и не будем мешать им.

И оба племени стали жить рядом, помогая друг другу и обмениваясь добычей. Ра приносили рыбакам мясо и шкуры зверей. Рыбаки-гезы давали целебный жир морских животных и вкусную рыбу.

В это время ра даже построили несколько селений вдоль морского берега и жили в каждом из них, пока из округи не уходила дичь. Потом перебирались в другое селение, затем — в третье. Никто не трогал хижины, не нападал на них.

Так было долго, очень долго. Потом поблизости появилось свирепое, жестокое племя длинноголовых, заросших густой коричневой шерстью, почти как обезьяны.

Ра были лучше вооружены и быстрее бегали. Длинноголовые рулы оказались выше и сильнее, и, главное, многочисленнее.

Очень многие охотники-ра не возвращались теперь к своим хижинам. Мохнатые коричневые рулы разрушали пустые селения.

И теперь племени ра уже некуда было отступать.

Гибли и рыбаки-гезы. Рулы нападали на хижины, утаскивали в лес женщин и детей.

Ужас охватил оба племени. Они не видели спасения от свирепых и, кажется, бесчисленных косматых людоедов. Не понимали, как с ними бороться, потому что у рулов не было постоянного жилья, которое можно было бы разрушить, в котором можно было бы захватить беззащитных детей и женщин. Рулы жили везде — во всем лесу.

И тогда рыбаки решили уплыть далеко за море. К той земле, совершенно безлюдной и уходящей куда-то к холоду, куда прежде заносило гезов во время штормов. В спокойную погоду гезы возвращались оттуда и рассказывали о прибрежных отмелях, богатых рыбой, о лесах, богатых зверем и птицей, о просторной земле, на которой еще нет хозяина.

Ра решили плыть вместе с гезами. Бесчисленное множество дней племя готовилось к путешествию: строили

плоты, долбили и связывали шестами лодки, чтобы их не перевернуло волной, строгали весла, плели длинные и прочные веревки из древесной коры. А когда все было готово — стали сушить в дорогу плоды, грибы и мясо, шить из шкур мешки для пресной воды.

Ра была тогда девочкой. С тех пор, как она помнит себя, племя готовилось плыть через море. Она помнит и постоянный страх перед рулами, которые все время шныряли вблизи последнего селения ра и утаскивали зазевавшихся.

А потом оба племени плыли через море так долго, что, казалось, не было у этого плавания начала и не будет конца. Многие ра падали по дороге в воду и тонули, потому что ра не умеют плавать. Болели и умирали дети. Мучились от жажды взрослые. Переворачивались лодки. Большие волны разбивали непрочные, неумело связанные плоты.

Когда племя совсем уже потеряло надежду на спасение — оно увидело берег.

Ра и гезы высадились на самом теплом конце громадной холодной и лесистой земли. Этот конец был узким — по нему легко можно было выйти к морю с другой стороны.

В горах водилось немало дичи, но ра быстро перебили ее и стали уходить за добычей все дальше и дальше к холоду. И открыли там необозримые, равнинные, без гор, леса́, и несметное количество зверей и птиц, и полноводную реку.

К этой реке племена и перенесли свои стоянки. Тут было холоднее, но больше пищи.

И вот когда ра стали уходить на охоту все дальше и дальше к холоду — они вдруг увидели странные, движущиеся по земле и летающие в небе хижины, громадные неподвижные постройки из камня, высоких и тонких людей, очень похожих по преданию на тех, кто когда-то, страшно давно, пришел с неба.

Правда, на этих людях была другая одежда. Но ра понимали, что за такое большое время одежду можно изменить. У самих ра тоже была теперь другая одежда.

И, выполняя заветы предков, ра стали охотиться за пришельцами с неба так же, как совсем недавно рулы охотились за ра. Племя считает, что у него нет теперь

другого выхода. Ему уже совсем некуда отступать. Либо оно постепенно перебьет пришельцев с неба, либо погибнет само.

Когда Ра кончила рассказывать мне легенду, я медленно — мне тогда еще было очень больно говорить — спросил эту невысокую, коренастую женщину:

— Послушай, Ра! А если объяснить твоему племени, что мы — совсем не те пришельцы?

— Я верю,— ответила она.— Племя не поверит.

— А если это скажешь ты?

— Мне не дадут сказать. Меня убьют, как только я вернусь в племя. Ра, который живым и невредимым вернулся из рук врага,— это уже не ра. Он хуже врага.

— Даже женщина?

— Конечно! Ведь женщина может принести в себе чужака.

— А почему племя не верит голосу радио?

— Не знаю. Когда я была в племени — с ним еще не говорили по радио. Может, племя считает этот голос злым духом?

— Что же делать, Ра?

— Я уже говорила — ждать. Ра поймут, что им теперь не хотят зла.

— Но ведь пока они убивают нас, Ра! Они убивают женщин!

— Это закон всех воюющих племен. Убивают женщин. Не будет детей, племя начнет вымирать.

— Но мы не хотим, чтобы убивали наших женщин, Ра! Это надо как-то остановить!

Ра улыбнулась.

— Если бы я могла это остановить, я бы остановила.

Никто не знает, что надо делать. Никто!

А делать что-то надо! И немедленно!

И еще надо быть готовым к возвращению тех хищников-астронавтов, которые из-за двух человек способны стереть с лица земли целый народ. Вряд ли можно ждать что-то хорошее от людей, которые отправляются на поиски новых планет, вооруженные атомной бомбой.

А у нас еще нет бомбы...

Конечно, ее можно сделать. Нашим энергетикам-атомщикам это под силу.

Но зачем? Как-то неловко готовиться к встрече с братьями по разуму, держа за пазухой атомную бомбу. Прилететь сюда могут уже совсем другие люди — с другой психологией, с другими принципами. А мы, как варвары, встретим их атомной бомбой?..

Впрочем, есть и другой выход — нейтринные лучи.

Каждый из наших кораблей снабжен генераторами, которые в поле пучка нейтрино прекращают и предотвращают любой ядерный распад. Достаточно направить такой пучок на космический корабль, кружащийся по орбите, как у него навсегда заглохнут двигатели, а его атомные бомбы станут пустыми, никому не опасными побрякушками.

Так что астронавтов, которые начнут ставить нам ультиматумы,— мы за несколько минут можем сделать беспомощными пленниками их собственного корабля.

Правда, такими же генераторами они могут навсегда остановить наши электростанции, а, следовательно, и заводы.

Но лучше потерять электростанции, чем жизнь. Электростанции можно построить новые. Хотя и невероятно трудно строить их без действующих заводов.

Еще бы лучше, конечно, если бы люди с той планеты прилетели сюда совсем другими.

Так вот неожиданно, безо всяких научных исследований, открылась нам тайна сожженного острова этой планеты. Тайна, которая мучила многих на Земле и породила множество разных гипотез.

К сожалению, земные ученые были очень далеки от страшной истины.

Еще до появления на материке племени ра один наш дирижабль летал к острову. Зонды вновь взяли образцы пепла, и пепел вновь оказался радиоактивным.

На прибрежной полосе пепла уже почти нет — смыт дождями, морскими штормами, снесен ветрами. А в центре острова его еще много. И у него невероятно стойкая радиоактивность. Шестьсот лет!

Далеко, видно, живут эти космические разбойники! Дальше нас.

Не их ли это радиомаяк окликал нас по дороге? И тогда не слишком ли много информации мы простодушно послали ему?

11. Нефть

Снова мы летим в вертолете над лесами, речушками, серебристыми озерами. Снова везем оборудование и киберов, вынутых уже из трюмов «Риты-3». Я возвращаюсь к работе, которую вроде совсем недавно начал. Но ощущение такое, словно полет на железорудный карьер и все, что произошло потом, на ферме,— было невероятно давно.

Вертолет идет почти все время над нефтепроводом, и иногда мы видим его. Узкая серая полоска мелькает между лесами, пересекает луга, речушки, огибает болота и озера. Это очень простой, очень несложный нефтепровод — несколько рукавов пленочных труб, укрытых пластобетонными арками. За минуту можно отвинтить крепления и откинуть любую из арок, как в древности откидывали замочные петли. Арки очень легки. Даже женщина может откидывать их без напряжения. Но вот отвинтить крепления может не всякий. Для этого нужны специальные ключи. А они есть только у операторов и киберов, обслуживающих нефтепровод. И еще у геологов, которым случится работать поблизости. Ни один ра, даже самый хитроумный, не сможет сквозь плотные арки добраться до тоненьких труб нефтепровода. Ни одно животное, даже самое сильное, не сможет повредить его. И говорят, что поэтому нефтепровод очень редко приходится ремонтировать. Разве что в иных стыках труб порой пробивается течь, и ее закрывают клейкими заплатами, запас которых прикреплен изнутри на каждой арке.

Мне не приходилось пока откидывать арки, но я слышал, что под ними еще много свободного места. Десятки рядов новых пленочных труб можно уложить там.

У нефтепровода — богатые резервы. Была бы нефть!

Мы летим сейчас в поселок, который так и называется — Нефть. Грицько рассказывал мне, что в том районе больше нефтяных вышек, чем домов. Вышки раскиданы по всей округе, а дома скучились у подножия гор, где когда-то была первая база геологов и геофизиков.

Здесь, на Рите, нефть не искали вслепую. Геофизики за несколько дней сделали аэростереосъемку и глубинную радиолокацию материка и сказали: нефть надо искать прежде всего возле Северных гор. И здесь ее нашли. И теперь ищут все дальше и дальше от первых скважин. Идут по заросшей лесами впадине возле гор, которые тянутся по северному берегу материка. Эти горы — великое наше счастье, потому что они закрывают материк от холодных ветров с севера. Оттого на материке такие густые леса и такой ровный климат. А северо-восток материка, не защищенный горами, открытый холодным ветрам,— гол и пустынен. Там, в низинах, редкие, низкорослые, искореженные ветром деревья, а вокруг — голые камни, с которых давно сдуло почву. За пустынным, продутым со всех сторон северо-востоком тянется на многие километры полоса болот, и лишь южнее начинают подниматься леса. Громадный кусок нашего материка из-за своей открытости холодным ветрам неуютен и совершенно не приспособлен для жизни. Пока что это не тяготит землян. Но когда-нибудь придется и Плато Ветров, как назвали его здесь, переделывать, приспосабливать, отвоевывать у северной природы.

Геологи ищут там сейчас уголь. Найдут — и подожгут его под землей, и с Плато Ветров потечет в Заводской район река газа.

Для геологов на Плато мы везем специальных киберов, которые не боятся ни оледенения, ни ветров с песком. Они будут работать в любую погоду — даже в такую, когда человек носу не высунет из стеклопластовой геологической палатки.

На двух первых кораблях таких киберов еще не было. Там были только универсальные. Да и у нас этих специальных киберов очень немного.

...Ровная линия горизонта становится зазубренной, рваной, и я догадываюсь, что зазубрины, еще неясные, расплывшиеся в синей дымке,— и есть те самые Северные

горы, которые пока не имеют другого названия. Как не назван пока и сам материк. Просто: Материк — и только. Вообще, с географией здесь, судя по всему, не торопятся. Видно, не до нее. Но это не может быть долго. Подрастают дети, и их надо учить географии Риты, а не Земли. Железная необходимость заставит людей сделать то, что недосуг было делать раньше.

Горы приближаются очень медленно и все кажутся какими-то бесконечно далекими, почти недостижимыми. А потом из синего марева над лесами выплывает изящный круглый силуэт первой нефтяной вышки с дирижабликом ветродвигателя наверху.

Я ищу вокруг силуэты других вышек и забываю на какое-то время о горах.

Вторая вышка совсем не там, где я ее высматриваю. Она неожиданно появляется слева — уже близкая, отчетливо различимая — и быстро уходит из поля зрения куда-то назад, под брюхо вертолета. А впереди вырисовываются из синего марева другие ажурные вышки, увенчанные дирижабликами. Вышек все больше, и они разбегаются в стороны.

— Прошли насосную,— говорит Джим Смит.— Через десять минут будем над Нефтью.

А я и не заметил насосную. Эх, раззява!

Снова гляжу на горы — высокие, остроконечные, убеленные снегами на западе и постепенно снижающиеся, без снежных шапок — к востоку. В просветах между ближними вершинами видны другие вершины, а между ними, уже в туманной дымке,— все новые и новые пики.

— На западе — до шести тысяч метров,— говорит Вано.— Солидная ширмочка!

Вертолет делает плавный полукруг и садится на зеленую площадку, где стоят другие, такие же полосатые, как наш, вертолеты и небольшие розовые грузовички. Сейчас Вано подгонит один из них, и мы повезем в цех упакованных киберов. А из цеха они выйдут уже на своих ногах.

Нам не так уж и много надо сделать в цехе — только распаковать киберы и проверить все контакты, чтобы машины работали безотказно. И еще надо вложить в них блоки местной памяти. Эти блоки готовят здесь, на ме-

сте. Их заполняют постепенно, изо дня в день, во всех геологических и геофизических партиях. Когда вложишь такой блок в кибера, он будет знать все, что делала эта партия с первых дней своего существования. Будет помнить луга, леса и реки, где она прошла, и отлично ориентироваться на местности, где геологи работают сейчас. Даже различать их по голосам.

Блоки готовятся на совесть. Чем больше информации вложат в них геологи и геофизики, тем больше и получат от новых киберов. Никому не хочется долго учить кибера-новичка. Все ждут готового работника, способного заняться делом в первые же минуты.

Этих вот работников мы и «доводим» теперь в электронном отделении одного из цехов.

Наши киберы невелики и нетяжелы. Их вес не больше веса женщины. Но они несколько ниже — как подростки. Столетиями отрабатывалось устройство этих универсальных роботов, пока не превратились они из громоздких и неуклюжих чудовищ конца двадцатого века в современные машины — легкие, обтекаемые, почти не уступающие по своей подвижности людям. Эти машины взяли на себя всю нудную, однообразную физическую работу человечества. В геологических партиях киберы бьют шурфы и бурят скважины, таскают оборудование и образцы пород, ставят палатки, запасают воду, готовят еду. Каждый универсальный кибер немного сильнее рослого, крепкого мужчины. Конечно, эти нынешние машины уступают в силе первым стальным чудовищам эры роботов. Но универсальному роботу вовсе и не нужна невероятная сила. От универсального робота редко требуются усилия, превышающие возможности среднего человека. Наш старинный домашний робот Топик, который остался на Земле и наверняка уже давным-давно пошел на слом, Топик, которого еще мама помнит с детства,— чуть ли не втрое мощнее нынешних универсальных киберов. А на что использовалась мощность Топика? Мыл посуду, да подавал еду, да включал в комнатах пылесосную систему. За все годы, что я жил дома, Топику ни разу не пришлось работать даже в четверть силы.

...Мы возимся в цехе с киберами неторопливо, но напряженно. И почти молча. У каждого своя машина.

И каждый знает, что с ней делать. Лишь в начале работы Джим показал мне шкафчики с блоками местной памяти и коротко объяснил шифры партий. Моя забота только в том, чтобы не перепутать их, не присвоить киберу шифр «чужой» партии.

Часа два работаем без перерыва. А потом Грицько замечает:

— Есть охота. Обойдемся таблетками?

— Надоели! — откликается Вано.— Мы слишком часто обходимся в поездках таблетками. Пошли в столовую!

В столовой почти пусто, как и во всех столовых на Рите. Здесь нет еще четко установленного времени для еды. Каждый ест, когда ему удобно. А столовые построены с размахом, с расчетом на большие потоки людей.

В дальнем конце зала две женщины едят молча и сосредоточенно, словно делают серьезную, важную работу. Они одеты и причесаны обычно, как и все земные женщины на Рите. Но что-то в них мне кажется необычным. Только никак не могу быстро сообразить, что именно.

Мы проходим к щиту заказов, нажимаем соответствующие кнопки и уходим мыть руки. А когда возвращаемся, возле выбранного нами столика уже стоит тележка с горячими кастрюльками и сковородками.

Пока Вано торжественно разливает суп, я украдкой разглядываю тех двух женщин и пытаюсь понять — что же мне показалось в них необычным.

Обе они очень смуглы. У них по-мужски большие, сильные руки и развитые плечи. Обе черноволосы, довольно миловидны, большеглазы и удивительно похожи друг на друга. То есть у них просто совершенно одинаковые лица! Наверно, это-то и показалось мне необычным. Да еще, пожалуй, сосредоточенность... Я никогда еще не видал, чтобы люди ели так сосредоточенно.

Вано замечает мой взгляд, еле заметно усмехается — уголками губ, краешками усиков — и тихо спрашивает:

— Понравились местные красавицы?

— А ты их знаешь? — интересуюсь я.— Они близнецы?

Он молча кивает. Уже вполне серьезно, без улыбки.

— Можно подумать, будто они когда-то голодали.

Вано кивает опять. И опять — вполне серьезно.

— Неужели здесь?

— Потерпи,— тихо произносит Вано.— После обеда расскажу.

Пока я доедаю суп, женщины поднимаются и уходят. Я невольно гляжу им вслед. Они одинаково невысоки и как-то грубовато-изящны.

— Что-то в них есть, правда? — произносит Джим.

— Это — ритянки,— объясняет Вано.

— Ра?— удивляюсь я и мысленно ставлю рядом с этими в общем-то изящными женщинами милую, заботливую, но совсем уж не изящную Ра. Слишком они различны! Во всем. Даже цвет кожи иной.

— Нет! — Вано качает головой.— Они из племени леров. С Восточного материка. Это ужасно романтичная история!

— Расскажешь?

— Не раньше, чем наемся. Удивительные шашлыки! Почти карские! Не иначе — здешнего киберповара собирали на Кавказе! Когда передо мной шашлык — не могу рассказывать длинные истории.

Услышать в этот день «ужасно романтичную историю» мне так и не удается. А Вано не удается доесть все заказанные им шашлыки. Потому что в столовую влетают двое встрепанных парней и, оглядевшись, направляются прямо к нашему столику.

— Вано! Джим! — кричит один из них еще издали.— Как здорово, что мы вас нашли!

Вано и Джим встают, здороваются.

— Ребята, у нас ЧП,— говорит один из парней.— Мы прилетели за вами.— Кибермозг на буровой... Вдребезги... Сорвалась обсадная труба и все разнесла... Работы остановлены.

— И вообще — все может полететь к черту! — добавляет другой парень.— С буровой творится что-то непонятное. Кибермозг выдал только одно слово — «Приготовиться...» И потом его разнесло. К чему приготовиться?.. У вас есть запасное устройство?

Мы немедленно уходим из столовой. Вано с тоской оглядывается на оставленный нами столик. Два длинных шашлыка безнадежно стынут на сковородке.

12. Так уходят в легенду

Под нами Плато Ветров — холодная, продутая насквозь ветрами каменная пустыня. Где-то в центре ее — геологическая партия.

И рядом с этой партией — буровая, ослепшая, оглохшая, обезглавленная.

В креслах вертолета двое прилетевших за нами геологов — Сергей и Нурдаль. И тут же два новеньких робота, предназначенных для этой геологической партии. Они включены, их зеленые глазки вопросительно светятся и как бы ждут указаний. В ящике — так и не распакованное киберустройство для буровой. Его надо установить сегодня, сейчас же, не теряя ни минуты. Потому что неизвестно, к чему должны быть готовы геологи. И неизвестно — сколько времени еще им готовиться. Команда погибшего электронного мозга должна быть повторена как можно быстрее.

Мы летим со скоростью самолета, но все равно время тянется безобразно медленно. Уныло ползут под ногами почти одинаковые серые, черные и красноватые скалы. Мелькают крошечные зеленые пятнышки чудом живущих тут деревьев. Уходят назад извилистые полоски трещин, провалов, ущелий. И снова — камни, скалы без конца и края.

— Мрачное место,— замечает Грицько.— Даже не хочется, чтоб тут что-то нашли. Ведь тогда тут придется жить.

— Все равно придется,— откликается голубоглазый крепыш Нурдаль.— Когда-нибудь будем брать отсюда гранит, базальт. На юге нашего Материка не так-то много камня.

— Возить отсюда гранит? — удивляюсь я.— Не далеко ли?

— Ближе, чем от Нефти,— объясняет Нурдаль.— И намного быстрее — все время попутный ветер. А правильные каменные карьеры создадут отличные площадки для жилья. Над таким карьером твердую сферу — и строй поселок! Идеальные условия. Только так и можно взять это плато.

— А стоит ли его брать?

Нурдаль улыбается. Снисходительно.

— Ты знаешь, что такое на Земле Урал? — спрашивает он.

— Я уралец.

— Так вот, я убежден, что это плато — здешний Урал. Тут должно быть все. Это мое личное мнение. Мы изучаем плато наскоками. А надо вгрызаться в него намертво! Мы всё торопимся, всё не успеваем... А оно не отдает своих секретов просто так. Его надо брать измором!

...Мы снижаемся где-то между буровой и геологическими палатками. Киберы тут же деловито вытаскивают наружу ящик с электронным устройством. Длинноногий Вано, выбравшись из вертолета вслед за киберами, жмурится на солнце, надевает защитные очки и говорит:

— Вы, ребята, пока распаковывайте. А я прогуляюсь — взгляну...

И он решительно направляется к буровой.

— Там опасно! — кричит вслед Нурдаль. — Оттуда все ушли!

— А как же будем монтировать? — Обернувшись, Вано одаряет нас широкой белозубой улыбкой и снова идет к вышке.

И никто уже не задерживает его: через четверть часа всем нам туда идти.

Мы бросаемся к ящику, торопливо растаскиваем в стороны его стенки. Нужно беречь секунды, быстрее подготовить к установке новый электронный мозг.

Минут через пять, когда я поднимаю глаза, Вано уже далеко — почти возле самой буровой.

Фигурка его кажется совсем крошечной. Словно муравей, встав на задние лапки, подбирается к гигантской ажурной башне.

Мы продолжаем работать еще минуты три или четыре, и вдруг Джим Смит резко распрямляется, напряженно прислушиваясь к чему-то, поворачивается к вышке и громко, изо всей силы кричит:

— Вано! Вано! Назад! Вано!

Он кричит напрасно. Вано не может услышать его — слишком далеко. Да и ветер кругом свистит — неизмен-

ный, не прекращающийся ни на минуту. И все же какой-то древний инстинкт заставляет Джима кричать, забыв о радиофонах и прочей цивилизации.

Я еще не понял, в чем дело. Но раз Джим зовет — значит, надо. Торопливо вынимаю из кармана коробочку радиофона и нажимаю на своем «поминальнике» кнопку с номером Вано.

«Поминальник» должен сработать мгновенно. Наверняка радиофон назойливо зуммерит сейчас у Вано в кармане. Но я уже догадываюсь, что Вано не услышит его. Потому что из-под земли доносится быстро нарастающий гул, и даже кажется, будто камни вздрагивают под ногами.

Должно быть, Джим первый почувствовал этот подземный гул и потому закричал. Там, на буровой, сейчас очень опасно. Но и Вано теперь не может не слышать гула!

Мы напряженно смотрим на буровую, среди ажурных стоек которой исчез наш товарищ.

Все ждем: вот-вот мелькнет между камнями бегущая фигурка.

Ожидание длится какие-то секунды. Никак не больше стоим мы неподвижно над раскрытым ящиком с киберустройством. Но эти секунды кажутся невыносимо, бесконечно долгими, тягучими.

И с каждой секундой все нарастает и нарастает подземный гул, и все сильнее вздрагивают камни под ногами, и уже начинает казаться, что опасность — не только возле буровой, но везде — и на нашей открытой площадке, и возле далеких серебристых палаток геологов, и вообще на всем этом громадном проклятом плато.

А потом над буровой, отшвырнув в сторону дирижаблик-ветряк, взвивается в небо тонкая игла труб, выброшенных из земли страшной силой. Вслед за иглой поднимается черная струя, которая за несколько мгновений толстеет, наливается мощью и, как игрушку, откидывает в сторону громадную буровую вышку.

— Вано! — истошно орет Джим и бросается к буровой.

Но не успевает он пробежать и десятка шагов, как бьющий в небо черный фонтан вспыхивает, становится ги-

гантским, невиданным, ревущим факелом, и нестерпимый жар его мгновенно доносится к нам за сотни метров, ослепляет и обжигает нас, и после этого я долго не слышу, не вижу и не чувствую ничего.

Меня приводят в себя струйки холодной воды, которые падают на лицо и скатываются по пылающим щекам. Ощущать на лице холодные, чудесные струйки — такое блаженство, какого, кажется, я не испытывал еще никогда.

Я открываю рот и ловлю холодные струйки губами, с жадностью глотаю, глотаю их.

Потом мне вкладывают в рот что-то похожее на соску, и я пью, пью холодный, живительный кисловатый напиток «Волгарь», которого не пил уже, кажется, сто лет. А впрочем — и на самом деле сто лет.

Сейчас будет очень хорошо, исчезнет боль, появятся силы. Я уже давно знаю, что такое «Волгарь». Если только у человека целы кости и связки, «Волгарь» за несколько минут ставит его на ноги.

Напившись, открываю глаза.

Надо мной — голубое, с тревожным красноватым отблеском небо, и в небе — круглое, незнакомое женское лицо с темными, узкими глазами, какими-то удивительно бездонными. Словно сквозь них глядит на меня сама Бесконечность.

Я подтягиваю локти, хочу приподняться, но женщина почти без звука, одними губами, говорит:

— Лежи! Лежи пока!

И исчезает.

Теперь, когда она исчезла, я начинаю слышать. Слышу ровный, ни на секунду не умолкающий рев — сильный, напряженный, тревожный. Хочу повернуть голову в сторону этого рева, но резкая боль останавливает — боль не глубокая, не внутренняя, как тогда, когда обезьяньи зубы добрались до моих шейных позвонков, а наружная. Ощущение такое, словно с лица и шеи содрали кожу.

«Ожог! — догадываюсь я.— Это не страшно, вылечат быстро. Хорошо, глаза целы!»

Женщина возвращается, опускается возле меня на

колени и так же, почти без звука, одними губами, произносит:

— Потерпи. Будет больно, но недолго.

Я уже понимаю, почему она так говорит — почти без звука. Это рев заглушает ее. И просто чудо, что я понимаю. Наверно, она не только говорит, а еще и внушает. Не зря же у нее такие бездонные глаза!

Осторожно, кончиками пальцев, женщина опускает мои веки, и тут же на лицо, шею обрушивается что-то липкое, клейкое, холодное. Оно колет мириадами иголок, и я задыхаюсь от этой мгновенно нахлынувшей боли, и уже готов кричать, но боль начинает ослабевать, отступает, и вот уже остаются только отдельные болезненные уколы. Теперь, сквозь быстро откатывающуюся боль, различаю знакомый с детства и полузабытый уже запах мази «Киевляночка»— острую смесь ароматов ананаса, алоэ, апельсина и еще чего-то давнего, детского, и почему-то маминых рук, которые покрывали этой мазью мои ожоги.

Кажется, что я лежу под клейкой, липкой маской очень долго. Но, наверно, только так кажется. Когда лежишь, закрыв глаза, и слушаешь дикий рев пылающего нефтяного гейзера, каждая минута растягивается в час. А надо вылежать пятнадцать минут. Потому что за пятнадцать минут мазь «Киевляночка» восстанавливает обожженную кожу почти до нормального состояния.

— Открой глаза!— не столько слышу, сколько чувствую по-прежнему бесшумные слова.

Открываю глаза и вижу измученную улыбку на лице женщины. Хочу улыбнуться в ответ, но где-то в середине щек, в краях губ еще сидит резкая, сдерживающая боль.

Зато я сажусь — спокойно, без напряжения. «Волгарь» сделал свое дело. Метрах в пяти от меня оглядывается Джим. А с другой стороны пластом лежат двое, и их лица еще покрыты желтоватой массой. Догадываюсь, что это Грицько и Нурдаль.

А вдалеке, там, где была буровая, поднимается в небо громадный огненный столб, и оттуда несется рев — торжествующий, победный рев стихии, которая миллионы лет ждала, чтобы пришел слабый, ничтожный перед нею человек и выпустил ее на волю.

«Вано! — с болью вспоминаю я.— Милый Вано!»

13. Сумико

Стихию приходится укрощать долго. Вертолеты привозят нам трех киберкротов и гору оборудования, которое кроты утащат с собой под землю. Они пойдут по наклонным тоннелям к стволу буровой и завалят его намертво — так, что нефть никогда больше здесь не пробьется. Потому что нам не нужна эта скважина. Мы не будем добывать нефть на Плато Ветров — трудно и опасно. Буровики перегонят ее подземными руслами к подножию Северных гор, к тем нефтепромыслам, которые уже действуют, и выкачают ее оттуда — покоренную, притихшую.

У землян теперь будет много нефти. Так много, что ничто уже не задержит развитие химии на Материке.

Вот только Вано...

До сих пор не представляю себе, что мы скажем его жене, как поглядим ей в глаза!.. Наверно, нам будет просто стыдно за то, что мы живы.

...Работали мы в эти дни до одурения, до изнеможения, полного, предельного. Когда начинали валиться из рук инструменты, двоиться в глазах клеммы, — шли в серебристую геологическую палатку, и падали на койки, порой даже не успев раздеться, и проваливались в тяжелый, черный сон, чтобы через несколько часов снова подняться.

Мы спали то днем, то ночью. Это уже не имело значения, потому что ночью было почти так же светло, как днем. Горящая нефть давала столько света, что по ночам для работы не нужны были никакие прожекторы.

Мы очень мало разговаривали в эти дни. Трудно было разговаривать. Надо было кричать. И очень мало ели — жара, дикий рев факела и разкий запах нефти отбивали охоту есть. Мы только работали, глотали таблетки и спали.

Порой думалось, что мы сами стали почти киберами.

Джим Смит оказался намного выносливее меня и Грицько. Он дольше работал и меньше спал, чем мы. Но и он иногда не выдерживал. Однажды уснул, сидя верхом на кожухе кибер-крота, где насаживал контакты. Сидел, работал и вдруг выронил ключ и стал с

закрытыми глазами валиться вперед. Мы с Грицько насилу отволокли его в палатку.

За эти дни мы по существу заново перебрали киберкротов, приспособленных к рытью тоннелей в обычной земле. Мы заменили титановые буры и зубья алмазными, перестроили всю систему управления и создали дублирующие системы. Кроты должны быть безотказными — иначе все сорвется. Они должны пробить в камне разные тоннели за одно время. Они вместе должны выйти к стволу буровой и за одну секунду завалить его. Иначе нефть перебьет кротов поодиночке и ворвется в тоннели.

Всю эту адскую работу нам пришлось делать потому, что на Рите просто нет нужных машин. Те киберкроты, которые предназначались для камня, работали не бурами, а токами высокой частоты. Они просто прожигали камень. Но здесь, при подходе к нефтяному фонтану, это не годилось. Хватит и того, что гигантский факел вспыхнул наверняка от какой-то крошечной электрической искры на буровой. А если бы еще забрались под землю высокочастотные киберкроты,— они наверняка зажгли бы нефть и в глубине ствола. И тогда взлетел бы на воздух поселок геологов, образовался гигантский пылающий кратер, подступиться к которому было бы невероятно трудно.

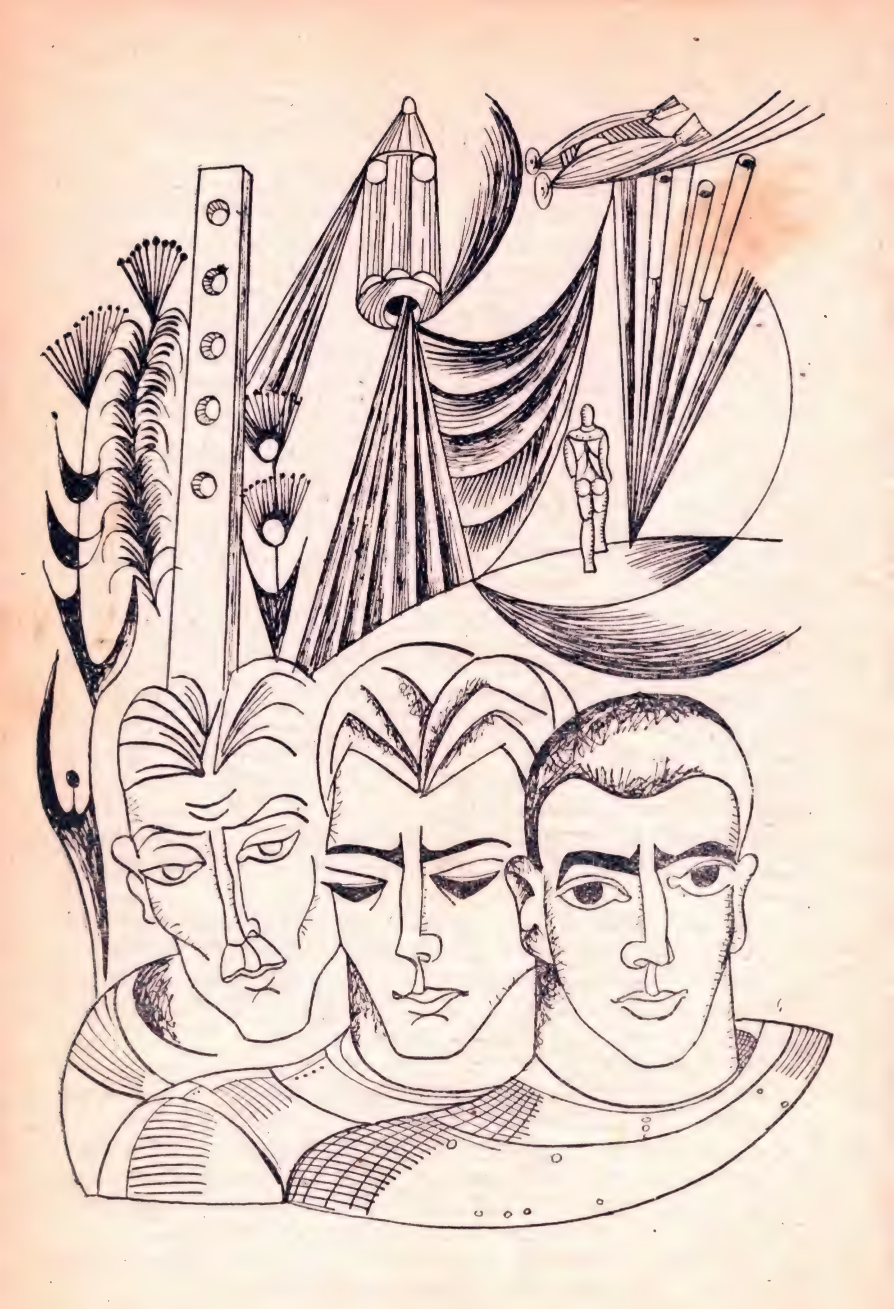
Поэтому и пошли в ход киберкроты, предназначенные для мягкой земли, работающие по старинке, без нагрева.

На их основе мы по существу создали совсем новые машины. Они погибнут при взрыве, навсегда останутся в стволе буровой, заваленные обломками, заплеванные нефтью. Точные, умные машины, в которые вложено столько труда и на Земле, и здесь.

Но что киберы, если погиб Вано!

Все время мысль возвращается к нему — и когда засыпаешь, и когда просыпаешься, и когда на минутку отрываешься от работы, чтобы вытереть со лба пот. И почему-то особенно остро, четко снова и снова видишь, как, уходя из столовой Нефти, Вано с тоской оглядывался на стынущие на столике шашлыки!

Так и не успел он рассказать «ужасно романтичную историю» о женщинах из племени леров...

...Через пять дней мы на вертолетах растаскиваем наших киберкротов по углам гигантского треугольника и частотными генераторами выжигаем наклонные стартовые площадки для своих машин.

Мой остроносый кибер стоит, уткнувшись в красновато-бурую оплавленную гранитную стенку, и ждет сигнала. Далеко отсюда, в одной из геологических палаток, оборудовали мы пульт управления. И оттуда Нурдаль даст команду. А когда киберы вгрызутся в гранит и скроются в тоннеле, — спустим вслед тележки со взрывчаткой и с катушками плоских титановых шлангов.

Эти шланги выдержат любой взрыв. Их невозможно разорвать. Заваленные глыбами, забитые изнутри пробками, концы шлангов провисят в жерле буровой до тех пор, пока по ним под громадным давлением не пойдет морская вода.

Она оттеснит от рукавов глыбы, выбьет пробки и станет выдавливать из скважины нефть, загонять ее обратно под землю.

А пустят воду туда лишь после того, как геофизики разведают весь нефтеносный слой и высокочастотные электропушки разрушат под землей преграды на пути нефти из этого слоя в предгорную нефтяную долину. Когда русло подземной нефтяной реки будет проложено, по шлангам начнут накачивать воду и пробурят для воды новые скважины. Постепенно она выдавит нефть к уже готовым вышкам.

Никому пока не придется жить из-за нефти на Плато Ветров. Здесь будут работать автоматы, качающие воду из недалекого моря, и будут ходить киберы, контролирующие работу автоматов.

Геологи, конечно, не оставят в покое Плато. Но теперь им придется быть очень осторожными. По крайней мере, до тех пор, пока не будут точно очерчены границы нефти.

...Резкий, почти до живых ноток отчаянный скрежет обрывает мое ожидание. Это крот впился в стенку. Он грызет ее яростно, как своего ненавистного, смертельного врага, и она отступает перед ним, крошится, рассыпается. И крот, как насытившееся животное, удовлетворенно урчит. И скрежет становится все глуше.

Рядом со мной, съежившись от ветра под электро-курткой, сидит на камне маленькая, худенькая, узкоглазая женщина. Сумико, жена геолога Сергея. Та самая женщина, что привела меня в чувство после ожога, мазала мазью, поила из соски.

Она вовсе не медик в этой экспедиции, а топограф. Больше всех здесь Сумико бродит по Плато и все снимает, снимает его участки на свои планшеты. Даже в эти сумасшедшие последние дни она куда-то исчезала и теперь говорит, что сняла на планшеты еще три больших участка.

— Ты, наверно, лучше всех знаешь Плато? — спрашиваю я.

— Увы, только снаружи. — Она кивает. — Разве когда разглядел лицо человека, можно знать, что он думает, что чувствует?

Мне мерещится второй, скрытый смысл в этих словах. Мне давно мерещится скрытый смысл даже в самых простых фразах, с которыми Сумико обращается ко мне.

Но, может, я ошибаюсь?

— Всегда ли нужно знать, что чувствует другой человек? — спрашиваю я.

Сумико улыбается, растягивая маленькие, яркие губы:

— Зачем всегда? Иногда! Очень редко!

— Для чего?

— Хотя бы из эгоизма. Чтоб не причинять себе лишней боли.

Теперь уж и дураку ясно!

Почему-то неудержимо тянет к этой маленькой, хрупкой женщине с такими по-матерински нежными руками. До боли хочется погладить ее по голове, обнять, прижать к себе. Неужели это всего лишь благодарность за ее заботу? Почему же тогда нет такого чувства к Ра? Я не меньше благодарен ей, однако мне никогда не хотелось ее приласкать.

Но неужели я смогу? Ведь я не хочу расставаться с Бирутой!

Наверно, я слишком долго один. Как-то неудачно складываются мои поездки: в первой — ЧП, во второй — ЧП...

Ну, а Сумико? Ведь муж где-то рядом. А ее тоже тянет ко мне. Я замечал это раньше. И сейчас не случайно, конечно, она оказалась вместе с моим киберкротом на самой далекой от поселка вершине «треугольника».

Здесь никого нет, кроме нас. И вообще, я вполне мог прилететь сюда один, вместе с двумя моими киберами-помощниками, которые и будут вкатывать в тоннель тележки и замуровывать вход в него после того, как тележки со взрывчаткой уйдут в глубину.

Но почему-то в последний момент, когда все уже было погружено в вертолет, подбежала Сумико со своим планшетом и озабоченно сказала:

— Мне надо переснять там один участок! Я тебе не помешаю, Сандро, ладно?

И вскочила в машину.

И теперь Сумико сидит рядом со мной на камне, а планшет ее так и остался в вертолете.

В общем-то, сегодня мы должны что-то сказать друг другу. Потом будет поздно — наша бригада улетит.

Но может — не надо? Ведь все равно ничто не изменится!

Значит — убить? Человек давно уже научился убивать только-только возникающие чувства...

Как невероятно живуча жизнь! Ничто, оказывается, не может подавить тяги к женщине. Можно скрыть это от женщины. Но от себя-то не скроешь!

Извивающийся, блестящий киберкрот все глубже и глубже уходит в гранит. Уже почти половина машины скрылась в идеально круглом тоннеле. Середина ее вползает в тоннель спокойно, почти без дрожи — сказывается действие многочисленных антивибрационных перегородок. Мы поставили их втрое больше, чем положено, чтобы перестраховать энергетический «хвост» кибера, предохранить его от преждевременного разрушения.

Просто невероятно обидно, что эти отличные машины никогда уже не вернутся к людям!

— О чем ты сейчас думаешь? — спрашивает Сумико и глядит мне в глаза.

— О том, что нам надо поговорить откровенно.

— Ты хочешь меня обидеть?

— Я хочу тебя обнять.

Сумико сжимает мои пальцы крошечной, почти детской ручкой.

А я не выдерживаю и привлекаю к себе ее худенькое, хрупкое тело, и глажу ее черные блестящие волосы, и целую еле заметные морщинки на смуглом лбу.

Она не сопротивляется. Она только не смотрит на меня.

Я поворачиваю к себе ее лицо и хочу заглянуть в глаза, хотя и знаю, что черные узкие глаза ее непроницаемы, как ночь.

Сумико по-прежнему не сопротивляется, но глаза ее закрыты. А губы... Нет, просто невозможно не поцеловать эти ждущие губы!

Мы сидим на камне и гладим друг друга, как дети. Совсем как дети после первого поцелуя.

Зачем это? Что с нами будет? Ведь все равно нам не быть вместе.

Я резко, остро чувствую, что за ласками — пустота. У них нет будущего.

И от этого становится страшно.

Сумико как-то угадывает перемену, которая произошла во мне. И отстраняется.

— Я боялась, что это — минута. — Она прикусывает яркую верхнюю губу. — Спасибо, что не солгал!

Мы долго молчим и глядим на медленно втягивающегося в гранит киберкрота. И я знаю, что ничего не надо сейчас говорить, ничего не надо объяснять. Любые слова станут ложью.

Мне снова хочется приласкать Сумико. Но уже не так. Уже по-другому. Как ласкают обиженную кем-то младшую сестру. У меня нет сестры. Но мне кажется, что именно сестер ласкают так.

И я снова прижимаю к себе ее голову. И глажу блестящие, отливающие синевой черные волосы, и худенькие плечи, и, как ребенка, мне хочется убаюкать Сумико на своих руках.

— Не понимаю, почему это, — говорит она. — Ничего не понимаю! Это сильнее меня! Если я когда-нибудь буду нужна тебе — позови. Я приду! Сразу же!

14. Возвращение

Погашен пылающий нефтяной фонтан, завален громадными глыбами почерневший кратер буровой, и мы, наконец, возвращаемся в Город.

В Нефть, на монтаж киберов, вылетела другая бригада. Та, в которой Женька. А нам дали отдых. И поэтому мы идем домой прямиком — даже не залетая в Нефть.

Удивительно быстро проносимся мы над Плато Ветров, перемахиваем похожий на женскую туфельку длинный и узкий морской залив, который отделяет Плато от полосы болот, и даже не успеваем толком разглядеть эти болота, опоясавшие нагорье с юга. Лишь над лесами наш полет замедляется. Потому что дующий с Плато ветер уходит здесь в сторону, на юго-восток. А мы летим на юг уже спокойно, в полосе, защищенной от северных ветров горами.

Нескончаемые леса тянутся внизу. Удивительный, прекрасный материк выбрали для жизни наши старожилы!

Эта земля кажется специально созданной для того, чтобы люди на ней были счастливы.

Но счастливы ли они?

Разве можно быть счастливым, когда над каждым висит угроза убийства? Когда боишься за близких? Когда все время приходится оглядываться, осторожничать...

Конечно, мы могли бы очень просто обезопасить себя.

Но для этого нам самим надо было бы стать убийцами.

И, значит, обезопасить себя мы не можем.

Как-то там мама? Как Бирута? Только два раза мы и поговорили с ней по радио — коротко, торопливо И как я погляжу ей в глаза? Ведь я виноват перед нею.

Конечно, я не ангел с крылышками. Как и все. Жить среди ангелов было бы, наверно, до тошноты противно и скучно. Так же противно и скучно, как и среди ханжей. Конечно, я имею право на ошибки. Как все. Но была ли это ошибка?

Какие-то минуты мне было удивительно хорошо с Сумико. Если бы не было этих минут — наверно, я обокрал бы себя. И ее. И мучился бы теперь не меньше.

Может, просто не надо копаться в себе? Было — не вернешь. И если было хорошо — значит, было нужно.

И надо не обидеть Бируту. Ничем. Потому что дороже ее и нужнее все равно никого для меня нет. И не будет. Никогда еще не чувствовал этого так остро.

...Мы летим молча. Устали до предела. Грицько за эти дни осунулся, потемнел, даже постарел. На лбу у него легла глубокая складка. Резко обозначились очень ранние залысины. И темные глаза, еще недавно веселые и любопытные, сейчас придавлены веками и смотрят холодно, устало.

Джим изменился меньше. Только заметно похудел и совсем перестал улыбаться. А разговорчивым он и раньше не был. Темное лицо его сейчас так же невозмутимо и непроницаемо, как всегда. Не умею еще я читать мысли и чувства на таких лицах. Не научился.

На крыше Города нас встречают жены. Еще с высоты вижу три тоненькие фигурки возле барьера посадочной площадки.

Только три!

Где-то внизу, под ними, мечется Мария Челидзе. Может, кусает подушку, чтобы заглушить рыдания.

Нам еще предстоит увидеть ее...

Когда затихают винты, Бирута уже бежит ко мне по блестящему серому настилу крыши, и длинные золотистые волосы Бируты развеваются на ветру, и в глазах ее почему-то слезы — крупные, блестящие капли.

Она целует меня и гладит холодными пальцами мое лицо, волосы, как бы ощупывает — жив ли? цел ли? И плачет, и горько улыбается сквозь слезы, и наконец говорит:

— У тебя седые виски, Сашка! У тебя все виски серые!

— Чепуха какая! — Я пытаюсь ее успокоить, поворачиваю ее к спуску в лифт. — Пойдем, Рут!

Она, вздрагивая, всхлипывает у меня под рукой и вдруг тихо, отчетливо произносит:

— Ольги нет! Ольгу убили!

Я не хочу этому верить, останавливаюсь и растерянно, глупо спрашиваю:

— Как... убили? Когда?

— Еще три дня назад. Вам не сообщали... Тушин не велел.

Я стою на крыше, нелепо развернув руки, и, все еще не понимая, не веря, гляжу на Бируту.

И она, как ребенка, обнимает меня и уводит в лифт.

15. Можно ли было спасти Ольгу!

В тот же вечер Бирута рассказывает мне, как все произошло. Она была в лесу — вместе с Ольгой, Маратом, Женькой и Розитой. Она все видела. И в нее тоже стреляли — просто не попали. Стрела просвистела возле уха.

По существу, они даже не были в лесу. Бродили по опушке, возле самого Города, где уже давно не появлялись дикие охотники. Опушка считалась безопасной. Сюда даже с детьми ходили. В ста метрах от нее было проложено по лесу кольцо электромагнитной защиты. И никто ее не выключал — это потом выясняли. Просто в ней есть «окна» — на дорогах. И, видно, ра уже догадались, где можно обойти невидимую стенку.

Тот день был солнечным, теплым, прозрачным и ласковым. Потому-то их и потянуло в лес. Как на Земле, в сентябрьское вёдро, летали по воздуху паутинки. Как в обычном земном лесу, пели птицы и шелестели листья. И только за деревьями прятались зеленокожие люди с отравленными стрелами.

Женька первый углядел туземца, стреляющего в Ольгу. И даже успел усыпить его слипом. Туземец упал сразу после выстрела. Но стрела уже ушла — отравленная, метко нацеленная стрела, которая попадает в глаз и мгновенно парализует мозг.

Наверно, Женьке надо было выхватывать из-за пояса не слип, а пистолет. Наверно, надо было стрелять. И тогда удалось бы опередить выстрел охотника.

Бирута заметила этого коренастого ра вслед за Женькой. Она посмотрела туда, куда Женька молча навел слип. И, увидев, тут же выхватила пистолет из-за пояса.

Но было уже поздно. Распрямился лук. Упала Ольга. Свалился на землю усыпленный Женькиным лучом туземец.

И все за какую-то секунду. И только саму Бируту спасло это резкое движение — нацеленная в нее другим охотником стрела просвистела мимо.

Конечно, сейчас трудно сказать что-либо точно. Но Бируте кажется, что Ольгу можно было спасти. Если бы Женька, увидевший охотника первым, стрелял.

Однако тогда Женька должен был бы уйти в «боги»!

Не в этом ли причина?

И ведь как обычно у Женьки — ничего не докажешь! Любые обвинения он может спокойно, с достоинством, назвать клеветой. Не успел спасти — разве это преступление?

— Ты рассказала кому-нибудь? — спрашиваю я Бируту.

Она мотает головой.

— Нет. Зачем? Все поняли. Даже Розита. Она на него так посмотрела! Не знаю, как после этого взгляда можно жить вместе... Зачем только мы тогда проголосовали за этот закон?!.

Неужели Бирута права? Неужели тогда, на нашем долгом собрании, правы были Бруно и Изольда, которые голосовали против?

Видно, что-то не так с этим законом... Если закон может толкнуть на подлость, на предательство — значит, он не продуман.

Может, мы поспешили с ним?

Но ведь мы же хотели сделать лучше! Ведь это благородный закон! Хотя и жестокий. К нам самим жестокий.

Как все перепутано оказалось в жизни!

И ведь теперь никуда не денешься. Закон надо соблюдать. Его принять легко. А отменить — трудно.

Каким коварным оказывается то, что исходит от Женьки! Даже вроде бы самые благородные идеи...

Мы сидим с Бирутой на узеньких койках в нашем «пенале» на «Рите-3». Здесь как-то неуютно сейчас, как-то пустовато, хотя все на месте. Пахнет нежилым — Бирута не была здесь с тех пор, как я улетел в Нефть. Ночевала то у Амировых, то в школе.

— Знаешь, Амировы что-то предчувствовали, — говорит Бирута, и полные губы ее вздрагивают. — Они были какие-то очень напряженные. И так стремились друг к другу — будто перед концом. Я поэтому и оставалась иногда ночевать в школе. Не хотелось их стеснять.

— Помнишь, Рут, тогда, на корабле, они попросили лишние сутки?

— Помню, конечно.

— Может, это тоже было предчувствие?

У Бируты снова горько вздрагивают полные губы.

— Может... Не знаю... Я когда-то читала: предчувствия — от тонкой организации. Вот у нас с тобой не будет. Мы не так устроены. Мы грубее.

— С чего это ты, Рут?

— Плохо, Саш. Мне без тебя очень плохо.

Но и со мной, я вижу, ей сегодня не сладко. Мы и одни, и не одни. Нас угнетает глухая, нежилая тишина корабля. И еще, кажется, нам мешает далекая, безмолвная Сумико с узкими, загадочными, черными, как Бесконечность, глазами.

16. Где же истина?

Марата — не узнать. Он словно втрое старше, чем на самом деле. Темные глаза его глубоко запали и глядят из-под век напряженно, не мигая, почти затравленно. От носа к краям губ протянулись резкие косые штрихи горьких складок. И скулы обтянуты. И нос какой-то необычно острый, выпирающий вперед. И виски запыленные. Вернее, это вначале они показались мне запыленными. Потом я разглядел, что они седые.

Короче, в просторной, даже пустоватой комнате, медленно погружающейся в сумерки, — совсем не тот весе-

лый и юный Марат, который еще недавно приходил ко мне в больницу. Впрочем, какое — недавно? Разве время наше измеряется часами и днями? Разве оно измеряется не тем, как мы прожили его? Давно это было! Страшно, невыносимо давно — белоснежная больница, и маленькая, уютная, залитая светом палата, и веселый Марат возле моей постели, и хохочущая, румяная Ольга рядом с ним!

Мы сидим с Маратом в глубоких прозрачных креслах, откинутых от стены, и потягиваем холодную кисло-сладкую тайпу — чудесный бодрящий напиток, который составили уже здесь, на Рите, ребята с первого корабля. В этой тайпе и соки цветов, и соки деревьев, и наверняка какая-нибудь синтетика — и все это вместе удивительно приятно и, пожалуй, не затерялось бы даже на Земле при всем земном изобилии.

Марату не сидится. Он то и дело вскакивает, меряет комнату широкими шагами, потом бухается в кресло, тянет тайпу из эластичного горлышка бутылки, замирает на минуту и снова вскакивает, снова шагает и говорит, говорит, как бы стараясь заглушить, забить потоком слов те чувства, которые не дают ему сейчас ни покоя, ни сна:

— ...Мы всё здесь вроде делаем правильно, но это не то, не то!.. Мы кормим, одеваем и обеспечиваем самих себя и со страшной силой рвемся к изобилию, после которого можно будет заняться ритянами. А изобилия не наступит, потому что не успеем мы дорваться до него, как прилетит новый корабль, и придется все начинать по новой. И так может быть без конца, потому что корабли идут один за другим и народу в них будет все больше и больше. Мы заселим и этот материк, и, может, еще один, но у нас так и не дойдут руки до туземцев. Это сказка про белого бычка! Неужели мы для этого сюда летели? Неужели для этого мы навсегда простились с Землей?

Черт возьми! Это все разумно, что говорит Марат, хотя он, конечно, и сгущает краски. Ну, да как ему не сгущать!.. Любой бы на его месте... Но ведь мы действительно совсем не занимаемся аборигенами, хотя именно из-за них сюда и летели. Мы занимаемся только собой. И поэтому они убивают нас, вместо того чтобы нам по-

могать. И будут убивать до тех пор, пока мы не сумеем изменить их психологию.

Но не могу я сейчас соглашаться с Маратом вслух! Ни в чем. Даже в самом малом. Он сразу утихнет, а ему надо говорить, говорить...

На Земле мы бродили бы с ним сейчас по ярким вечерним улицам. Мы затерялись бы в беспредельной городской толпе и встретили бы там сотни женщин. Многие из них с интересом глядели бы на Марата, потому что даже сейчас, осунувшийся, постаревший, он удивительно красив извечной восточной красотой. И от всего этого боль его, может, и была бы острее, сильнее, но быстрее прошла бы. И он сам знал бы там, что она когда-то пройдет. А здесь некуда пойти, кроме как на крышу да на одиннадцатый этаж, где все всех знают и где не спрятаться от сочувственных взглядов. И боль потери, совершенно невосполнимой на Рите, обрекающей на беспросветное одиночество, никак не сравнить с той, даже самой сильной земной болью, про которую все знают, что когда-то она неизбежно должна пройти.

И поэтому надо сейчас спорить с Маратом. Спорить изо всех сил, чтобы он не умолкал, чтобы он говорил, чтобы хоть недолго он думал о чем-то другом, кроме Ольги, кроме своего горя, кроме своего беспросветного одиночества.

— А что мы можем изменить, Марат? — спрашиваю я. — Что мы можем сделать для этих людей, если они не подпускают нас к себе? Разве мало мы говорили об этом? Нам теперь остается только переть по той дороге, на которую встали. Когда-нибудь она приведет к цели.

— Когда?! — Марат останавливается посреди комнаты и глядит на меня напряженно, требовательно. — Ты можешь сказать — когда? Сколько до тех пор сменится поколений у нас и у них? Сколько людей погибнет?

— А ты можешь назвать хоть одно великое дело, которое бы обошлось без жертв?

— Это утешение для всех, кроме самих жертв! Ты не прав, Сандро! Все жертвы — от торопливости! Человечество всегда спешило! За спиной экспериментаторов всегда кто-то кричал: «Давай! Давай!» И кому-то не терпелось воспользоваться результатами их риска. Чужого риска!

— Это было не всегда, Марат. Кто стоял за спиной у Кюри?

— Эпоха! Спешили кругом! И потом — они бедствовали. Я читал — это тоже подгоняет...

— Тебе кажется, что нас поторопились послать на Риту?

— Это кажется уже не только мне. Вспомни наше собрание... Но сейчас-то об этом поздно думать. Я никого не виню конкретно. Видимо, это свойство человеческой психики — лезть вперед по бездорожью и только потом прокладывать шоссе. Но здесь мы делаем нечто прямо противоположное — строим и строим тыл и ни на шаг не двигаемся по фронту. И это тоже не избавило нас от жертв.

— Ты просто против крайностей?

— Наверно, Сандро... Если бы уж хоть у меня была четкая программа!.. А то так, сумбур... Чувствую, что делается не то. Но что же «то»? Какое оно? Где? Мне кажется, мы изо всех сил лезем в какой-то тупик. Но где дорога?

Он снова садится в прозрачное нейлоновое кресло, мягко охватывающее все тело, и добавляет:

— Когда люди заходят в тупик — они почему-то боятся признать это. А особенно, если людей много и если шли они в тупик с барабанным боем. Но не признавши — как повернуть? А не повернувши — как выйти из тупика?

Марат снова вскакивает с кресла и наискосок шагает по комнате — из угла в угол. И на ходу вспоминает:

— Еще в «Малахите» Бруно не раз говорил, что обстоятельства могут выходить из-под контроля. Кажется, он был пророком.

— Для этого не обязательно быть пророком, Марат. Достаточно быть скептиком.

— Ты нелогичен, Сандро! Скептики обычно умны. Но человеку никак не хочется признавать кого-то талантливее и дальновиднее себя. Красивее — признаем! Сильнее — тоже! Но вот умнее и талантливее? — Только не это!

Марат все еще крупно шагает наискосок по комнате.

— Кстати, Сандро... Бруно, по-моему, очень точно определил Верхова. Он еще после того собрания сказал

мне, что Верхову нужна власть. Не что-нибудь, а именно власть. Это очень трудно в наше время. А на Земле — просто немыслимо. Может, поэтому Верхов и полетел? Ты извини, конечно. Вы вместе учились, и тебе, может, обидно слушать такое... Но мне трудно говорить о нем спокойно. Я убежден — он мог спасти Лельку. И он пожалел не туземца. Он пожалел себя. Еще бы — ведь сам предложил этот закон об изгнании!.. А мы, не подумавши толком, за него проголосовали... Не знаю уж, поняла или нет Розита... Но мне кажется — Верхов и ее бы так предал! Честно говоря — не могу его теперь видеть.

Я опускаю глаза. Мне ли не знать Женьку? Ни черта он не изменился! Это были только мои мечты. Глупые, наивные, детские мечты. Не могу я спорить о нем с Маратом!

Но ведь нужно спорить!

— А ты? — спрашиваю я. — Ты бы выстрелил?

— Хоть в тебя! — Марат отвечает, ни на секунду не задумываясь. — Человек, поднимающий руку на другого, — не заслуживает жалости!

— Но ведь мы же с ними не на равных, Марат!

— А разве я предлагаю казнить? У меня нет зла к этому туземцу, которого сонным заперли в больнице. Я разговаривал с ним. И вчера и сегодня. Я решил учить их язык. Просто я говорю о предотвращении убийства, а не о наказании.

— О чем ты спрашивал его?

— Почему они убивают женщин. Он ответил, что если перебить большинство женщин чужого племени, то мужчины, в борьбе за оставшихся, сами перебьют друг друга. А если убивать только мужчин — племя быстрее размножится. Как видишь, они не профаны в биологии. Жизнь в лесах кое-чему их научила.

— О чем вы еще говорили?

— Я спросил, что нужно, чтобы они перестали нас убивать. Он ответил, что для этого мы должны уйти отсюда. Всего-навсего! И, знаешь, я даже подумал, что если была бы мгновенная связь с Землей, если можно было бы остановить все это колесо, — стоило бы забраться в наши корабли и улететь... Но ведь на Земле прошла сотня лет! В пути десятки кораблей!

Марат снова бухается в кресло, прозрачная ткань охватывает его, и кажется, словно он висит в легкой нейлоновой дымке.

— Для себя я все решил, Сандро. — Он говорит неожиданно тихо, приглушенно.— Для себя я нашел тот выход, при котором не будет противоречий с совестью.

— Какой?

— Я уйду, Сандро. К ним. Вот изучу язык — и уйду. В общем, сделаю то, что должен был бы сделать Верхов, если бы спас Лельку.

— Они могут убить тебя!

— Тогда пойдет кто-нибудь другой...— Марат пожимает плечами.— Третий, четвертый... Все равно это придется когда-то делать. Это неизбежно. Потому что необходимо. Так уж лучше раньше. Раньше начнем — раньше кончим.

— У них трудно стать богом, Марат. Они видели нас и убивали. Богом можно стать у племени, которое нас не видело.

— А я попробую стать другом. Зачем обязательно богом?

— Ты, кажется, делаешь ту же ошибку, что и этот ра, с которым ты говорил. Он мерит нашу психологию на свою мерку, а ты меришь их психологию на нашу. Они, может, вообще не понимают, что такое друг. Или что такое друг из чужого племени.

— Они уже много лет живут рядом с гезами, Сандро! Они уже по существу интернационалисты! Ты их недооцениваешь.

— А ты — пере...

— Может, и так! — Марат вздыхает и снова вскакивает с кресла.— Но я уйду к ним! Не вижу для себя другого выхода.

Звонит предупредительный звонок, и Марат уходит к дверям — встретить гостя. Им оказывается Михаил Тушин. Увидев меня, он улыбается неожиданно радостно, как старому знакомому, хотя мы с ним впервые видимся так близко.

И от этой широкой улыбки разглаживаются суровые складки на его лице, и оно становится совсем молодым — таким, каким я помню его по первым фотографиям, увиденным мною в детстве.

Марат пытается представить ему меня, но Тушин смеется и машет рукой.

— Я знаю о нем все, Марат,— говорит он.— Наверно, я знаю о нем даже больше, чем он сам о себе знает.

Я удивленно и вопросительно гляжу на Тушина, но он как бы не замечает моего взгляда.

Мы выдвигаем из угла еще одно прозрачное кресло — для гостя, и Марат ставит на столик еще одну мягкую, запотевшую бутылку холодной тайпы.

— Нравится вам тайпа, ребята? — спрашивает Тушин.

Его крепкие, широкие, загорелые пальцы привычно стягивают колпачок с эластичного горлышка.

— Что не нравится — того не пьем,— отвечает Марат.

— Пищевикам повезло, — произносит Тушин. — Они здесь первые начали работать творчески. А вы небось уже клянете эту планету? Еще бы — изобретателю здесь приходится быть по существу слесарем-монтажником. А талантливому археологу — преподавать историю в школе... Так, ребята?

— Мы же понимаем! — Я пожимаю плечами.

— И все-таки — обидно?

— Обидно не это! — говорит Марат.

Вежливая улыбка встречи уже стерлась с его лица, и темные, глубокие глаза его снова глядят напряженно и неподвижно.

Тушин тоже перестает улыбаться и, опустив голову, тянет из горлышка тайпу. Лицо его сразу стареет, и резкие складки на лбу и возле губ набегают одна на другую.

Я вдруг вспоминаю про Чанду. На Земле она всюду была рядом с Тушиным. Даже телевизионных интервью он не давал без нее. А здесь с тех пор, как мы прилетели, я не видел ее и ничего о ней не слыхал. Ни слова. Почему?

Хочется спросить об этом, но что-то мешает. Может, если бы мы были с Тушиным вдвоем, я бы спросил. А сейчас не могу.

— Мы говорили на Совете о твоем предложении, Марат,— тихо произносит Тушин.— Это, видимо, преждевременно. Потому что связано с большим рис-

ком. Но, если ты твердо решишь идти,— отпустим.

— А почему вы считаете, что преждевременно? — Марат напряженно, не мигая, смотрит на Тушина.

— Потому что мы не можем пока предложить им помощи, доступной их пониманию. Мы дали бы им катера для ловли рыбы — но их невозможно научить управлению этими катерами. Мы дали бы им оружие для охоты — но оно сейчас же обернется против нас. Мы стали бы их лечить — но они не будут у нас лечиться, они не доверяют нам. Единственное, что доступно их пониманию — это скот, пища. И с этого мы в конце концов начнем. Но пока нам самим не хватает скота. Мы ведь не так уж давно и прилетели...

— Вы думаете, если мы дадим им пищу — мы ускорим их прогресс? — снова спрашивает Марат.— Ведь борьба за пищу — единственный двигатель их развития. А мы его отнимем. Что они будут делать, получив вдоволь пищи? Кем они станут? Паразитами?

— Что же ты предлагаешь?

— Может, сначала научить их работать? Пахать землю, сеять хлеб, приручать животных... Чтобы сытость не была для них подачкой. Чтобы она была результатом их труда.

— Но ведь для этого надо к ним подойти, надо завоевать их доверие! При их враждебности и их интеллекте это означает — надо им что-то дать.

— Вы простите меня, Михаил,— говорит Марат.— Но вы хотите подойти к ним со взяткой. А может, их интеллект выше, чем мы думаем? Может, к ним можно идти без этого?

— Я и чувствую, что ты хочешь попробовать.— Тушин вздыхает.— А нам жалко тобой рисковать. Мы слишком многим рискнули, сев в корабли. И поэтому сейчас уже стараемся не рисковать. Без самой крайней необходимости.

— Вот я ее и осознал!

Тушин усмехается.

— Тогда, выходит, и я должен был бы давно осознать ее?

— Почему?— тут же жестко спрашивает Марат.

«Зачем он спрашивает? — с ужасом думаю я.— Ведь это явно о Чанде!»

Тушин удивленно смотрит на Марата, потом переводит такой же удивленный взгляд больших серых глаз на меня.

— А вы разве не знаете, ребята?

— О чем? — все еще не понимая, слепо и упрямо думая о своем, спрашивает Марат.

— О Чанде.

Мы с Маратом не знаем. Хотя теперь уже все понятно.

— Когда это случилось? — тихо спрашиваю я.

— Почти два года назад.

— И тоже в лесу?

— На ферме. Чанда была микробиологом. Часто летала на ферму.

— А вообще-то они стреляют в мужчин?

— Да,— отвечает Тушин.— Когда рядом нет женщин. У них совершенно четкая задача — прекратить род, истребить племя. Они стреляют даже в детей. Они удивительно логичны и последовательны в выполнении своей задачи.

— Но хотя бы по радио,— спрашиваю я,— им пытались объяснить, что мы вовсе не те, кто уничтожил их остров?

— Много раз!

— И никакой реакции?

— Только обратная. После каждой радиопередачи где-то летят стрелы.

— А ведь это смелое племя! — говорит Марат.— Просто отчаянно смелое! Они же понимают, что мы сильнее.

— Они считают, что им некуда отступать,— поясняет Тушин.— Все ра, которые остались у нас, говорят одно и то же. Племя слишком долго отступало перед другими племенами. Больше отступать некуда. Они решили драться до конца. Тут особый случай, ребята. Нам просто не повезло. Мы попали в цепную реакцию жестокости. Кто-то ее начал — мы обязаны кончить. Жестокость всегда дает цепную реакцию... И далеко не всегда она приводит к виновникам. Чаще страдают невинные. Еще если бы эти ра не были нашими соседями, не видели нашу жизнь, не убивали нас,— мы могли бы прийти к ним по-хорошему и учить их работать. Так,

как сказал Марат. И с другими племенами мы так и сделаем. Этих же остается только задобрить и задабривать без конца.

— И тогда они станут наглыми, отвратительными паразитами,— в тон Тушину продолжает Марат.— Ничем другим они не могут стать, если мы дадим им прежде всего сытость.

Тушин усмехается, качает крупной, круглой головой, которая крепко, как влитая, сидит на короткой шее.

— Мы же дадим им не только сытость, Марат! Мы дадим им образование, удобства, медицину, культуру.

— Они не поймут удобств! — Марат снова вскакивает с кресла и нервно шагает по комнате.— Они способны оценить только те удобства, которые сделаны их руками. Пусть по нашей мысли — но их руками! Им не нужна будет культура, если за нее не будет выдаваться лишний кусок. Ведь потребность в культуре воспитывается веками, передается из поколения в поколение. Даже в великом двадцатом веке, в культурнейших странах мира миллионы грамотных людей прекрасно обходились без книг и газет. И не испытывали потребности. Потому что им не платили за это. Так то был двадцатый век! А мы имеем дело с пещерным человечеством. Все земляне прекрасно знают, что нашу милую Ра удалось обучить грамоте. Но ведь все также знают, что она не берет в руки книг. Знания еще не родили потребность. Я убежден — к культуре их можно привести только через труд. Труд ради пищи. Культурнее труд — больше пищи. Культурнее быт — больше сил для работы. На это уйдет жизнь не одного поколения. Но в конце концов это даст людей, способных воспринять нашу культуру. И затем создать свою. И сытость должна быть для них наградой за этот долгий и трудный путь. Мы можем сейчас дать сытость маленьким детям, старикам. Но если мы для начала дадим сытость всему племени — мы развратим и погубим его!

— Ты думаешь так же? — спрашивает Тушин меня.

— Почти.

— Значит — единомышленники?

— В главном.

Марат удивленно смотрит на меня. Ведь я с ним так спорил!..

— Что же ты считаешь главным? — спрашивает меня Тушин.

— Пора начинать, хотя, может, и не так, как предлагает Марат.

— Как предложил бы ты?

— Можно построить специальных киберов. Забросить их в племя.

— Цель?

— Сбор информации. Привитие племени каких-то трудовых навыков. Сразу можно было бы понять и реакцию дикарей на все это. А потом учесть ее.

— Киберы все испортят! — Марат резким движением руки как бы отбрасывает мою мысль в сторону.— Тут нужен человек. Все нюансы не запрограммируешь.

— А главное — мы не можем сейчас построить киберов...— Тушин вздыхает.— Негде строить...— Он переводит взгляд на Марата и признается: — У тебя серьезные доводы, Марат! От них не отмахнешься. Мы обсудим их на Совете. Придешь на Совет?..

Мы уходим от Марата вместе с Тушиным. Как-то так получилось, что Тушин увел меня с собой. И в лифте Тушин неожиданно предлагает:

— Поднимемся на крышу? Походим, Алик?

Я машинально киваю и снова удивленно гляжу на него. Почему он назвал меня Аликом? Откуда он знает это домашнее мое имя?

Он понимает мой взгляд и улыбается:

— Не удивляйся, дружище! Мне мама сказала, что дома тебя звали Аликом.

Мы выходим на крышу. Здесь пустовато и прохладно. В дальнем конце, за низкими столиками, тянут тайпу несколько парочек. За ними замерли ажурные стрелы кранов. В противоположном конце крыши так же неподвижно, безмолвно стоят полосатые вертолеты, и пригнувшиеся края их винтов чем-то похожи на опустившиеся лепестки вянущего цветка. На западе еще пылают багровым и оранжево-золотым пламенем края облаков, а на востоке уже густеет синяя тьма и зажигает первые звезды. И звонкая тишина кругом — полная, расслабляющая, бездонная тишина. Как у нас, в вечернем уральском лесу. Как у Бируты, на притихшем, засыпающем взморье. Такая мирная-мирная тишина.

— Какая у тебя программа, Алик? — тихо спрашивает Тушин.

Я не понимаю вопроса и опять удивленно гляжу на него.

— О чем вы?

— О твоей личной программе. Что ты хочешь делать в жизни?

Я пожимаю плечами, улыбаюсь.

— Работать в лаборатории. С новыми аппаратами, новыми схемами. Искать.

— А лаборатории нет...— Тушин собирает морщины на лбу.— И еще не скоро будет. Есть пока лишь монтажные мастерские...

— Я все понимаю, Михаил. Мне не надо объяснять. [illegible] же не жалуюсь.

— А знаешь, чего я боюсь, дружище? Что пока у нас появятся условия для творчества — у многих умрет творческая жилка. Мы слишком долго благоустраиваемся.

— А можно сделать это быстрее?

— Вряд ли. У нас все было рассчитано на свободу действий. А получилось так, что мы во многом скованы этим воинственным племенем. И в свободе передвижения. И в исследованиях. Все время надо обороняться, думать о защите. На это уходят часы, дни, месяцы. Мы медленнее работаем и быстрее устаем — все на нервах. Мы прекратили поиски на южной половине материка — не хотим стеснять ра, не хотим, чтобы в геологов стреляли. А ведь еще в первые годы там нашли и металлы, и уголь, и были основания искать нефть. И все это заброшено. Только на картах осталось. По существу, дороги на космодром и в Заводской район стали нашими границами. Южнее и западнее их не заходим. А это — полматерика. Да и на нашей-то половине, сам видишь,— покою нет. И неизвестно, когда будет.

— Ну, а выход, Михаил? Выход? Тот, что предлагает Марат?

— Подумай сам!

— Я все время думаю!

— И, конечно, ищешь выход в крайностях. Юность всегда ищет выход в крайностях. Разумеется, Марат во многом прав! А вот послать к ра мы никого не можем.

И не хотим! Это по существу послать на смерть. Причем без крайней, без сиюминутной необходимости.

— А если объяснить? Многие пошли бы сами.

— Были такие предложения в Совете. Я пока — против. И большинство в Совете — против. Потому что любая оттяжка в этом деле работает все-таки на нас. С каждым днем мы становимся и богаче и сильнее. И потом мы ведь не теряем времени с теми ра, которые попали к нам. Когда-нибудь они будут руководить своим племенем. Потому что будут очень многое уметь и знать. Но ведь их надо готовить к этому! И долго. Но зато это, может, самый вéрный путь.

— Почему же тогда вы отпускаете Марата?

— Только потому, что это нужно *ему самому*. Он не может иначе. Он увидел в этом свой долг. И запретить ему выполнить долг было бы бесчеловечно. Убеждению он не поддается — ты сам видел. Тут даже обратная реакция — чем больше он спорит, тем сильнее убеждает самого себя.

— Вы считаете — он погибнет?

— Очень возможно. Среди не видевших нас племен ему было бы легче. А ра уж больно непримиримы. Только одно *за* него — он будет знать язык.

— Почти то же самое я говорил ему сегодня! Перед вашим приходом.

— То же самое ему говорили и на Совете. Но на Марата это не действует. Он хочет именно к ра. В общем-то, в такой ситуации он, конечно, вправе распорядиться собой. Но, видно, не понимает, что тем самым распорядится еще и другими. И этого ему не скажешь...

— Кем же он может распорядиться еще?

— Да вот сегодня Монтелло сказал: «Если погибнет Амиров — пойду я».

«А если погибнет Бруно,— тут же решаю я,— значит, моя очередь...»

Но, понятно, Тушину говорю другое:

— Марат все понимает. Просто он считает, что это абсолютно необходимо обществу. И, значит, общество должно сделать.

— Да,— соглашается Тушин.— Тут цепная реакция. Гибнет один — на его место идет другой. Этого уже не

остановишь. Сколько мог — я сдерживал начало. А теперь не могу. Но мне больно, Алик! Я старше вас и лучше понимаю цену ваших жизней. Вы еще не понимаете ее. А для меня вы — дети. Представляешь, что это такое, когда на смерть идет твой сын?..

Мы проходим несколько шагов молча. Потом я говорю:

— Знаете, Михаил, обидно, что мы даже не можем сообщить на Землю, как здесь трудно. Кажется, если бы только ушло сообщение — стало бы легче.

— Сообщение уже ушло, Алик! Когда вы прилетели. Там было все. В финишной ракете. Мы ничего не скрыли.

— Но ведь до ответа не дожить!..

— Пожалуй.

— Михаил! Неужели люди так никогда и не доберутся до нуль-пространства?

— Не будем фантастами, Алик! Нуль-пространство возможно только в математике. Да в красивых мечтах. Самое большее, к чему когда-нибудь смогут прийти люди, — это сближение планетных систем. Да и то еще неизвестно, чем оно пахнет. Звезды — не игрушки. Они могут выйти из-под контроля — и тогда погибнет все. Такие вещи надо вначале пробовать на мертвых планетных системах. Понять закономерности, технологию, что ли, отработать. Нельзя же экспериментировать над целыми человечествами! На такое дело уйдут даже не тысячи лет. Десятки тысяч! Но, как говорили древние, — завидуем потомкам нашим!

— В двадцатом веке любили говорить еще и о том, что потомки будут завидовать предкам.

Тушин усмехается, мотает головой.

— Я не очень верю в это.

— Мне тоже не приходилось завидовать. Всегда казалось, что у меня жизнь — интереснее.

Тушин улыбается.

— Конечно! А особенно тут! Ведь вы смолоду выходите в классики! Вот у нас раньше был один скульптор. Был один живописец. Но монументалиста не было. Ваш Али Бахрам — первый. Я вчера смотрел панно, которое он делает для школьного зала. Это прекрасно! А как он работает! С какой страстью!.. Говорит: «У вас

тут все стены пустые. Скоро у вас не будет пустых стен!» Он все еще говорит «у вас»... А ведь он уже классик. С первых своих работ. Первый монументалист планеты! Представляешь? А Розита Верхова? У нас был композитор и до нее. И очень много поэтов! Мне кажется, каждый десятый землянин на этом материке пишет вполне приличные стихи. Но и музыку и стихи — она первая. И, значит, ее песни — уже классика. Даже самые несовершенные!.. И ты вот... Построишь здесь первого робота — и тоже станешь классиком! Даже если робот получится не идеальный.

Я смеюсь.

— Всю жизнь мечтал!.. Из пеленок — в классики...

— Конечно, это смешно звучит,— соглашается Тушин.— Но это закон жизни первооткрывателей.

...Мы уже трижды медленно прошагали плавную дугу крыши из конца в конец — от вертолетов до столиков, обратно к вертолетам и снова к уже опустевшим столикам. Погасло пламя облаков на западе, и только тоненькая светлая полоска, придавленная тьмой, еще держится низко над горизонтом. Крупные, яркие звезды высыпали и на востоке, и прямо над головой. И, как на Земле, перекинулся через все небо мерцающий миллиардами звезд Млечный Путь. И где среди этих миллиардов наша колыбель, наша Родина, наше Солнце? Я совсем не знаю здешнего неба — все некогда глядеть на него. Мне не найти наше Солнце. И уже никогда-никогда не увидеть его большим, теплым, ласковым.

Ах, как горько и больно думать об этом! Легче, наверно, жить так, не задумываясь, глядя перед собой в пределах ближайших забот и не поднимая глаза на небо.

— В чем-нибудь я убедил тебя?— спрашивает Тушин.

— Я вам верю, Михаил. С детства.

— Вера вместо знания?— Тушин улыбается.— Древнейшая болезнь россиян!

— Не вместо! Вместе!

— Уже лучше.

— Но не идеально — так? А куда денешься? Вера

появилась независимо — ни от меня, ни от вас. И, чтоб ее убить,— вам надо сделать немало плохого.

— На это не надейся.

— А я и не надеюсь. Но если б не вера — может, я вообще не полетел бы на Риту. Видно, это как-то подспудно работало — только сейчас сам понял. Но дело, конечно, не в одной вере, Михаил. Она очень быстро рухнула бы, если бы был удачный, реальный путь, и его видели бы многие, а вы бы упрямо не признавали. Тогда уж какая вера? Тогда — борьба! Но другого-то пути я пока не вижу. Конечно — Марат... И Бруно... Видимо, это необходимо, раз они решились. Но ведь и не универсально. Иначе мы все должны были бы разбежаться по окрестным материкам. И потеряться среди дикарей. Но тогда мы немногое изменили бы. Мы сильны — пока вместе. И вместе что-то изменим.

— Вот теперь я вижу, что у тебя не только вера! — Тушин тихо смеется и кладет мне на плечо тяжелую, большую, теплую руку. — Хотя и то, что ты сказал — еще очень далеко от окончательной истины. В нее войдет многое. Настоящая истина всегда широка. Узость не может родить истину. И в этой окончательной истине будет и то, что мы сейчас делаем, и мысли Марата, и, может, его подвиг, и что-то новое, пока совсем неизвестное. Поверь, мы все ищем эту настоящую истину. И я тоже ищу.

— Верю! Иначе вообще не верил бы в вас!

— Я очень благодарен тебе, Алик.

— За что?

— За то, что ты мне веришь. За то, что ты полетел. За то, что с тобой прилетела мама. Я люблю твою маму, Алик.

17. Что можно для них сделать сейчас!

На этот раз я сижу в кресле пилота, и контролирую кибера, и высматриваю сверху путеводную серую ленточку нефтепровода на полянах и прогалинах.

Уже знакомой дорогой мы летим в Нефть — Грицько, Джим Смит и я. Возможно, эта дорога и надоест мне со временем, потому что полеты на рудник, на ферму, в Нефть становятся моей работой и будут повторяться теперь каждую неделю.

Я слежу за нефтепроводом, мелькающим на открытых местах, и думаю, думаю о Вано.

Наверно, Грицько и Джим тоже думают о нем. У них грустные, усталые лица. Вчера нам предлагали нового члена бригады. Но Джим отказался. «Пока будем втроем»,— сказал он.

Он прав, конечно. Пока что нам, действительно, лучше втроем. Когда мы втроем — Вано с нами.

Мы втроем были в Городе у тихой, маленькой светловолосой женщины Марии — жены, теперь уже вдовы Вано. Когда мы пришли, она отправила в интернат темноглазого сынишку — видно, боялась, что будет плакать. Но все-таки она не плакала при нас и слушала нас молча, и только тонкие, посиневшие губы ее то и дело вздрагивали и как-то судорожно кривились.

— Я знала, что эта планета потребует жертв,— сказала она потом. — Но как-то все думалось, что меня минует. — Она горько, судорожно усмехнулась. — Каждый думает, что самое страшное его минует. Наверно, в старину, когда люди шли в бой, каждый тоже думал: меня-то не убьет...

Мы не принесли ей ни радости, ни облегчения и не рассказали почти ничего нового. Все подробности она знала раньше, как член Совета. Совет знает все, что происходит на материке. По существу, мы даже причинили новую боль этой маленькой, согнувшейся от горя женщине.

И мы заранее знали, что так будет — не было никаких оснований надеяться на иное. Но почему-то принято в подобных случаях приходить к семьям погибших, и мы подчинились этой условности, как подчиняемся безропотно десяткам других — устаревших, ненужных, нелепых в наше время. Удивительно сильна власть условностей над человеком! Может, это даже самая сильная власть над ним, потому что она невидима, неощутима и не персонифицирована, потому что она коренится в глубинах мозга у каждого, и редкий человек

может решиться на борьбу с нею. Гораздо проще, гораздо легче ей подчиниться. И, как всякая власть, она щедро награждает за подчинение — избавляет от душевных терзаний, от мук совести, которые обычно преследуют того, кто вступает в борьбу с условностями.

Мы летим в Нефть, и я снова невольно думаю о Сумико, хотя и не надо бы мне о ней думать. Мы можем встретиться — она часто бывает в Нефти, хотя и не надо бы нам встречаться.

Если это случится, — мы, вероятнее всего, встретимся просто как друзья. Но это тоже будет лишь условность — не больше, потому что и я и она знаем — мы не только друзья. Слишком много я думаю о ней. И чувствую — она тоже обо мне думает. Хотя и не надо бы ей думать обо мне.

Но что поделаешь — мы не киберы, мы люди. Не нажмешь кнопку и не скажешь: думай об этом, не думай о том. И не заменишь какой-нибудь из блоков памяти...

Под ногами тянутся бесконечные леса нашего чудесного зеленого материка. Леса, в которых свободно, безбоязненно будут бродить внуки и правнуки наши. Леса, которыми будут наслаждаться они и которыми мы наслаждаться не можем.

В детстве я входил в лес как в храм, и он приветствовал меня своим шумом — заботливо и покровительственно. Я всегда доверял ему и никогда его не боялся. И он ни разу не обманул мое доверие. Я бегал, играл, прыгал и валялся на лесных лужайках, ловил бабочек, слушал лесных птиц, собирал ягоды и грибы. Лес всегда был моим другом, моим праздником.

А мои дети, видимо, будут смотреть на лес из окна дома, из окошка машины, из кабины вертолета. Мои дети привыкнут бояться леса.

Эта чужая планета встречает нас совсем не теми испытаниями, к которым нас готовили. Нас испытывали на ловкость и на выносливость. Нас приучали бороться с авариями техники и свихнувшимися киберами. Мы не боимся никаких, даже самых страшных насекомых, потому что наши биологи могут за несколько месяцев ликвидировать целые виды этих тварей на любом материке. Нас не испугает никакой труд. Мы не станем рабами

природы, хотя и не собираемся бездумно и поспешно переделывать ее. Мы ничего не боимся и все можем осилить. Но мы совершенно не готовы к тому, чтобы остерегаться человека, к тому, чтобы воевать с человеком. Технически — конечно, готовы. Душевно — нет. И, главное,— не хотим быть готовы.

Может, поэтому нас так легко убивают?

Как не думать об этом, когда в Городе остались Бирута и мама?

Мы летим молча, но мне кажется сейчас, что Джим и Грицько тоже думают о женах, оставшихся в Городе, тоже боятся за них. Мы же не киберы, мы люди...

Наш вертолет проходит над двумя геологическими партиями, и, как раньше Вано, я вызываю их по радио и сбрасываю им грузы. Разговоры у меня с геологами короткие. Я их не знаю, они меня не знают. Им известно, что Челидзе погиб и что кто-то вместо него сбросит им груз.

Ни имя мое, ни фамилия им ничего не скажут. В этих партиях у раций пока что сидят старожилы. А наши ребята только-только оглядываются.

...Что же можно сделать сейчас для этих неразумных ра? Чем можно заинтересовать их? Чем отвлечь их мысли от одной владеющей идеи — убивать? Может, сбросить им стальные ножи? Наверняка это будет невозможное, неописуемое богатство, потому что племя еще не знает металла, и все ножи у него — костяные да каменные.

Но что сделают ра с этими стальными ножами? Не привяжут ли их к древкам копий, которые полетят в нас?

А если топоры? Наверно, никак не повернуть против нас это орудие. А облегчение большое — и при добыче топлива и при постройке хижин. Значит, топоры — можно?

И еще какие-нибудь яркие пластмассовые игрушки — для малышей. Впрочем, эти игрушки вряд ли попадут детям. Взрослые охотники нацепят их на шею и будут носить как амулеты. Они ведь еще совсем младенцы, эти ра. Воинственные взрослые младенцы.

Наверно, не игрушки из пластмассы им нужны, а чашки да миски. Их не нацепишь на шею. Они станут у ра тем, чем и должны быть — посудой. Пожалуй, кроме топоров, можно сбросить этому племени чашки и миски.

Хуже не будет, а лучше может быть.

А гезам еще, кроме того, можно сбросить капроновые сети. Рыбаки сразу поймут, для чего это. У рыболовных сетей — только одно применение.

Вот вернусь в Город и пойду в Совет. Почему, в самом деле, не сбрасывать ра то, что вполне можно? Кроме того, о чем вспомнил я, наверняка найдется и еще что-нибудь — необходимое для них и безопасное для нас. Важно начать!

Может, они поймут тогда, что с нами выгоднее жить в мире? Может, даже пришлют послов — выпросить или выменять что-нибудь еще?

А начнется обмен — кончится война.

Только зачем ждать возвращения в Город? Я ведь могу вызвать Тушина и по радио. Прямо из Нефти. Благо, мы теперь знакомы с Михаилом...

А Нефть уже показалась вдали. Ползут под ноги вышки, уходит вбок главная насосная.

18. Женщины из племени леров

— ...Завтра же будем обсуждать! — говорит Тушин и улыбается мне с экрана видеофона. — Завтра утром!.. Знаешь, Алик, удивительное совпадение! Сегодня днем то же самое предложил Верхов. Только он говорил о железных котелках, чайниках и флягах. А я уже вслед за ним подумал о ведрах и сумках. Удачная мысль, Алик! И ведь простая! Я только против топоров. Пока — против. Потом видно будет. А все остальное вполне реально. Мы завалим это племя необходимыми вещами!

— Может, дело не в том, чтобы завалить? — вставляю я. — А в том, чтобы заинтересовать?

— Разумеется! — У Тушина поднимаются брови. — Разумеется, мы не переборщим! Ну, обнимаю тебя! Благодарю!

Тушин, улыбаясь, расплывается на экране.

Я выключаю видеофон, выхожу из комнаты в коридор гостиничного этажа и спускаюсь на улицу.

Опять Женька! Опять он на три минуты раньше открывает то же, что и я. Слава аллаху хотя бы за то, что сегодня это случайное совпадение.

И здорово, что наше с Женькой предложение обрадовало Тушина.

«Наше с Женькой...» — я ловлю себя на этих словах и усмехаюсь. Лучше было бы «наше с Маратом». Или «наше с Али»...

Я быстро иду по самой длинной улице Нефти куда-то в гору, навстречу сползающим оттуда густым вечерним сумеркам. Зачем иду? Куда?

Постепенно замедляю шаги, оглядываюсь и поворачиваю назад. Пора ужинать. А светлая плоская крыша столовой где-то уже далеко-далеко внизу.

Я неторопливо спускаюсь по гладкой мостовой из оплавленного базальта, посеревшего от дождей и ветров. Когда-то, еще в первый год жизни землян на материке, здесь прошлась горнодорожная машина и проложила наклонную улицу, упирающуюся в горы. И теперь эта широкая, гладкая, припорошенная пылью мостовая будет держаться десятки, а может, и сотни лет — пока не станет мешать людям или пока не искрошит ее какое-нибудь землетрясение.

По сторонам редко стоят почерневшие бревенчатые дома, в которых жили первые геологи и буровики и были первые мастерские, первые склады.

Иные геологи и сейчас еще живут тут во время своих наездов в Нефть. Привыкли к здоровому духу древесных стен и не хотят менять его на кондиционированный воздух стандартных пластобетонных комнат.

Вообще, я заметил тут какую-ту особую тягу старожилов ко всему натуральному — к домам из настоящего дерева, к деревянной мебели, которая на Земле сохранилась лишь в музеях, к натуральной пище. Немногие старожилы едят здесь искусственное мясо или пьют искусственное молоко.

Может, потому, что искусственных продуктов пока маловато — не пущены на полную мощность заводы. А может, и потому, что есть в натуральной пище какая-то особая прелесть.

Я иду вниз по первой улице Нефти, мимо бревенчатых домов, к новым, светлым и просторным пластобетонным зданиям. Сумерки, спускающиеся с гор, обгоняют меня, окутывают улицу прозрачной синеватой дымкой, которая постепенно густеет и размазывает на горизонте четкие очертания леса, дальних нефтяных вышек.

Вот на дирижабликах этих вышек вспыхивают огоньки, и лес вообще растворяется за ними в густом сине-сером мареве.

Большинство бревенчатых домов глядит на улицу темными, слепыми окнами. За ними — опустевшие комнаты с пропыленной мебелью или склады всякого старья. Но окна иных домов бросают на улицу неяркий, затаенно-счастливый свет, и за этими окнами — современный уют и тихое пристанище людей.

Наверно, если бы я вдруг остался вдвоем с Сумико,— мне нужен был бы именно такой вот уединенный дом. И ничего больше. И никого рядом.

Улица медленно ползет мимо меня к горам. Надвигается и затем тоже остается позади светлая, плавная, ступенчатая по краям и уже четырехэтажная в середине дуга жилого корпуса. Этот корпус постепенно, неумолимо растет и вширь и ввысь, как растет детская горка, к которой трудолюбивый и терпеливый малыш прибавляет кубик за кубиком. Только детская горка когда-то не выдерживает и рушится. А жилой корпус Нефти когда-нибудь замкнется в дом-кольцо высотой в двадцать этажей, и в этом доме будут жить люди, которые сейчас, замороженные, бесчувственные, еще мчатся со страшной скоростью где-то в безднах Бесконечности.

Я сворачиваю влево, к столовой, и на минуту останавливаюсь в раздумье у ее дверей. Может, вернуться к жилому корпусу и зайти за Джимом и Грицько? Или вызвать их по радиофону? Непривычно ужинать одному.

Ну, а если они уже поели? Если смотрят в клубе какой-нибудь из земных стереофильмов?

Я вынимаю из кармана руку, опущенную было к радиофону, и вхожу в столовую один.

Вообще-то, у меня есть дело в этой столовой. Али просил дать ему пропорции и примерные размеры одной из стен. Он задумал большое панно для геологов и хочет разместить его здесь, в столовой Нефти — самом просторном помещении северного поселка. Но лететь сюда он собирается уже с готовым эскизом. И ждет от меня параметры стены.

Ну, что ж... Для меня это пятиминутное дело. Сегодня же вечером можно будет передать цифры.

Уже когда я кончаю ужинать, в столовой появляются трое — две женщины и худощавый парень с короткой, седеющей черной шевелюрой «ежиком». Совсем как у Бруно Монтелло. Только Бруно еще не седой.

Парня я вижу впервые, а в женщинах что-то кажется мне знакомым. Где-то я уже видел их — таких приземисто-грациозных и одинаковых, хотя они и по-разному сейчас одеты. Мне знакомы их большие, чуть диковатые темные глаза с подсиненными белками. Но что-то в этих женщинах не то, что-то не так, как я когда-то видел.

Это вроде и они и не они, и я даже не знаю — здороваться с ними или нет. Молча и медленно я наклоняю голову, и это можно принять за приветствие, а можно и не заметить.

Они не замечают меня. Они проходят к щиту заказов, и тут я понимаю, что меня смутило, почему я их сразу не узнал. Это женщины-леры, те самые, которых я видел один раз, перед гибелью Вано, о которых он обещал рассказать какую-то «ужасно романтичную историю».

Только тогда они были в теплых серых рабочих костюмах, а сейчас они в нарядных платьях — вишневом и синем, и по этим платьям струятся причудливые светящиеся полосы, благодаря которым женская талия кажется по-осиному тонкой и хрупкой.

Что же это за история, которая привела их на другой материк, в чужое племя? Где теперь узнать ее? Здесь еще нет ни газет, ни книг, ни своей истории.

Да и не скоро попадут в книги здешние «романтичные истории». Все могут знать их — но писать о них не-

ловко. Это одна из многих условностей, тяготеющих над людьми!

Пожалуй, долго еще литература здесь будет представлена только стихами да фантастикой, которую начинает Бирута. Всему остальному будут мешать условности.

А эту «ужасно романтичную историю» наверняка знает Джим.

19. Жюль и дикарка

Джим рассказывал мне эту историю понемногу. Из него все надо было выдавливать, вытаскивать. Как клещами. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. И так — четыре вечера подряд. Все те четыре вечера, которые мы провели в Нефти. И еще какие-то перерывы днем, во время работы.

Но все-таки он рассказал немало. Достаточно, чтобы понять все и представить какие-то недостающие детали, подробности.

Я с удовольствием записал бы эту необычную историю в коробочку эмоциональной памяти, если бы уже давно не пообещал Бируте для нового ее рассказа и вторую, пока еще пустую коэму.

Конечно, было бы лучше, если бы эту историю записал сам Жюль Фуке — тот худощавый парень с черной седеющей шевелюрой «ежиком», которого я видел в столовой Нефти вместе с лерами. Но у меня, увы, нет больше коэм. И нет лаборатории, где я мог бы сделать новые.

Когда-нибудь будет у нас тут киберлаборатория. И тогда я сделаю новые коэмы и подарю одну Жюлю, чтобы он смог записать эту историю. Если, конечно, захочет.

Он прилетел на «Рите-1», этот удивительный, неунывающий геолог. Он был одним из первооткрывателей Нефти, надувал здесь первые серебристые палатки, рубил здесь первые дома. Ему очень пригодилось в этих местах то умение валить деревья и ставить срубы,

которое преподают в «Малахите» и которым я пока что не воспользовался.

И еще Жюль один из первых здесь заболел ренцелитом — страшной болезнью, похожей на земной столбняк, от которой далеко не все вылечивались, даже несмотря на всю мощь нынешней медицины. Но Жюль каким-то чудом уцелел — поднялся, и даже следов не осталось.

А жена его погибла.

Сейчас ренцелит побежден. Мы не можем заболеть им, потому что еще на орбите нам сделали от него прививки. А в первый год не одни только жены Жюля и Арстана Алиева погибли от этой коварной болезни. Причем тогда еще даже не знали — отчего она. И сути болезни не знали, хотя и видели, что она похожа на столбняк.

Но микроб земного столбняка попадает в рану, в кровь. А здесь не было ни ран, ни даже царапин. И непонятно было, как приходит болезнь, и не помогала противостолбнячная вакцина.

Эту болезнь победил микробиолог Натан Ренцел, ученик и помощник Чанды Тушиной. Он и сейчас работает в своей лаборатории, и его непросто увидеть — он так поглощен своим делом, что по неделям не выходит из лаборатории и живет рядом с нею, дверь в дверь. И то, что не донимают нас теперь местные болезни,— его заслуга.

Он отыскал маленького злого комара — потом его почему-то тоже назвали ренцелом,— который переносит болезнь, как на Земле переносили когда-то комары малярию.

Натан выделил возбудителя этой болезни, и приготовил вакцину, и на себе испытал ее.

А потом он уничтожил этих комаров на всем материке. Методично, настойчиво он выращивал в своих колбах полчища стерилизованных радиацией самцов ренцела и сбрасывал их с вертолета над болотами и лесами. Квадрат за квадратом. По пять раз на каждый квадрат. Сытые, откормленные стерилизованные самцы опережали и оттесняли здоровых и... не оставляли потомства.

Этот старинный, еще в двадцатом веке открытый метод помог очистить наш материк от опасных насекомых.

Сейчас ренцел — такая же редкость на материке, как малярийный комар — на нашей далекой родной планете.

Овдовевший Жюль долго жил один, считал, что все личное для него кончено, что ему осталась только работа. Работа и еще путешествия, без которых он не мог жить ни на Земле, ни здесь, на Рите.

В вертолете и без него — просто с индивидуальным реактивным двигателем за спиной — Жюль облетел весь наш материк, побывал в самых дальних его закоулках еще задолго до того, как появились на материке ра. Именно Жюль нашел ту чудесную бухту с золотистым песком, где будет создана наша зона отдыха и куда сейчас пробивают дорогу лесодорожные машины. Именно Жюль дал название пустынному и неуютному Плато Ветров. А когда он осмотрел весь наш материк, то решил взглянуть и на соседний, откуда позже приплыли ра и гезы.

Тот материк в несколько раз больше нашего. И южнее. И теплее. Самая северная его оконечность — на широте нашей зоны отдыха. А юг опускается к тропику. Много племен живет на том материке. И, может, не одни только ра и гезы еще будут вытеснены оттуда на нашу прохладную землю.

Как и наш материк, тот, соседний, еще не назван. Может, когда-нибудь его назовут Жюльенией или Фукедой — не знаю. Сейчас его просто называют Восточным материком, потому что он — к востоку от нашего. Его берега, горы и реки нанесены на наши карты. Но это пока что немые карты, потому что большинство гор, рек и озер — безымянны. Местных названий мы не знаем, а со своими тут не очень торопятся. Названия должны быть точными. А для этого нужны точные знания, которых пока у нас нет. Земные названия складывались веками, даже тысячелетиями. Значение большинства из них к нашему веку было утеряно — осталось лишь звучание. Но когда-то было и значение! Мудрено ли, что здесь не спешат с названиями, не торопятся увековечить на географической карте свои имена?

Конечно, так труднее преподавать географию детям. Но, наверно, было бы хуже, если бы дети читали на

географических картах планеты имена людей, которых часто видят в коридорах своего дома. Наверно, такая поспешная топонимика помешала бы воспитывать детей скромными.

Жюль Фуке летал на Восточный материк несколько раз. Вначале — в вертолете, потом — только с индивидуальным ракетным двигателем МРМ-5, который при не очень высокой скорости обеспечивал максимальную дальность полета.

Во время одного из этих путешествий Жюль увидел на берегу ручья одинокую девушку, почти нагую. Он спустился к ней просто так, из любопытства — посмотреть, какие они, дикарки. Тем более, что поблизости, как показалось ему сверху, никого больше не было.

Увидев его, девушка испугалась, вскочила и хотела бежать. Но она не могла бежать — на ноге у нее была большая загноившаяся рана, которую девушка и промывала возле ручья.

Едва сделав несколько шагов, дикарка упала. И лежала на земле, раскинув руки, уткнув в траву лицо, ожидая неминуемой смерти.

Жюль решил воспользоваться этой беспомощностью девушки и неторопливо надел на ее голову, поверх гривы спутанных черных волос, каркас приемника мыслей.

Девушка не пошевелилась. Ей, видимо, казалось, что это — неизбежные приготовления к смерти.

Тогда Жюль надел на себя второй приемник мыслей и тихо сказал:

— Девушка, хочешь, я вылечу твою ногу?

Она удивленно подняла голову, посмотрела на незнакомца и ответила:

— Убивай — не мучай!

Жюль широко улыбнулся.

— Я не хочу убивать тебя, — произнес он. — Ты мне нравишься.

У нее и на самом деле было приятное большеглазое лицо — испуганное, грязное, измазанное в земле, — но приятное.

Она улыбнулась ему в ответ, села и попыталась стащить с головы приемник мыслей.

— Не трогай эту вещь! — торопливо сказал Жюль. — Ты сразу перестанешь понимать меня.

Она отдернула руки и испуганно покосилась на него. Потом спросила:

— Ты — Чу?

— Нет, я Жюль, — ответил он. — А кто такой Чу?

— Жуль... — растерянно повторила девушка. — Жуль... Я не знаю такого бога. Значит, ты чужой бог.

— А кто такой Чу? — снова спросил Фуке. — Чей он бог?

— Наш, — ответила девушка. — Племени леров. Я никогда не думала, что увижу живого бога. Пусть даже и бога чужого племени.

— Я не бог, — сказал Жюль. — Я человек. Такой же, как ты.

— Люди не летают, — ответила она. — Летают только боги.

Он понял, что убеждать ее бесполезно. А может, пока и не нужно. Пусть считает его богом. Так даже удобнее.

— Давай, я вылечу тебе ногу, — снова предложил он.

— Лечи, если можешь.

Он вынул из кармана моток стрептимиолового пластыря и залепил им рану.

Девушка на миг вскрикнула — не столько от боли, сколько от испуга.

Но Жюль успокоил ее:

— Потерпи. Скоро все пройдет.

— Долго терпеть? — спросила она.

— До темноты ты будешь здорова.

Жюль знал, что рана затянется намного раньше. Но не хотел, чтобы девушка спешила.

Она почти поверила ему.

— Если это правда, — подумала она вслух, — то завтра я смогу догнать свое племя.

— Оно ушло от тебя? — спросил Жюль.

— Оно ушло на новое место, — ответила девушка. — Здесь перевелась дичь.

— А ты?

— Что я?

— Почему ты здесь?

— Я осталась. Потому что я не могу быстро и долго идти.

— И никто не захотел помочь тебе?

— Помочь? — Она глядела на него очень удивленно. — Зачем? Больные всегда остаются на старых стоянках.

— У вас жестокие порядки, — заметил Жюль.

Она не поняла.

— Что такое жестокие?

— Вы не жалеете больных.

— А кто их жалеет? Ни одна стая, ни одно племя не жалеет больных. Иначе нельзя жить.

— Мы живем иначе, — сказал Жюль. — Мое племя больных жалеет. И не бросает в одиночестве.

— Значит, у тебя слабое племя, — заключила девушка. — Значит, вы скоро погибнете. — И тут же усомнилась: — Но ведь боги не умирают!..

Они сидели в высокой траве, на берегу ручья, и мирно беседовали — как старые добрые знакомые. Звонко бурлила вода на мелких каменистых перекатах. В густых зеленых ветвях над головой назойливо трещала птица. Шелестел листьями лес, пригибая ветви под ветром. Громадная зеленая бабочка с черными кругами на крыльях медленными взмахами перелетела через ручей.

— Как тебя зовут? — спросил Жюль.

— Нала.

— У тебя есть дети?

— Нет. Если бы я была здорова, меня через несколько дней взяли бы в жены.

— Кто?

— Кто посмелее.

— А больных у вас в жены не берут?

Она помрачнела, опустила голову и тихо ответила:

— Кому нужна больная жена?

И вдруг вскочила, резко повернулась назад, раздувая ноздри, втянула в себя воздух.

Жюль тоже повернулся лицом к чаще, но не увидел, не услышал и не почувствовал ничего.

— Кого ты испугалась? — спросил он.

— Там зверь, — ответила она. — Там у́лу.

Жюль не понял, кто такой у́лу, но выхватил из-за пояса и слип и пистолет.

— Я погибла, — сказала девушка. — Он сожрет меня.

Жюль выстрелил на всякий случай в чащу, чтобы отпугнуть зверя, и, не выпуская оружия, подхватил левой рукой девушку и перенес ее на другой берег ручья. Теперь между ними и зверем был ручей и небольшая полянка.Теперь люди были лицом к опасности, и зверя можно было подстрелить даже в последнем прыжке.

Выстрел не испугал зверя. Видно, эти улу еще не слышали выстрелов. Выстрел испугал только Налу. А зверь уже через три минуты высунул из кустарника свою тупую оскаленную морду с маленькими злыми глазками и нагло, небоязливо глядел на людей. У этих людей не было ни палиц, ни копий, которые зверю уже приходилось видеть. Эти люди были беззащитны, но не убегали, как вся остальная дичь. Они были легкой добычей.

И зверь подобрал лапы, приготовился к прыжку.

Однако прыгнуть он не успел. Что-то тупое и темное навалилось на него и подмяло под себя.

Опустив слип, Жюль перебрался через ручей, подошел к зверю и разглядел его. Длинное, как у пантеры, туловище с гладкой серой, почти без шерсти, кожей, мощные лапы, тупая, бульдожья морда с обвисшими, мягкими ушами. Громадная собака, что ли? На прохладном материке, где жили земляне, таких животных не было.

На всякий случай Жюль связал спящему животному лапы и вернулся через ручей к девушке.

— Что ты сделал с улу? — спросила она.

— Усыпил.

— Как?

— Вот этой штукой.

Он показал слип.

— Здесь прячется сон?

— Да.

— Сон зверей?

— И человека — тоже.

— Значит, ты и меня можешь усыпить?

— Конечно.

— Почему же ты этого не делаешь?

— Зачем?

Она опять глядела на него очень удивленно. Затем пояснила:

— Ты мог утащить меня, спящую, в свое племя. И сделать своей рабой.

— Разве ты хочешь этого?

Она опустила глаза.

— Кто же может этого хотеть?

Потом понимающе взглянула на него и спросила:

— Тебе просто не нужна больная раба, правда?

— В нашем племени нет рабов, — ответил Жюль. — У нас все равны.

— А что вы делаете с пленниками?

— У нас нет пленников.

— Вы их убиваете?

— Мы не убиваем никого.

— Куда же вы их деваете?

— Мы их не берем.

— А если бы ты взял меня?

— Ты стала бы равной со всеми.

— Но ведь я — из чужого племени!

— Ну и что? Ты же человек. И, значит, равна нам.

— Человек не может быть равным богу.

— Ты можешь стать равной.

— Я?

Она рассмеялась этой явной шутке бога.

— Если ты захочешь — ты можешь стать такой же, как мы, — убеждал ее Жюль. — Мы научим тебя летать, и усыплять животных, и быстро лечить раны.

— А моя нога уже совсем не болит! — вдруг вспомнила Нала и довольно улыбнулась.

— К вечеру у тебя не будет раны, — пообещал Жюль. — Потерпи еще немного. Эта белая кожа лечит быстро.

— Все-таки лучше жить в своем племени, — подумала вслух девушка. — В чужом племени меня никто не возьмет в жены.

— Если ты станешь равной нам — для тебя найдется муж. — Жюль улыбнулся. — Все зависит от тебя. Хочешь — возьму тебя посмотреть. Понравится — останешься. Нет — прилетишь обратно.

— Я знаю, что чужое племя не отпустит меня обратно. Леры никогда еще не возвращались из чужого племени.

— Значит, ты не хочешь?

Она опустила глаза и молчала.

Жюль достал из сумки шоколад, развернул его и протянул ей плитку.

— Попробуй,— сказал он.— Это наша пища.

Она откусила кусочек, разжевала и стала торопливо засовывать шоколад в рот. Она давилась им — боялась, что у нее отнимут эту удивительно вкусную еду.

Уже потом, отдышавшись, поинтересовалась:

— Вы едите только это?

— Нет,— ответил Жюль.— И мясо животных — тоже. У нас очень много разной пищи. Мы никогда не бываем голодны.

— А я очень редко бываю сыта,— сказала она.— Леров стало много. И еды нам все больше не хватает.

Жюль, конечно, понял, что понравился девушке и что она пойдет за ним куда угодно. Но он не хотел, чтобы она считала себя пленницей. Он добивался не покорности, а активности. А для этого с самого начала надо было убедить Налу, что она должна считать себя равной всем остальным.

В заплечном ракетном двигателе Жюля было маловато топлива, чтобы перенести их обоих через море. Топлива еле-еле хватило бы, чтобы донести двойной груз до побережья Восточного материка. Поэтому Жюль вызвал по радио Город и попросил прислать за ним на побережье вертолет. Он указал и точку на побережье и время, когда может быть в этой точке.

— С кем ты говорил? — спросила Нала, когда Жюль выключил рацию.

— Со своим племенем,— ответил он.— Я могу говорить с ним на любом расстоянии.

Она не поверила, расхохоталась.

— Оказывается, и боги умеют лгать,— сказала она, перестав смеяться.— А я раньше думала, что только люди.

— Когда-нибудь ты убедишься, что я не лгу,— пообещал Жюль.— Когда-нибудь ты сама будешь разговаривать со мной на любом расстоянии.

Она снова не поверила, снова рассмеялась.

А потом Жюль смыл с ее ноги остатки всосавшегося в кожу стрептимиолового пластыря, и девушка увидела вместо глубокой и гнойной раны нежную розовую кожицу, в которой еще виднелись светлые перекрещивающиеся полоски целебной повязки. Нога не болела. Нога была здорова. Девушка сделала несколько шагов, подпрыгнула, пробежалась.

Жюль глядел на нее молча и еще боялся, что сейчас она юркнет в кусты, исчезнет и помчится по лесу догонять свое племя.

Однако она явно не собиралась бежать, вернулась к Жюлю и шершавыми, задубевшими пальцами медленно погладила его по щеке. Это была самая нежная ласка у леров. Это был знак высшего доверия.

Она спокойно позволила обмотать себя широким плотным поясом и привязать его к поясу Жюля. И безотказный наш МРМ-5, рассчитанный на одного, тяжело, натужно, но все-таки поднял обоих над лесом.

Девушка вначале дрожала и даже кричала от страха. Потом смирилась, умолкла.

В вертолет на побережье она вошла уже покорно, безропотно и устало. Она внешне уже ничему не удивлялась — ни машине, ни второму богу в серой одежде, который встретил их, ни новой высоте, ни морю под ногами. Слишком много впечатлений было для одного дня — она просто перестала воспринимать их. В ее неразвитом мозгу как бы механически захлопнулся какой-то клапан, предохраняющий нервную систему от перенапряжения. Девушка только держалась за Жюля, ни на минуту не выпуская его руки. И он понял ее состояние и решил везти ее не в Город, как хотел вначале, а прямо в Нефть, в свой пустующий бревенчатый дом.

Она замерзла еще в вертолете, и Жюль включил обогрев кабины, и радировал в Нефть, чтобы ребята принесли теплый костюм на посадочную площадку. Ведь Нала была все-таки почти нагой и летела далеко на Север.

А потом, в Нефти, она не хотела надевать этот теплый шерстяной костюм — не понимала, зачем. И все нюхала его и говорила, что он пахнет зверем.

Две женщины пришли в кабину вертолета, чтобы помочь Нале одеться. Но девушка визжала, отталкивала их и цеплялась за Жюля. Она ничего не хотела делать без него, даже одеваться.

В конце концов, он одел ее сам — с трудом, как непослушного, капризного ребенка. Ее просто нельзя было иначе вывести на улицу — она простудилась бы.

В первые дни Нала никуда не хотела выходить из дома и, как зверек, забивалась в угол, когда оставалась одна. Даже в окна боялась смотреть. Она оживлялась только тогда, когда дома был Жюль, и слушалась только его, и разговаривала только с ним. Другим людям, которые входили в дом, она просто не отвечала. Но не сводила с них настороженных глаз. А потом быстро перестала бояться — поняла, что ей не сделают зла. В общем-то, оказалась доверчивой.

Вначале она очень много ела — все, что можно было, без разбору и без режима. И никак не могла насытиться. Постепенно Жюлю удалось объяснить ей, что это вредно, и она стала есть меньше, хотя и с прежней жадностью.

Она очень медленно становилась Человеком. Гораздо медленнее, чем хотелось бы Жюлю и его друзьям. Им прежде казалось, что все это должно происходить намного проще и быстрее. Она бсялась и темноты, и непонятного ей электрического света, боялась и радио, и видеофона, и вертолетов, которые часто пролетали над поселком. Но больше всего боялась оставаться одна, и поэтсму несколько месяцев Жюль никуда не выезжал из Нефти.

Однако постепенно — хотя и очень медленно — она все-таки привыкала к жизни землян.

Она привыкла носить теплую одежду, и мыться каждый день, и не бояться телевизора, и даже ходить иногда с Жюлем в клуб на стереофильмы.

Как-то удалось уговорить ее слетать в Город и в Заводской район — посмотреть на жизнь всего остальнсго племени.

Ей не понравилось там — слишком шумно и слишком много людей.

А тогда их еще было мало...

Но почему-то именно после этой поездки она спросила Жюля:

— Ты мог бы теперь отыскать мое племя?

— Ты хочешь вернуться?

Он искренне огорчился. Он уже привык к ней, хотя ему и было с ней очень нелегко.

— Нет,— возразила она.— Ты не понял. Я уже не вернусь. Мне неплохо жить у вас, и у меня не может быть лучшего мужа, чем ты. Просто у меня в племени есть сестра. Мы с ней родились в один день. Я тут сыта. А она там все время хочет есть. У вас хватило бы еды и для моей сестры?

Они полетели вдвоем, на вертолете, и несколько дней искали племя леров в глухих лесах Восточного материка.

А когда нашли его, Нала отправилась в свое племя одна, обмотав бедра широкими свежими листьями и сняв с себя всю остальную одежду.

Жюль хотел идти с ней, но она остановила его:

— Я вернусь, не бойся. Я уже не могу без тебя.

Он уговаривал ее хотя бы надеть на шею, как амулет, крошечный транзистор тревоги. Чтобы хоть сигнал можно было дать, хоть пеленг, по которому искать ее.

Но она отказалась и от этого.

Он ждал ее полдня возле вертолета, нервничал и уже собирался подняться над стоянкой племени на своем МРМ-5.

А она бесшумно выскочила из зарослей у него за спиной, и вслед за Налой возле вертолета появилась еще одна точно такая же дикарка. Если бы Нала не была чиста и причесана, если бы у ее сестры Латы не было перекошено от страха лицо,— их трудно было бы отличить друг от друга.

Лате дали есть прямо здесь же, у вертолета. И Нала уже удивленно глядела, как торопливо и жадно ест голодная сестра.

А потом, в Нефти, она приучала сестру к новой жизни так же мучительно и трудно, как еще недавно приучали ее, Налу.

Появление сестры позволило Жюлю снова, хотя бы недолго, бывать в геологических партиях. А теперь уже уходят в поиск две сестры и два геолога, их мужья. Эти близнецы-леры стали приличными коллекторами. Они работают без ошибок и очень терпеливо, хотя и медленно. Они уверенно, немного нараспев читают, но, как и

Ра, не любят по собственной инициативе брать книгу в руки. Зато, как дети, любят, когда им читают вслух. И еще любят ходить на стереофильмы и сидеть у телевизора.

Им не раз предлагали снова полететь к племени леров и привезти с собой в Нефть кого-нибудь еще. Кого угодно — женщину, мужчину, ребенка — кого сами захотят взять.

Но сестры упорно не хотят делать этого. Может, потому, что у Латы там остался очень сильный муж, и она боится его.

И вообще, они не любят вспоминать и говорить о своем племени. И если кто-то, по незнанию этого, спрашивает их, — отвечают неохотно, коротко, односложно.

В Городе, в интернате, у них растут дети. И матери видят их редко.

Нала и Лата знают, что дети всех геологов живут в городском интернате, и поэтому не считают себя обиженными или обездоленными. Но приезжают они к своим детям реже других и ненадолго.

Наверно, где-то глубоко в душе бывшие дикарки еще не чувствуют себя равными людям, среди которых живут. Но держатся как равные, с тихим достоинством — и это приятно.

О племени леров от них удалось узнать немного. Это племя умеет добывать огонь, плетет хижины из лиан и не боится других племен, потому что многочисленно. Все дети племени воспитываются вместе, и поэтому сестры так спокойно отдали своих детей в интернат.

В этом племени мужья живут с женами недолго — пока жены молоды. Через пять-шесть лет совместной жизни мужчина может выбрать себе другую молодую жену, если только выдержит состязания с молодыми охотниками.

В этом случае прежняя жена становится свободной, и ее может выбрать кто-нибудь из тех мужчин, которые состязаний не выдержали.

Впрочем, женщина может остаться и в хижине своего прежнего мужа, если ни он, ни молодая жена не возражают против этого.

Но бывают в племени и такие случаи, когда муж и жена живут вдвоем очень долго, до старости. И никто

этому не удивляется, потому что это такой же обычай племени, как и смена жен.

Наверно, поэтому леры так красивы и многочисленны и не боятся других племен. Ведь почти все дети у них — это дети любви.

Я не сразу понял, почему же старожилы выпустили из сферы своего внимания это доброе и мирное племя. Может, с него и надо было начинать? Может, леры стали бы первыми нашими союзниками на этой планете? Неужели все дело только в том, что никто не решился к ним пойти? А может, кто-то и решался — но не пустили? Ведь Тушин признался, что специально сдерживал эту цепную реакцию...

Что ж... И он по-своему прав. Ведь до нашего прилета здесь было немыслимо мало землян. И им надо было немыслимо много сделать.

А теперь нас больше. И мы большее можем. И все дело теперь, наверно, прежде всего в индивидуальной решимости.

Эх, если бы переплыли на наш материк леры, а не эти жестокие, непримиримые ра! Наверняка с лерами мы быстро нашли бы общий язык. Потому что это, в общем-то, счастливое племя. А счастливые люди обычно добры и доверчивы.

Нужна очень долгая, беспросветная цепь несчастий, чтобы человек ожесточился. Нужны долгие века гонений, лишений и сплошных несправедливостей, чтобы могло ожесточиться целое племя.

20. Розита

Марат решил улететь поздно вечером, в темноте, и отыскивать стоянку племени по кострам. А придет он к ра на рассвете — утром люди всегда добрее.

Сегодня утром над стоянкой племени, на парашюте, были спущены первые «посылки» — прозрачные полиэтиленовые мешки с чашками, мисками и тарелками из пластмассы. Кто-то предлагал «послать» еще и ложки. Но ложки были отвергнуты — рано, не поймут, для чего это надо.

Вертолет долго кружил после этого над стоянкой, но ра, отлично видевшие спущенный им «подарок»,— не подошли к нему.

Значит, очень прочно у них недоверие ко всему, что исходит от чужого племени.

Сегодня ночью бесшумный вертолет опустит Марата в лесу. И Марат выгрузит из машины два контейнера со всем, что может понадобиться. Эти контейнеры так и останутся в лесу. Их не откроет даже самый хитроумный охотник. Но, судя по всему, он и не захочет их открывать.

У Марата будет и двигатель МРМ-5, и ЭМЗ, и суперЭМЗ. И все-таки Марат будет беззащитен, как всегда бывает беззащитен тот, кто идет с добром к озлобленным и недоверчивым людям.

Почему-то очень надеется Марат на свой маленький, карманный магнитофон с записями десятков самых красивых земных мелодий.

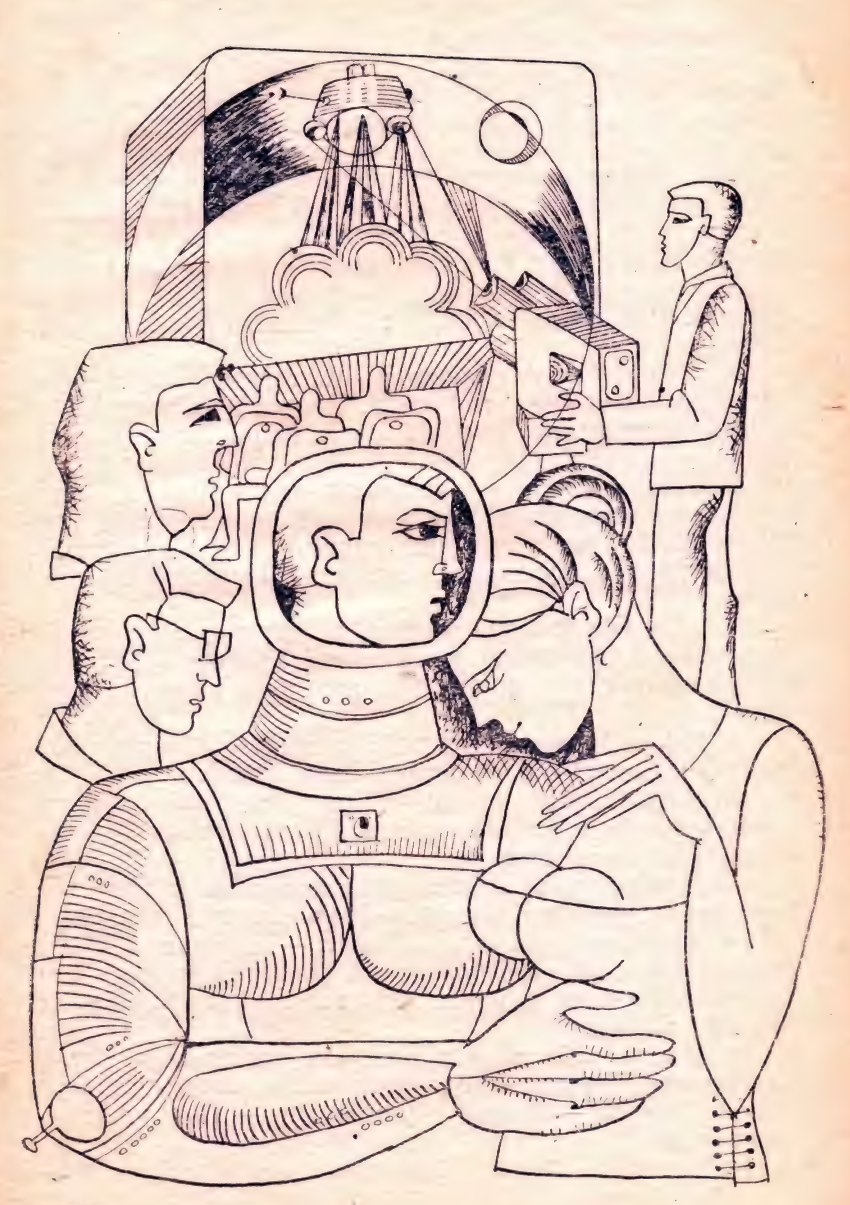
— Они будут слушать это! — уже в который раз, как бы убеждая самого себя, повторяет он.— Даже самые жестокие люди любят слушать музыку. И в эти минуты становятся добрее.

Розита Гальдос кусает свои яркие губы, готовые изогнуться в недоверчивой усмешке. Розита явно не верит этим заклинаниям Марата, хотя и выполнила его просьбу — «напела» немало песен в его магнитсфон. Она поднялась сюда, на крышу, проводить Марата одна, без Женьки. Женьки нет среди провожающих. Хоть на это хватило его!..

Проводить Марата пришли Бруно и Изольда, Энн и Майкл, Али со своей тихой, незаметной Аней и Михаил Тушин. Здесь и наши командиры — Федор Красный и Пьер Эрвин. И еще мы с Бирутой.

Бирута порадовала сегодня меня — сказала, что у нас будет маленький. Она, оказывается, уже давно знала это, но сказала вот только теперь, когда увидела, что я с самого утра был подавлен предстоящим отлетом Марата. Если честно — я очень боюсь за него. Он кажется мне еще одной нашей жертвой этой красивой и коварнсй планете. Добровольной жертвой.

Видно, к такому трудному дню Бирута и берегла свою новость. Как амортизатор. И была права, конечно,

потому что теперь даже этот грустный день невольно стал для меня праздником.

О сыне я мечтал давно. О маленьком, любопытном мальчишке, который долго будет глядеть на мир моими глазами, которому я помогу открыть этот мир и утвердиться в нем, как помогал мне отец. А потом, когда-нибудь, этот мальчишка останется в мире вместо меня, и я, уже истлевший, проживу вместе с ним вторую жизнь и стану жить вечно — в его детях, в его внуках, в его потомках, как живут во мне далекие предки мои — бородатые уральские мужики, приписанные к Демидовским заводам в Нижнем Тагиле и делавшие на них «горячую работу».

Даже Бируте не говорил я об этих мечтах. Но она знала, конечно, что я хочу сына. Не могла не знать. Она вообще удивительно хорошо знает меня. Может, даже лучше, чем я сам себя знаю.

И сейчас я чувствую к ней какую-то необычную, почти отцовскую нежность. И благодарность — за прошлое и за будущее. И все время нестерпимо хочется укутать чем-то теплым худенькие, зябкие, беззащитные плечи ее.

— ...На твоей волне, Марат, всегда будет включена пленка,— доносится до меня голос Тушина.— Так что передавай в любое время. Ни одно твое слово не упустим.

— Может, крутить для тебя специальную музыкальную программу? — спрашивает Пьер Эрвин.

— Пока хватит этого! — Марат хлопает себя по карману.— Не хватит — сообщу. Вы не думайте — я не собираюсь стесняться.

— Может, все-таки оставить в лесу твой вертолет?— спрашивает Федор Красный. — Мало ли как сложится...

— Зачем? — удивляется Марат. — Чтобы они сразу поняли, что я им не доверяю и приготовил машину для бегства? Все-таки я иду к ним жить, а не посмотреть, как они живут.

— А если тебе понадобится там жениться? — вдруг спрашивает Розита. — Ну, чтобы стать совсем своим...

— Женюсь! — Марат улыбается. — Поздравление пришлешь?

— Ужасно! — Розита брезгливо передергивает пле-

чами. — Они все такие грязные! От них даже в больнице пахнет пóтом!

— А чем пахло от твоих предков? — подает голос Бруно.

— Я все понимаю! — отвечает ему Розита. — Все-все! Но я бы не смогла.

— Пора! — говорит Марат.

Мы по очереди обнимаем его, и он уходит в машину. Один. Машину приведет обратно кибер, по радиолучу. Она вернется, как привязанная на резинке.

Бесшумно начинает работать мотор. Свистит над головой воздух, рассекаемый лопастями. И вот уже вертолет, покачнувшись, отрывается от крыши, приподнимается над нами и медленно разворачивает хвост на северо-восток. А потом, как рванувшаяся за добычей стрекоза, быстро уходит в темноту, на юго-запад, туда, откуда пробираются к нашим поселкам дикие охотники.

Мы медленно разбредаемся по крыше к разным лифтам. Крыша теперь стала просторнее, и лифтов больше. Еще две секции дома-кольца были закончены на днях. Еще двести сорок ребят перебрались в новенькие квартиры с нашего пустеющего корабля. Совсем тихо стало на нем в вечерние часы, когда прекращается разгрузка. Звонкие, пустые коридоры. Редкие каюты, в которых услышишь голоса. Скоро уже и наша с Бирутой очередь. Еще одну секцию сдадут — и мы уедем. А мама уедет раньше. Она и так уже нечасто бывает на корабле. Видимо, вот-вот поселится у Тушина. Я даже не знаю, чего они тянут, если любят друг друга.

Сейчас только мы с Бирутой да еще Эрвин и Красный возвращаемся на космодром. Наши командиры пока тоже живут на корабле. Они уйдут с него последними. Командиры всегда последними покидают свой корабль. Командиры всегда дольше своей команды ждут удобств. Иначе какие же они командиры?

Мы с Бирутой забираемся в биолет, и я уже поднимаю клеммы к вискам, когда к нам подбегает Розита.

— Я с вами, ребята! — возбужденно говорит она. — Можно?

— Что за вопрос?

Я раздвигаю перед нею дверцу.

Розита садится сзади. Биолет срывается с места и выкатывает на прямую дорогу. Впереди, в темноте, уже скрылся биолет наших командиров. На дороге кибер включает фары, дает полную скорость, и мы летим плавно, ровно, почти бесшумно.

Ни Бирута, ни я не оборачиваемся и ни о чем не спрашиваем Розиту. Чего спрашивать? Наверно, поссорилась с Женькой. Переночует в пику ему на корабле. А потом помирятся. Все мы иногда ссоримся с женами. Только у нас с Бирутой давний уговор — при ссоре не уходить, не уезжать. Трудный уговор, потому что при ссоре всегда хочется хлопнуть дверью. Как будто этим что-то докажешь!

Поссорившись, мы молча сидим по углам или занимаемся своим делом, стараясь не замечать друг друга. В маленькой, тесной каюте это нелегко. В просторной квартире будет легче. Но, может, там и ссоры будут дольше?

А у Женьки с Розитой, наверно, нет такого уговора...

Наш биолет несется в темноту, щупая дорогу светом фар. И по краям узенькая полоска ее слегка отдает янтарным блеском в этом свете. Мутное, черно-серое небо без единой звезды давит на нас своими тучами безмолвно и мрачно. И Бирута — вежливая душа! — первая нарушает молчание.

— Все-таки тоскливы эти безлунные ночи! — говорит она. — Все время безлунные ночи! На всю жизнь! А на Земле я всегда так ждала Луну! И, если она была неполная — приставляла к ней мысленно палочку. Получится буква «Р» — значит, месяц молодой, растущий. А если он изогнут буквой «С» — значит, старый, убывающий. Мы не ценили на Земле нашу тихую голубую Луну. А ведь именно она делала ночи прекрасными. Когда-то, в старину, когда она была оранжевой, без атмосферы, — было, наверно, еще красивее. А что радости в этих ритянских ночах?

Бирута умолкает, и я мучительно подыскиваю, что бы тоже этакое сказать — вежливое и успокаивающее?

И вдруг Розита резко произносит:

— Я ушла от Женьки, ребята! И никогда к нему не вернусь! Буду жить на корабле!

— Поми-иритесь! — успокаивающе тянет Бирута. — Все ссорятся, все мирятся...

— Даже вы?

Я поворачиваю голову и вижу, что Розита кривит в усмешке свои яркие губы.

— Даже мы! — грустно подтверждает Бирута.

— А вы всегда казались мне такими голубка́ми! Представить не могу, как вы ссоритесь!

— Ха-ха-ха! — Бирута искренне хохочет. — Мы — голубки́? Ха-ха! Ну, нашла!

— Мы воробьи! — как можно серьезнее говорю я. — Поссоримся — и сразу в драку.

— А ведь у нас не ссора! — тихо, задумчиво произносит Розита. — Я это решила еще тогда... после Лельки... Просто не могла уйти, пока не улетел Марат. Понимаете, почему?

— Чего тут не понять? — откликаюсь я.

Кажется, у них на самом деле всерьез. Даже при ссорах другим не говорят такое...

— Сандро! — Розита трогает меня за плечо. — Ведь ты лучше всех знаешь Женьку! Он мне всегда внушал, что ты его ненавидишь, что ты ему с детства завидуешь!.. А теперь я понимаю тебя! И понимаю, что между вами!

— Теперь-то и я тебя понимаю, — признаюсь я. — А раньше — не понимал.

— Я слепая была! — мрачно произносит Розита. — Все мы когда-то бываем слепыми. А когда прозреваем — это так больно!..

Мы мчимся в темноту, и безмолвная, глухая, безглазая ночь чужой планеты давит на нас со всех сторон.

21. Потомки разберутся

—... Вчера я впервые видел, как ра наблюдают работу наших станов. Представляешь — впервые за все эти годы! — Зигмунд Коростецкий, главный полевод Риты, проводит могучей пятерней по взлохмаченной русой шевелюре, но она от этого не становится менее

лохматой. — Раньше они просто не замечали наших машин. Относились к ним, как к деревьям. Раньше они замечали только коров и нас. Коров — чтобы убить и утащить. Нас — просто чтобы убить. Они хоть не людоеды, эти ра. Мы ведь могли напороться и на людоедов... А вчера я с пульта вижу: стоят на границе поля, метрах в трехстах от нас, и глядят. Просто глядят! Двое даже присели на корточки. Я навел бинокль, рассмотрел их, потом только сообразил сфотографировать. Вот любуйся — восемь душ.

Я разглядываю сильно увеличенный снимок. Шесть охотников стоят среди деревьев. Двое опираются на копья. У остальных — луки. И еще двое сидят впереди на корточках, подняв острые зеленоватые колени. Как будто специально позируют перед камерой. Глаза у них маленькие, глубоко сидящие, и не разберешь, что в этих глазах. Но отрадно уже хотя бы то, что они заметили и разглядывают наши полестаны — или полевые станы, как до сих пор, еще по старинке, называют их в технических документах.

Мы разговариваем с Зигмундом на пульте управления третьего поля. Тут шесть трехкилометровых полос пшеницы, над которыми движутся по рельсам громадные, стометрового размаха полестаны. Эти ажурные фермы из металла и пластмасс и рыхлят землю, и сеют, и поливают, и убирают урожай на своих полосах. Здесь же, на эстакаде перед пультом, киберы прицепляют к фермам то плуги, то бункеры с удобрениями или с зерном, то режущие или молотильные устройства. А сетчатые шланги заложены в самих фермах, и стоит только нажать кнопку на пульте, чтобы над «грядкой» пошел мелкий, моросящий углекислый дождь.

Эти универсальные полестаны придумал очень давно, еще в первой половине двадцатого века гениальный Михаил Правоторов. Конечно, он придумал их не такими, какие они сейчас, но он нашел принцип, идею. И за эту идею до сих пор благодарны ему потомки.

Сам он так и не увидел распространения своих детищ — не дожил. Лишь в конце двадцатого века первые сотни движущихся ферм Правоторова вышли на земные поля. А в двадцать первом веке эти фермы уже обрабатывали все ровные земные пашни. Лишь на покатых

нагорных полях, где тяжелые полестаны работать не могли, сохранились еще комбайны и тракторы. Почти целый миллиард людей, благодаря фермам Правоторова, освободился от необходимости трудиться в сельском хозяйстве. И благодарное человечество поставило Правоторову гигантский, пятидесятиметровый памятник на всемирной сельскохозяйственной выставке в Софии.

Когда-то я читал о нем. Он жил и умер почти в безвестности, как и большинство гениев прошлого. Современники обычно слепы. Они очень редко угадывают, кому из них будет ставить памятники потомство.

Правда, уже в наше время полестанов Правоторова становилось на Земле все меньше и меньше. Земное земледелие постепенно, медленно сползало в океан, где белок можно производить быстрее, дешевле и в больших количествах, чем на суше. Но полестаны уже давным-давно завоевали Марс и Венеру, и вот теперь катаются по Рите и не один век будут здесь кататься. И эти удивленные ра еще со временем научатся управлять мощными фермами, и, может, племя так и не узнает никогда, что такое гнуть в поле спину от зари до зари.

Кроме Зигмунда и меня, на пульте сейчас только один дежурный — Ян Марек, тихий, почти неслышный парень с нашего корабля. Но и ему здесь по существу нечего делать — вчера полестаны закончили сев, и надо следить лишь за тем, чтобы не пересохла сверх нормы почва и чтобы птицы не склевали семена. А через пять дней, когда пробьются первые ростки, Марек поднимет над полем на аэростатах ночные солнца — громадные прожекторы дневного света. И пшеница будет расти раза в полтора быстрее, чем ей положено. И уже через три месяца здесь будут сеять снова. Конечно, без зимы плохо, непривычно. Но без зимы земля дает четыре урожая в год. И только поэтому наши поля очень медленно надвигаются на лес — велика отдача каждого поля. Однако поля все-таки расширяются, и лес потихоньку отступает, как ни больно всем нам. Пока мы еще не можем спустить наше земледелие в океан. Еще не готовы к этому. У нас есть только катера, привезенные с Земли. Ни одного морского корабля еще не было

построено на Рите. И даже верфь не закладывали. И даже порта нет. Его еще только собираются строить. К нему еще только собираются пробивать дорогу. А без кораблей, без плавучих островов и громадных подводных сфер — какое же океанское земледелие? Далеко еще нам до того, чтсбы стать морским народом!

...Третий раз уже я на ферме. А на полях — впервые. В первый раз не успел — помешала обезьяна. Вторую свою командировку сюда почти всю просидел в коровниках — там в стенах было много барахливших киберов. И вот только сейчас вырвался на поля, и Зигмунд Коростецкий — невысокий, широкоплечий, с могучим, борцовским торсом и громадными, загорелыми ручищами, — возит меня с пульта на пульт, и я записываю его претензии к нашей технике — где что барахлит, где киберы вышли из строя, где для новых устройств приготовлены гнезда.

Претензий много. Вряд ли нам сделать все за одну поездку. И даже за две. Какие-то новые киберы мы поставим, в ошибающихся — поксвыряемся, но всего явно не успеть. Нас просто мало. Может, пора уже пополнить нашу бригаду?

Здесь часто вообще барахлят киберы. И быстрее «кончаются», чем на Земле, — повышенная влажность. Нам дали с собой самые универсальные устройства. И теперь эта универсальность подводит. Потому что нужны устройства, приспоссбленные к повышенной влажности. Наверно, наш лагерь, наш «Малахит», нужно было бы устроить не на Урале, а в Прибалтике или в Карелии. На Урале сухо, и поэтому все киберы у нас там были безотказны.

Но ведь теперь не сообщишь об этом на Землю. Мы оторваны от нее навсегда. Для нас навсегда — для нашего поколения. Мы даже не смогли бы сейчас поднять на орбиту наши корабли — если бы и захотели. Для этсго нужно больше года работать. Но мы и не ставим перед собой такую задачу. Нам некуда уходить, мы останемся здесь, и непримиримым ра придется в конце концов примириться с нами. Ни у них, ни у нас нет другого выхода. А воевать вечно — невозможно.

— ...Понимаешь,— говорит Зигмунд уже в биолете, вновь безуспешно пытаясь пригладить пятерней свою

взъерошенную русую шевелюру.— Беда не только в том, что не хватает киберов, что они быстро выходят из строя. Беда еще и в том, что просто нет таких киберов, какие нам нужны. И вы их, кажется, тоже не привезли. Я видел, что устанавливал Грицько в ваш прошлый приезд. Конечно, это получше того, что у нас было. Поновее, поточнее... Все так. Но не идеал! И поэтому мы мечемся с одного пульта на другой, поэтому без конца останавливаются полестаны. Вот особенно на четвертом поле, на картофельном. Куда сейчас едем. Сняли там за год три урожая вместо четырех! — Зигмунд сожалеюще выпячивает вперед толстую нижнюю губу, поджимает крупный, раздвоенный подбородок.— И сейчас там паршиво. Не поручусь, что удастся нынче снять четыре урожая. Все техника, техника! Нужны свои киберы! Сконструированные здесь, на Рите, специально для наших условий. Специализация нужна! Точнейшая, тончайшая! Своя, ритянская! Доходит?

Зигмунд резко поворачивается ко мне. Его круглые голубые глаза из-под широких мохнатых бровей глядят требовательно, жестко.

— С трудом! — Я улыбаюсь.

Вообще-то, на карьере и в Нефти мне говорили то же самое. Везде подводит универсальность киберов. Везде не хватает точной специализации. И из-за этого киберы барахлят, а работа идет намного медленнее.

Впрочем, геологи на Севере говорили еще об одном — о киберах для южных районов. Болит у геологов душа за эти районы. Там скрыто под землей немало богатств. Тех, которые нам нужны сейчас, позарез. И если бы знать точно — где что,— можно было бы укрыться от стрел ра под сферой и как-то добывать богатства. Работали же наши предки под сферами в Антарктиде, на Луне, на Венере! Почему мы не можем?

Но как разведать эти богатства, если геологов упорно не пускают в южные районы?

Видимо, только киберы могут сделать это. И опять же специальные. Киберы, которых еще нигде нет.

О таких киберах мечтает Грицько, на которого очень сильно подействовали разговоры северных геологов. В свободные часы он чертит какие-то схемы, кромсает бумагу и ничего не показывает нам.

Я убежден, что вся эта его работа — впустую. Он кустарничает. А с киберами кустарничать нельзя. Даже самого примитивного нового кибера не рассчитать без хорошей вычислительной машины. А у нас, у монтажников, нет ее.

Но, если Грицько нравится,— пусть чертит. Его дело.

А я могу только ждать, пока создадут киберлабораторию. Могу предложить, чтобы ее создали побыстрее. Но не стану кустарничать — неинтересно.

В конце концов, все равно создавать лабораторию придется! И не только лабораторию, но и цех, и завод. Все это понимают. И Тушин говорил об этом в тот вечер, когда мы бродили из конца в конец по крыше Города. Но вот что создавать в первую очередь? За что браться вначале, когда всего и всюду не хватает? Тут трудно решать, немногое зная. А я как раз знаю немногое. Заводской район для меня — все еще terra incognita *. Я был там лишь на экскурсии. И поэтому мне рискованно судить об общем положении — что надо вначале, что потом. Для таких решений есть Совет, у которого на руках все карты. И все-таки я уверен, что лаборатория по киберам уже нужна, что отсутствие ее сейчас становится заметным тормозом.

И вдруг еще одна мысль приходит мне в голову — по существу старая мысль, только более точная: а что, если сделать кибера-ра? Что, если сделать робота, который имел бы внешность туземца и знал бы их язык, но подчинялся бы только командам на нашем языке? Пожалуй, такой кибер стал бы очень неплохим помощником Марату в его трудном деле.

Да и без Марата он был бы полезен.

Технически здесь нет ничего невозможного. Просто на Рите еще не делали человекоподобных киберов. А на Земле таких машин немало. Когда-то даже было очень много. В конце двадцать первого — начале двадцать второго века этими роботами, имеющими внешность человека, были забиты многие города. Тогда еще не было биолетов, и за рулем общественных электромашин часто сидели роботы. Они убирали улицы и подавали еду в ресторанах. Они работали на почтах и в рудниках.

---

* Неизвестная земля (латынь).

Я читал, что людям было не очень приятно, когда их обслуживали эти безукоризненно одетые и предельно вежливые машины. Что-то мешало. Что-то чисто психологическое. И это что-то заставляло мозг людей работать, и киберы постепенно стали превращаться просто в придатки различных машин. В механизмы, скрытые от глаз и потому не действующие на психику. Как в биолете.

И Россия, которая не спешила с созданием роботов-людей, а сразу ориентировалась на встроенные кибермеханизмы, снова оказалась в этом отношении впереди всего человечества, как случилось это и в далеком двадцатом веке, когда Россия, после второй мировой войны, не увлеклась строительством военных самолетов, а сразу ориентировалась на ракеты. Именно это позволило тогда России и сохранить себя во враждебном мире, и первой выйти в космос.

В двадцать втором веке сложилась подобная же ситуация с киберами. И многие районы Земли, которые гордились обилием человекоподобных роботов и не понимали Россию, где этих механизмов было сравнительно немного, вдруг с удивлением обнаружили, что российская киберавтоматика не только более гуманна к людям и лучше сохраняет их нервы, но еще и более производительна. И торопливо, поспешно, как бы гонясь за модой, другие районы Земли стали перенимать российский опыт.

Когда я жил на Земле, роботы-люди еще были администраторами в некоторых отелях, гондольерами в Венеции, манекенами в Домах моды, гидами на выставках. Но ни в промышленности, ни в геологии, ни в строительстве роботов-людей уже не было. Трудились тут обычные, подвижные и легкие киберы, которые имели внешность не людей, а машин, и потому не давили на психику. Эти киберы просто устроены, их легко и изготовлять, и ремонтировать, и перестраивать на новую программу.

На Риту мы не взяли с собой ни одного человекоподобного робота. Они считались устаревшими, чрезмерно сложными, почти бесполезными механизмами. Зачем тащить с собой такие машины через бездны пространства? Но, может, здесь, на Рите, эти машины все-таки еще

нужны? Хотя бы для опыта. Сделать бы такого кибера! Да еще, может, не одного, а троих или пятерых. Под командой Марата они могли бы стать серьезной силой. Мало ли чему могли бы обучить диких охотников хорошо запрограммированные роботы, как две капли воды похожие на туземцев?

Конечно, это трудно.— никто никогда не делал такие машины. Но у нас тысячи книг. И еще сотни тысяч — в микрофильмах. Можно отыскать нужные — и научиться.

Была бы только лаборатория!

...Биолет мчится по узкой лесной дороге, среди широколистых густозеленых деревьев, стенами поднимающихся по бокам, и Зигмунд продолжает говорить о том, какие ему нужны киберы.

Ему нет дела до того, где их изготовить. Наша бригада занимается киберами, и Зигмунду важен результат нашей работы. И он прав, потому что от него самого тоже требуют результат. Но у него хоть есть лаборатория — громадная, на десятки гектаров раскинувшаяся лаборатория, в которой он может искать, экспериментировать и которую упорно расширяет по мере того, как прибывают к нему новые полестаны. А у нас, кибертехников,— только трюмы «Риты-3» да очень приблизительный список того, что будет со временем извлечено из этих трюмов. Нам негде экспериментировать. И не с чем. Нам подают готовые механизмы, готовые запасные блоки — и наше дело установить их, заставить их работать. И как можно скорее.

— ...У нас недостаток киберов, — произносит Зигмунд и усмехается, приподнимая концы полных губ.— А у Марты — наоборот, избыток. Просила передать тебе, что ее санитара можно перепрограммировать. К нам его, на полестан. Орудия навешивать. Как раз на двенадцатом поле устанавливаем новую ферму. Киберы там нужны. Так что выкроится часок — займись...

Это просто ужасно — какая я свинья! Уже три часа мотаюсь с Зигмундом по полям и до сих пор не вспомнил и не спросил о Марте! О той самой Марте Коростецкой, которая делала мне операцию, которая, может, спасла мне жизнь, потому что после нападения обезьяны я вполне мог испустить дух, пока прилетит Мария Челидзе из Города.

— Как вообще-то Марта? — виновато спрашиваю я и чувствую, что уши мои пылают.— Здорова она?

— Вполне. А с чего это ты вдруг?

— Да ни с чего. Просто подумал, что я свинья — не спросил о Марте сразу.

— А-а!..— Зигмунд облегченно вздыхает. Он, кажется, совсем не обижен моим невниманием к его жене.— Да что ей сделается? У нас вообще никто не болеет. Целые дни все на воздухе, здоровы. Разве что какие-нибудь царапины... А тут еще второй фельдшер у нас появился — жена Марека. И Ра все время торчит у них в больничке. С тех пор, как выходила тебя,— почувствовала неодолимую тягу к медицине. Когда тебя увезли, пришла к Марте и вполне серьезно попросила, чтобы ее тоже научили делать мертвых людей живыми. Марта стала ее кое-чему учить. А сейчас они вдвоем учат — с Жанной Марек. Ра уже стала отличной санитаркой. Учат на медсестру. Поэтому-то Марта и решила отдарить мне своего киберсанитара. Все равно он последнее время у них выключен. И не собираются включать.— Зигмунд качнулся на резком повороте лесной дороги и слегка придавил меня своим мощным плечом. Потом выровнялся и задумчиво добавил: — Вообще, эти ра — толковый народ. Вот посмотри — охотники. Вначале боялись роботов больше, чем нас. А потом быстренько сообразили, что робот не сделает человеку зла и поэтому безопасен для них. Теперь они на киберпастухов внимания не обращают. Будто их нет. И, понимаешь, глядя на Ра, я начинаю думать, что они вовсе не так уж злы. Ра — добрая. И это не мимикрия по обстановке. Это характер. Столько лет рядом — можно разобраться. И, как ребенок, всем нам хочет помочь. Если бы удалось как-то поладить с этим племенем — они стали бы неплохими помощниками. Для начала, конечно. Потом пошли бы сами. Письменность там, книги...

— Лингвисты уже разработали им алфавит,— делюсь я с Зигмундом свежей новостью.— Пытались втолковать его тем парням, которые у нас. Пока не доходит. Они, кажется, скорее научатся читать по-нашему, чем по-своему.

— Хм! — Зигмунд усмехается.— А не все равно — что раньше? Важно, чтоб усваивали знания. На любом

языке. А потом все равно придут и к своей письменности, и к своей литературе... От вашего Марата еще какие-нибудь вести есть?

Я отрицательно мотаю головой.

— Кроме того, что известно всем,— нету.

— Грустно.

Зигмунд мрачнеет и умолкает. Биолет проносится по дороге вдоль пятого поля, мимо пульта, громадными изогнутыми стеклами отражающего солнце, и снова ныряет в густой, стоящий как стена, лес.

От Марата было пока только одно сообщение. На другой же день после его отлета, к вечеру, на пленке появилась короткая запись, которую затем передали по радио для всех. «За меня не волнуйтесь,— сообщал Марат.— Они меня слушают. С ними, кажется, можно разговаривать».

И с тех пор — ни слова. Вот уже пять дней. Ни передач, ни сигнала тревоги — ничего. И только вот эти вчерашние охотники, которые впервые мирно смотрели на действующие полестаны. Может, Марат убедил их смотреть, а не стрелять?

— А ведь знаешь,— как бы догадавшись о моих мыслях, произносит Зигмунд,— они у нас тут, на ферме, уже давно не стреляют в людей. Я вот только сейчас все это сопоставил. Кажется, с тех пор, как у нас убили Чанду — ни одной стрелы. Может, они наблюдают за Ра? Видят, что она здорова, свободна. Может, считают нас каким-то особым племенем? Когда мы это узнаем?

— По-хорошему, мы бы это давно должны знать! — замечаю я.— Мы вообще слишком нелюбопытны к ним. Наверняка они о нас знают больше, чем мы о них.

— Но они не понимают того, что знают.

— А мы не знаем того, что вполне могли бы понять. А ради них летели.

— Считаешь, за них нужно было браться раньше?

— Видимо.

— Кто же знал, что они будут убивать?

— Ну, хотя бы когда начали.

— Ты этого не знаешь...— Зигмунд задумчиво качает головой.— А я помню. Вначале всем казалось, что это случайность. Никто не мог предположить, что это — политика племени. Тебе легко судить — ты знаешь все.

А мы вначале не знали, как развернутся события. Боялись — не сделать бы хуже. Ведь человек Земли отвык воевать. И соответственно изменилось мышление. Пока к нам попала Ра, пока привыкла и поняла наш язык! Пока стала женой Арстана! Ведь только после этого она рассказала легенду племени. А до этого молчала... Это же все — время. И немалое.

— Но ведь даже после этого, Зигмунд, ничего не изменилось! Вот что удивительно. У Ра уже дети растут, а мы все так же пассивны. Марат — первое исключение.

— Ты не совсем прав, Сандро. Изучали язык, потом летали над стоянкой, обращались по радио. Что-то делали, ждали результатов. А Марат... Конечно, он герой. Но ведь и ему нужно было подготовить почву. Хотя бы тот же язык. Ведь Марат получил это готовеньким. И его путь возник после того, как были испробованы другие пути. А если бы Марат начинал — он бы тоже наверняка начал с радио. Легко быть умным, когда знаешь ошибки предшественников... Конечно, это риск, страшный, смертельный... Но ведь и у Марата чуть было не появился предшественник. Хотя и не такой отчаянный. Еще почти три года назад. Ты Теодора Вебера знаешь?

— Знаю. Он знакомил нас с Городом. И с Заводским районом.

— Вот он...— Коростецкий вздыхает.— Когда у него погибла жена, он хотел уйти на Восточный материк. К лерам. Слыхал о племени леров?

— Слыхал.

— А видел этих женщин? На Севере.

— Приходилось.

— Вот речь шла об этом племени. Вебер не хотел идти к ра. Потому что убийца его жены скрылся. И, естественно, Вебер в каждом охотнике видел убийцу. Просился к лерам. А его не пустили. Совет не пустил. Видимо, еще не понимали, что это необходимо, неизбежно. Надеялись — обойдется без этого. Пришло время — поняли, что не обойтись. И кто-то пробился первым. Так бывает всегда. И потом тут ведь такая штука: пойти к ра или к лерам — это не то же самое, что полететь на Риту. В этом отношении жены крепко связали нас. Но без жен вообще немногие полетели бы. И немного было

бы от этого проку. Нужен род, нужно потомство, чтобы изменить целую планету. Человек прочно, намертво стоит только там, где растут его дети...

Биолет наш снова выскакивает из леса и останавливается возле пульта управления четвертого поля. Медленно, почти незаметно для глаза движется по одной из его полос стометровый полестан. Сотни длинных тонких щупалец свешиваются с его фермы, и их набухшие концы с фотоэлементами крутятся среди лиловых цветков картофеля. У этих фотоэлементов четкий ориентир — лиловый цвет. Концы щупалец тянутся к цветкам, и мгновенная искра перебивает их стебель. Завтра-послезавтра эти перебитые стебельки упадут. Но уже сегодня они перестанут отнимать соки у клубней, и картофель начнет расти быстрее.

Пройдет полестан свою «грядку» до конца, и киберы переставят планки со щупальцами на соседнюю ферму. Идет обрезка цветов. И всю ее, на всем огромном поле, ведет, не выходя с пульта, один полевод. А когда-то, во времена гениального Правоторова, это делали на полях тысячи, сотни тысяч, миллионы людей.

Странно сейчас представлять себе это. Людей на Земле тогда было мало. В десятки раз меньше, чем сейчас в Солнечной системе. Громадные районы — Якутия, Тибет, Северная Канада, Австралия — были почти не заселены. Люди много и трудно работали, а результаты труда каждого были ничтожно малы. И эти трудно живущие чудаки еще беспокоились о нас, своих потомках, думали, говорили и писали о том, как станет жить человечество в будущем, на перенаселенной Земле — не угрожает ли ему голод? Хватит ли ему места? И где-то среди них такой же трудной и беспокойной жизнью жил гениальный человек, заложивший прочные основы будущего изобилия.

Мы меньше думаем о будущем, чем наши предки. То ли более спокойны за него, то ли настоящее у нас лучше. Но наверняка и среди нас ходит какой-то человек, мозг которого обеспечит великие достижения в будущем. Мы не знаем его. И нам никогда не угадать, кому из нас поставят памятник потомки. А сами мы не спешим ставить себе памятники — ни из гранита, ни из своих имен на географической карте планеты.

Правы уж мы тут или не правы — потомки разберутся. Надо доверять своим потомкам.

...Мы поднимаемся с Зигмундом на пульт, и я снова начинаю записывать претензии полеводов по киберустройствам.

22. Репортаж из племени ра

Эту пленку передавали по радио еще вчера вечером. Но вчера я не слыхал. Мы сортировали выгруженных из корабля киберов и провозились допоздна.

Бирута вернулась из Города тоже поздно — усталая, расстроенная. Она объясняла на уроке теорию органического происхождения нефти, и Андрей Челидзе, сынишка Вано, вдруг расплакался — не выдержал. Маленький еще! Слово «нефть» для него теперь навсегда связано с гибелью отца.

А после этого тяжелого урока Розита еще утащила Бируту в радиостудию — записывать на пленку ее фантастический рассказ. Тот самый, который был создан в полете. Ведь это первая фантастика на Рите! И сейчас, когда готовится очередной радиоальманах, Бирута будет представлять новый жанр.

Она была огорчена слезами Андрюши Челидзе, и думала о нем и о погибшем Вано, и потому сбивалась, путалась, когда читала свой рассказ. Ее записали только с третьего чтения. И сама она измучилась, и других измучала. И поэтому приехала на корабль так поздно и такая усталая.

Лишь перед сном она вспомнила о сегодняшней вечерней передаче и спросила меня:

— Да, ты слышал сегодня Марата?

— Нет.

— У тебя удивительная способность последним узнавать новости! В журналисты ты явно не годишься. Ну, ничего! Завтра утром передадут снова.

— Что хоть он говорил?

— Если я расскажу — ты не станешь слушать. А послушать надо. Завтра в восемь. Потерпи, милый!

Она поцеловала меня в лоб, как старшая, и тихонько вздохнула. Она вообще последние дни обращалась со мной, как старшая, словно тот, маленький, еще не родившийся, давал ей на это право.

И вот утром я слышу по радио знакомый, и в то же время незнакомый, измененный записью, голос Марата:

— Дорогие друзья! Начну с того, чем надо было бы кончить. Но это сейчас главное. Сбросьте племени с вертолета еще пластмассовой посуды. Поскорее. Лучше — завтра. В основном — миски, чашки, ведра. И как можно больше. Я обещал им, что попрошу вас об этом и что только об этом и буду с вами говорить. Поэтому передача будет сравнительно короткой —не сетуйте. Мне пока не доверяют, и один я почти не остаюсь.

Отношение к нам резко враждебное. Сила легенды страшно велика. Когда я сказал, что мы — не те, кто в древности уничтожил племя,— мне не поверили, как не верят и нашим радиопередачам. Старики сказали: «Если даже и не вы — то ваши братья. А это все равно, что вы». Слишком уж похоже описание внешности. Ведь легенда жила веками — этого не вытравишь.

Старейшие решили сохранить мне жизнь только после того, как я сказал, что поссорился со своим племенем и пришел к ним насовсем. Они, оказывается, всегда охотно принимали беглецов из других племен. Это давняя традиция, порожденная, видимо, малочисленностью ра и стремлением выжить во что бы то ни стало. Но они предупредили меня, что чужак, вновь покинувший их племя, по существу приговорен к смерти. Ра все равно выследят и убьют его, ибо такой человек опасней для них, чем целая толпа врагов. Он слишком много знает. А враг не должен знать о тебе много — это одна из основных заповедей племени.

Сегодня я осторожно сказал, что в моем племени осталось несколько родичей (им это понятнее, чем друзья), которые сочувствовали мне и с которыми я не ссорился.

Старейшие немедленно решили извлечь из этого пользу — не могут ли родичи сбросить с неба немного посуды? Племя готово направить к ним своих гонцов с подарками.

Кажется, я совершил ошибку — сказал, что гонцы не нужны, что я свяжусь с родичами по воздуху. Мне не поверили — усмешки были очень красноречивы. Да и гонцы были бы полезны нам — это ведь дополнительные контакты. Но все это я сообразил потом — слишком я не дипломат. Однако отступать уже нельзя, и сейчас племя знает, что я разговариваю с родичами по воздуху. Наверняка не верят в это, но хоть делают вид, что верят,— и то ладно.

Наши миски и чашки здесь очень понравились. Назначение их было понято сразу же и точно — с первого объяснения. Но к мешкам с посудой ра не притрагивались до тех пор, пока я не раскрыл их и не сказал, что я же их и сбросил — как подарок племени перед своим бегством к нему.

«Посудой» для воды здесь служат мешки из шкур. Гончарного производства ра не знают. И я боюсь браться за создание гончарного стола — сам в этом не силен. Да и нужно ли? Пусть сразу привыкают к пластмассе.

Взяли они с меня слово, что я женюсь, как только познакомлюсь с девушками племени и выберу ту, которая мне по нраву.

Старики рассудили здраво: если пришел насовсем — как же не жениться на местной девушке?

Впрочем, если быть точным, речь шла не о девушке, а о девушках. Мне не были обозначены жесткие количественные рамки. Как понял я позже, это означало, что с первого же серьезного разговора старейшины предоставили мне гражданские права, равные с правами всех остальных мужчин — ра.

По-моему, интересуют старейшин тут не столько мои удобства, сколько потомство. Забота о численном росте, как вы, наверно, уже догадались,— главная забота племени.

Видимо, в связи с этим предстоящим выбором любопытство женского пола по отношению ко мне — совершенно откровенное. Разглядывают, как жирафу в зоопарке. Мужчины, как и везде, менее любопытны.

В то же время старики сочли здравой и мою мысль о том, что у нашего племени можно кое-чему поучиться. Они всегда учились у своих врагов, и это часто выручало племя во время бедствий. Не прочь учиться и у нас.

Просто ничего не понимают. И будут рады, если я им что-то объясню. Особенно их интересует ферма. В частности — коровы, которых они называют ленивыми оленями. Почему эти животные слушаются нас? Знаем ли мы язык этих животных? Почему мы их не убиваем? Зачем ставим невидимые стены там, где они пасутся? Могу ли я научить охотников проходить через эти стены и приносить племени побольше мяса?

Подумайте над этим, друзья. Чтобы стать своим, я должен помочь ра в охоте на коров. И, может, не раз. Было бы хорошо как-то это устроить. Начиная с завтрашнего дня, каждую полночь буду включать наушник и ждать решения Совета. Специально «по коровам». Это кажется мне очень важным. Знаю, что трудно. Но, поверьте,— нужно. Хотя бы немного. Охота ведь может быть и не чрезмерно удачной.

Пытался я тут провернуть мысль о том, что легче увести и самим выкормить теленка, чем убить и принести взрослую корову. Но меня, как говорится, не поняли. Видно, рано — у племени еще даже собак нет. История не способствовала. Придется, наверно, как-то осуществлять этот опыт на свой страх и риск. Дадут ли только? Не прирежут ли моего питомца раньше времени?

Несколько слов о структуре. Как мы уже знаем от наших невольных пациентов, во главе племени стоит Нут — сильнейший, но далеко не старый охотник. Его называют героем, хотя я еще не уяснил, за что. Видимо, это связано с какими-то событиями на Восточном континенте. Во всяком случае, когда племя переплывало через море, Нут уже был вождем. Он весь в шрамах, очень суров и немногословен. Отлично умеет слушать других и не спешит делать выводы.

При вожде — совет стариков, без которого в нормальной обстановке не решается ничто важное. Нут командует единолично лишь на охоте, в бою и во время бедствий. Как видите, все довольно демократично.

Есть два лекаря. Они же шаманы, певцы, поэты и члены совета стариков, хотя сами не старше Нута. Зовут этих единственных местных интеллигентов Рун и Лан. В отсутствие Нута они вдвоем руководят племенем. Так что интеллигенция здесь в почете.

Вождь гезов Родо́ — тоже член совета стариков у ра.

И весьма активный член. А Нут — член совета стариков у гезов. До селения гезов — часа три ходу. Общение — постоянное. Взаимная информация — полная. Мне еще у гезов быть не довелось. Я вообще не спешу и все делаю медленно — лучший способ успокоить подозрительность. Но гезы уже прибегали на меня смотреть. Они чуть выше, стройнее и вообще благообразнее ра. Среди девушек-гезов есть, даже по нашим понятиям, довольно симпатичные.

Численность ра, по-моему, около тысячи. Точно не знаю — считать неудобно. Гезов, по словам ра,— намного меньше.

Кстати, о счете. Тут у наших лингвистов еще нет полной ясности, и я сообщаю то, что узнал. Считают ра пятерками — по числу пальцев на руке. Пять — «рука». Далее — две «руки», три «руки»... Пять «рук» — много. Пять «много» — очень много. Дальше счет теряется.

Колеса они не знают. С лодками знакомы — от гезов. Но предпочитают не пользоваться. Считают лодки ненадежными. Особенно после путешествия через море, когда некоторые лодки переворачивались. Что за яд на стрелах — пока не знаю. Мне сказали, что это секрет племени. Хотя пообещали дать отравленные стрелы, если я пойду охотиться на коров.

Музыку ра понимают и чувствуют. Готовы слушать магнитофон сколько угодно. Называют его великим чудом, а голос Розиты — голосом богини. Слышишь, Розита? Я ведь тебе тоже когда-то говорил нечто подобное... Выключая магнитофон, я объясняю, что он «устал». Иначе могут обидеться.

Вообще, ра обидчивы необычайно. Но быстро отходят и мгновенно забывают обиду, если убеждаются, что не было злого умысла.

Вот такие дела, друзья мои. Кончаю. Я и так превысил все нормы для простой деловой просьбы. Когда сбросите посуду, у меня будет повод долго благодарить вас.

Никаких комментариев к этой пленке не было. Лишь в виде короткой справки диктор сообщил, что посуда для племени ра спущена с вертолета сегодня на рассвете, а

на ферме в ближайшие дни будет выделена специальная, слабоохраняемая группа бычков, которую Амиров всегда сможет отыскать по радиопеленгу.

23. «Почему ты так заботишься обо мне!»

Лес, лес, густой зеленый лес тянется по обеим сторонам прямой, как натянутая струна, дороги. Сплошной лес, лишь изредка разрываемый небольшими полянами да узкими, извилистыми долинами мелких речек. Удивительно однообразен пейзаж нашего материка! Вначале это обилие зелени восхищало меня. Теперь, кажется, оно начинает приедаться.

За всю почти стокилометровую дорогу — лишь одна древняя узкая гряда полуразрушенных, выветрившихся красноватых скал, причудливых и непонятных, как старинные скульптуры «поп-артистов» двадцатого века. Эти скалы не больше минуты видны через стекло биолета, затем они исчезают за стеной леса, и даже не верится, что видел их — так неожиданно они возникли и так мгновенно скрылись.

— Как называются эти скалы, Сандро? — звонко спрашивает меня Андрюша Челидзе, худенький и темноглазый сын Вано, сидящий в биолете рядом.

— У них пока нет названия,— отвечаю я.— Вот вырастешь — назовешь. А вообще, Андрюша, я их сам в первый раз вижу.

— А я думал, вы все знаете...— говорит он разочарованно.— Папа все знал...

Наши биолеты идут дальше — длинная цепь биолетов, растянувшаяся до самого горизонта, за которым скрывается дорога. Наш — один из последних. Где-то там, далеко-далеко впереди,— Бирута с девочками. Где-то в середине — Аня Бахрам со своими учениками. И где-то уже недалеко от меня — Али, тоже с учениками Ани, как я — с учениками Бируты.

Мы мчимся по дороге в зону отдыха — по новой,

только что законченной дороге, с которой лишь пять дней назад ушли лесодорожные машины.

Почти все полотно шоссе — еще свежее, прозрачно-янтарное, играющее красками листвы и стволов, навсегда погребенных в его глубине. Пока что эта дорога — как новенький коричневый ковер с затейливым, неповторяющимся орнаментом. Пройдет время — и она станет серой от дождя и ветра, потемнеет от колес грузовиков, потеряет свою праздничную нарядность. Станет обычной дорогой, и мы привыкнем к ней и перестанем ее замечать, как не замечаем других дорог.

Но сейчас мчаться над ней в биолетах — праздник, и особенно для детей, которые впервые в жизни едут к морю. Если взрослые и раньше летали в далекую зону отдыха на вертолетах, то детей туда не брали — опасались отравленных стрел ра. А сейчас они там уже не страшны — на горах, вокруг всей долины, созданы три мощные линии электромагнитной защиты, через которые не пробраться даже самым ловким охотникам. И поэтому теперь туда можно привезти детей.

Правда, везти их приходится осторожно — в каждой машине по взрослому. Киберустройства биолетов еще не изучили этой дороги. В общем-то, пока она проста — почти нет поворотов. Но впереди еще горы, и поэтому лучше, чтобы вначале работу киберов страховали руки взрослого человека. Позже, когда дорога станет для машин совсем знакомой и когда дети подрастут, они и сами смогут вести биолет. А пока — рано.

Кажется, самыми надежными киберами оказались на Рите киберы биолетов. Никаких поломок, никаких ненормальностей! Устройства, десятилетиями отработанные на Земле, ставшие там по существу классическими, не подвели и здесь. И когда откроется у нас эта уже обещанная киберлаборатория, устройствами биолетов нам заниматься не придется. Впрочем, недостаток работы лаборатории явно не угрожает.

Когда после третьей поездки на ферму я написал докладную в Совет — о необходимости киберлаборатории, никто в Совете не удивился. Федор Красный, командир нашего корабля, председательствовавший в тот месяц, прочитав отпечатанный на диктографе текст, вызвал меня по радиофону, спросил:

— Как ты думаешь, Александр, сколько у нас таких докладных?

— Понятия не имею.

— Восемь, дорогой. Все — о киберлаборатории. Правда, от кибернетиков — всего вторая. Остальные — от геологов, строителей, агрономов.

— А кто из кибернетиков написал первую? — поинтересовался я и подумал: «Неужели Женька и тут успел?»

— Челидзе,— ответил Федор.— Еще до нашего прилета... Если бы задержка была только за докладными, дорогой мой!..

— Знал бы я, что их столько,— не писал бы.

— Да хуже не будет — ты не огорчайся. Вот через пять дней на председательский стул сядет Тушин, и у него запланировано обсуждение всех кибер-дел. Потерпишь? Я передам твою докладную ему.

— Потерплю. Трудно, но можно.

В нашем Совете на Рите, как и во всех советах на Земле, нет постоянного председателя. Председательствуют все по очереди, по месяцу или по два. Когда-то, еще в начале двадцать второго века, на всей Земле ввели такой порядок, чтобы в одних руках не сосредоточивалось слишком много власти, чтобы ни один человек не мог поставить себя над другими, не мог считать себя вершителем судеб других людей.

Еще в двадцатом веке социализм уничтожил эксплуатацию человека человеком. А в двадцать втором веке полный, развитой, уже всемирный коммунизм уничтожил еще и власть одного человека над другим. Уничтожил ее навсегда и бесповоротно.

Конечно, в течение своего срока каждый член нашего Совета руководит по-своему и не все решает на Совете — нельзя же без конца заседать. Но и резких переходов нет — велика инерция большого, налаженного хозяйства. Она не терпит резких переходов. Да и невозможны они, потому что принципиальное решается всем Советом, а единоличная власть председателя не идет дальше повседневных мелочей.

Но все же у каждого члена Совета есть свой стиль, и свой круг интересов, и своя «узкая специализация». Мария Челидзе, например, активнее всего занимается школой, бытом, культурой. А всем, что касается кибер-

нетики, гораздо сильнее и глубже, чем другие, интересуется Тушин.

Поэтому я и не удивился тому, что сказал Федор Красный. Это было в порядке вещей. Я просто ждал.

И вот вчера Тушин разыскал меня по радиофону и попросил приехать в Совет.

Кабинет председателя был обычной по величине комнатой — просторной, светлой, строгой, в которой не было ничего лишнего. Две стены ее занимали полки со справочниками и ящичками для микрофильмов. В середине этих полок, на уровне груди, белели большие экраны видеофонов. Третья стена была пультом управления, общей связи материка и связи со справочным электронным залом, откуда за две-три минуты можно было получить любую справку по планете. Вдоль полок зубчатой линией стояли низкие столики и кресла для членов Совета.

За одним из таких столиков мы и беседовали на этот раз с Тушиным.

— Ты понимаешь, конечно, о чем разговор? — спросил он.

— Догадываюсь.

— Мы тут обсуждали. И твою докладную, и остальные. Решили, что дальше без лаборатории действительно нельзя. Будем создавать. Видимо, первое же законченное здание в Заводском районе отдадим кибернетикам. Ты рад?

— Конечно! Может, для скорости выдуть это здание из капропласта?

— Вы же не усидите в нем! Сбежите от духоты! Все эти пузыри давно стали складами. Да и готовить такую операцию — не намного быстрее, чем закончить то, что уже начато в пластобетоне. Сколько терпели — потерпите лишних десять дней. Зато сразу сядете прочно. Видимо, завтра, Алик, о решении Совета объявят по радио. И назовут твое имя.

— Мое?!

— Да. Совет решил, что руководить лабораторией должен ты. И от имени Совета хочу тебя попросить: подумай, кого туда стоит взять. Для начала мы много людей не дадим. Пять человек. С тобой вместе.

«Сейчас он скажет, что надо взять Женьку! — поче-

му-то подумал я, и кровь бросилась мне в лицо.— Как же, юный гений-кибернетик! Знаменитый изобретатель! Разве может обойтись без него творческий коллектив? Нет уж! Хватит с меня Женьки!»

— А почему решили именно меня? — спросил я Тушина.— Мне хорошо и в бригаде. И не хочется из нее уходить.

Глаза Тушина даже округлились от удивления. Большие, серые, недоумевающие, они смотрели на меня неподвижно и напряженно.

Он молчал, и я понял, что он ждет объяснений.

— Я с удовольствием помогу, конечно,— забормотал я и покраснел еще больше.— Но руководить...

«Тогда руководство могут предложить Женьке,— тут же мелькнуло у меня.— И мне противно будет даже помогать».

Я замолчал, поняв, что совсем запутаюсь сейчас, если буду говорить. Никогда не умел лгать с невозмутимым видом. Никогда у меня это не получалось. С первых же слов лжи всегда спотыкался и путался.

— А если напрямик? — резко спросил Тушин,— Если по-честному?

Я молчал, опустив глаза в пол. Не мог говорить напрямик и по-честному: никаких увесистых фактов нет для такого разговора. Всё нюансы. Да к тому же старые. Школьных лет.

— Между прочим, Верхов на Совете говорил, что ты чересчур скромен,— раздумчиво и уже спокойно произнес Тушин, явно объясняя себе мое поведение.— Когда он предлагал тебя — он предупреждал об этом... Да и мама как-то сказала, что ты — из тех, кто всегда входит в дверь последним...

— Верхов предлагал? — Я удивленно откинулся на спинку кресла.

— А что ты удивляешься? Он такую речь о тебе произнес! Не речь — хвалебная ода!

Чего угодно я мог ожидать от Женьки. Этого — не ждал.

...Мы летим над прямой, уходящей за горизонт дорогой, и если смотреть вперед, то деревья по бокам шоссе сливаются в одну сплошную зеленую стену — так густо они стоят. Дорога медленно поднимается в гору, и

линия горизонта приближается, и одна за другой исчезают за этой линией яркие, разноцветные букашки биолетов. Где-то там, далеко, уже, наверно, в горах — Бирута. И в каком-то из этих биолетов — Женька. Он тоже попал в третий поток отдыхающих — не успел, видно, в первые два, которые уже вернулись из зоны отдыха в Город. Утром, перед отправкой, я мельком видел Женьку на площадке для биолетов. Он был занят и не заметил меня. А там, у моря, мы еще наверняка столкнемся с ним. Как это получится сегодня? Как обычно?

— Сандро,— спрашивает меня Андрюша Челидзе,— а где машины, которые строили эту дорогу? Я еще ни разу не видел лесодорожных машин. Думал — здесь увижу.

— Ушли, Андрейка,— отвечаю я.— Ушли строить другую дорогу.

— Где?

— На запад от Заводского района. Они будут пробивать оттуда дорогу к морю.

— Но ведь эта дорога — тоже к морю!

— Здесь мы будем отдыхать, Андрейка. Лагерь тут для вас построим. Будете жить на каникулах. А там будет порт. Там будет верфь. Там будут работать.

— Верфь — это где строят корабли?

— Да.

— А я видел корабли только в стерео. Ни одного настоящего не видел. И никто у нас в школе не видел.

— Еще увидите. Может, сами будете их строить.

— А почему верфь — там, а не здесь? Ведь здесь — тоже море.

— Верфь должна быть у залива, Андрейка. Там большой залив. А здесь — маленькая бухточка. Кораблям в ней было бы тесновато. И потом — там, где верфь и порт,— море грязное. А купаться надо в чистом. Согласен?

— Согласен! Скорей бы только — купаться!..

Дорога поднимается все круче и круче вверх, и мне уже кажется, что там, за перевалом, откроется окруженная горами с севера и с запада прибрежная долина, которую называем мы зоной отдыха. Наш курорт, наш Южный берег Крыма, где даже в пасмурную погоду

жарко и безветренно. А если еще южное течение отбивает от долины холодные струи северного, то там и вовсе знойный русский июль.

К сожалению, он не част там, наш июль. Лишь на восемь — десять дней за два месяца южное течение усиливается настолько, что отворачивает в сторону северное. Все остальное время вода возле нашего Крыма холодновата. Если ее не подогреть в бухте тепловыми лучами — не всякий решится нырнуть в нее. А кто и нырнет — вылезет, щелкая зубами. Да и эти теплые восемь — десять дней — переменчивы. Они могут сократиться до трех, даже — пяти, и до сих пор мы не знаем причин этого, и до сих некогда и не на чем заняться этим теплым южным течением всерьез. Не на катерах же его исследовать! Вот когда будут верфь, порт, флот,— может, и удастся раскусить эту капризную струю и сделать ее более постоянной.

Впрочем, наши гидрологи не дают на этот счет никаких обещаний. Не потому, что не уверены в своих силах, а потому, что насторожил их рассказ одного из наших пациентов-ра. Он припомнил, что, когда племя его жило на краю Восточного материка, там иногда случались очень холодные, дождливые периоды, длившиеся как раз восемь-десять дней. Каждый такой период заставал привыкшее к теплу племя врасплох, и люди мерзли, и дети болели и умирали. Особенно новорожденные. Редкий новорожденный выживал, если он появлялся на свет в такой холодный период.

Все это нужно, конечно, еще проверять и исследовать. Но не исключено, что теплые струи у наших берегов, отбивая к Восточному материку холодное течение, сеют смерть среди диких племен. И, если будущие исследования подтвердят, что это так,— мы можем вмешаться в эту игру природы только с одной целью: отдать все тепло племенам Восточного континента, взять весь холод себе. Ни на какое другое решение мы не имеем права.

Но пока до этого не дошло. Пока восемь-десять теплых дней — наши, и вот мы мчимся в биолетах, чтоб использовать хоть один из этих дней.

Мы вылетаем, наконец, на перевал, и я вижу, что до моря еще далеко. Перед нами широкая зеленая до-

лина, уходящая полукругом к северо-востоку и к югу. От материка ее отделяет пологая лесистая гряда, по склону которой мы теперь спускаемся, а от зоны отдыха — высокие красновато-коричневые горы, среди которых теряется пересекающая долину лента дороги. Где-то там, на теряющемся среди скал кончике этой ленты, мелькают пестрые пятнышки первых биолетов нашей длинной колонны. Бирута моя, наверно, уже в горах, а нам еще мчаться и мчаться через долину, в которой — это уже начинает чувствоваться — значительно теплее, чем на всем материке.

Все-таки при рождении бог явно обделил меня наблюдательностью! Летал же я в зону отдыха. Но вот ни лесистой гряды, ни зеленой долины вдоль нее — не заметил. А ведь такая райская долина! Словно, перевалив через гряду, махнул одним мигом из осенней Прибалтики в весеннее Приднестровье.

Мне становится жарко в толстой шерстяной куртке, и я стягиваю ее. Вслед за мной радостно стягивают свои курточки и мальчишки в биолете.

Конечно, нелепо оставлять эту теплую долину неиспользованной. Особенно сейчас, когда сюда проложена дорога. Наверно, здесь отличное место для второй фермы — лучше не найти. И ее очень легко оградить электромагнитной защитой — прямо по гряде,— от берега к берегу. И, наверно, Женька, который проехал впереди меня, тоже понял это. Теперь, пожалуй, выскочит с очередным проектом. Реакция у него быстрая — успеет сказать «А» первым. Видимо, эта его быстрая реакция и была причиной той оды, которую он произнес в мою честь на Совете. Очень уж доволен был его речью Тушин! Очень уж восторженно он ссылался на нее! Не это ли главная цель Женькиного хода? Ведь он отлично понимает, как много значат здесь симпатии Тушина.

Женька говорил на Совете, что знает меня с детства, с семи лет, учился вместе со мной в школе и видел много проявлений и моей творческой инициативы, и моей необычайной скромности. Он все рассчитал точно, этот Женька. Когда кто-то начинает говорить, что знает другого человека с детства,— это сразу умиляет, и все верят сказанному, и трудно возражать. Особенно, если говорится хорошее.

Я слушал в кабинете Тушина записанный на пленку протокол Совета и только диву давался. Женька там признался, что разработку известных коэм начал я, а он, Верхов, лишь по дружбе продолжил и довел до недалекого уже конца, потому что меня в то время выбила из колеи личная трагедия и я долго не мог работать. (Какая, к черту, личная трагедия? С Таней ссорился? Так это было часто, и никто об этом не знал... Трагедия была потом, позже...) Женька говорил, что, по существу, Тарасова нужно было бы признать соавтором его, верховского, изобретения. И только «удивительная скромность» Тарасова и его упорное нежелание, «как он сказал мне тогда» (это, значит, я — ему!) «примазываться к чужому изобретению», заставили Женьку промолчать обо мне в то время. И до сих пор он, бедняга, простить себе этого не может, до сих пор мучают его угрызения совести.

Вот тут Женька, видно, сказал правду. Даже когда нет совести — угрызения все равно остаются. И мучают. Это точно. Еще очень давно это подметил один хороший поэт.

Тушин был так простодушно доволен Женькиной речью, что я, кажется, понял больше, чем он хотел бы мне сказать. Видно, Тушин сам хотел предложить меня. И мучился оттого, что ему это теперь неудобно,— мы ведь уже родственники.

И Женька, догадываясь о намерениях Тушина, а может, и зная их,— попал в точку. У Тушина свалился камень с души, и совсем другими глазами стал теперь Тушин смотреть на Верхова.

— Мама говорила мне,— признался Михаил,— что вы с Верховым в детстве не очень-то дружили. Кажется, ты даже не любил его. Может, и сейчас не любишь. И, конечно, он это понимает.— Тушин улыбнулся.— Умные люди понимают, как к ним относятся окружающие... И поэтому меня очень порадовали и объективность Верхова, и его умение подняться выше личных отношений. Он умеет мыслить категориями общества. В старину говорили — по-государственному. Согласись — у него ведь интересная работа в кибернетике. Он мог бы и сам руководить лабораторией. Но он предложил себя только в кураторы, в Меркурии... А его выступление на вашем

первом собрании!.. А его дельные предложения в Совете!.. Определенно это растет руководитель! Большого размаха!

Я слушал Тушина с болью и ничего не мог возразить ему, хотя внутри у меня все вопило от потребности возражать. Он все-таки слишком мало жил на Земле, слишком поверхностно знает ее историю, в которой было столько таких вот Женек!.. Тушин мудр, как старик,— в космосе. И наивен, как юноша,— в делах общественных. Что скажешь ему? Чем докажешь? Получатся пустые слова. Он не поймет, не поверит, меня же станет считать подлецом.

Нет, видно, еще не время!

Ах, как чертовски ловок этот Женька! Как умеет он все время заставить меня молчать! Словно хороший шахматист — сидит дома над доской и в одиночку, терпеливо и методично выверяет партию: каким бы это ходом и дальше заставить меня молчать, молчать, молчать...

Кажется, именно в тот момент я и понял, что Женька, пожалуй, не мог претендовать на лабораторию. Тут Тушин был совершенно неправ! Наоборот, Женька должен был бояться ее, как черт ладана. Ведь работа в лаборатории сразу выявила бы, что он творчески бесплоден. И, может, еще потому он выскочил предлагать меня, что боялся, как бы его самого кто-нибудь не предложил.

Со всех сторон ему было выгодно назвать мое имя. Абсолютно со всех! Лишь такой тугодум в подобных делах, как я, лишь такая бесхитростная душа, как Тушин, могли не понять сразу же истинных причин и целей Женькиного хода.

Так и не стал я вчера спорить с Тушиным. Если Женьки не будет в лаборатории — можно работать. А куратор он там или не куратор — какое мне дело! Спрашиваться-то я к нему не пойду.

...Уносится назад цветущая долина, в которой и деревья выше, чем на остальном материке, и листья толще, мясистее. На полянах вдоль шоссе мелькают даже невысокие мохнатые стволы пальм с веером узких и длинных изогнутых листьев на макушке. Дорога вновь начинает подниматься — на этот раз уже к настоящим

горам, вылезающим из темно-зеленой шерсти лесов голыми красновато-коричневыми вершинами.

Как и долина, эти горы дугой уходят к северо-востоку и югу и закрывают от северных ветров узкую прибрежную полоску. Слишком узкую, к сожалению. И это единственное, что со временем мы сможем исправить. Увеличить эту полоску насыпями, оттеснив море на юго-восток, врезаться в него помостами для домов и улиц — уже сейчас это нам вполне по силам. Просто некогда. Просто руки не доходят. И нет пока крайней необходимости. Ведь и нынешний берег еще не застроен. Но рано или поздно появится необходимость этих работ, а вслед за ней — и возможность. Возможность всегда появляется у человека вслед за необходимостью. На то он и человек!

Мы поднимаемся все выше и выше в горы, и дорога, еще в долине прямая, здесь начинает петлять и кружить, обходя вершины и пропасти. И цвет дорожного полотна меняется. Он теперь не прозрачно-янтарный, а густо-коричневый. Оплавленный базальт теперь тянется под биолетом. Шоссе, проложенное уже не лесодорожной, а горнодорожной машиной. Такое же, как далеко на севере, в Нефти.

Биолет по этой извилистой дороге уже не летит — он едет на своих вытянувшихся, высоких колесах, которые выпускаются из корпуса, как у самолета при посадке. Биолет здесь не может лететь — слишком мала скорость. И большую кибер не позволит — опасно, можно свернуться в пропасть или разбиться о скалу.

На одном из поворотов мы проходили между двумя полосатыми будочками. Одна из них поднимается на столбе из пропасти, другая врезана в скалу. Между будочками протянулась над шоссе стенка голубоватых лучей, которые мы неощутимо пробиваем на своем биолете. Это «ворота» первой линии электромагнитной защиты. Через них может пройти только биолет, но не человек. А человек, пересекший голубоватые лучи фотоэлементов, через три шага упрется в невидимую силовую стенку, которая отбросит его назад.

На следующем повороте мы проходим еще одни такие «ворота», затем — еще. Три линии защиты пропускают нас. Три линии, которые надежно охраняют от ди-

ких охотников нашу полную беззащитность в зоне отдыха.

Эта зона открывается глазам неожиданно, сразу вся, и как раз тогда, когда красновато-коричневые скалы и петляющая между ними и ущельем дорога уже начинают казаться бесконечными. Неожиданный поворот — и внизу море, врезающееся в берег овальной серебристой бухтой, солнце, слепящее, как на Земле, и густая, сплошная темная зелень, в которой, как кучка необработанных алмазов, светлеют геологические палатки, поставленные первыми двумя потоками отдыхающих.

Все тучи, вся пасмурность и дождливость нашего хмурого материка остались за горами, за лесистой грядой, а здесь размыто-голубое небо, лишь слегка прошитое легкими, стремительными облачками, и солнце, солнце, солнце, по которому мы уже успели так соскучиться!

Андрюшка Челидзе рядом со мной вопит от восторга, и трое мальчишек за спиной бьют каблуками в пол машины, и прыгают на сиденье, и оглушают меня криком: «Море! Море! Море!»

Через полчаса мы уже на пляже, в купальниках, и мальчишки бегают в полосе прибоя, поднимая тучи брызг и захлебываясь от восторга, а Бирута бегает по воде за ними и, надрываясь, кричит:

— Ребята, выйдите на берег! Ребята — сразу в воду нельзя! Ребята — на берег!

Ее никто не слушается, и тогда вмешиваются мужчины. Али, я, Бруно, Доллинг и еще несколько парней, взявшись за руки, вытесняем ошалевших мальчишек на берег. Мальчишки ворчат, но покоряются грубой силе старших.

Когда наша цепь рассыпается, я вижу на краю ее Женьку — громадного, широкоплечего, волосатого. Я замечаю, что он глядит на меня, хотя за темными стеклами защитных очков и не видны его глаза.

Почему-то я тоже останавливаюсь и гляжу на него, хотя отлично понимаю, что лучше бы этого не делать. Но отвернуться не могу — гипнотизирует он меня, что ли?

Он делает ко мне несколько шагов, протягивает руки.

— Добрый день, Сандро! Сто лет тебя не видал!

— Здравствуй.

Мы на виду у всех. Я не могу не протянуть ему руки. Для этого у меня должны быть такие основания, которые можно сразу бросить в лицо, при всех. А у меня нет их. Женька упорно выскальзывает из них все время. И поэтому я протягиваю ему руку, хотя сам себя презираю за это.

Он жмет ее долго, крепко, любовно и, не выпуская, вытягивает меня из полосы прибоя на берег.

— Должен тебя поздравить! — говорит.— С лабораторией! С тем, что ты — в ней! Доволен?

— Да.

— И я рад за тебя! — Голос его звучит бархатисто, ласково, обволакивающе.— Там твое настоящее место. Теперь ты сможешь сделать все, что не успел на Земле.

— Почему ты так заботишься обо мне, Женька?

Мы уходим по пляжу все дальше и дальше от кричащих и бегающих детей. Приятно горячит подошвы нагретый солнцем мелкий песок, приятно уходят в него пальцы ног. Только здесь, в зоне отдыха, и можно походить босиком. И больше нигде нельзя на нашем материке.

Женька резко, удивленно поворачивает ко мне голову.

— Не понимаю твоего вопроса, Сандро.

— Чего уж не понять?

Он сожалеюще разводит руками.

— Видно, ранний склероз. Что ты имеешь в виду?

— Твое выступление на последнем Совете.

— А-а!..— По Женькиному лицу расплывается широкая, самодовольная улыбка.— Тебя задело, что предложил именно я? Ты хотел бы наоборот?

— Что — наоборот?

— Ну, чтобы у тебя была возможность кого-то предлагать?

Я усмехаюсь. Уже упивается... Рано!.. А ведь прав был Бруно тогда, после нашего собрания, когда говорил с Маратом о Женьке!..

— Нет, Женька! — отвечаю я.— Не хотел бы! Например, я не стал бы предлагать тебя!

— В этом-то я не сомневаюсь! — Женька улыбается уже саркастически. И бархатистость из его голоса уже куда-то исчезла. Обыкновенный голос теперь. Даже

неприятный — жесткий, резкий. — И в этом твоя главная слабость, Сандро! — Женька произносит это вполне сожалеюще.— Ты никогда не умел подняться над личным. И поэтому никогда не сумеешь подняться вообще. Твой удел — только техника.

— А твой? Подняться вообще? Над людьми подняться?

— Ты упрощаешь, Сандро. Как всегда. Это хорошо в электронике. Там помогает. А в жизни приводит к грубым просчетам.

— Для меня жизнь — не шахматная партия. Я не рассчитываю в ней каждый ход.

— Это я давно заметил. Еще в школе. Талантливые люди обычно ведут себя так. Они могут позволить себе такую роскошь. Но потому же они обычно и не поднимаются над своими талантами. Чтобы подняться выше — надо быть шахматистом в жизни.

— Метишь в гроссмейстеры?

— Опять упрощаешь! Ты вот отлично понимаешь радость технического открытия. И никак не можешь понять другую радость — открытия общественного. Первым высказать то, что еще только смутно зреет в головах многих людей. Первым точно сформулировать и высказать то, что им надо, чего о н и хотят. И видеть после этого благодарность в их глазах. Порой даже восхищение... Поверь, это радость не меньшая. Жаль, она незнакома тебе. Нужно ее испытать, чтобы понять. И, может, это тоже талант? Талант организатора?

— Не надо тумана, Женька. Не надо красивых фраз. Я все понял. Тебя понял.

— А я тебя опять не понимаю.

— И ты меня понимаешь. И потому боишься. И потому хочешь хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь заткнуть мне рот. Так ведь?

— Не так! — почти кричит Женька и поворачивает назад. Я поворачиваю за ним, и мы возвращаемся по горячему мелкому песку к морю, к прибою, к шумящим детям.— Не так! — повторяет Женька.— Я действительно считаю, что ты будешь хорошим руководителем лаборатории. Лучшего — не знаю! Я хуже. Грицько — хуже. Это мое убеждение! Я его высказал. Тут — твое! Если бы тебя хотели назначить председателем Совета —

я выступил бы против. Тут — не твое! Я тебя не боюсь и не ищу в тебе выгоды. Я думаю об обществе. Пойми — об обществе! Ты способен мыслить такими категориями?

— Где уж нам, ползучим эмпирикам...

— Я хочу предупредить тебя, Сандро...— Женька, вдруг резко замедлив шаги, осторожно кладет мне потную руку на плечо. Я непроизвольно, инстинктивно вздрагиваю и смахиваю плечом его руку. Но он, кажется, не замечает этого или делает вид, что не замечает, и опять говорит вкрадчиво, бархатисто:— Тебе очень давно хочется говорить обо мне пакости. Ты всегда сдерживался, и я всегда уважал тебя за это. Может, это единственное, что вызывает у меня уважение к тебе. Но сейчас ты взбешен, хотя я и рассчитывал на другое. Видно, не такой уж я хороший шахматист, как ты думаешь. Далеко еще мне до гроссмейстера... Ты можешь сейчас не сдержаться — и все испортишь себе. Пойми — не мне, а себе! Испортишь надолго. А я отношусь к тебе лучше, чем ты думаешь. И поэтому предупреждаю...

— Значит, все-таки боишься?

— За тебя!

— Мы вернулись к началу, Женька. Почему все-таки ты так заботишься обо мне? Что тебе до моих ошибок?

Я говорю это и уже не жду ответа. Теперь это чисто риторический вопрос. И Женька понимает, что я не жду ответа. Женька не отвечает. Да и что он мог бы ответить?

...Мы плаваем и загораем целый день. Мы играем на пляже мячом, и я гоняюсь в пятнашки вместе с Андрюшей Челидзе и его друзьями. Потом мы обедаем в тени деревьев, на полянке возле палаток. А после обеда весело, целой ордой, разбиваем новые палатки — для тех, кто приедет сюда строить дома, для тех, кто будет жить здесь в долгие дни господства северного течения.

Перед отъездом, уже одетые, мы задерживаемся, чтобы полюбоваться закатом. Огромное солнце медленно уходит за горы, и в его лучах порфирные граниты центрального пика вспыхивают гигантским костром, который как бы живет — играет, переливается, тянется к синеющему небу стремительно и бесшумно.

— Огненная Гора! — громко произносит Али Бахрам.— Как в Южной Африке... Огненная Гора!

И мальчишки тотчас же подхватывают эти слова и изо всех сил вопят: «Огненная Гора! Огненная Гора!» И я уже знаю, что название родилось, что оно попадет на карты и что лучшего не придумаешь.

А по дороге домой, когда наш биолет уже пересекает теплую зеленую долину между горами и лесистой грядой, мне вдруг приходит в голову мысль, что по существу я совершил преступление там, на Земле, перед отлетом или даже перед отправлением в лагерь «Малахит». Я совершил преступление, промолчав о Женьке, не разоблачив его подлости. Конечно, мы не полетели бы тогда оба. Но зато вместе с Женькой не попал бы на Риту страшный, невероятно опасный микроб властолюбия, от которого уже давно и надежно защищена Земля и от которого здесь, на Рите, еще нет и, наверно, долго не будет иммунитета. Ведь иммунитет появляется только после болезни. Или хотя бы после прививки, которая, по существу, тоже болезнь.

Действительно, прав Женька. Действительно, я еще не умею мыслить категориями общества и в каждом случае исходить прежде всего из его интересов. Я еще только учусь этому — горько, больно и трудно. И кто знает, какую цену мне и всем остальным здесь еще придется заплатить за мои ученические ошибки?..

24. Мы и Ружена

Наша группа сформировалась неожиданно быстро и просто. Мне никого не пришлось «подбирать». Все нашлись сами, как только услышали о создании киберлаборатории.

Первым заговорил со мной об этом Грицько, на другой же день после возвращения из зоны отдыха.

Мы принимали упакованных в паралон киберов на космодроме. Автопогрузчик четырьмя гибкими щупальцами поднимал их из тележки в вертолет, а мы с Грицько и Джимом растаскивали их по углам, укладывали

плотно, друг на друга, чтобы не занимать середину машины. В середине мы поставим ящики с запасными блоками. Специально для этих ящиков сделаны здесь пазы и крючья.

Когда тележка возле вертолета опустела и трудяга-автопогрузчик поволок ее к грузовому люку «Риты-3», мы сели передохнуть, и Грицько, вытирая пот с высокого лба, увеличенного глубокими, очень ранними залысинами, тихо спросил меня:

— Тебе штат лаборатории еще не подобрали?

— Нет.

— А кто будет формировать? Совет?

— Я.

— Возьмешь меня?

— С удовольствием.

— У меня есть некоторые мыслишки — ты знаешь... Может, удастся кое-что материализовать?

Конечно, я давно знал о его «мыслишках» и все равно собирался звать его в лабораторию. Просто не успел. Почему-то казалось рано говорить об этом.

У Грицько все болела душа за южную часть материка, которая, из-за враждебности ра, пока что оставалась по существу геологическим белым пятном.

На западе этого белого пятна, над глубоко врезающейся в берег бухтой, наши вертолеты засекли магнитную аномалию. Самое интересное то, что обнаружили ее лингвисты, которые летали агитировать за нас племя ра. Так сказать, попутно, по дороге обнаружили. И только уже после них над этой бухтой появились геологи. Но даже они не смогли определить, где находятся железняки — под водой или в полуразрушенной временем прибрежной гряде. А спускаться туда нельзя — слишком близко эта бухта к стоянке дикарей. Почти что пригород.

После этих полетов бухту, прежде безымянную, пометили на карте материка бухтой Аномалии.

Не раз вспоминали геологи-старожилы еще о двух участках на юге — о древней горной гряде, проходящей по середине самого южного полуострова нашего материка, и о широкой зеленой низине, напоминающей формой фасолину и расположенной всего в полусотне километров от Заводского района.

В горной гряде Южного полуострова могло быть все. Первые геологи находили там и марганец, и железняки, и цинковую обманку, и пирит, и громадные друзы горного хрусталя.

Но именно на этот полуостров и высадились ра, переплывшие море вместе с гезами. Именно здесь были их первые стоянки — пока племена не ушли в лесистые, более богатые дичью районы. И с тех пор никто из наших геологов здесь не появлялся. Ра считали этот полуостров чем-то вроде своего заповедника и систематически посылали сюда под охраной охотников большие группы женщин и детей для сбора каких-то растений, видимо, только здесь и росших. На берегах полуострова часто появлялись и гезы, так как здесь, кажется, было много рыбы. В общем, направить сюда геологов — означало почти наверняка подставить их под удары отравленных стрел.

В зеленой же низине, недалеко от Заводского района, по мнению геофизиков, могла быть нефть. В крайнем случае — газ. И это — рядом с уже готовыми заводами и электростанциями.

Но в этой же низине (или Зеленой впадине, как называлась она на карте), в густых, труднопроходимых ее лесах особенно часто встречались олени, было невероятное количество птицы. И поэтому охотничьи группы ра приходили сюда всегда, когда охота в других местах оказывалась неудачной. Здесь был запасник племени. Отсюда оно не уходило без добычи. И, как хорошие хозяева, ра берегли свои запасы на черный день.

Люди не могли вести геологическую разведку в этих местах. Ее могли вести там только роботы. Но у нас не было нужных роботов, способных к самостоятельной исследовательской работе, к работе длительной, без постоянного присутствия человека, без его поминутных команд.

Подобные роботы были созданы на Земле и трудились там в шахтах, особенно в шахтах на дне океана. Но и на Земле таких машин было не очень много, а нам их с собой совсем не дали, полагая, что на Рите они еще не скоро понадобятся. Роботов-геологов, способных к длительной самостоятельной работе, не было и на Земле — не возникала нужда в них.

Но именно о таких роботах для южных районов и мечтал Грицько. Именно для них и вычерчивал он в сво-

их блокнотах десятки схем, которые негде было уточнить и проверить. Ведь проверить и уточнить их могли только стационарные электронные вычислительные машины. А в нашем распоряжении их не было. И нельзя было даже ненадолго переключить на нашу работу ни главную электронную машину материка, ни заводские машины, обеспечивающие непрерывность и безаварийность производства. Мы могли пользоваться лишь небольшой машиной мастерских Нефти, рассчитанной на уточнение уже отработанных, заводских монтажных схем. Ничего принципиально нового эта машина проверить не могла.

— ...А ты, Джим, — спросил я, — пойдешь в лабораторию?

— Нет! — Джим помотал головой. — Я буду ездить по материку. По-прежнему. Мне в лаборатории не усидеть.

— Другую бригаду собьешь... — грустно добавил Грицько.

Джим улыбнулся, скривив полные губы, и ничего не ответил. И мне показалось, что он не очень-то уважает нас обоих за то, что мы изменяем привычной кочевой жизни и уходим на сидячую работу.

В то же утро, по радиофону, меня разыскал Бруно Монтелло.

— Где тебя можно увидеть, старина? — спросил он.

— На космодроме.

— Долго там будешь?

— Весь день. Грузимся.

— Хорошо. Я прилечу.

Он прилетел уже после обеда, на дирижабле, который перевозил с космодрома в Заводской район оборудование обувного цеха.

— Пойдем в сторонку, — предложил Бруно.

— Сугубо секретный разговор?

— Ну, не сугубо, но пойдем.

Мы присели на одном из пустых ящиков, выстроившихся вдоль границы вертолетной площадки. Бруно выдернул пушистый колосок из кустика травы, долго вертел его в длинных загорелых пальцах с плоскими розовыми ногтями, затем сунул конец колоска в зубы, надкусил.

— Конечно, я прежде всего механик, — начал Бруно, и голос его почему-то был глуховатым. Как будто от вол-

нения. — Но ведь и без механика вам не обойтись. И потом ты помнишь, наверно, что в «Малахите» я подолгу торчал в киберлаборатории. И помнишь, наверно, что я кое-что умею. Ну, может, не все. Но основное. Остальному — научусь. Понимаешь — мне хотелось бы работать в вашей лаборатории. Догадываюсь, конечно, что выбор у тебя будет большой. Но ты не отмахивайся! Балластом не стану. У вас, старик, будет сейчас самое живое дело — после геологов и химиков. Но то мне недоступно... А у нас — никакого творчества. Осваиваем готовое — и ни шагу вперед. Все, правда, новенькое, но все это я знал и на Земле. С тоски подохнешь!..

Он не смотрел на меня и все жевал длинный зеленый колосок. А я глядел на его четкий римский профиль с выдающимся вперед подбородком, на его колючий ежик черных волос и чувствовал, как глупая, счастливая улыбка расползается по моему лицу.

— Молчишь... — не поворачивая головы, произнес он. — Значит, уже поздно?

— Я страшно рад, дружище! — Я обнял его за плечи, слегка притянул к себе. — Просто невероятно рад, что мы будем работать вместе! Я давно хотел этого!

Он взглянул мне в глаза и тоже улыбнулся — как-то смущенно, неловко. Видно, на самом деле волновался: очень хотелось ему в нашу будущую лабораторию!

Потом крепко сжал мою руку:

— Значит, решено?

Через три минуты за ним уже задвинулась дверца биолета, и он умчался по шоссе в Город.

На другой день мы летели с киберами в Нефть. Впервые с нами летел на север Али — вез черновой эскиз панно для столовой Нефти.

Впрочем, летел он не только из-за этого панно.

Еще в зоне отдыха, когда мы загорали на пляже, Али спросил меня:

— Как ты думаешь, Сандро, — в Нефти отыщется место для памятника?

— Челидзе?

— Да.

— Наверно, отыщется. Там вообще много места.

— Возьмешь меня, когда полетите?

— Что за вопрос, Али!

Мы подхватили его на крыше Города, и всю дорогу Али громко восхищался красотой нашего зеленого материка, к которой мы уже вроде привыкли.

В пути Грицько поинтересовался:

— Скажи, Сандро, кибергеологи для южных районов — это реальная тема? Мы будем ею заниматься?

— Наверно, в первую очередь. Почти что общее требование. Все остальное — индивидуально.

— Пригодится нам парень, который ходил по этим районам с молотком?.. Еще до появления ра...

— А пойдет к нам такой парень?

— Один — пойдет. Он кое-что смыслит в нашем деле. По крайней мере, для его партии мы не ремонтируем киберов. Он делает это сам. Киберы — его хобби.

— Кто это?

— Нат О'Лири.

— Я слыхал это имя. Никак не могу вспомнить, где...

— Мы же все время летаем над его партией. Ты ему сбрасываешь посылки. Только мы беседуем по радио с Илонкой. Она у них радистка и хозяйка.

— Илонку-то я знаю. Правда, ни разу не видел.

— И я не видел. Нат говорит — красивая женщина.

— А откуда ты его знаешь, этого Ната?

— Так это же муж моей землячки! Помнишь, я рассказывал, что привез письмо Гале из Днепропетровска? Тогда же Вано и сказал мне, что Нат — ее муж. В этом же вертолете. Ты забыл?

— И он что — хочет к нам?

— Он хочет на Юг. Хорошо помнит южный полуостров. И заразил меня этим делом! А ты думаешь, почему я стал портить блокноты?

— Вот пойди догадайся...

— Сандро, нам все равно не обойтись без него. Когда будем делать блоки местной памяти для Юга.

— Значит, он к нам — на одну тему?

— А разве это плохо? Он будет потом отвозить этих киберов, управлять ими, принимать от них информацию... Ему прямой резон принять участие в их создании.

— Надо потолковать.

— Ну, вот вернемся — потолкуем...

В этой поездке я опять встретил Сумико — в Нефти, возле столовой, на бегу. Мы уже собирались улетать. Все

поели и ждали меня на вертолетной площадке. А я обедал последним и из столовой почти бежал.

Она шла мне навстречу и, увидев, остановилась, замерла — маленькая, хрупкая, неподвижная, как статуэтка. Только глаза — узкие, темные, бездонные — жили, кричали, метались на ее лице.

Мы даже не поздоровались — почему-то забыли об этом. Мы просто глядели друг на друга — неподвижно и молча. Без улыбки. Мы как бы гладили друг друга взглядами.

Наконец Сумико спросила:

— Ты торопишься?

— Да.

— Тебя ждут?

— Да.

Я кивнул и понял, что она видела наш вертолет. Наверно, сама только что прилетела. Может, даже спросила у ребят, где я.

— Вы улетите сейчас?

— Сейчас.

— Когда же я теперь тебя увижу?

Я молчал. Потом пожал плечами.

— Мы часто бываем в Нефти...

— Но ведь ты уйдешь в лабораторию!

— Да...

В эти минуты я совсем забыл про лабораторию.

— Ты вспоминал меня?

Нужно было бы сказать «нет». Но я не смог. Она все равно поняла бы, что я лгу.

— Да.

— Я знала, что ты будешь меня вспоминать.

— Я тоже знал.

— Про меня?

— Да.

— Ты прав. Я вспоминала. Точнее — не забывала.

Мы несколько секунд молчали и не отрывали друг от друга взглядов.

Потом Сумико тихо, почти одними губами, без голоса, сказала:

— Ну, вот и все...

Я не понял.

— Что — все?

Она робко, неуверенно улыбнулась.

— Иди, Сандро. Беги. И знай, что я всегда помню о тебе. Всегда!

Я прижал к губам ее маленькую, смуглую руку и зашагал прочь. Не мог говорить дольше. Не потому, что некогда. Внутренне — не мог. Да и о чем говорить, когда главное сказано с первых слов и когда это главное — боль, от которой нет и не будет лекарства?

Если бы я знал тогда, что вижу ее в последний раз! Если бы знать наперед хоть что-то из своего будущего!.. Добьется ли этого когда-нибудь человек? Но останется ли он человеком, добившись этого?

Всю обратную дорогу из Нефти я думал о том, что было бы, если бы вдруг в нашу лабораторию, вместо этого неизвестного мне Ната О'Лири, пришла Сумико. О том, что было бы, если бы мы работали с ней рядом. Каждый день. С утра до вечера. Наверно, мы стали бы задерживаться по вечерам, чтобы доработать какие-то схемы. Это получалось бы само собой, стихийно, но неумолимо. Наверно, мы вместе возвращались бы на биолете по вечерам в Город. И оба сидели бы всю дорогу напряженные, натянутые, как струны, мучительно ожидая и боясь чего-то. Наверно, в конце концов мы не сдержались бы...

Нелепые, дикие, ни с чем несообразные мысли... Я очень хорошо понимал, что все это абсолютно, совершенно невозможно, нереально. Но, как больной, думал и думал о Сумико, не в силах переключиться на что-нибудь другое.

Уже перед самым Городом Грицько напомнил мне:

— Так завтра я приволоку на космодром Ната! Хорошо? Он сейчас не в поле...

Я кивнул машинально и только потом понял, о чем была речь.

Из Города на космодром я летел один — мы с Бирутой все еще жили на корабле,— и чувствовал себя выжатым, обессиленным и каким-то ватным. Словно весь день таскал каменные глыбы, а потом кто-то бесшумно и безболезненно перебил мне все косточки до единой. Даже фаланги пальцев.

О Сумико я уже не думал. И, кажется, вообще ни о чем не думал.

□

Нат О'Лири оказался громадным, рыжим, веснушчатым и улыбчивым. Лицо у него было таким широким и добродушным, улыбка — такой по-детски открытой, как будто он заранее видел в каждом близкого друга, родного брата, и готов был немедленно, сию секунду, обнять первого встречного и в порыве безудержной любви расплющить его о свою могучую грудь.

— Разбираешься в киберах? — спросил я.

— Немного. С геологическими справляюсь.

— И променяешь поле на лабораторию?

— Так не навсегда ж! — Он растянул в безбрежной, добродушной улыбке толстые бледные губы. — Ты не был на Юге, Тарасов!.. Этим полуостровом заболевают, как на Земле — Арктикой... Хоть киберов туда забросить! Вернемся же мы! Надо готовить это возвращение! Вот и Амиров передает...

Вчера вечером передали по радио новую пленку Марата. Он сообщал, что после двух удачных «охот» на бычков ему стали доверять больше, и теперь он потихоньку подбивает старейшин племени обложить нас данью — из посуды и мяса — и прекратить войну. Старикам в племени ра эта идея вроде понравилась. А вот мне — не очень. Как-то противно чувствовать себя данником, хотя бы и понарошке. Как-то это унизительно. Можно все отдать — только на равных. Впрочем, Марату там виднее. Может, и будет толк от этой детской игры?

...Мы недолго выясняли отношения с Натом О'Лири. Он хотел у нас работать и мог работать. Это главное. Чего тут еще выяснять?

С пятым работником лаборатории я решил не спешить. Пятый должен быть специалистом — это уже ясно. Иначе у нас получится не киберлаборатория, а черт знает что. Только где его взять, этого пятого? Из большой бригады Заводского района? Из той, где Женька? Больше-то неоткуда.

Так и получилось — пятый появился оттуда. Точнее — не пятый, а пятая. Бойкая и остроумная, кудрявая и темнокожая Ружена Мусамба, родившаяся в Варшаве и выросшая на берегах Конго, пришла в нашу лабораторию уже тогда, когда нам дали помещение и когда мы втащи-

ли в это помещение первые ящики с деталями нашей собственной лабораторной вычислительной машины.

Мы, отдыхая, сидели на этих ящиках, и Нат раскуривал короткую трубочку, когда по лестнице звонко процокали каблучки, и в дверях нашего большого, главного зала появилась точеная женская фигурка. Не в рабочем костюме — в коротком красном платье. Появилась — и застыла у входа.

Женщина оглядывала пустой, звонкий зал, и нас в этом зале — оглядывала спокойно, деловито, совсем не робко. Не как гостья, а как новая хозяйка оглядывает предоставленную ей квартиру, из которой только что выехали другие жильцы.

Потом женщина медленно, неторопливо, по какой-то очень точно прочерченной прямой направилась к нам.

Мне сразу понравилось, что она прошла по такой точной прямой. Я давно уже заметил — кто прямо ходит по земле, тот прямо ходит и в жизни. А кто любит петлять — петляет везде.

Мы сидели молча, и в пустом зале размеренно, звонко, как падающие капли, цокали ее каблучки — цок, цок.

Женщина улыбнулась, поздоровалась, спросила:

— Вы и есть киберлаборатория?

Один за другим мы поднялись с ящиков, тоже заулыбались.

Грицько ответил:

— Мы и есть.

Ни он, ни я еще не знали, кто эта женщина. А Бруно и Нат знали, но молчали.

Впрочем, в тот момент я еще не думал, что они ее знают. Как-то вылетело из головы, что уж Нат-то должен тут знать всех, кроме тех, кто прилетел с нами.

— А кто из вас двоих Тарасов? — спросила женщина.

— Почему из двоих? — поинтересовался я.

Женщина улыбнулась.

— Уж не думаете ли вы, что я не умею считать до четырех?

— Это Мусамба! — наконец представил ее Бруно. — Ружена Мусамба. Наша лучшая программистка.

— Ты удивительно щедр на комплименты, Бруно,— поблагодарила его Ружена. И ласково осведомилась: — Может, ты обижен на меня?

— Вроде не за что.

— Вот и я удивляюсь.

Я слегка поклонился:

— Тарасов.

— Мне сказали, что у вас в лаборатории еще нет программиста.

— Хотите попробовать?

— Вы не очень-то любезны. Особенно, если учесть вполне искренние комплименты Бруно.

— Что вы! Я верю ему как богу! Поэтому и...

— ...сразу ставите ограничения? — перебила меня Ружена.

Я демонстративно поднял руки вверх.

— Пощадите, Ружена! Я уже понял, что такая женщина, как вы, может быть только лучшей программисткой. И никакой другой! Окажите нам честь!

Я показал на ящики. Больше негде было посадить ее.

— О! Это другой разговор. Вы делаете успехи, Тарасов! Даже быстрее, чем лучшая из машин, которых я обучала.

— Бруно, конечно, младенец перед вами — по щедрости комплиментов...

— Вас, кажется, зовут Александр? — поинтересовалась Ружена.

— Так точно.

— Сандро, — уточнил Бруно. — Мы зовем его просто Сандро.

— Меня это вполне устраивает. — Ружена улыбнулась. — Так вот, Сандро, можно ли считать законченной официальную часть нашей беседы?

Я пожал плечами.

— Наверное. Если вас всерьез интересует лаборатория...

— Излишнее уточнение. Иначе бы я к вам не пришла... А теперь чисто деловой вопрос — что я должна делать сейчас?

— Посидите с нами. Мы отдыхаем. С вами отдыхать будет веселее...

Она весело пришла к нам, она весело и работала. И позже, когда мы вымучивали своего «Первенца» — первого на Рите самостоятельного кибергеолога, когда у нас порой все спотыкалось и от отчаяния опускались ру-

ки — одна Ружена без устали шутила и не переставала что-то делать. И нам становилось стыдно за свою недолгую слабость, и мы тоже потихоньку начинали шутить и снова брались за работу.

Ружена действительно оказалась превосходной программисткой. Но даже если бы она была программисткой самой посредственной, она все равно стала бы незаменимой у нас уже только из-за одного своего характера.

Мы все любили Ружену. Уже через неделю мы просто не допускали мысли, что наша киберлаборатория могла бы существовать без Ружены Мусамбы. Это уже была бы не наша, это была бы чужая лаборатория.

И ни в эту, ни во все последующие недели я не представлял и не мог представить себе, какую страшную, зловещую роль сыграет Ружена в моей жизни, сыграет независимо от своей воли, даже просто не ведая о том, что происходит, сыграет только потому, что глупые обстоятельства, как когда-то, еще на Земле, говорил Бруно, имеют такое противное свойство — выходить из-под контроля.

25. Первенец

Это был адский труд. Адский потому, что мы задали себе бешеный темп. Никто нас не торопил — мы сами себя торопили. И тем сильней торопили, чем больше сложностей обнаруживали в своей работе.

Сначала все казалось просто. Пока знаешь какую-то проблему поверхностно — она всегда кажется простой. Сложности начинаются, когда влезаешь в новое дело по уши.

— Надо просто усовершенствовать киберколлекторов,— уверенно рассуждал Грицько, когда мы все вместе прикидывали, с чего подступиться к проблеме.— Они умеют бить шурфы, бурить скважины и брать керны. Они умеют брать образцы минералов и снабжать их наклейками с датой и точными координатами места находки. Если у кибера толково заполнен блок местной памяти, он даже может сообщить на этой наклейке особые приметы

места находки. Я считаю, что у нас есть превосходная отправная конструкция. Много ли нужно к ней добавить?

— Давайте подумаем, — предложил Бруно и деловито взял карандаш. — Итак, что надо добавлять?

— Киберы должны сами выбирать место для шурфов,— пробасил Нат О'Лири.— Подсказывать будет некому.

— Так и запишем! — Бруно склонился над бумагой.— Дальше?

— А может, это сделает за нас машина? — спросила Ружена.

— Машина — уточнит, — возразил Бруно. — И рассчитает. А задачи человек все-таки должен ставить перед собой сам. Итак, что дальше?

— Наверно, киберы должны сами анализировать керны,— предложил я.— И сами должны передавать по радио информацию об анализах.

— Запишем... — Карандаш Бруно забегал по бумаге. — Только, Сандро, может, киберам не надо передавать всю информацию? Пусть они ее просеивают и передают принципиально новое. Иначе мы захлебнемся в этой информации. Придется ставить несколько машин на отыскание, так сказать, жемчужных зерен... А у нас пока не густо с вычислительными машинами... Представляешь, что получится, если добросовестный робот станет дотошно описывать тебе каждый слой керна и каждый попавший в его лапы камешек? Ведь роботов будет много!

— А не пропустим ли мы тогда что-то ценное? — усомнился Нат. — Ведь геолог ищет месторождение не по одному признаку, а по их сумме.

— Вот пусть кибер сам и суммирует! — произнес Бруно. — И нам докладывает лишь результаты анализов, а не весь их ход. Логично?

— В идеале! — Нат с сомнением покачал головой. — Что-то не очень верю я в идеальные киберы. Но если нам удастся создать...

— Еще какие требования? — спросил Бруно. — Что мы еще хотим от нашего дитяти?

— Может, они должны определять и места буровых? — предложил Грицько.

— Зачем? — возразил Нат.— Не слишком ли большая роскошь? Буровая — не шурф. Места для буровых опре-

делим сами. А вот поставить буровую кибер должен уметь! Не только бурить, но и ставить!

— Запишем! — прозвучал голос Бруно. Он нарочно придал своему голосу металлический оттенок. Словно кибер сказал это «запишем».

— Один робот уже готов, — заметила Ружена и улыбнулась. Потом вполне серьезно добавила: — Мне кажется, надо подумать об обороноспособности киберов. Наши роботы очень уж безобидны и безответны. Как дети. Но ведь мы и обращаемся с ними, как с детьми. А в южных районах им, возможно, придется защищаться.

— Что же ты предлагаешь им дать? — спросил я.— Карлары? Слипы?

— Ты слишком зло шутишь, Сандро! — Ружена усмехнулась и этим сразу отвела мое возражение. — Ты отлично знаешь, что я имею в виду не это. — Она в задумчивости наморщила лоб. — Может, вмонтировать в них ЭМЗы?

— ЭМЗ не поможет ни от копья, ни от палицы. А стрелы киберам и так не страшны.

— А суперЭМЗ очень тяжел... — добавила Ружена. — И все-таки что-то надо. Давайте пока просто запишем эту обороноспособность. Что-то надо найти. Иначе мы этих киберов не напасемся.

— Вооруженная машина может свихнуться и взбунтоваться против нас, — заметил Грицько. — Все мы читали о таких случаях в прошлых веках. Отцы завещали нам не вооружать киберов.

— Можно запрограммировать в них отличия, — предложила Ружена. — Пусть умеют отличать нас от дикарей. Это всего одна добавочная схема. Но, разумеется, и дикарям они не должны наносить никаких травм.

— Логично, — сказал Бруно. — Так и запишем. Обороноспособность и схема различения землян и ра. В одном блоке...

Понаписали мы в то утро много. Но вычислительная машина за первый же прогон нашей программы понаставила нам тьму вопросов. «Как должны киберы вести радиопередачи? — спросила она. — В ответ на ваши вопросы или самостоятельно, по своему усмотрению? Какой информацией считать побочные признаки месторождений — основной или несущественной, не подлежащей передаче

по радио? По каким основным признакам будут отличать киберы землян от ра? Форма рук, ног? Рост или голос? Одежда или язык? Если язык, то как быть, когда человек нападает молча? Если формы тела или одежда, то как быть, когда человек нападает в темноте или из-за непрозрачного укрытия?»

И такие вопросы вылетали на столик вывода информации один за другим. Ружена едва успевала прочитывать карточки, выброшенные машиной.

Когда же мы начали работать, то выяснилось, что и машина не могла всего предусмотреть.

Проще всего разделались мы с радиосвязью. Эта часть работы не потребовала от нас долгих поисков и мучений, не донимала неудачами. Стандартные киберколлекторы снабжены микрофонным устройством на вводе информации — для приема указаний голосом. На выводе информации у них тоже есть звуковой модулятор, работающий в привычной для человеческого уха частоте звуковых колебаний. Короче, современные киберы умеют устно докладывать о результате своих работ.

Не так уж сложно было нам радиофицировать ввод и вывод информации. Мы заменили микрофонные устройства радиоприемниками, а звуковые модуляторы — радиопередатчиками. Вес кибера после этого даже чуть уменьшился, потому что нынешние радиосхемы короче и легче звуковых. Наш опытный кибер отлично выполнял во дворе лаборатории все команды по радио и точно рапортовал о том, что сделал. Но как далек еще был этот ограниченный, безынициативный трудяга от той машины, которую нам предстояло создать!..

Потом мы взялись за разработку для этого трудяги новых программ, включающих в себя все старые, новых анализаторов и блоков профессиональной памяти.

На это у нас уходили ставшие почти мгновенными дни, ставшие необычно стремительными недели. Отработанные схемы и блоки появлялись медленно, трудно, но все-таки появлялись и постепенно скапливались в специально выделенном для этого угловом шкафу, над которым Ружена повесила лозунг: «С миру по схеме — киберу программа».

Каждую схему мы старались делать максимально лаконичной, максимально быстродействующей. Мы доби-

вались почти мгновенной реакции. И по существу добились ее — разумеется, пока в каких-то отдельных узлах машины!

Но вот однажды после обеда Бруно с ужасом хлопнул себя по лбу.

— Мы идиоты, ребята! — крикнул он. — Мы же забыли, что блоки местной памяти у нас будут поверхностными!

— А ведь и вправду идиоты! — неожиданно грустно, без улыбки, согласилась Ружена.

Как и обычно, она первая поняла, в чем дело.

Проблему блоков местной памяти мы считали совершенно решенной. А она оказалась такой мучительной!

Мы совсем забыли о том, что не можем снабдить своих киберов точными блоками местной памяти. Много ли заложишь в них, исследуя местность с вертолета или вспоминая нечастые переходы давних лет? Зрительная память — штука ненадежная и не очень точная. А стереофильмов геологи в своих походах не снимали — было ни к чему.

И вот теперь эти обедненные блоки местной памяти, не сравнимые с обычными, яркими, полными, к которым приспособлены кибергеологи, неизбежно должны были сделать наше детище, особенно на первых порах, медлительным, неуверенным, тугодумным. Оно должно было стать таким с неизбежной закономерностью. И мгновенные связи и реакции чисто профессионального свойства, которых добивались мы с таким трудом, могли в этих условиях погубить машину, лишив ее необходимой осторожности.

И поэтому нам пришлось переделывать многие уже законченные блоки и схемы, удлинять цепи, замедлять десятки реакций, ускорение которых досталось нам так нелегко.

Надо было теперь добиваться того, чтобы процесс ориентации кибера на местности шел быстрее всех остальных процессов, кроме оборонительных, чтобы в первую очередь заполнялись информацией блоки местной памяти, как самого сдерживающего устройства кибермозга. Ведь профессиональные знания мы сразу вкладывали в кибера полностью. А местных полностью вложить не могли.

Но кибера нужно было сделать еще и таким, чтобы потом, после заполнения блоков местной памяти, он мог хотя бы частично перестроиться сам и до предела ускорить хоть некоторые из тех связей и реакций, которые были искусственно замедлены на первых порах.

Короче, он должен был стать отчасти самоусовершенствующейся машиной. Причем не уникальной, а массовой.

И это — без громадных земных заводов, без громадных земных лабораторий, без неисчерпаемых земных складов всяческой кибертехники.

А иначе — и работать не стоило бы. А иначе нам просто стыдно было бы показать свою продукцию Совету.

Когда после долгих мучений мы управились с блоками местной памяти, возникла проблема обороноспособности.

Оборонные реакции кибера должны были быть мгновенными — это понятно. Но, чтобы быть мгновенными, они должны основываться на минимальном количестве признаков нападающего. Если же машина начнет анализировать рост, одежду, цвет кожи нападающего, она неизбежно потеряет те секунды и доли секунд, которые так важны при обороне.

Найти бы вот один признак! Один, универсальный, по которому машина решала бы — обороняться ей или нет.

Однако где возьмешь этот проклятый универсальный признак? Язык? — Но наша вычислительная машина была права — нападать, действительно, можно и молча. Чаще всего так и делают. Одежда? — Ее не сразу разберешь в темноте. Цвет кожи? — У ра, конечно, не обычный для землян цвет кожи, но и он не виден в темноте. Да и у гезов, которые иногда охотятся вместе с воинственными ра, цвет кожи уже другой. Он почти такой же бледно-смуглый, как у земных южан.

И потом, как быть с теми ра, которые у нас? С теми парнями, которые, выйдя из больницы, уже потихоньку работают в разных местах нашего большого хозяйства... А ведь работать они будут все активнее. И со временем таких парней станет больше.

Этот универсальный признак нашел Грицько.

Однажды утром, не поднимая головы от схемы,

которую он пропечатывал лазерным лучом, Грицько спросил:

— Как вы думаете, ребята, кто, кроме ра и гезов, может напасть на наших киберов?

— Ты гений, Гриць! — сразу же отозвалась Ружена. — Я с первой минуты знакомства поняла, что ты гений. Потому что ты самый лысый в лаборатории.

А затем мысль Грицько дошла до всех, и мы бросили работу и зашумели. Действительно, как просто все оказалось! Кто же из землян нападет на кибера? Кому это в голову взбредет?

А следовательно, и принцип обороны — самый простой. Проще невозможно: нападают — защищайся! Самая короткая схема. Самые мгновенные связи. Только чем защищаться? Мы же не вправе давать киберу оружие против человека. Пусть даже и дикого. Мы должны дать ему оружие только против оружия.

Значит, начисто исключается оружие, действующее на расстоянии. Остается только контактное. Обычные электрические стержни, которые мгновенно выбрасываются из рук кибера и мощным силовым полем отталкивают приближающиеся к нему копье или палицу.

Ну, а если это не палица, а рука?

Вообще-то голыми руками дикари ничего не смогут сделать киберу. Да и не станут пытаться что-либо сделать — побоятся. И поэтому голые руки ему не опасны. И, значит, на руки он может не реагировать. Он должен реагировать только на деревянное или каменное оружие. Конечно, мало шансо́в, что ра начнут бросать в машину свои каменные топоры. Но все же, кто знает, что может взбрести им в голову. Могут бросать просто камни. Пусть уж лучше киберы будут защищены и от этого. Итак — обыкновенное ограниченное силовое поле, отбрасывающее на несколько метров дерево и камень, которые угрожают безопасности машины. И ничего больше. И пусть любые руки спокойно касаются нашего кибера. Он не сделает им ничего худого. Он, как и прежде, будет по-детски беззащитен от них.

...В эти недели я мало бывал дома, потому что мы работали, не оглядываясь на время. Лишь один день не был я в лаборатории — тот суматошный день, когда мы с Бирутой перевезли наши немногие вещи из тесной и

сумрачной каюты «Риты-3» в светленькую и чистенькую квартирку на двенадцатом этаже в только что законченной секции Города. Подошла, наконец, и наша очередь...

Бирута долго не распаковывала вещи, ходила по квартире, открывала и закрывала окна, выдвигала и вновь убирала в стену диваны и кресла, столики и тумбочки. Она забавлялась квартирой, как ребенок. Она настолько отвыкла от самого примитивного земного уюта, что мне невольно подумалось: какая-нибудь дикарка из племени леров, наверно, вела бы себя в этой квартире почти так же.

Потом Бирута прижалась ко мне и приложила мою руку к своему животу.

— Надави пальцами, — попросила она. — Только не сильно!

Я слегка надавил пальцами и тут же почувствовал в ответ упругие, сердитые удары. Они били точно в то место, куда давили пальцы. Я передвинул пальцы и снова надавил. И снова удары били точно в мои пальцы. Мой сын протестовал! Он усмотрел ограничение своей свободы в моих легких нажатиях и тут же запротестовал.

— Серьезный парень? — Бирута улыбнулась.

— Весь в меня!

Бирута неожиданно грустно вздохнула.

— Лучше бы он был немного посерьезней.

Она не сказала больше ничего и молча стала разгружать попавшуюся под руку сумку. Но и от одной этой фразы у меня сразу же испортилось настроение, и солнечный день показался каким-то тусклым и серым.

Это началось давно — с первых же недель нашей напряженной работы над новым кибером, с первых же вечеров, которые я провел в лаборатории, с первых же встреч после работы, когда я, необычно возбужденный, все еще был там, в нашем зале, со своими товарищами, со своими схемами, со своим давним любимым делом, по которому так соскучился, — и поэтому рассеянно слушал дома Бируту и даже не всегда сразу понимал, что она говорила.

Да, конечно, это началось еще тогда. Но в те дни я э т о г о не понимал, не замечал, а если бы и заметил —

не придал бы никакого значения. Бирута всегда была до смешного ревнивой, что в общем-то никогда не мешало нам жить.

Вначале Бирута сама боролась. Теперь-то я понимаю, как яростно она боролась сама с собой — в одиночку, ничего не говоря мне, ничего не объясняя.

Я еще порой удивлялся в те дни резким, вроде бы совершенно необъяснимым переменам в ее настроении. Но если и задумывался, то ненадолго. Меня целиком занимали схемы и программа нашего нового робота. И еще я немало мечтал, что когда-нибудь, попозже, когда самые необходимые киберы будут сделаны, я смогу выкраивать какие-то часы, может, даже дни, и заниматься коробочками эмоциональной памяти. Мне хотелось бы изготовить десяток коэм для Бируты, для ее рассказов. И еще десятка два — для других наших начинающих поэтов и прозаиков. Для тех самых ребят, которые читали свои произведения в одном радиоальманахе с Бирутой. И еще мне хотелось дать коэму или две Жюлю Фуке — чтобы он записал историю своего знакомства с Налой.

А где-то смутно, неясно, копошилась уже и другая мысль, более важная. Если Ра и женщины-леры, которые живут в Нефти, так неохотно читают книги, то, может, коэмами они станут пользоваться охотнее? Может, та же книга, но изложенная в коэме, будет для них доступнее, интереснее? Как доступнее книг для них стереофильмы и телевизионные передачи. Может, мои коробочки, если их будет достаточно и если они будут толково заполнены, вообще могли бы ускорить просвещение диких племен этой планеты? Не в том ли и есть главное назначение моей работы?

Об этом думалось всерьез. А неустойчивое сегодняшнее настроение Бируты я воспринимал не очень серьезно и легко объяснил себе особым положением моей жены. У женщины, которая ждет ребенка, неизбежно должны быть какие-то психологические сдвиги. Тут хозяйничает природа, и я тут бессилен. Я могу быть только терпеливым и добрым с такой женщиной. Могу быть только чистым перед нею. И большего не могу. Появится ребенок — и все сгладится, все придет в норму.

Когда же я понял, в чем дело, было поздно.

Много раз потом я пытался припомнить — из-за чего в тот вечер случилась ссора. И никак не мог припомнить.

Отлично вижу тот вечер — серовато-пасмурный, как и большинство вечеров на нашем материке. После ужина мы долго сидели с Бирутой недалеко от корабля, на длинном гладком коричневом ящике, выгруженном из трюма.

Помню пустой, выжженный космодром и по краям его — редкие кустики молодой, нежно-зеленой и необычно пышной травы. Помню пылающую, кроваво-красную полоску облаков на западе, в стороне заката. И еще помню тоскливое, щемящее чувство нежелания возвращаться в нашу маленькую, безоконную каюту, в нашу «конуру», как недавно стала называть ее Бирута. Каюта, котсрая когда-то казалась нам верхом удобства, теперь раздражала, была просто ненавистна — и своей жуткой теснотой, и своей темно-серой мрачностью (даже при самом ярком свете), и своей глухой оторванностью от всего живого. В ней можно было только спать и читать. Ничего больше в ней нельзя было делать.

Пока Бирута вела в школе класс — ей нетрудно было мириться с тесным нашим домом. Она поздно возвращалась на космодром и по существу только спала в нашей каюте. Да иногда читала. Все остальное время отдавала школе, интернату, школьным будням и праздникам.

Когда же Бируте пришлось перейти на время в методический кабинет — обычная участь всех учительниц, готовящихся стать матерями,— свободного времени прибавилось, и неудобства стали раздражать мою жену особенно сильно.

Впрочем, виновата тут была, конечно, не только наша каюта. Целиком поглощенный своей лабораторией, я часто возвращался на космодром псздно и не видел в этом ничего особенного. Раньше возвращалась поздно Бирута, теперь — я, что же тут такого? Кто же виноват в том, что дома мы не можем заниматься своим любимым делом?

Все это казалось настолько само собой разумеющимся, что я никак не мог в то время связать переменчивость настроения Бируты со своими поздними возвращениями.

Короче, я был просто слеп. Вот до того самого вечера.

Кажется, в тот вечер, как и обычно, я рассказывал Бируте о делах в нашей лаборатории. И, наверно, как обычно, упомянул Ружену. Может, даже восторженно упомянул. Все мы часто восхищались ею.

Бирута ничего не сказала мне в тот момент. Поэтому я до сих пор и не знаю — упоминал я Ружену или нет. Но потом, позже, когда мы уже были в каюте и я читал «Экскурсы в историю роботехники» Федорчука, Бирута из-за чего-то раскипятилась и бросила мне:

— У тебя удивительный талант находить время для всех, кроме жены!

— Для кого, например? — Я спокойно поднял глаза от книги. Давно уже дал себе слово делать все замедленно-спокойно в те минуты, когда Бирута горячится.

— Будто не знаешь!

Бирута отвернулась к выключенному телеэкрану. Она демонстративно не глядела на меня. А я уже знал, что на ее красивом лице появились в этот момент уродливые красные пятна. В последние недели у нее каждый раз стали проступать на лице красные пятна, когда она раздражалась.

— Не знаю, Рутик! Святая истина!

— Мне иногда кажется — для тебя вообще нет ничего святого!

— Это несправедливо, Рутик. Ты же знаешь...

— А ты со мной справедлив?

Я отложил книгу, поднялся с койки и обнял Бируту. Худенькие, беззащитные ее плечи как-то резко напряглись, а затем безвольно обмякли под моими руками.

— Слыхала старинную песенку? — спросил я.

— Какую еще?

Она даже не обернулась.

— Там поется так, Рутик:

...Но я не понима-аю,
Зачем ты так серди-ита.
Ну, перестань же хму-уриться,
Ну, поцелуй скорей!

Она резко повернулась ко мне с глазами, полными слез, и я увидел те самые красные пятна на лбу и на щеках ее.

Она глядела мне в глаза какие-то секунды, потом уткнулась в мое плечо и заплакала.

Худенькие плечи ее вздрагивали под моими ладонями, и сквозь всхлипывания она говорила:

— Зачем... Зачем... зачем ты взял ее в лабораторию?

— Кого, Рутик?

— Ты знаешь!.. Зачем?.. Потому что я сейчас некрасивая, да? Потому что я не стройная?

— Ты говоришь чепуху, Рутик! Успокойся и пойми — чепуху!

— Она весь день с тобой! — Бирута продолжала всхлипывать.— Она с утра до вечера с тобой... А я — только ночью... Она все время шутит и смеется... Ты сам говоришь... А я только сержусь и плачу... Конечно, как тут не влюбиться... В веселую женщину...

Я успокаивал ее, как мог. Уговаривал, убеждал, доказывал, что никогда не думал о Ружене так, как говорит Бирута. И она вроде поверила, перестала всхлипывать, успокоилась.

Но я и представить себе еще не мог тогда, насколько прочно засело все это у нее в голове. Мне показалось в тот вечер, что разговор исчерпан, окончен. А он только начинался.

Бирута стала вспоминать Ружену все чаще и чаще, по любому поводу. Стоило мне нахмуриться, как Бирута говорила:

— Конечно, улыбаться ты можешь только ей!..

Стоило мне в течение часа не поднять глаз от книги, как я уже слышал:

— Только с женой и читать! Жена теперь глаз не радует... Глядеть хочется на другую...

Наверно, Бируту нужно было лечить. Но я не решался рассказать об этом врачу. Такой разговор казался мне почему-то унизительным, позорным, предательским.

Я старался приезжать домой раньше. Но не всегда это удавалось — работа все-таки требовала слишком много времени.

Я старался отвлечь Бируту — напоминал ей о фантастике, которую она может и должна писать. Ведь ее рассказ, переданный по радио, понравился всем землянам. Те, кто пропустил его, настойчиво вызывали студию

и требовали повторить. Но повторять его пришлось дважды. Как же можно после такого успеха забрасывать фантастику?

— Ах! — отмахивалась Бирута.— У меня сейчас чистейший реализм в голове!

Я старался всем, чем мог, успокоить Бируту, был с ней нежен и терпелив, как никогда. Но где-то глубоко внутри мешала мне память о Сумико, о тайной моей вине перед женсй, и эта память в чем-то сковывала меня, а Бирута, видимо, тонко чувствовала мою скованность. И подозрения еще сильнее одолевали ее.

Иногда она не говорила об этом по нескольку дней, была, как прежде, ласкова и спокойна. Мне уже начинало казаться, что наконец-то все кончилось, и я невольно веселел, но потом, на какой-нибудь совершенной мелочи, Бирута вдруг срывалась и снова начинала упрекать меня ею.

В конце концов, я сам стал как сжатая до предела пружина. Стал бояться себя — бояться, что тоже на чем-нибудь сорвусь. Срываются ведь всегда на неожиданных мелочах. Все — не только Бирута.

Главное, я не видел никакого выхода. Уйти из лаборатории — не мог и не хотел. И лаборатория наша была уже совершенно немыслима без Ружены. Об этом и думать не приходилось. И работать в лаборатории меньше других мне тоже было невозможно.

Оставалось ждать. Ждать квартиру, которая изменит наш быт, ждать родов, которые изменят психику Бируты, займут ее мысли совсем другим.

И вот теперь квартира была, и Бирута была ей несказанно, совсем по-детски рада, и несколько дней увлеченно исследовала ее, изучая все ее маленькие секреты. И я теперь возвращался домой раньше — все-таки на сотню километров ближе от нашей лаборатории. И в первые дни в нашей новой, еще по-праздничному пустоватой квартире царили мир, спокойствие, чистейшая идиллия.

А потом у Бируты снова начались вспышки раздражения, которые мне очень редко удавалось предупредить, хотя я уже все время был настороже и старался не давать ей повода для волнений. И снова каждая вспышка неумолимо оканчивалась намеком на Ружену.

Теперь я уже поговорил с врачом. Просто о раздражительности Бируты — безо всяких упоминаний о Ружене. И жену мою стали незаметно лечить. И она постепенно становилась спокойнее, раздражение проходило, но навязчивая мысль о том, что именно сейчас я должен быть влюблен в веселую и беззаботную женщину, не оставляла Бируту. И этой другой женщиной, по ее мнению, могла быть только красивая и бойкая Ружена. Потому что никаких других женщин возле меня постоянно не было.

Когда-то, еще в «Малахите», Бирута смешно ревновала меня к Розите Гальдос. И в эти тяжелые недели я боялся, что старая ревность вспыхнет вновь — уже горячо и бурно. Хотя вроде и поводов для этого не было — я почти не видел Розиту, и Бирута знала это.

Однако хоть от этого судьба уберегла меня. Бирута была по-своему логична и видела, что Розита все чаще появляется вместе с Теодором Вебером, тем самым архитектором, который в первые дни знакомил нас с материком. Вебер уже почти три года жил один. Жена его погибла — как Ольга, как Чанда... И, видимо, зарождающееся чувство Розиты и Вебера успокоило Бируту.

Но от этого не становилась слабее ее ревность к ни в чем не повинной Ружене.

В конце концов я смирился. Смирился со спокойной теперь, мягкой, даже ироничной ревностью Бируты, с ее насмешливыми упреками, с ее недоверием, которое, кажется, уже перестало меня оскорблять. Я ждал сына, верил, что его появление все изменит, что Бирута снова станет прежней.

Что поделаешь — ревность еще не ушла из нашей жизни, хотя философы и фантасты изгоняли это чувство не однажды. Когда-то, на Земле, когда Таня ушла к другому,— и я ревновал. Дико, безумно. Мучился, не находил себе места, делал страшные глупости.

Наверно, только от ревности я и встречался тогда с Линой. Отчего бы еще? Ведь я не любил ее. Ни одного дня не любил!

Вот только когда я вспомнил ее, Линку-неудачницу!.. Она просила вспомнить сразу, как прилечу. А я вспомнил, когда стало плохо.

Что тут добавишь?..

В общем, я понимал Бируту. И мне в голову не приходило обижаться на нее. Я знал, что все это надо перетерпеть, как болезнь. Пройдет, как проходит в конце концов болезнь...

Но терпеть было трудно. И неизменная ревность изматывала, как изматывает всякая болезнь.

...Между тем в лаборатории работа шла и давала результаты, и наш новый киберколлектор для южных районов был уже, как говорится, на подходе. Мы создали ему единую, цельную программу, объединяющую все его задачи, мы вложили в него все анализаторы, схемы и блоки, все аккумуляторы, необходимые для общей работы и для создания мгновенного силового поля, и кибер наш все-таки стал массивнее своего прародителя.

Бруно вычертил идеальный по форме корпус. Он был даже изящнее предыдущего, хотя и включал в себя тысячи дополнительных кристаллов и микросхем. Но все же вес есть вес, и ноги машины пришлось делать толще, и руки — тоже, потому что оборонительным электрическим стержням надо же было куда-то прятаться, чтобы не мешать обычной работе.

Приближалось время испытаний. Наш Первенец — мы так называли его, и он уже знал это свое имя — стоял в углу лабораторного зала, возле того самого шкафа, куда раньше мы складывали готовые схемы и блоки.

Дольше всех беседовала с ним Ружена, потому что именно ей предстояло проверить все его знания и заложить в его память то, что принято было закладывать не при монтаже, а при программировании готовой машины.

По утрам, на свежую голову, Ружена садилась перед кибером, включала его и, подождав, пока он прогреется, надевала наушники радиоприемника, щелкала пальцем по микрофону и начинала обычный диалог:

— Так на чем мы вчера остановились, Первенец?

— На зеленом асбесте,— слышался в наушниках тихий, размеренный голос робота.

— Где же ты будешь его искать?

— В древних вулканических пластах, в серпентините.

— А что такое серпентинит?

— Кристаллический зеленый камень вулканического происхождения. Чаще — темно-зеленый. Бывает светло-

зеленый с темно-зелеными вкраплениями. В отличие от малахита, плотен, не имеет пустот. Твердость нарушается прожилками серпофита и спелого асбеста... Промышленная длина волокон асбеста — две десятых миллиметра...

Так продолжалось до обеда. Мы углублялись в свои расчеты и схемы и не слушали этих диалогов — они уже приелись.

Первые испытания кибера мы провели во дворе лаборатории. Первенец сам выбрал места для шурфов, выбил их, обработал образцы и передал нам по радио точную и короткую информацию о них. Полезных ископаемых в нашем дворе не оказалось. Первенец сделал заключение, что дальнейшие поиски в данном квадрате без сейсморазведки и глубокого бурения не имеют смысла.

Пока он бил шурфы, Нат О'Лири дважды подкрадывался к нему и замахивался длинной дубиной, целя в голову киберу. Если бы этот удар случился — наша долгая и мучительная работа пошла бы насмарку. Но мы не зря снабдили кибера третьим, «задним» глазом. Дубина, котсрую поднимал Нат, легко вырывалась из его могучих рук и отлетала метров на десять, почти к границе нашего небольшого двора. Убрав в предплечье силовой стержень, Первенец молча, деловито и совершенно беззлобно продолжал бить шурф.

Следующие испытания мы проводили уже близ рудника, на границе разведанных магнетитов. Конечно, здесь Первенцу было легко, потому что в него был вложен отлично заполненный блок местной памяти. Вместе с Натом Первенец за три дня продвинул границу разведанного месторождения на целый километр к западу, и, когда мы улетали, ребята с рудника трясли нам руки и благодарили, потому что, в общем-то, это была их работа, а не наша, и мы им сэкономили три дня.

Свою первую буровую наш Первенец ставил уже близ Нефти, на узкой поляне, прижатой лесом к обрывистому берегу глубокой речки. Кибер делал здесь все осторожно, не спеша, в явно замедленном темпе, потому что мы специально вложили в него поверхностно, с вертолета заполненный блок местной памяти.

Однако уже на третий день он стал действовать быстрее, увереннее и на четвертое утро радировал нам, что буровая готова к работе. За эти три дня Первенец ни разу не вышел на самый край речного обрыва, хотя причудливая линия берега была заложена в блоке местной памяти весьма приблизительно. Первенец самостоятельно уточнял ее с расстояния не меньше пяти метров.

Нат приказал Первенцу включить буровую и исследовать первые два керна. Уже к концу дня мы получили по радио короткий и точный анализ, к которому Нат, взявшийся затем за керны своими руками, не мог добавить ничего существенного.

Когда пробы на буровой были закончены, я попросил Бруно доложить Совету, что теперь нам нужно разрешение на испытания в южных районах.

— А почему ты не хочешь доложить сам? — спросил Бруно.

— Зачем? Ты же член Совета!

— А ты руководитель лаборатории.

— В данном случае это несущественно.

— По-моему, в данном случае несущественно то, что я член Совета.

Бруно почему-то заупрямился, и я не стал настаивать. Может, ему так же, как и мне, неохота иметь дело с Женькой Верховым, который сейчас председательствует? В общем-то, я знал, что Бруно не питает к нему симпатий, хотя мы никогда и не говорили об этом. Я просто решил переждать два дня — последние два дня первого Женькиного председательства в Совете. Не хотелось ни докладывать ему, ни даже просто видеться с ним. Через два дня придет в председательский кабинет архитектор Теодор Вебер, и я все решу с ним.

Вебер, как и обычно, был деловит и немногословен.

— Обсудим, — пообещал он. — Завтра же. Но, если хочешь знать мое мнение, — я не советовал бы лететь с одним кибером. Сделайте хотя бы еще двух — это недолго, эталон уже есть. Зато это избавит вас от вторых испытаний. По трем эталонам сразу можно начинать производство.

Совет был логичный, и мы, шумно посовещавшись в своей тихой лаборатории, в тот же день начали копировать Первенца. Точнее, даже не копировать, а размно-

жать, так как решили делать двух его братьев одновременно, параллельно.

Вечером, уже вернувшись домой, я сообщил Веберу по радиофону о начале этой работы. Глуховатый, спокойный голос как-то даже зазвенел в динамике радиофона, и я понял, что Вебер рад.

— Когда думаете закончить? — поинтересовался он.

— Ориентировочно — две недели. Копировать легче.

— Я очень рад за вас, ребята, — признался Вебер. — Возможно, через две недели ваши испытания пройдут намного спокойнее, чем прошли бы сейчас. Сегодня было сообщение от Марата. Он обещал добрые вести в ближайшие дни.

— Что-нибудь связанное с «данью»? — спросил я.

— Для нас важнее, Александр, что это связано с миром.

Сообщение Марата передавали на следующий день по радио. Оно не было очень уж радужным, но во всяком случае вселяло надежду на то, что отравленные стрелы со временем все-таки перестанут в нас лететь. Наши «посылки» с посудой, все более разнообразные, постепенно делали свое дело. Племя уже привыкло пить из наших чашек, носить воду в наших ведрах, собирать съедобные растения в наши сумки. И теперь Марат варил в наших котлах мясные супы, которых еще не знали в племени. Эти супы так нравились дикарям, что Марату грозило бы превращение в главного повара, если бы он, догадавшись об этом, не стал сразу готовить себе заместителей. В основном из молодежи.

Тысячи часов уходили раньше у ра на изготовление кожаных мешков для воды, плетенок из коры и сухожилий — для добычи, долбленых деревянных корытец — для питья. Теперь эти часы люди тратили на охоту, на сбор грибов и съедобных трав. У племени стало больше еды, и по вечерам старейшины громко благодарили «родичей» Марата, которые заботились о своих соседях.

Многие чашки и ведра перекочевали уже в племя гезов, и гезы снова приходили посмотреть на Марата и на этот раз благодарили его. А когда он снабдил гезов тремя большими рыболовными сетями из капрона, когда гезы испробовали их в деле и убедились, что необычно тонкие сети не рвутся, Марат был приглашен на стоян-

ку племени, и вождь гезов Родо громко назвал его своим братом.

Чтобы закрепить это почетное «родство», Марат просил прислать еще несколько сетей.

Мысль о мире и о «дани» с землян, которую подбросил Марат старейшинам ра, постепенно становилась главной темой разговоров в племени. Большинство племени явно хотело мира. Большинство людей всегда и везде хочет мира. Но немало молодых охотников-ра все еще считали мир унижением, отступлением от завета предков, даже предательством. Второй по силе охотник племени — Чок — убеждал всех, что богатства соседей не надо ждать с неба. Когда племя «длинноногих» — так называли нас — будет перебито, ра достанутся все его богатства, а не те крохи, которые «длинноногие» дают сами. И, овладев всеми этими богатствами, ра станут самым могучим племенем на земле. А кому же не хочется, чтобы его племя стало самым могучим?

Эти споры в племени шли долго и горячо, и Марат демонстративно не вмешивался в них, но был уверен, что скоро они дадут первые результаты. Старики уже спрашивали у него, кто мог бы сообщить племени условия мира.

— Кто-нибудь из моих родичей, — ответил Марат. — Из тех, кто отправлял вам посуду. Пригласите его — он прилетит.

— Как его можно пригласить?

На этот раз Марат уже не хотел пользоваться радио.

— Пошлите гонца, — посоветовал он. — Пусть гонец идет в Большую Хижину. (Так называли ра наш Город.) А я по воздуху попрошу, чтобы родичи этого гонца встретили и чтоб его никто не обидел.

— А если его убьют?

— Тогда убейте меня.

Видимо, это убедило старейшин, потому что они больше не задавали Марату вопросов о безопасности гонца.

— Будем надеяться, что они решатся, — заканчивал Марат свое сообщение. — Возможно — скоро. Я очень хотел бы, чтобы это случилось уже вчера. Но естественные события нельзя торопить. Тогда они станут не совсем естественными.

Под конец Марат попросил с каждой «посылкой» присылать ему побольше молока. Он задумал приохотить к молоку детей племени. А если дети привыкнут — можно будет убедить старейшин завести корову или двух.

— Быть мне со временем инструктором-дояром, — пошутил Марат, — хотя я и сам смутно представляю, как это делается... Салют, ребята!

...Мы копировали своих киберов и ждали от Марата следующего сообщения. Почему-то всем нам в лаборатории думалссь, что это следующее сообщение может самым прямым образом сказаться на судьбе наших испытаний в южных районах.

Так оно, в общем-то, и получилось. За день до того, как мы сообщили Веберу об окончании работы, Марат передал по радио, что в Город, к Михаилу Тушину, отправляется гонец племени ра. Этого гонца старейшины решили послать, несмотря на протесты молодых охотников, несмотря даже на то, что эти охотники грозили не подчиниться решению самого вождя. Однако и самые непримиримые, по словам Марата, обещали не тронуть посла «длинноногих», ибо законы гостеприимства священны для всех в племени.

Впрочем, этих особенно непримиримых молодых охотников было немного — десятка полтора. Серьезной опасности для нас они не представляли. Наш материк слишком велик, чтобы пятнадцать стрелков из лука могли стать на нем серьезной опасностью. И поэтому Совет быстро разрешил нам испытания киберов в южных районах, с непременным условием, однако, чтобы вся зона испытаний была в первые же дни поставлена под сплошную силовую защиту. По существу, не создав защиты, мы не имели права начинать испытаний.

26. Нам все благоприятствовало

— Я — за Южный полуостров! — решительно сказал Нат и громадной рукой, покрытой рыжеватой шерстью, прихлопнул по блестящему зеленому пластику стола.

— Доводы? — поинтересовался я.

— Прежде всего — разнообразие ископаемых! Это местный Урал!

Я улыбнулся — вспомнил, как на Севере геолог Нурдаль тоже называл мне местным Уралом Плато Ветров.

— Ты не веришь? — Нат вспыхнул.

— Почему?

— Ты усмехаешься.

— Просто вспоминаю. Мне уже называли здесь одно место Уралом.

— Тебе называли н е т о место! — Нат снова прихлопнул громадной рыжей кистью руки по столу. — Урал здесь один — горы Южного полуострова. И киберов лучше всего испытывать именно там! Где еще и развернуться машине?

— А почему не в Зеленой Впадине? — спросил Грицько.— Близко. Полезно. Может, мы с первых же буровых дали бы Заводскому району газ? Или нефть?

— Не дали бы мы с первых буровых ничего! —твердо отчеканил Нат. — Геофизики забросили эту Впадину, как только появились ра. Сейсморазведка там была только первичная, полуслепая. А нужна детальная. Без детальной сейсморазведки нефть не ищут! А роботам сейсморазведка не под силу.

— Не скажи...— Грицько с сомнением покачал головой. — На Плато Ветров нашли нефть безо всякой сейсморазведки.

— Это случай, — хмуро заметил Бруно. — Действительно, слепой случай, Гриць. И потому он так дорого нам обошелся... Искали-то ведь там не нефть.

Грицько опустил темные свои глаза. Ему не надо было рассказывать, как случилось все там, на Плато. Бруно там не было. А мы с Грицько были.

— Потом — сторона этическая, — сказал Бруно. — Впадина для ра — заповедник. И вот в первые же дни мира мы вторгаемся в их заповедник, начинаем там звенеть, греметь и мусорить, пугаем зверя. Думаешь, это вызовет дикий восторг у племени?

— Южный полуостров — у них тоже заповедник! — мрачно бросил Грицько.

— Другой! — Нат покачал в воздухе ладонью. — Совсем другой заповедник, Гриць! Там не животные.

Там растения. А растений мы не тронем. Ра увидят это и поймут.

— Ни черта они не поймут! — Бруно безнадежно покачал головой. — Что тут ставить защиту, что там — одинаково. Но, в общем-то, я тоже за Южный полуостров. И по этическим соображениям, и по профессиональным.

— А почему вы не говорите о бухте Аномалии? — спросила Ружена. — Ведь там могут быть не только железняки.

— Слишком близко к стоянке ра, — возразил я. — Они могли бы счесть это уже наглостью.

— И потом — блоки местной памяти, — добавил Нат. — По Южному полуострову все-таки кто-то ходил. И по Впадине — тоже. А бухту Аномалии и ее побережье мы знаем только с вертолетов. Условия испытаний даже будут не средними.

— Они будут самыми трудными, — уточнила Ружена. — А как раз это и надо для испытаний. Что же ты молчишь, Сандро? Скажи свое веское слово!

— Я уже сказал.

— Не помню.

— Эта бухта слишком близко к стоянке ра. Даже если бы там был третий Урал — я был бы против. Зачем осложнять отношения? Железа у нас пока хватает, а мира — нет.

Нат метнул на меня колючий взгляд — ему явно не по вкусу пришелся «третий Урал».

Все сходились на Южном полуострове. Это уже было ясно. Нат знал свое дело. И он знал Южный полуостров — это тоже была не последняя деталь.

И поэтому именно Южный полуостров мы решили предложить Совету. Окончательное решение выносил он, а не мы.

Через час я уже разыскал Вебера по радиофону.

— Ну, что ж, Южный так Южный, — сказал Вебер. — Вам виднее. Я лично не возражаю. Сегодня же соберу мнения остальных членов Совета. Монтелло можно не звонить?

— Да. Он согласен.

— Значит, сегодня вечером я тебя вызову.

— Хорошо, Тео, жду.

А на следующее утро мы уже знали состав экспедиции. Кроме нас пятерых, летели техник силовой защиты Нгуен Тхи и помощник главного геолога Эрнесто Нуньес. Нам выделяли два вместительных грузовых вертолета, один из которых мы могли все время держать в своем лагере. Это было шикарно — при наших постоянных нехватках о большем и мечтать не приходилось.

За день до нашего отлета вернулся из стоянки ра Федор Красный, который был представлен племени как старший брат Марата. В тот же вечер Красный выступил по радио и порадовал всех нас тем, что со старейшинами племени удалось договориться. Мы в достатке обеспечиваем и ра и гезов различной посудой, а гезов, кроме того, и сетями. Мы заботимся о том, чтобы даже у каждого ребенка в этих племенах была своя чашка и своя миска. Мы передаем охотникам-ра на ферме каждые шесть дней по бычку. Это, примерно, столько, сколько необходимо для детей племени. И еще мы начинаем снабжение племени ра тканями и обувью. Только начинаем — это наше предложение. Старейшины не просили, разумеется, ни ткани, ни обуви. А племя за все это перестает в нас стрелять.

— Правда, не все согласились с таким договором,— грустно признал Федор.— Не все, к сожалению, делается сразу. Группа охотников во главе с Чоком, о которой сообщал нам Амиров, заявила, что будет придерживаться закона предков — то есть убивать нас. Но старейшины предупредили их: тот, кто убьет «длинноногого», будет изгнан из племени. Возможно, эта угроза и подействует. Будущее покажет. Но пока мы должны придерживаться всех тех правил предосторожности, которых придерживались до сегодняшнего дня. Всех до единого! Ни одно из них не отменяется.

И все-таки, даже несмотря на это строгое предупреждение Федора, у всех нас появилось какое-то чувство первой победы. Пусть и не окончательной — но все равно победы. И, как предсказывал Вебер, улетали мы спокойнее, чем полетели бы две недели назад.

Все благоприятствовало нам — даже погода. Редкое в здешних местах солнце светило в день нашего отлета с самого утра и на полную мощь. Почти безоблачное небо голубело над Материком. Отчаянно-ликующе пели

какие-то птицы. Было почти жарко, и мы посдирали свси неизменные шерстяные куртки. И ничто, ну, совершенно ничто не предвещало для меня ужасного конца этого моего первого путешествия на Юг.

27. Самое страшное, что может быть с человеком

Вначале мы чувствовали себя на стоянке неуютно. Разбив палатки, мы разгрузили и отправили по радиолучу один вертолет и сейчас же стали собирать малое кольцо силсвой защиты вокруг лагеря. Лишь когда оно было собрано и невидимая стена окружила нас, мы облегченно вздохнули, разбрелись по палаткам и выспались. До этого мы почти сорок часов работали, не отдыхая.

Нашей экспедицией руководил изящный, гибкий, как профессиональный танцор, Эрнесто Нуньес, помощник главного геолога. Он и проснулся первым: ответственность обязывает. Когда я открыл глаза и высунулся из палатки, Эрнесто уже хлопотал во втором, еще неразгруженном вертолете, подтаскивал к выходу коробки с секциями большого кольца силовой защиты, а наш Первенец осторожно снимал эти коробки на землю.

Багровое закатное солнце скатывалось за лес, и в его прощальных лучах лопасти вертолета казались отлитыми из чистого золота. Было так тихо, что я услышал шорох листьев, звон кузнечиков в траве, далекую жалобную песню какой-то невидимой птицы. С юго-запада, из-за леса, тянуло влажной, соленой прохладой. Всего пятнадцать километров отделяли нас от моря. На поляне перед палатками цвели крупные, как на Северном Урале, колокольчики. Только они были не синими, а густо-коричневыми, с фиолетовым отливом по краям лепестксв и, словно земные подсолнухи, поворачивались на стебле вслед за солнцем. В густой, сочной траве пестрели маленькие цветы, напоминавшие чем-то багрово-белые земные георгины. Но оттого, что

лепестки этих цветов были в десятки раз меньше, чем у георгинов, цветы казались хрупкими, беспомощными и вызывали жалость, как все беспомощное. Лес, окруживший нашу небольшую полянку возле ручья, темнел плстной, непроходимой мрачностью. С нижних сучьев деревьев свешивались длинные темно-зеленые бороды мхов. С востока над лесом нависали такие же мрачные, почти черные скалы, у подножия которых и должны были начать свой путь наши киберы.

Я выбрался из палатки, размял затекшие мускулы несколькими упражнениями и, включив нашего второго кибера — его так и называли Второй — отдал ему через радиофон распоряжение и стал псмогать Эрнесто. Вчетвером мы успели разгрузить вертолет как раз к тому времени, когда начали вылезать из палаток остальные члены нашей экспедиции.

Солнце давно село, темнело тут быстрее, чем в широтах Города, и лес в двадцати шагах уже казался почти сплошной темно-синей стеной. Над поляной стремительно носились светлячки.

Сбившись в одну кучу, мы решили прежде всего поужинать.

За ужином Бруно заметил:

— А вообще-то вся эта наша возня с силовой защитой, может, и ни к чему. Лишь шестнадцать человек жаждут нашей крови. А площадь материка — почти полмиллиона квадратных километров. По теории вероятности...

— ...тебе как раз сейчас могут целиться в глаз, — закончил за него Эрнесто.

— Типун тебе на язык! — бросила Ружена. — Так ведь можно и аппетит испортить.

— Бруно прав! — буркнул Нат. — Больше половины времени потратим на защиту. Собирать да разбирать...

Нгуен Тхи принял это на свой счет и коротко предложил:

— Я могу один.

— Здесь женщина! — напомнил Эрнесто. — Мы не имеем права начинать испытания без защиты!

— Спасибо, что напомнил инструкцию! — Нат наклонил тяжелую рыжую голову. — Тем самым восполнен существенный пробел в нашем образовании. А также

сделано очень приятное для всех нас открытие. Ты слышишь, Ружена? Он, кажется, склонен признать тебя женщиной.

— Тронута до глубины души! — отозвалась Ружена. — Согласилась бы на недельку считаться мужчиной. Лишь бы не тратить вторую неделю зря. Но ведь наша инструкция и к мужчинам безжалостна. Она основана на полном равноправии!

Ружена, конечно, говорила все верно. Даже если бы ее не было здесь, мы все равно не имели бы права начинать испытаний без силовой защиты. На севере, возле Нефти, мы еще рисковали обходиться без нее. Но там многие без нее обходились — и на промыслах, и в геологических партиях. В те холодные места редко забредали привыкшие к теплу дикие охотники. Здесь же, во владениях ра, без защиты пока было невозможно.

Худенький, невысокий Нгуен Тхи наелся первым, поднялся и, включив прожектор вертолета, стал распаковывать секции основного силового кольца. Один за другим к Нгуену присоединялись остальные. Последним от ящика, который заменял нам стол, отвалился рыжий Нат. Ружена, проклиная «извечно-несчастную женскую долю», убирала со «стола».

Нам предстояло проложить восемнадцать линейных километров силовой защиты, которая должна была окружить участок, необходимый для испытания киберов. На этом участке, по старым записям Ната, были и пириты, и железняки, и цинковая обманка, и серебро, и марганец. Короче — нижнетагильская гора Высокая в миниатюре...

Из-за силовой защиты нам приходилось тащить с собой тяжелые, громоздкие аккумуляторы. Из-за силовой защиты почти вдвое увеличивался срок нашей экспедиции. Из-за этой же проклятой силовой защиты мы должны, как дрессированные мыши, крутиться на одном пятачке и так и не сможем посмотреть Южный полуостров, который Нат называл не только местным Уралом по богатству, но и местной Италией по красоте.

В общем, мы просто ненавидели этого непримиримого охотника Чока и пятнадцать его неразумных друзей, которые сводили для нас на нет все мирные усилия

Марата. Если бы не эти упрямцы, наша экспедиция была бы совсем другой — и более быстрой, и более интересной.

Мы распаковывали секции силовой защиты до середины ночи, пока не устали и снова не захотели спать. Нат хотел было даже сразу же, ночью, начать установку этих секций на местности — от берега ручья.

— В темноте безопаснее,— уверял Нат.— В темноте им труднее целиться.

Но мы, конечно, не пустили Ната в темноту, не стали выключать малого силового поля. Кто знает, что за его невидимыми границами? Может, и на самом деле чьи-то глаза из леса следят сейчас за каждым нашим движением, подстерегают первую же нашу ошибку? Мы работаем, мы не следим за другими, и поэтому в начале борьбы мы всегда в невыгодном положении. Тот, кто работает, не думает о нападении. Нападает обычно тот, кто следит за работающими.

Мы начали установку секций основного силового кольца на следующий, третий день нашей экспедиции и продолжали на четвертый. И на пятый у нас еще осталось порядочно работы. А потом, в конце экспедиции, два дня нам предстояло все это разбирать и укладывать в вертолет. Потому что силовой защиты на материке не хватало. А переносной — особенно. Нам слишком многое приходилось защищать. В общем, неделю жизни, как говорили в старину,— коту под хвост.

На четвертый день Бирута вызвала меня к рации, потому что радиофоны на таком расстоянии уже не действовали.

— Как ты там, Саш? — спросила она.

— Нормально, Рут. Как ты?

— Мне плохо без тебя, Саш! Очень плохо! В последнее время я совсем не могу без тебя.

— Мне тоже без тебя плохо. Но что ж делать? Еще десять дней надо потерпеть.

— Зачем ты кривишь душой, Саш? Я же все понимаю. У тебя там полная идиллия. Никто не мешает.

— Рут, не надо! Будь умницей, Рут! Я скоро вернусь и потом очень долго никуда не поеду. Понимаешь? Столько, сколько тебе будет нужно, никуда не поеду.

— Это все слова, Саш. Я устала от слов. Мне просто

нужно видеть тебя. Все время. Тогда я спокойна. Смотри — я могу прилететь.

— Не надо так шутить, Рут! Здесь опасно.

— Я не шучу. Ты же знаешь мою старую теорию. Опасно везде! Безопасных мест во Вселенной нет. Так что это меня не остановит. Просто я не хочу делать больно ни тебе, ни себе. Не хочу неожиданностей. Поэтому предупреждаю, что могу прилететь, если не выдержу.

— Этого нельзя, Рутик! Просто нельзя!

— Я все тебе сказала, Саш. Пока. Целую тебя.

— Рут! Я надеюсь на твое благоразумие!

— А разве я не благоразумна? Я ведь могла и не предупреждать тебя.

— Рут!..

Мой голос ткнулся в глухую тишину. Бирута уже отключилась.

Я все еще не верил. Мне все еще казалось, что она просто жестоко шутит. Не может же она, в самом деле, прилететь сюда! Ведь она уже не одна. Ведь она не имеет права рисковать сразу двумя жизнями!

В эту ночь я не смог уснуть. Лежал на своей койке с открытыми глазами, глядел в тускло белевший в темноте купол палатки, слушал ровное дыхание Бруно на другой койке и думал о Бируте, о нашей с ней давней встрече, о нашей жизни, о нашем сыне, который уже скоро, совсем скоро должен появиться. В нашей жизни все вроде было правильно. Но, может, слишком правильно? Когда что-то «слишком» — это уже плохо. А давние неправильности потом, наверно, так согревают душу!..

Что-то перекосилось у нас с Бирутой.

Люблю ли я ее? — Нелепо спрашивать! У меня нет более близкого, более родного человека, чем она. И нет более желанного.

Сержусь ли я на нее? — Разве можно сердиться на нее вообще? А сейчас — особенно. Тем более, что я на самом деле виноват перед ней. Хотя и не так, как она думает. Что бы она сейчас ни сказала, что бы ни сделала, как бы ни обидела меня — ей все прощено заранее. Абсолютно все! Я просто не способен ни обидеться, ни рассердиться на нее. И даже теперь, если она на самом

деле прилетит, я не смогу рассердиться ни на ее безрассудство, ни на ее подозрения.

...Она все-таки прилетела. На другой же день, когда мы прокладывали уже последний километр большого силового кольца. Она без разрешения взяла вертолет на крыше Города, задала курс киберпилоту и потом, не имея точных координат, больше часа кружила над северными предгорьями полуострова, отыскивая наш лагерь.

В конце концов это надоело ей, и она вызвала меня по радиофону.

— Я близко, Саш,— сказала она.— Говори что-нибудь в микрофон. Я полечу на твой пеленг. А то я тут совсем заблудилась.

Кажется, я все-таки ругался в микрофсн. Нежно, ласково, но ругался.

Через десять минут вертолет Бируты опустился на полянке, возле нашего вертолета, на котором мы подвезли к последнему километру массивные секции силового кольца.

Конечно, все переполошились и сбежались на полянку. Особенно почему-то волновался Эрнесто.

— Что случилось? Что случилось? — кричал он, подбегая к Бируте, которую я снимал с лесенки вертолета.

— Ничего! — Бирута удивленно подняла пушистые светлые брови, помотала головой.— Просто я прилетела на свидание к своему мужу.

Нат довольно громко хмыкнул и неловко, как-то по-медвежьи, повернулся, чтоб идти обратно, к месту работы. За ним медленно и молча потянулись остальные.

Мы остались с Бирутой на поляне вдвоем.

— Ты хоть взяла ЭМЗ? — спросил я.

— Знаешь, как-то не подумала... — Бирута развела руками.— Да и зачем он? Вы же работаете без ЭМЗов. И вообще — теперь мир.

До чего же хотелось мне в этот момент назвать ее хотя бы дурой!

— Рутик! — предложил я.— Давай отвезу тебя в наш лагерь. Там есть силовое кольцо, и ты спокойно отдохнешь, пока мы не вернемся с работы.

Она улыбнулась, отрицательно покачала головой.

— Это неразумно, Саш. Я не для того сюда летела, чтобы сидеть взаперти. Достаточно насиделась дома. Теперь хочу быть с тобой.

— Но я должен работать, Рут!

— Работай! Разве я тебя задерживаю? Я сяду в сторонке и никому не буду мешать.

— Я был бы спокойнее, если бы ты осталась в вертолете. И задвинула дверцу.

Она снова покачала головой из стороны в сторону и улыбнулась. Добро и снисходительно — как маленькому.

— У тебя просто какое-то болезненное желание запереть меня в замкнутое пространство. Ты не находишь это странным?

У меня бессильно опустились руки... Я просто не знал, что делать, что говорить ей. И помочь мне никто не мог. Все уже ушли с полянки в глубину леса, где у подножия горы мы тянули последний километр этого осточертевшего силового кольца.

Да и если бы не ушли — что изменилось бы? Кто способен тут помочь? Что вообще в силах помочь, когда самый дорогой, самый любимый человек не слышит доводов разума и упрямо, бессмысленно идет навстречу опасности?

— Пойдем ко всем,— предложила Бирута.— Я не обещаю, что сразу помогу вам, но, по крайней мере, пригляжусь. Может, удастся помочь.

— Ты надолго сюда?

— Пока не надоест. И оставим эту тему, Саш!

— Надо хотя бы сообщить в Город. Ведь там хватятся вертолета.

— Я сообщила. Когда ты дал мне пеленг, я послала радиограмму на диспетчерский пункт.

— Там, конечно, пришли в восторг?

— Не знаю. Радиограмму приняла машина. А дожидаться, пока она доложит диспетчеру, я не стала — переключилась. Ну, так пойдем, милый?..

Она, конечно, не смогла нам помочь — это было и не нужно и невозможно. Слишком тяжелы силовые секции. Мы даже Ружене не позволяли их поднимать, и она вместе с Нгуеном лишь замыкала проводку.

Утомившись после дороги, Бирута присела на неболь-

шой прогалине, метрах в тридцати от нас, где были сложены наши термосы, куртки и сумки с инструментами.

Каждые полчаса я бросал работу и шел посмотреть на Бируту. Она навела порядок в наших разбросанных вещах, вынула перочинный нож из моей куртки и стала собирать в пластикатовый пакет от бутербродов какие-то листики с кустов, травинки, головки цветов. Она, кажется, решила составить гербарий — для своих учеников. Ведь впервые Бирута была на юге материка и впервые видела здешние растения.

Кругом было удивительно тихо. Только птица почти непрерывно верещала где-то над головой.

Увидев меня, Бирута улыбалась и слегка помахивала мне пальцами: иди, мол, не волнуйся, у меня полный порядок.

Успокоившись, я возвращался к товарищам, и подтаскивал секции, и тянул вместе со всеми линию. Скорей бы уж она замкнулась! Скорей бы уж пустить ток! Сегодня мы должны были это сделать. До темноты. Чтобы завтра с утра начать испытания.

— Может, ты вернешься с Бирутой в лагерь? — тихо предложил Эрнесто.— Мы справимся сами. Уже немного осталось.

Я отказался. Стыдно было улететь с Бирутой в лагерь и запереться там в силовом кольце, когда остальные работают в лесу.

Уже под конец дня, когда солнце катилось на запад, и красноватые его лучи, пробившись под густую листву сбоку, вызолотили стволы деревьев, кто-то словно толкнул меня в бок.

Я оглянулся. Рядом никого не было. Ближайший ко мне, Нат, работал метрах в трех от меня.

Я снова нагнулся над секцией, вгоняя ее шипы в пазы уже уложенной секции, и снова почувствовал какой-то непонятный толчок в бок.

Я распрямился, недоумевая, и вдруг словно кто-то крикнул мне: «Бирута!»

Ничего никому не сказав, я кинулся к прогалине.

Я бежал быстро, и ветки хлестали по лицу и по рукам, и я сам еще не знал, почему мчусь со всех ног.

Когда я вырвался на опушку, Бирута сидела в траве

и деловито засовывала какие-то листики в пластикатовый пакетик. А на другой стороне прогалины, за деревом, боком ко мне, стоял невысокий широкоплечий ра. И его широкая смугло-зеленоватая рука оттягивала стрелой тетиву лука.

Ра целился не в меня — иначе я не увидел бы его. Он целился в Бируту.

Конечно, он не мог не слышать, как я шумно выскочил на прогалину. Но он не повернул ко мне головы. Даже не шелохнулся.

И по этой его неподвижности я мгновенно понял, что он уже прицелился.

Думать было некогда. Я выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в широкую, сильную руку, чтобы она не успела спустить тетиву.

Я услышал два крика одновременно — тонкий, испуганный крик Бируты и удивленный рев раненого ра. Я бежал к Бируте большими скачками и с ужасом слышал, как тонкий крик ее затихает на немыслимо, нечеловечески высокой ноте.

Так и есть! Этот убийца все-таки успел выстрелить. Бирута лежала неподвижно, и из глаза у нее торчала стрела. Как у Риты, у Ольги, у всех наших женщин и мужчин, убитых дикарями, ради счастья которых мы навсегда покинули свой дом и холодными ледышками мчались через космос.

Я выдернул стрелу и поднял Бируту на руки. Она была мягкая, податливая и теплая. Она еще дышала — редкими, судорожными, резкими вздохами.

Я побежал с ней к вертолетам, хотя и понимал, что ее уже не спасти.

Она перестала дышать у меня на руках, и я невольно остановился, чтобы прислушаться — может, еще стукнет сердце? Я не услыхал ее сердца. Но услыхал яростные, быстрые толчки в ее животе. Это стучался мой сын — он задыхался, он умирал вслед за матерью, и я ничем не мог помочь ему.

Меня уже догоняли — видно, услыхали выстрел. Но пока Бруно громадными скачками добежал до меня, мой сын перестал стучаться — он задохнулся.

Бруно отобрал у меня Бируту, и я кивнул кому-то через плечо.

— Там... этот убийца... Он ранен...

Не знал я — ранен он или убит. Мне было все равно в тот момент. После того, как на моих руках перестала дышать Бирута, после того, как задохнулся мой сын,— мне все стало безразлично. И эти дикие, неразумные ра, и вся эта зловеще красивая зеленая планета Рита, и даже далекая моя, чрезмерно добрая Земля, зачем-то пославшая меня на эту муку, и сам я, и вся моя никому не нужная теперь жизнь — все стало безразлично.

По существу я умер. Умер в тот момент, когда перестал стучаться в животе Бируты мой сын.

Я знал, что я преступник, что меня ждет изгнание,— но это было все равно. Это уже не имело абсолютно никакого значения. Жизнь кончилась. Я переступил ее грань. А по ту ее сторону... Что может взволновать нас по ту сторону нашей жизни?..

28. Опять теряю Таню

Когда все кончилось, когда все вернулись с маленького кладбища недалеко от Города, меня тихо, незаметно увели к себе Бруно и Изольда Монтелло. У них вскоре оказались Доллинги и часа через два утащили меня в свою квартиру. От Доллингов меня увели к себе Али и Аня, а к Бахрамам за мной пришел Михаил Тушин.

Но в конце концов, где-то уже под утро, когда серый, пасмурный рассвет царапался в окна, я все-таки попал в свою квартиру. Один. Я все время хотел остаться один. Даже сам не знаю, зачем. Но никто этого не понимал, все как раз именно этого и боялись, и старательно передавали меня «по цепочке». А сказать я не мог. Только мама поняла и остановила Тушина, когда он собрался было пойти со мной.

Я ходил по своей квартире из угла в угол и почему-то боялся присесть. И все чего-то искал. И не понимал, чего ищу.

Дома все было убрано, чисто, все на месте, как пе-

ред приходом гостей — никаких следов торопливых сборов.

Потом я увидал высовывающиеся из-под туалетного столика разношенные домашние тапочки Бируты. И нагнулся за ними, и взял их в руки.

Мне показалось, что тапочки еще хранят тепло ее ног. Но тут же я подумал, что это бессмыслица, что такое может только показаться.

Одни лишь тапочки были не на месте. Обычно Бирута оставляла их в коридоре.

Значит, все-таки она спешила. Уговаривала себя не спешить, а в душе — спешила. Это должно было хоть в чем-то проявиться.

Перед зеркалом стояло мягкое низкое кресло. Я опустился в него и наугад выдвинул ящик — верхний, самый плоский.

В глаза мне ударил синевато-черный блеск вечерних бус, затем слепо, незряче глянули желтые янтари. На Бируте всегда было что-то янтарное — или бусы, или серьги, или брошка, или кольцо с янтарем. Янтарь был для нее символом Латвии, памятью о доме.

На ней и сейчас, в земле, янтарный медальон.

Я выдвинул следующий ящик. Он был полон нейлоновых перчаток, шарфиков, каких-то вуалеток. Никогда не видел Бируту в вуалетке... Зачем ей все это?..

В нижнем ящике, сбоку, притулилась тоненькая пачка писем. Откуда? Неужели она везла письма с Земли?

Взял пачку в руки, посмотрел на первый конверт. Так и есть! Это мои письма! Я писал их, когда был дома, на Урале, а Бирута улетала в отпуск к родителям, в Прибалтику.

Смешные письма! Я тогда просто не знал, что писать, потому что каждый вечер мы разговаривали по видеофону. Но Бирута очень хотела получать от меня письма. И я их писал каждый день — просто так, всякую чепуху.

Тогда это желание казалось мне капризом. Но было приятно выполнять и капризы.

А теперь я вдруг понял, что Бируте просто нужна была пачка писем. Каждая женщина хочет иметь пачку старых писем от любимого человека. А ведь на Рите писем не получишь!

Я медленно перебирал их. Они были сложены по по-

рядку, так, как Бирута получала — каждый день письмо. Я очень хорошо помнил, что в них, хотя по часам Истории меня отделяли от них сто лет. Но ведь это неощутимые сто лет. А ощутимых — немного больше года.

Я перебирал знакомые конверты и вдруг увидел незнакомый — маленький конверт, надписанный не моею рукой. И адрес на нем был не тот — не Меллужи в Латвии, а Третья Космическая. Так и написано: «Третья Космическая. Бируте Тарасовой». И знакомый почерк!

Теперь, наверно, уже можно прочитать это письмо. Даже если в нем — прошлая любовь Бируты. Теперь ее тайны уже не имеют значения.

Впрочем, вряд ли тут прошлая любовь. Слишком уж знакомый почерк! И очень характерное «т» с хвостиком. Когда-то я часто видел такое «т».

Плотная бумага высохла, пожелтела на сгибах. Для бумаги все-таки прошел не один год.

«Дорогая Бирута! — прочитал я.— *Вам пишет человек, которого Вы не знаете, но о котором, возможно, слыхали от своего мужа...»*

Только теперь я узнал почерк Тани, моей Тани!

«...Он мог и ничего не говорить обо мне. Мог сказать коротко: «Да, была одна девушка. Ушла к другому».

Я знаю, он не скажет обо мне плохого, хотя, наверно, нельзя причинить боль сильнее той, которую причинила ему я.

Но так было нужно, Бирута. Не для меня — для него. Сейчас Вы все поймете.

Пишу Вам тогда, когда уже ничего, абсолютно ничего нельзя изменить. И я не хочу ничего менять — иначе все муки, которые перенесли и он и я, были бы напрасны. Я узнала Ваше имя из радиопередач и решила, что Вы должны знать все, как было, а он не должен знать ничего. Надеюсь, Вы не покажете письмо. Оно причинило бы боль — на этот раз совершенно бессмысленную.

Меня зовут Таня. Я училась с Александром в одном классе — с самого начала и до самого конца школы. Я знаю Шура так, как уже никогда никого не буду знать. И я люблю его — кажется, с того дня, когда вообще услышала слово «любовь». Ни в кого больше за всю жизнь не влюблялась.

А он полюбил меня позже. Много позже.

Я сильно болела в детстве. И это сказывается до сих пор, хотя и внешне и по образу жизни я совершенно здоровый человек. Но мне многого нельзя. На всю жизнь.

Я понимала, что меня не возьмут на Риту. Но надеялась, что не возьмут и Шура — слишком велик выбор. А за три дня до последней проверочной беседы, случайно, из разговора ничего не подозревающих взрослых узнала, что берут двоих из нашей школы — Тарасова и Верхова.

В школе еще никто об этом не знал. Даже директор.

Если бы планета Рита была для Шура всего лишь детским увлечением, блажью, капризом,— я, конечно, не сделала бы того, что решила сделать. Но, на горе мое, Шур заболел этой планетой чуть не с первого класса. Она была его мечтой, жизнью...

Я не могла лишить его мечты.

Он отказался бы от «Малахита», когда объявили бы, что я туда не попаду. Не испугался бы ни обвинений в трусости, ни насмешек. Он сказал мне об этом еще в седьмом классе.

Но, конечно, этот отказ сломил бы его. Он сам не был бы потом счастлив, и я бы с ним не была счастлива. Отец не раз говорил мне, что когда в юности у человека ломают самую большую, годами выношенную мечту,— это значит, ломают человека вообще. И, каким бы упорным он ни был,— все равно в его душе остаются шрамы, и он уже никогда не сможет дать обществу того, что мог бы дать, если бы вышел в жизнь без излома.

Я просто не могла допустить, чтоб у Шура сломалась мечта.

Тогда я выдумала себе «другого». И написала дикое, жестокое письмо, которое сразу, одним ударом должно было излечить Шура от любви ко мне.

Я отдала письмо до объявления результатов. Иначе Шур мог бы не поверить. А просто сказать — не могла. Язык бы не повернулся. На бумаге почему-то лгать легче.

Зачем я написала Вам? — Еще сама точно не знаю. Но чувствую, надо написать, раз вы улетаете с Земли навсегда.

У нас в школе многие девчонки были влюблены в Шура. Он вообще из тех, кто нравится девочкам. Но он

настолько не способен любоваться собой, что никогда не замечал этого.

Девчонки завидовали мне. А я завидую Вам. И я люблю Вас — уже только за то, что Вы ему дороги, что Вы даете ему счастье. Берегите его!

Ваша Таня».

...Я очень долго держал в руках мелко исписанные листки и не решался опустить их.

В эти минуты я терял Таню еще раз.

Кажется, слишком много я потерял подряд.

Вспомнилось, как читала Бирута это письмо в просторном холле Третьей Космической. Как сунула его в карман и потом ничего мне о нем не сказала. Только ходила задумчивая. А я еще возомнил тогда всякую чепуху. Какой я был идиот!

Неужели Бирута так рвалась на Юг потому, что хорошо помнила письмо?

Теперь уже никогда не узнать этого.

29. Какой бог из меня получится!

Врачи сказали, что охотник-ра вне опасности. У него пробита кисть и раздроблен плечевой сустав. Кисть срастется через неделю, а сустав уже вставили капролитовый — будет не хуже своего. Через две недели ра может быть совершенно здоров. Или через месяц — потому что наши эскулапы вынуждены лечить этих убийц по-старинке, медленно — нужно ведь время на «перевоспитание».

Марат сообщил, что из племени исчез Чок — главарь непримиримых. С его исчезновением непримиримые повесили нос и вроде собираются подчиниться общему решению племени. Так что, возможно, Бирута будет нашей последней жертвой. А может, еще и не последней? Кто знает?

Когда раненый пленник после операции пришел в себя, к нему впустили его соплеменников, которые уже обжились у нас. И они узнали Чока.

Вот, значит, что он за птица!

Но, кем бы он ни был, он будет жить и работать, он еще станет Человеком и будет счастлив. Наверняка со временем у него появятся жена и дети.

В общем, я могу не уходить в «боги». Так сказали все друзья. Так решил Совет.

Но я все-таки уйду. Так решил я.

Видимо, Марат был прав гораздо в большем, чем казалось мне тогда, когда я пытался с ним спорить. Видимо, какие-то очень важные, даже самые главные вещи человек способен понять только через свое страдание и не способен понять через чужое. Даже если очень хочет понять. Тут не на кого и не на что сетовать. Разве что на природу, которая создала нас далеко не такими совершенными, как хотелось бы. Но совершенными могут быть лишь киберы. А мы не киберы, мы люди. И всегда чего-то не понимаем или понимаем чересчур поздно.

Конечно, нам нужна была прочная база на этой планете. Конечно, мы должны были обеспечить благополучие наших жен и детей.

Но ведь благополучие можно создавать вечно. Предела ему нет.

Наверно, мы все-таки слишком долго держались в стороне от жизни соседних племен. Платили за это кровью, но упрямо действовали так, как было намечено сто с лишним лет назад на Земле. А на Земле нельзя предусмотреть всего. Да еще за столетие. Видимо, только киберы не должны выходить за пределы своей заранее заданной программы.

Теодор Вебер, кажется, первый здесь стал понимать все это. А Марат первый осуществил то, что подсказывала ему совесть.

Конечно, нелепо винить остальных — не всем дано быть первыми.

Но я решил идти по следам Марата.

Два вечера я вызывал его по радио. Наконец, поймал, и мы проговорили полночи.

— Может, тебе нужен помощник? — спросил я.— Могу выучить язык и прилететь к тебе.

— Я справлюсь один, Сандро,— ответил он.— Спасибо! Двое в одном племени — это уже перебор. Главное

здесь сделано. Лед тронулся. Они начали думать. Сделаю и остальное. Я ведь здесь надолго. А тебя ждут другие племена. Я знаю — ты сделаешь свое племя просвещенным и сильным. Но опасайся — как бы это не привело к его господству над другими племенами. И не забывай меня, Сандро. Через день около полуночи — моей полуночи! — мы сможем советоваться.

Но немало советов Марат дал мне и в эту ночь. И, кажется, в новой жизни я начну все по его советам. Ведь он лучше всех здесь знает дикарей — и по своему личному опыту, и по той научной работе, которую в школьные годы вел на Земле.

Я уйду на далекий, Западный материк. Там не был еще никто из наших трех кораблей. Я буду первый. Где-то на крайнем юге этого материка стоит громадная базальтовая глыба — памятник Рите Тушиной. Я с детства мечтал поклониться этой могиле.

Может, теперь поклонюсь?

На этом материке я или погибну, или добьюсь того, чтобы хоть какие-то племена ждали землян как друзей, встречали их как братьев.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце!» — так когда-то говорил Тиль Уленшпигель.

А в мою грудь все время стучит мой задыхающийся, погибающий сын, которому я не мог помочь.

Но не к мести зовет он меня. Кому мстить? Если бы они ведали, что творят!..

Я человек великой земной коммуны. И коммуна прислала меня сюда не для того, чтобы мстить.

Однако не жалею я и о том, что стрелял в Чока. Я пытался, я должен был спасти двух самых близких мне людей. И, если бы промедлил в тот миг,— проклял бы потом и уничтожил себя.

Все-таки случилось со мной самое страшное из того, что может случиться с человеком. Когда-то Мария Челидзе сказала: «Каждый думает, что самое страшное его минует».

И я так думал.

...Перед тем, как улететь на запад, я пришел на очередное заседание Совета и попросил меня выслушать. Но на заседании не было Женьки Верхова, а говорить без него я не мог. Пришлось срочно разыскивать его.

Женька прилетел через полчаса, и мы вместе вошли в кабинет председателя. Я заметил, что Тушин хмурится. Видно, он догадался, о чем я хочу сказать. Он явно был недоволен. Но я ничего уже не мог изменить. И не хотел. Надо же когда-то сказать правду! Никто здесь не знает Женьку так, как я. Никто здесь не ждет от него подвоха. И я буду преступником, подлецом, если промолчу, уходя на очень долгие годы, может быть, навсегда.

Я начал с того же, с чего начинал свою речь в Совете и Женька. Сказал, что знаю его с детства. И рассказал, как постепенно он шел от маленьких, детских подлостей ко все большим, потому что подлости сходили ему безнаказанно.

Я воспользовался Женькиным приемом и признал перед Советом свой давний грех — в юности я тоже, как и мои одноклассники, прощал Верхову мелкие подлости и тем самым невольно поощрял его, невольно толкал ко все более крупным.

Еще в детстве он сделал ставку на терпение других людей, на их нежелание мараться в грязи, выбрасывая эту грязь из жизни. Это был дальновидный расчет — я на себе испытал Женькину дальновидность. Но, как и всякий подлый расчет, он должен был когда-то не сработать.

Я отдал должное и Женькиным организаторским способностям, и его умению чутко уловить, чего хотят люди. Но, улавливая настроения и желания людей, Женька обычно старался сыграть на этом, чтобы возвыситься. Ибо это возвышение над другими давно стало смыслом его жизни. А такой смысл жизни у человека умного и энергичного — опасен для общества.

Я отнюдь не призывал изгонять Женьку из Совета. Он, видимо, полезен здесь и пусть будет полезен. Но я просил не позволить ему возвыситься над другими и властвовать судьбами. Ибо властвовать он стал бы неизбежно жестоко, безжалостно.

— Не позволим! — твердо произнес Бруно.— Диктаторы нам не нужны. Даже не жестокие. Лети спокойно.

И Вебер добавил:

— Спасибо, Сандро! Мы не забудем твоих слов. И понимаем, как трудно тебе было сказать их.

Мария Челидзе медленно, задумчиво водила розовым ногтем по лакированной поверхности своего столика. Так, не останавливая ногтя и не поднимая на меня взгляда, Мария спросила:

— Скажи, Сандро, почему ты молчал до сих пор? Почему не сказал об этом раньше?

Я больше всего боялся этого вопроса. Но я ждал его и был готов на него ответить.

— Видимо, потому, Мария, что я все время был рядом. И, если бы понадобилось,— первый остановил бы Верхова. А сейчас я ухожу.

Теперь Мария подняла на меня взгляд — тяжелый, испытующий взгляд холодных северных глаз. И я почему-то вспомнил другой ее взгляд — когда она провожала Вано в Нефть,— взгляд задорный, лучистый, ласковый.

— Я имела в виду другое, Сандро,— уточнила она.— Почему ты молчал на Земле?

Теперь опустил взгляд я. Куда денешься? Надо говорить как есть.

Я поглядел Марии прямо в глаза и признался:

— Конечно, я виноват. Но, если бы я сказал на Земле,— мы остались бы оба. А я хотел полететь!

— Что ж,— заключила Мария.— Это честно. У меня больше нет вопросов.

Когда я еще только начинал говорить, Женька слушал меня иронически. Я часто глядел на него и видел, как менялось его лицо. Вначале он, похоже, на самом деле был уверен, что я черню только самого себя. И легкая ироническая улыбка на его ярких тонких губах как бы жалела меня и, жалея, презирала. Он сидел спокойно, почти не двигаясь, и его красивые карие глаза, не мигая, выдерживали мой взгляд. Он всем своим видом отметал обвинения. Он не боялся их — показывал, что к нему ничего не пристанет.

Потом, когда я вспомнил, как он украл у Тани «Приветствие покорителям океана», Женька забеспокоился, и стал иногда отводить глаза, и побледнел, как всегда бледнел, когда волновался, и даже как-то сжался в кресле. Только ироническая улыбка застыла на его круглом белом лице, как маска. Но уже было понятно, что это маска, не больше.

И не только я понял это. Другие тоже старались теперь не смотреть на него.

На лице Тушина выражение явного недовольства постепенно сменялось выражением боли. Глубже стали морщины. Как-то ушли в себя, запали серые глаза. Тушину было больно вдвойне — и за Женьку, и за меня. Все-таки я не был ему чужим и, видимо, резало его по сердцу, что именно я иду против человека, на которого он возлагал столько надежд.

Выражение боли так и не ушло с лица Тушина, пока я был в Совете. Но что же делать, Михаил? Конечно, вам кажется, что мы все еще мальчики и многого не понимаем. Однако мальчики неизбежно становятся мужчинами. И порой — очень быстро. Особенно рано поседевшие мальчики.

Когда я кончил говорить о Женьке, я вынул из кармана и положил на стол председателя две последние коэмы, которые у меня еще остались. Одна была заполнена. В ней был фантастический рассказ Бируты, который знали уже здесь все земляне. Правда — первый, ранний вариант этого рассказа. Вторая коэма была свободна.

— Это та работа,— сказал я,— которую когда-то Верхов перехватил у меня на полпути. В «Малахите» я довел ее до конца. Здесь есть обратная связь — от коробочки к читателю. Или к зрителю, если угодно. Не нужен экран. Я оставил эти коэмы радистам Третьей Космической перед нашим вылетом. Вместе с описанием, копию которого оставляю сейчас Совету. Когда-нибудь это понадобится на Рите. Может, даже больше, чем на Земле. Потому что вот и ра и леры, даже когда умеют читать,— читать не любят. А коэмы на первых порах могут заменить им книги. Любят же эти люди сидеть в стерео! А тут то же самое. Только в одиночку. Я хотел потихоньку делать коэмы в лаборатории. Со временем отработал бы технологию. Но не успел. Думаю, что это будет нужно на планете. А наладить их производство не так сложно. Верхову вполне по силам.

Я кончил. Все молчали. Вебер вертел в руках одну из коробочек, косил глазом в листок описания. Потом спросил Женьку:

— Будешь отвечать?

— Нет.— Женька слегка покачал головой.— Что уж тут отвечать?

— Все отвергаешь?

— Тоже нет.— Женька снова покачал головой, и в голосе его прозвучала явная усталость. То ли искренняя, то ли нет — я не успел разобраться. — Если эти коэмы действуют так, как сказал Сандро... — Женька развел руками. — Кто же может их тогда отвергнуть? Но Совет, видимо, помнит — я говорил о главной роли Тарасова в создании коэм. Факты есть факты. На них, конечно, можно смотреть по-разному. И мне надо подумать над тем, как смотрят другие. Я тоже благодарен тебе, Сандро. Чем-то ты определенно помог мне. Даже крупно. Хотя, может, я и не сразу пойму все. Тут нужно время...

Казалось бы, этого достаточно. Если я заставил Женьку всерьез и по-честному задуматься над собой — чего еще надо? Но все же мне очень муторно было после Совета. Может, потому, что я недопустимо поздно сказал то, что давно должен был сказать. А может, потому, что я хорошо знаю земную историю и помню, как скромно, вежливо и самокритично начинали самые жестокие диктаторы далекого прошлого свой путь к неограниченной власти.

Хотелось верить, что здесь, на Рите, он станет невозможен, как давно уже абсолютно невозможен на Земле. Ах, как жаль, что Михаил Тушин, самый авторитетный здесь человек, так неглубоко знает земную историю! Но какое счастье уже то, что сам он напрочь чужд желания возвыситься над другими!

А история... Что ж, остальные члены Совета должны знать земную историю не хуже меня.

...И вот я шагаю по изумительно красивой здешней земле гигантскими шагами. Мой МРМ-5 несет меня над дорогой, которую машины прокладывают к будущему порту. Ее широкая, прямая, золотистая лента обрывается неожиданно, и я как бы отталкиваюсь от нее и перепрыгиваю с поляны на поляну, с одного берега реки на другой. Я шагаю по зеленым лесам и стальным озерам, за несколько минут перемахиваю длинный, извилистый, как норвежские фиорды, залив, на котором будет построен наш порт.

У меня за ухо заложен маленький приемник-наушник, и я слышу песню, которую, сидя в радиостудии, поет мне вслед Розита Гальдос:

Я пройду
Через тысячи
Бед.
Я вернусь
Через тысячу
Лет.
Я не брал
Ожиданья
Обет.
Я вернусь,
А тебя
Уже нет...

Потом она поет другие песни. Все любимые мои песни летят мне вслед и разносятся над планетой, где живут, может, миллионы людей и где никто, кроме горсточки нас, землян, не может услышать этих песен.

Теперь я уже иду над морем.

Впереди — огненная полоса заката. И над ней, как мрачные горы, темные, лиловые тучи.

Это не южное море. Это холодное северное море. Потому и закат тут в полнеба.

Я иду над морем на закат. И поднимаюсь все выше и выше.

Вот уже и тучи подо мною. Они светлы и праздничны сверху. И я легко перешагиваю с одной на другую.

Я поднимаюсь по тучам, как по ступенькам, и неожиданно слышу сквозь прощальные песни Розиты тонкий, дрожащий голос:

— Сандро! Сандро! Ты слышишь? Это говорит Сумико. Я узнала твою волну. Если я понадоблюсь тебе — позови. Я приду куда угодно. Когда скажешь. Моя волна — восьмая.

У меня на груди, в кармане защитного комбинезона, вшит маленький клавишный передатчик. Я нажимаю восьмую клавишу и говорю в микрофон:

— Спасибо, Сумико! Прощай, Сумико! Прощай!

Я знаю, что никогда не позову ее. Потому что это было бы невыносимое горе для ее мужа. А я не могу принести горе своему товарищу. Даже если бы мужем Сумико был Женька — я все равно не позвал бы ее.

Хоть в этом Бруно оказался плохим пророком! Мы остались людьми. Такими же, как на Земле. Мы не стали рвать друг у друга счастье из рук. И не станем.

Я иду на закат, ухожу все дальше и дальше от той, первой своей жизни, в которой было много радости и немало горя.

Я выберу на Западном материке какое-нибудь племя и спущусь к нему с неба. Найду его по кострам — для этого и полетел к ночи. Днем дикое племя не так-то легко найти.

А потом, если я останусь жив, мне пришлют по радиолучу вертолет со всем необходимым.

Мне еще жить бы да жить. Я очень молод. У меня крепкие руки, и сильные ноги, и мускулы, как камни.

Только волосы седые. Теперь уже совсем седые.

Мы тут все удивительно рано седеем. Вспоминаются запыленные, серые виски Марата, седеющий «ежик» Жюля Фуке, длинные, голубовато-серебристые пряди в светлых волосах Марии Челидзе. Даже Женька Верхов — и тот начал седеть, когда ушла от него Розита. Каким же он станет, когда она выйдет замуж? А она скоро выйдет...

Как и все мы тут, я видел столько, сколько хватило бы, наверное, на три полные жизни.

Я видел свою прекрасную Родину, невообразимо далекую, совершенно недостижимую теперь. В наш век не всем выпадает такое великое счастье. Уже многие тысячи людей в Солнечной системе и в звездных земных кораблях рождаются, живут и умирают, так и не побывав на своей Родине. А я как сейчас вижу улицы своего громадного родного города, столицы Урала, и свою школу на окраине, и поросшие лесом Уральские горы за ней.

Туда для нас нет возврата. Никто еще не возвращался отсюда туда.

Может, только внуки когда-нибудь?

Я видел и слышал Бесконечность. Настоящую Бесконечность, а не тесный, обжитой мирок Солнечной системы. Не всем дано видеть это. Даже в наше космическое время.

И я узнал другую жизнь, полную опасностей и горя, неведомых уже на моей Родине.

Мы сами выбрали себе такую жизнь. Нам не на что жаловаться.

А теперь я ухожу в неизвестность и из этой жизни. И кто знает — скоро она, наверно, покажется мне легкой и прекрасной. Ведь впереди — худшее.

Конечно, мне не хотелось бы уходить в неизвестность, расставаться с друзьями, с любимой работой.

Но так уж сложилось. В конце концов, ведь мы для того и летели сюда.

Я шагаю и шагаю по тучам на закат. Как дух. Как бог.

Но я не дух. У меня крепкое земное тело. И все земное нужно ему.

И пока я не бог. Мне еще только предстоит стать богом.

Впереди острова и заливы, леса и плоскогорья другого материка. Громадного. Неизвестного.

На нем сотни диких племен. Может быть, тысячи?

Я ничего не знаю о них, кроме того, что они — есть.

И какое из них — м о е?

Там, на этом Западном материке, я стану богом.

Никогда еще не был богом. И какой из меня бог получится?

Ведь ни в школе, ни в «Малахите» нас этому не учили...

1965—1968.

Конец первой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. ДАВЫДОВ
Я ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ 1000 ЛЕТ

Редактор Н. Каткова
Художник А. Тертыш
Художественный редактор Г. Кетов
Технический редактор Л. Голобокова
Корректоры Н. Давыдова, К. Ушакова.

Сдано в набор 7/X 1968 г. Подписано в печать 6/II 1969 г.
НС 14055. Бумага типографская № 3.
Формат 84×108/32. Уч.-изд. л. 17,5. Усл. печ. л. 17,8.
Тираж 15 000. Заказ 619. Цена 66 коп.

Средне-Уральское книжное издательство,
Свердловск, Малышева, 24.
Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.

Средне-Уральское
книжное
издательство

СВЕРДЛОВСК • 1969

66 КОП.

И. Давыдов

Я вернусь через 1000 лет